

U $\frac{76}{826}$

2007055499

113
ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ

О

ХРОНОГРАФЪ

И

ОПИСАНІЕ НѢКОТОРЫХЪ СПИСКОВЪ ИХЪ,

ХРАНЯЩИХСЯ

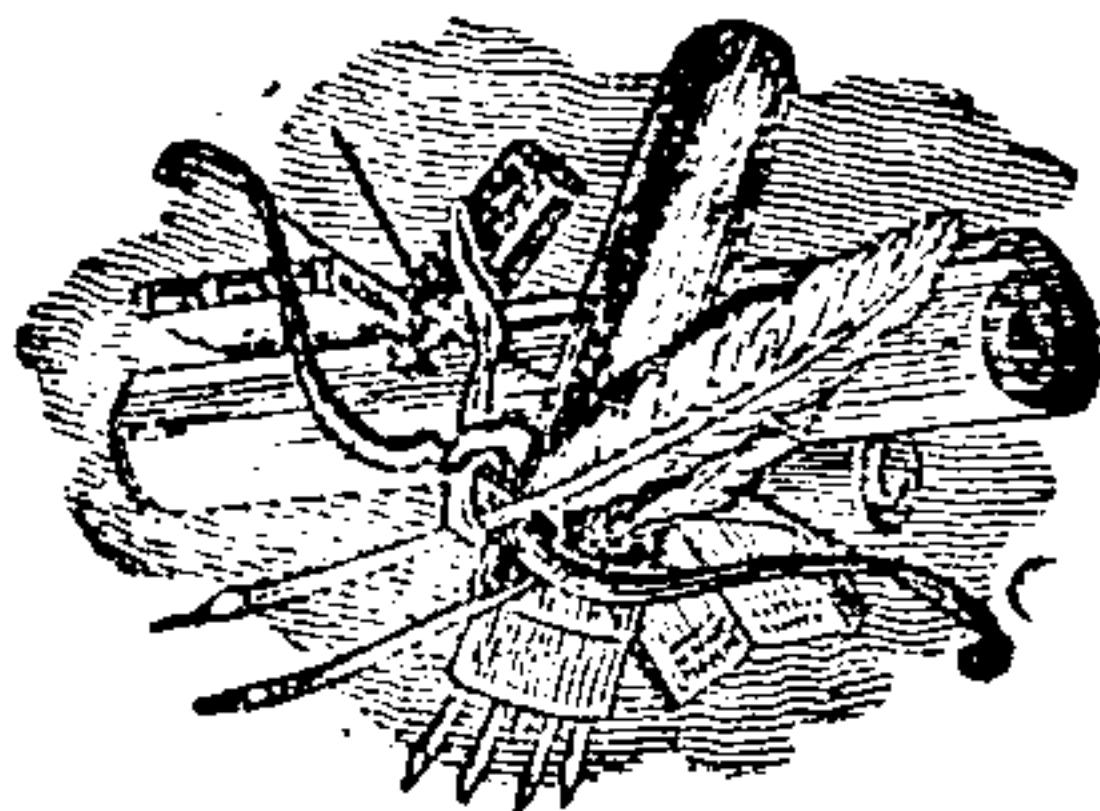
ВЪ БИБЛИОТЕКАХЪ С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПРОПЕДЕВТИКИ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

СОСТАВЛЯЕМОЙ

Ординарнымъ Профессоромъ Казанскаго Университета

Николаемъ Ивановымъ.

КАЗАНЬ

Печатано въ Университетской Типографіи.

1843.

Перепечатано изъ 2-й книжки Ученыхъ Записокъ на 1845 годъ.

9-3071-44

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ

И

МОСКОВСКОМУ ОБЩЕСТВУ

ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХЪ,

ВЪ ЗАКЪ ЖИВѢЙШЕЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ,

посвящаетъ Сочинитель.

Кто хотя нѣсколько знакомъ съ источниками Русскаго дѣписанія, тотъ, конечно, согласится со мною, если я скажу, что Хронографы принадлежатъ у насъ къ числу замѣчательныхъ памятниковъ древней исторической письменности. Основательнѣйшій знатокъ отечественной старины, П. М. Строевъ, продолжительно и ревностно изучавшій литературныя ея произведенія, весьма справедливо далъ Хронографамъ названіе *курса Вселірной Исторіи нашихъ предковъ*. Византійское происхожденіе ихъ неоспоримо; но какой именно писатель служилъ имъ основаніемъ, — это рѣшить невозможно, даже послѣ самыхъ усердныхъ разысканій Шлёцера.

По изслѣдованіямъ почтеннаго Археографа, они раздѣляются на два разряда. *Первый* составляютъ тѣ, коиъ главный, или коренной списокъ переведенъ съ Эллинскаго языка на Ново-Греческій Монемвасійскимъ Митрополитомъ Дорошеемъ, а съ него на Славянскій въ 1665 году. Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ напечатать сей Хронографъ; уже сдѣланы были приготовленія къ тому, однакъ же это намѣреніе неприведено въ исполненіе. Ко *второму* относятся тѣ, коиъ родоначальникомъ списокъ неизвѣстнаго переводчика, имѣющій слѣдующее заглавіе: *Книга, глаголемая Грѣнографъ, яже суть отъ сотворенія, рекше начало писменомъ Царскихъ родовъ, отъ многихъ Лѣтописецъ: прежде отъ бытіи о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеевыхъ и отъ Іисуса Навина, и отъ Судей Іудейскихъ и отъ четырехъ Царствъ, также и о Ассирійскихъ Царяхъ, и о Македоніи, и о Римскихъ Царяхъ, Еллинъ же и благочестивыхъ, и отъ Русскихъ Лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ.* Допуская, что и сей списокъ переводный, съ Греческаго, или Латинскаго языка, присовокупляя также, что въ иныхъ Временникахъ упоминается о предложеніи, въ началѣ XVI вѣка, съ Латинскаго на Славянскій, Лѣтописи Исидора, Епископа Гиспаленскаго, и что, *можетъ быть*, списокъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть именно этотъ переводъ, П. М. Строевъ замѣчаетъ: «не видавъ Исидорова подлинника, не лзя утверждать сего рѣшительно». Онъ указываетъ еще, что въ Маттеевомъ каталогѣ Синодальной Библіотеки поименовано нѣсколько Греческихъ Хронографовъ, а потому надлежитъ справиться, нѣтъ ли между ними подлинника нашихъ пере-

водныхъ списковъ (*). Характеризуя Хронографы второго разряда, Г. Строевъ говоритъ: 1) что Славянскій переводчикъ размѣстилъ, по приличнымъ мѣстамъ, сокращенныя извѣстія о событіяхъ Сербскихъ, Болгарскихъ и Русскихъ, заимствовавъ ихъ изъ знакомыхъ ему Лѣтописей; 2) что многочисленные переписчики, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, оставляя сіи извѣстія въ настоящемъ ихъ видѣ, утучняли списки вставками отечественныхъ происшествій, болѣе современныхъ имъ, оттого иногда, въ непосредственномъ порядкѣ, встрѣчаются по два и по три разныхъ сказаній объ одномъ и томъ же предметѣ; 3) что прибавленія переводчика оканчиваются взятіемъ Царяграда Турками, а дополненія писцовъ продолжаются въ бόльшей части списковъ до половины XVI, въ нѣкоторыхъ до начала, въ другихъ до исхода XVII вѣка; 4) что ему попадались и такіе списки, въ коихъ повѣствованіе о Русскихъ дѣяніяхъ занимаетъ значительнѣйшую половину цѣлой книги, многія обстоятельства *разсказываются подробно, нежели въ Лѣтописяхъ*, иногда вставляются отдѣльныя историческія сочиненія, географическія статьи, вносятся дипломатическіе акты (наприм. Граматы Лжедимитрія) и т. п.; 5) что въ Никоновской Лѣтописи нѣсколько извѣстій взято изъ Хронографовъ сего разряда, и 6) что покойный Исторіографъ обязанъ имъ многими, совершенно новыми свѣденіями. — Уже Шлёцеръ, Карамзинъ и

(*) Внимательно пересмотрѣвъ все списки Византійскихъ Хронографовъ, находящіеся въ этой Библіотекѣ, могу утвердительно сказать, что ни одного изъ нихъ не лзя признать оригиналомъ, съ котораго сдѣланъ Славянскій переводъ.

другіе въздѣльватели нашего бытописанія признавали полезнымъ изданіе хотя одного Хронографа. Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ намѣревалось приступить къ тому еще въ 1815 году, получило одобреніе тогдашняго Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, и возложило сей трудъ на Г. Каченовскаго. Какія причины удержали его отъ исполненія этого плана, — неизвѣстно. Въ началѣ 1825 года, Г. Строевъ читалъ въ собраніи Общества разсужденіе о напечатаніи выписокъ изъ Хронографовъ по слѣдующему начертанію: 1) разсказъ о всемірныхъ событіяхъ, какъ чуждой нашей Исторіи, опустить, а показать только число главъ, надпись каждой изъ нихъ, начальныя и конечныя строки; 2) означить раздѣленіе Хронографовъ на два рода, опредѣлить степень достоинства каждаго изъ подлинниковъ, обстоятельно изслѣдовать время и языкъ переводовъ; 3) дополненія переводчика втораго Хронографа помѣстить отдѣльно; 4) сдѣлать сводъ, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣхъ Русскихъ сказаній, внесенныхъ въ Хронографы втораго разряда переписчиками ихъ, съ поименованіемъ источниковъ, откуда они заимствованы, съ отмѣткою новыхъ, или малоизвѣстныхъ фактовъ, и съ критическими примѣчаніями; 5) въ концѣ выставить азбучную роспись собственныхъ именъ и географическихъ названій, для удобства въ приискиваніи. Г. Строевъ вызывался принять на себя занятіе этимъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ въ рукахъ до 60 списковъ; но и сіе предположеніе не состоялось. Соглашаясь съ почтеннымъ Археографомъ о важности изданія прибавленій Русскихъ писцовъ, не могу убѣдиться, чтобъ и повѣствованія всемірно-

историческія, содержащіяся въ Хронографахъ, не были любопытны. Надлежитъ только сообразить: 1) что предки наши *единственно изъ нихъ* почерпали свои свѣденія о дѣянїяхъ рода человѣческаго, и 2) что переписчики порою присовокупляли собственныя сужденія о происшествїяхъ (*). Въ заключеніе, упомяну, что есть еще особый родъ сихъ остатковъ древняго дѣписанія, *Палеи*, коихъ самый старый списокъ относятъ къ 1370 году. — Въ Библіотекахъ Санкт-петербургскихъ и Московскихъ хранится весьма много экземпляровъ Хронографовъ. Опишу тѣ, которые удалось мнѣ видѣть.

I. Въ Археографической Коммиссіи.

1) *Синодальный*, харатейный. Имѣетъ нѣсколько приписей, свидѣтельствующихъ, что разныя части сего Сборника писаны не въ одно время. Въ началѣ означено, что онъ начатъ: «мѣсяца Мая въ 19 день, на память Святаго Мученика Патрікія». Въ концѣ: «Господи помози рабу своему *Кузмѣ*, написавшему книги сія рукою грѣшною. Аминь». Далѣе: «въ лѣто 6914, индикта 11, мѣсяца Мая въ 7 день, на память Святаго Отца Пахомья, въ Богохранимѣмъ градѣ *Коломнѣ*, при Благовѣрномъ Князѣ Великомъ Васильи, сынѣ

(*) Какое отношеніе имѣютъ Хронографы къ Лѣтописямъ? Въ концѣ сей статьи, попытаюсь предложить, въ видѣ дополненія къ ней, рѣшеніе этого чрезвычайно важнаго вопроса, съ которымъ, по моему мнѣнію, тѣсно соединено правильное понятіе о началѣ отечественнаго бытописанія.

Дмитрієвъ, внуцѣ Ивановѣ Даниловичѣ, *окончаны* быша книги сія, мѣсяца Ноября, на память Святыхъ Безмездныхъ Кузмы и Дамьяна. И спаси, и помилуй (Господи) раба своего *Варсонофья*, создавшаго книги сія молитвами Святыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ». Обилуетъ весьма грубыми географическими ошибками. Аѳины названы островомъ.

2) *Румянцовскій*, на бумагѣ. Начальныхъ листовъ недостаетъ. На переплетѣ выставленъ 1494 годъ. Г. Строевъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду этотъ списокъ, утверждая, что къ сему году принадлежитъ древнѣйшій изъ множества экземпляровъ Хронографовъ. Послѣ повѣствованія объ Іезекіи, начинается Римская Исторія сказаніемъ о Ромулѣ и Ремѣ. Объ другихъ Царяхъ ни слова; упоминается только, что, по сверженіи *Тракунія*, строиша Римъ *Упати* до Царя *Нула*. О немъ говорится, что *убіенъ бысть отъ бояръ своихъ*. Тиверіи похваляется за то, что, услышавъ о Воскресеніи Іисуса Христа, *спрова Господеви*, хотѣлъ признать его Богомъ, но *возбраненъ бысть своими вельможами*, губилъ гонителей Христіанъ, низвергъ Ирода. Событія Императорскаго періода не описываются; повѣствуется лишь, когда пострадалъ кто нибудь изъ мучениковъ, въ какомъ положеніи находилась Церковь, что дѣлали Апостолы; наприм., при *Гаіи* Св. Матѳеи написалъ Евангеліе, при Клавдіи — Маркъ, черезъ пять лѣтъ послѣ того — Лука, при Неронѣ преставилась Пресвятая Богородица. «*Сей же Неронъ зъло блуденъ, яко никто же ни*». Разказавъ нѣкоторыя происшествія Восточ-

ной Имперіи, повѣствователь заводитъ рѣчь о *Божитѣ*, называетъ его «*Срачинскимъ Начальникомъ и лживымъ Пророкомъ*», утверждаетъ, что онъ, познакомившись съ Христіанами и Евреями въ Палестинѣ, *ловяще отъ нихъ писаніа*. Современнѣе царствованію Императора Михаила говорится о крещеніи Болгарской земли, о предложеніи священныхъ книгъ съ Греческаго языка на Славянскій. Замѣчательно слѣдующее мѣсто: «грамота Руская никимъ же явлена, но токмо самимъ Богомъ Вседержителемъ». Далѣе повѣствуется, что сія грамота явилась въ Корсуни «нѣкому Русину, отъ него же научися Философъ Константинъ». Этотъ Русинъ «бысть благовѣренъ постомъ и добродѣтелію, въ чтеніи и вѣрѣ едины уединився, и тѣ едины отъ Рускаго языка явися прежде крестіанъ, невѣдомъ никимъ же, откуда есть бысть. Той же бысть во дни Михаила Царя». Вотъ находка для Г. Мацеевскаго: «еще посланъ бысть Константинъ въ Мораву Михаиломъ Царемъ, Моравскому Князю просившию Философа, и тамо шедъ, научи Мораву, и *Ляхи*, и Чехи, и прочая языки, и вѣру православную утверди въ нихъ, и книги написа имъ Рускимъ гласомъ и добре научивъ... Потомъ, многымъ лѣтомъ минувшимъ, придоша вои Латинскіи въ Мораву, и въ Чехи, и въ *Ляхи*, разрушиша вѣру православную и Рускую грамоту отвергоша, и Латинскую грамоту и вѣру поставиша». Близко къ концу приписъ: «въ

лѣто *ЗВ. индикта ВІ, написана быша сія книги въ градѣ Богомъ спасаемомъ *со Искѣвъ*, при Великомъ Князи Царѣ всея Руси *Иванъ Васильевичъ*, и при Князи Великомъ внуцѣ

его Дмитрія Ивановичѣ, и при всеосвященномъ Митрополитѣ всеа Руси Изосимѣ, и при всеосвященномъ Архіепископѣ великаго Новагорода и Пскова владыцѣ Геннадіи, и при Князи Псковскомъ Васильи Феодоровичѣ, и при Посадникѣ Псковскомъ степенномъ Яковѣ Афанасьевичѣ и Леонтіи Тимофѣевичѣ. Списахъ себѣ на утѣшеніе многогрѣшному *Самуилу діаку съ Дубкоса*, на послушаніе боголюбивымъ Христіаномъ. И кто по нихъ начнетъ чести, дай ему Господи милость свою, и молитву дедню, и отню, и матерню и проч. И скончаны быша книги сія мѣсяца Апрѣля

Ді на память пже во святыхъ Отца нашего Исповѣдника • *Мартина, Папы Римскаго*. Окончанія недостаетъ.

3) *Толстовскій*, полууставный, на бумагѣ. По листамъ перемѣчено, что принадлежалъ Князю Димитрію Михайловичу Голицыну. Выставленъ № 442 Отд. I. Идетъ до Султана *Мурата*, сына *Ахметова*. Говорится, что «*Муратъ даже доднесь есть Царь. . . . И азъ здѣ творю конецъ*».

4) *Публичной Библіотеки*, которой принесенъ въ даръ Г. Марковичемъ, 14 Марта 1816 года. Скорописный, на бумагѣ. Во вступленіи, Архіепископъ Пахомій рассказываетъ, что онъ, для собственной нужды, вознамѣрился составить *Лѣтописникъ вкратцѣ, отъ сотворенія міра и до сего дне*. Это пишетъ онъ къ Іеромонаху Мисаилу, коему говоритъ также, что, начавши свой трудъ въ 1649 году, и занимаясь имъ каждодневно, окончилъ его въ теченіе года. Полагаютъ,

что сей Пахомій былъ пятый Архієпископъ Астраханскій, скончавшійся 1655 г. отъ мороваго повѣтрія. Послѣ повѣствованія о взятіи Царяграда Турками, помѣщенъ: *Лѣтописникъ вкратцѣ о Руской земли*. Отъ сотворенія міра продолжается до Царя Алексѣя Михайловича. Замѣчательно показаніе, что Новгородъ построенъ въ 3113 г. отъ міроздація.

5) *Публичной Библіотеки*, подаренный покойнымъ А. И. Оленинымъ, 20 Генваря 1814 года. Полууставный, на бумагѣ. Заглавіе: *«Книга Грапографъ сирѣчь Лѣтописецъ Ветхаго и Новаго Завета»*. Идетъ до завоеванія Константинополя. Русскія же событія доведены до 1630 г.; съ Іоанна III подробнѣе. Въ доказательство, что нынѣшніе толки о Славянисмѣ Руссовъ запоздали новостію, выписываю: *«Русь збо и Словяне обое единъ есть родъ»*. И Кумане причислены также къ Славянамъ; всё наше! . . . Аскольдъ и Диръ названы племянниками Кія. Говорится, что они угнетали Новгородцевъ, которые, по этой причинѣ, рѣшились призвать Варяжскихъ Князей. Прибыли три брата, отъ колѣна Августа, Кесаря Римскаго. Аскольдъ и Диръ крестились.

6) *Публичной Библіотеки*, куда поступилъ, какъ значится на первомъ листѣ, *ex Musaeo Petri Dubrowsky*. На бумагѣ, сначала скорописью, потомъ уставомъ. Продолжается до взятія Царяграда Турками. Русскія происшествія, дотолѣ перемѣшанные съ Византійскими, идутъ далѣе. Любопытно сказаніе о рожденіи и житіи Святаго Констан-

тина Философа и о переводѣ Церковныхъ Книгъ. Введены эпизоды объ Албаніи и Сербіи. Происхожденіе Хвалиссовъ и Болгаръ объясняется слѣдующимъ образомъ: «они суть отъ дщерю Лотову, иже зачата отъ отца своего». Казанскіе Татары называются бѣглецами *отъ Крѣмскаго Царя*; построение Казани относится ко времени Василія Темнаго. О Гришкѣ Отрепьевѣ говорится, что онъ «бысть отъ поселянскихъ жителей Галичскія страны служивыхъ людей боярской». Пространно повѣствуется о Стенькѣ Разинѣ. Присовокуплена *вѣдомость про Китайскую землю*.

7) *Синодальный*, на бумагѣ. Русскія событія начинаются походомъ Аскольда и Дира на Константинополь. Замѣчательно слѣдующее мѣсто: «въ лѣто [—] *С.* [—] *Ф.* [—] *КН* нача Ярославъ дѣл[—]ити во емѣ своимъ куны а Новгородчомъ по [—] *Г* гривень всѣмъ, и отпусти я, и давъ правду имъ, и уставъ списавъ, глаголющи, по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, тако держите». Оканчивается временемъ Іоанна III.

8) *Румянцовскій*, на бумагѣ, безъ начала и конца. Русскихъ происшествій нѣтъ. Этотъ Хронографъ Георгія Гамартола, по переводу Сербскому XV вѣка.

9) *Супрасльскій*, полууставный, на бумагѣ. Особенностей нѣтъ.

10) *Публичной Библіотеки*, на бумагѣ, полууставный. Внизу листовъ помѣчено: «сія книга Боярина Князя Бориса Ивановича Прозоровскаго». Видно вліяніе Кіевской Академіи. Неоконченъ.

11) *Публичной Библіотеки*, скорописный, на бумагѣ. Русскія событія восходятъ до Царя Михаила Ѳеодоровича. Присовокупленъ: «Лѣтописецъ старыхъ лѣтъ, что учинилося въ Московскомъ Государствѣ и во всей Россійской землѣ». Болѣе о Вяткѣ. Доведенъ до Петра II.

12) *Синодальный*, на бумагѣ, скорописный. Отечественныя происшествія идутъ до Царя Алексѣя Михайловича. Въ заключеніе, родословіе Русскихъ Государей; неокончено.

13) *Публичной Библіотеки*, подаренный Бороздинымъ, 10 Февраля 1818 года. На бумагѣ. Внизу первыхъ листовъ помѣтка: «сія книга Гранографъ Андрея Остафьева. Подписалъ я Остафьевъ». До Алексѣя Михайловича.

14) *Публичной Библіотеки*, на бумагѣ. Означено: «изъ собранія Петра Фролова, 1815 года». Оканчивается началомъ царствованія Михаила Ѳеодоровича. Послѣднихъ листовъ недостаетъ.

15) *Толстовскій*. Выставленъ № 198 Отд. I. Скорописный, на бумагѣ, принадлежитъ XVIII столѣтію. Содержитъ въ себѣ разныя статьи. Съ л. 6 по 255 Хронографъ,

въ коемъ весьма мало Русскихъ событій. Съ л. 272: *отъ лѣтописца вкратцѣ о Велицей Россіи и о благочестивыхъ Государьхъ тоя земли*. Это историческія выписки, оканчивающіяся 1637 годомъ, т. е. взятіемъ Азова Казаками. Замѣчательны слова: «Ярославъ же, по убіеніи Святополковѣ, отпусти Новгородцевъ, давъ имъ правду и уставъ списавъ, рекъ, по сей грамотѣ ходите, якоже списавъ вамъ, и тако держите. По тѣмъ бо грамотамъ Новгородцы Ярославимъ начаша быти и впредь».

16) *Синодальный*. На бумагѣ, скорописный. Оканчивается Флорентійскимъ Соборомъ. Русскихъ событій нѣтъ.

17) *Публичной Библіотеки*. Выставленъ № 814. На первомъ листѣ помѣтка: *ex Musaeo Petri Dubrowsky*. Далѣе: «Сія книга Грамографъ Столѣника Ивана Никитина Глѣбова». Уставный, на бумагѣ. Присовокупленъ: *Лѣтописцихъ вкратцѣ о Русской землѣ*. Разсказывается, что «о смерти Гостомысла, послаша всею Рускою землею послы своя въ Прускую землю. Они же шедше, обрѣтоша тамо Курѣустра, или Князя великаго, именемъ Рюрика, рода суща Августова». Рюрикъ пришелъ въ Новгородъ. *На слѣдующій уже годъ все Славяне избрали его Княземъ*. — Говорится, что еще Олегъ построилъ Москву. — Борисъ отравилъ Θεодора, поэтому сей Государь называется святымъ Страстотерцемъ. — Идетъ до начала царствованія Алексѣя Михайловича.

18) *Публичной Библіотеки*, куда поступилъ тоже отъ Дубровскаго. Означенъ № 813. На бумагѣ, скорописный.

Русскія событія въ связи съ Византійскими. Подробно о Св. Владимірѣ.

19) *Пушкинскій*. Начинается Исторіею Италіи. За симъ Восточная Имперія. Вставлена Несторова Лѣтопись, по пере-мѣшана съ Византійскими происшествіями. Конецъ состоитъ изъ отрывковъ.

20) *Карамзинскій*, на бумагѣ, скорописный. На переплетѣ помѣтка: «Книга Опричника Еремѣя Царя Ивана Васильевича». Оканчивается временемъ Михаила Оеодоровича.

Кромѣ списковъ, здѣсь поименованныхъ, весьма значительное число ихъ находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда они поступили отъ Графа Ѳ. А. Толстаго.

II. Въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

1) *Списокъ XVI вѣка*, на бумагѣ, въ листъ, полууставомъ. Русскія событія разсказаны вмѣстѣ съ Византійскими. Восходитъ до Іоанна III. Заслуживаетъ вниманіе своею исправностью.

2) *Списокъ XVII столѣтія*, оканчивающійся Деулинскимъ миромъ. Поступилъ отъ Артемія Волинскаго. На бумагѣ, въ листъ, четкою скорописью. О Тушинскомъ ворѣ сказано, что онъ назывался Матюшка Веревкинъ, былъ сынъ попа, отъ Сѣверскихъ градовъ.

III. Въ Библіотекѣ М. II. Погодина.

1) *Списокъ XVII вѣка*, на бумагѣ, въ листъ, скорописный. Начального листа недостаетъ. Пространное оглавление статей. Происшествія всемірно-историческія весьма полны; Русскія событія перемѣшаны съ Византійскими и оканчиваются пожаромъ Москвы, при Іоаннѣ Грозномъ. Между прочимъ, говорится, что *Русь*, *Словене* и другія племена (до Рюрика) отправляли пословъ къ Варягамъ; *Кумане*, жившіе въ Евкеинополѣ, суть *Руссы*; *Василій Македонянинъ* сотвори мирное устроение съ *Аскольдомъ* и *Диромъ*. Послѣ разсказа о взятіи Царьграда, присовокуплено, что *Турки* покорили всѣ царства, а земля *Русская* растеть и младаеть. Вигіевато заключеніе: «*Достоитъ же убо здѣ корабль разума управити къ пристанищу безмолвія и словесъ весла свѣсити*». Прибавлены: 1) *Русскій Лѣтописецъ*, доведенный до времени Іоанна Грознаго (въ немъ договоры *Олега* и *Ігоря* названы *рядными грамотами*; много о *Новгородѣ*, нашествіи *Татаръ* и разореніи *Москвы Тохтамышемъ*; поученіе *Кипріяново* *Василію Димитріевичу*); 2) рукописаніе *Великаго Князя Всеволода*; 3) посланіе къ *Іоанну Васильевичу*; 4) о *Грузіи*, и 5) генеалогія *Литовскихъ Князей*, въ доказательство ихъ родства съ *Русскими* (происходятъ отъ *Владимира Великаго*). — Изъ повѣствованія о внезапномъ нападеніи *Тохтамыша* видно, что *Русскіе* имѣли постоянныхъ лазутчиковъ, извѣщавшихъ ихъ о движеніяхъ въ *Ордѣ*: «*суть доброты на предѣлахъ Ордынскихъ на то*

устроени, поборници суще земли Русскія». Этотъ экземпляръ пріобрѣтенъ отъ П. М. Строева.

2) *Списокъ XVI столѣтія, на бумагѣ, въ листъ, полууставомъ. До взятія Царьграда Турками. Поступилъ отъ П. М. Строева.*

3) *Списокъ XVII вѣка, на бумагѣ, въ листъ, крупною скорописью, въ двухъ книгахъ. Оканчивается 1620 годомъ. Прибавленія: 1) о построеніи Москвы; 2) о принесеніи въ Москву Ризы Господней; 3) о взятіи Азова Донскими Казаками; 4) о началѣ Царства Казанскаго; 5) о шествіи Іоанна Грознаго подъ Казань; 6) о страданіи Михаила Черниговскаго; 7) росписъ Новгородскимъ Владыкамъ; 8) житіе Св. Митрополита Филиппа, и 9) о событіяхъ со времени Θεодора Іоанновича (убіеніе Царевича Димитрія, правленіе Василія Іоанновича Шуйскаго, осада Троицкой Лавры, избраніе Михаила Θεодоровича на царство). — О созданіи Москвы повѣствуется: Даніилъ Александровичъ, въ 14 колѣнѣ отъ Рюрика, изъ Новгорода пришелъ въ Суздаль. Здѣсь родился ему сынъ Георгій, во имя коего онъ соорудилъ Юрьевъ Польскій. Даніилъ Александровичъ долго искалъ мѣста, гдѣ бы создать престольный градъ для своего Великокняженія. Взялъ съ собою нѣкоего Грека, именемъ Василія, мужа мудраго, вѣдавшаго будущее. Съ нимъ заѣхалъ онъ въ лѣсистую сторону, нашелъ тамъ островъ, имѣвшій большое и глубокое болото. Посреди его Даніилъ увидѣлъ огромнаго, чуднаго звѣря, испещреннаго различными цвѣтами, и спро-*

силъ Грека , что значитъ это? Василій отвѣчалъ: Князь , на семъ мѣстѣ надлежитъ построить великій городъ ; онъ распространитъ власть свою въ три конца вселенной (у звѣря были три головы) , и населеніе его скоро умножится. На болотѣ возвышался островокъ , на которомъ стояла хижина пустынника Букала. Въ послѣдствіи , ее замѣнилъ царскій дворецъ. Отправившись далѣе , Даніилъ , черезъ 4 дня , достигъ горъ и узрѣлъ жилище Подона Римлянина. Тутъ Князь выстроилъ себѣ домъ. По прошествіи 6 лѣтъ , на мѣстѣ Букалова убѣжища , Даніилъ Александровичъ заложилъ городъ Москву. Спустя нѣсколько времени , прибылъ Греческій Епископъ Варлаамъ , принесшій съ собою чудотворныя мощи. — О Ризѣ Господней разсказывается , что Шахъ Аббасъ вывезъ ее изъ Грузіи ; многіе Христіанскіе Государи просили у него эту святыню , но онъ отказалъ имъ , а прислалъ въ даръ Михаилу Ѳеодоровичу , въ драгоценномъ золотомъ ковчегѣ. Царь и духовенство *пытали* сію Ризу , въ ожиданіи чудесъ , и она явила ихъ надъ недужными. — Этотъ экземпляръ принадлежалъ прежде Г. Строеву.

4) *Списокъ XVIII столтія*, на бумагѣ, въ листъ, полууставомъ. Изъ Строевскихъ. Идетъ до царствованія Михаила Ѳеодоровича. Любопытны свѣденія о времени Самозванцевъ. Между прибавленіями замѣчательны: сказаніе объ открытіи Америки Христофоромъ Колумбосомъ , хожденіе Трифона Коробейникова къ Святымъ Мѣстамъ , осада Казани.

5) *Списокъ XVIII вѣка* , на бумагѣ , въ листъ , скорописный. Оканчивается первыми годами правленія Михаила

Оеодоровича. Подробна жизнь Князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Говорится, что его отравила кума Марія Скуратова, дочь Малюты, жена Князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, на крестинахъ у Князя Ивана Михайловича Воротынскаго.

6) *Списокъ XVII столѣтїа*, на бумагѣ, въ листъ, разными почерками. Имѣетъ нѣсколько перерывовъ. Восходитъ до Алексѣя Михайловича. Весьма обстоятельно изложены происшествїя съ кончины Оеодора Иоанновича.

IV. *Въ Библіотекѣ И. Е. Царскаго.*

1) *Палел*, на бумагѣ, въ листъ, полууставомъ, исхода XV вѣка. Написана діакономъ Иларіономъ, въ Спасо - Ярославскомъ Монастырѣ. Краткій обзоръ всемірно-историческихъ событїй.

2) *Хронографъ*, XVII столѣтїа, на бумагѣ, въ листъ, крупною скорописью. Русскїя происшествїя идутъ до 1630 года. Въ концѣ снова о событїяхъ по смерти Иоанна Грознаго; но разсказъ прекращается вступленїемъ Лжедмитрія въ Москву. Отмѣчу нѣкоторыя частности. Тѣ же похвалы Царю Иоанну IV и Оеодору Иоанновичу, какія въ Лѣтописи Св. Дмитрія Ростовскаго. Оеодоръ благословилъ на царство брата своего по матери Оеодора Никитича Романова, однакожъ Борисъ устранилъ его. О Годуновѣ говорится, что онъ создалъ церкви и обители, ненавидѣлъ мздоиманїя,

корчемства, хотя и не успѣлъ искоренить ихъ, былъ не-
искусенъ на войнѣ, естествомъ свѣтлодушенъ, нравомъ
милостивъ, нищелюбивъ, подобно финиксу цвѣлъ добродѣте-
лями; впрочемъ, терніе зависти помрачило въ немъ всѣ
хорошія качества, поэтому довѣрчиво слушалъ клеветниковъ.
О Гришкѣ Отрепьевѣ: происходилъ *«отъ поселянскихъ жите-
лей Галицкія земли, служивыхъ людей сынъ боярской»*; рече-
ніемъ многословесенъ, книжному прочтанію борзозрителенъ,
но не на благо; нравомъ лукавъ и скверноуменъ; естествомъ
плоти зѣло незраченъ и скудоростенъ; сердцемъ лютъ,
свирѣподушенъ, исполненъ всякаго пронырства». Уподобляется
Юліану Отступнику. О Ѳеодорѣ Борисовичѣ: молодъ лѣтами,
а разумомъ превзошелъ многихъ, *бѣ бо зѣло изученъ пре-
мудрости и всякаго философскаго естественнословія* наказанъ.
Его удавили; о немъ же мнози отъ народа тайно въ сердцахъ
своихъ возрыдаша. Послѣ Ростриги появился Петрушка гош-
чаръ, Звѣнигороденъ, казацкій товарищъ, и выдавалъ себя
за небывалаго сына Іоанна Іоанновича, называя Гришку
Отрепьева своимъ дядею. О Патріархѣ Гермогенѣ: нравомъ
грубъ, строгъ въ запрещеніяхъ, непроницателенъ, слухо-
вѣрствователенъ, стропотно бесѣдовалъ съ Василиемъ Іоан-
новичемъ Шуйскимъ. О Мининѣ: родомъ не славенъ, но
смысломъ мудръ; былъ, по выбору, начальникомъ судныхъ
дѣлъ посадскихъ людей; поболѣлъ Зоровавельскою душою
о бѣдствіяхъ Москвы; сравнивается съ Гедеономъ. — Под-
робны извѣстія о пожарахъ Московскихъ при Михаилѣ
Ѳеодоровичѣ.

3) *Списокъ XVII вѣка*, на бумагѣ, въ листъ, крупною скорописью. Русскія событія восходятъ до 1619 года. Писанъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, какъ видно изъ повѣствованія объ избраніи его на царство. — Борису Годунову вздаются похвалы: былъ милостивъ къ нищимъ, строгъ къ злымъ, заботился о благочестіи, вникалъ въ нужды государственныя. Яркими красками изображены бѣдствія народа во время голода, свирѣпствовавшаго въ правленіе сего Государя. — Илюшка Горчаковъ назвался Петромъ, сыномъ Ѳеодора Іоанновича. Съ нимъ соединился Иванъ Болотниковъ. — Истома Папковъ, вмѣстѣ съ казаками, разбойничалъ при Василѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ. — Ужасныя преступленія совершены клеветами Тушинскаго вора: рабы нещадно мучили господъ; Поляки злодѣйски ругались надъ святынею — кидали иконы подъ постели, оскверненныя блудомъ, играли на нихъ въ зернь, кололи ихъ на дрова, ѣли и пили изъ церковныхъ сосудовъ, а воздухами и пеленами покрывали коней. — О смерти Скопина — Шуйскаго сказано кратко, что она послѣдовала внезапно; но причина ея необъявлена. — Отзывъ о Гермогенѣ такой же, какъ и въ предшествующемъ спискѣ. — Мининъ находился въ Низовской рати для сбора земской казны. — Князь Пожарскій выставленъ перъщительнымъ и честолюбивымъ. *Презрѣвъ писаніе Лавры о голодѣ въ войскѣ Князя Трубецкаго и опасностяхъ отъ Хоткѣвича*, онъ медлилъ въ Ярославлѣ, *илюкихъ ради междоусобныхъ, смутныхъ словесъ*. Авраамій Палицынъ самъ отправился къ нему и *подвигнулъ* идти въ Москву. Достигнувъ Троицкой Сергіевой обители, Пожарскій остановился,

хотѣлъ ограничиться только обороною ея, а отъ похода къ столицѣ уклонялся, боясь участи Ляпунова. Аврааміи опять явился поборникомъ бѣдствующей земли Русской, и уговорилъ колеблющагося вождя сѣсть на освобожденіе преименитаго града. —

Примѣчаніе. Библіотека И. И. Царскаго имѣетъ еще три Хронографа, XVII столѣтія, на бумагѣ, въ листъ, скорописные. Одинъ простирается до 1611, другой—до 1613, третій — до 1620 года. Сходны между собою.

Выше коснулся я вопроса: въ какомъ отношеніи находятся Хронографы къ Лѣтописямъ? Съ нимъ, какъ уже замѣчено мною, весьма тѣсно соединено правильное понятіе о началѣ Русскаго бытописанія. Предложу сперва мнѣнія другихъ, потомъ представлю свое собственное сужденіе объ этомъ важномъ предметѣ.

Съ той поры, когда и у насъ почувствовали необходимость критическаго обработыванія Отечественной Исторіи, само собою разумѣется, что источники ея не могли остаться безъ изслѣдованія. Не смотря на то, что *первый Профессоръ* историческихъ наукъ въ С. Петербургской Академіи и *первый критикъ* нашей старины, *Байеръ*, при свѣденіяхъ въ восточныхъ языкахъ, вовсе не зналъ языка Русскаго, основательное знакомство съ *Византійскими* писателями открыло

проницательному его уму, какихъ богатыхъ пособій для уясненія древней Исторіи Россіи надлежитъ ожидать намъ отъ тщательнаго изученія ихъ. Несправедливо было бы думать, будто до него на Руси *и не слыхали* объ Византійцахъ, какъ утверждаетъ Г. Федотовъ (въ сочиненіи: о главнѣйшихъ трудахъ по части критической Русской Исторіи, стр. 15). Такой отзывъ достаточно опровергается памятниками нашего стариннаго дѣписанія. Заимствуя очень многое исключительно у Византійцевъ и постоянно имѣя ихъ своими образцами, отечественные бытописатели, безъ сомнѣнія, понимали, кѣмъ они руководствуются. Да и возможно ли предположить, чтобы въ тотъ періодъ, когда народное просвѣщеніе вполнѣ подчинялось сильному, во всѣхъ отношеніяхъ преобладавшему вліянію Византіи, ея историческая Литература не была извѣстна нашимъ предкамъ, любившимъ *слова книжная* и прилѣжавшимъ *почитанію* ихъ? Ниже разсмотрю это обстоятельнѣе; а здѣсь только скажу, что самъ Байеръ, усердно воспользовавшись Греками, Римлянами, Хронистами Среднихъ Вѣковъ и Сагами, *но не изучивъ Русскихъ Лѣтописей*, и не подозрѣвалъ, въ какой близкой связи состоятъ онѣ съ Византійскими Временниками. Кстати напомнимъ, что понынѣ мы еще не дали себѣ удовлетворительнаго отчета въ дѣйствительной цѣнѣ заслугъ сего Ученаго. То правда, что онъ совершилъ *первый шагъ* на поприщѣ критическихъ разысканій относительно нашей древности; однакожъ, надобно рѣшить: вѣрный ли, прямой ли путь къ цѣли избралъ Байеръ? Не слишкомъ ли далеко уклонился знаменитый Академикъ, безспорно *einer der grössten Humanisten und Historiker seines*

Iahrhunderts (Schlözer's Nestor, I, 90), занявшись второ-
степенными задачами? Не увлекъ ли надолго и насъ своимъ
громкимъ авторитетомъ? Не съ его ли легкаго пріема мы
поднесъ, устраняя существенные вопросы, ограничиваемся
побочными? Затрудняюсь, какъ иначе назвать наши давніе
и пространные толки о Руссахъ. Произойдетъ ли когда
нибудь прочный, положительный результатъ изъ нескончае-
мыхъ прѣвій объ ихъ происхожденіи? Я не умаляю истин-
ныхъ достоинствъ Байера; не отрицаю ни глубокихъ его
познаній, ни поразительнаго остроумія, ни свѣтлаго взгляда,
ни счастливаго соображенія, ни искусства выводить заключенія
изъ самыхъ дробныхъ изслѣдованій; не отвергаю, что въ
его изысканіяхъ о Варягахъ, о первой Константинопольской
экспедиціи Руссовъ, о начальной ихъ родинѣ, о Географіи
древней Россіи и сосѣдственныхъ съ нею странъ, содержится
обильный запасъ открытій, весьма удачныхъ замѣчаній и
правдоподобныхъ домысловъ; признаю справедливымъ мнѣніе
Шлёцера, что мы обязаны ему многими новыми и значи-
тельными извѣстіями; согласенъ, что онъ впервые обратилъ
наше вниманіе на Лѣтописи и другія историческія сочиненія
народовъ, находившихся въ сношеніяхъ съ Россіею, и пред-
ставилъ примѣры, какъ должно пользоваться ими; вѣрю
Г. Френу, что Китайскій языкъ не безъ основанія былъ
предпочтительнымъ предметомъ трудолюбивой его дѣятель-
ности, ибо Китайскіе источники въ высокой степени важны
для Монгольскаго періода нашей Отечественної Исторіи; не
противорѣчу и приговору, что ученія его разсужденія писаны
прекраснымъ Латинскимъ слогомъ и служатъ *вѣчнымъ* укра-

шеніемъ Академическихъ Комментаріевъ (Schlözer, *ibid.*); прошу лишь доказать: 1) что Байеръ постигъ мудрое намѣреніе, обнаруженное Петромъ Великимъ въ указѣ 16 Февраля 1722 года, угадалъ насущныя потребности Русскаго дѣписанія и приступилъ именно къ тому, съ чего начинается *сознательное* воздѣлываніе Исторіи каждаго народа; 2) что онъ, пренебрегши наши Лѣтописи, не заплатилъ за это тяжкими промахами, и что Татищевъ безъ причины упрекалъ его въ грубыхъ погрѣшностяхъ, зависѣвшихъ преимущественно отъ недостатка свѣденій въ Русскомъ языкѣ, отъ односторонняго, ошибочнаго понятія о Русской старинѣ; 3) что предположенія, высказанныя славнымъ критикомъ касательно Скиѳовъ, оправдываютъ лестный, но притязательный титулъ преобразователя нашихъ знаній объ Европейскомъ Сѣверѣ, поднесенный ему Шлёцеромъ, и не заставляютъ пожалѣть, что разысканія о Скиѳии, вопреки его надеждамъ, не уничтоживъ прежнихъ, укоренившихся заблужденій относительно древней Географіи сѣверныхъ и восточныхъ земель Европы, не прекративъ хаотическаго смѣшенія обитавшихъ тамъ племенъ, не раскрывъ подлиннаго значенія сего пресловутаго названія, издавна смущавшаго изслѣдователей, умножили только господствовавшія недоумѣнія, единственно по непростительному равнодушію къ минувшимъ судьбамъ Славянъ и къ ихъ раннему, плодотворному участию въ событіяхъ всемірно-историческихъ (*); наконецъ 5) что

(*) Самъ Байеръ, при непоколебимой вѣрѣ въ непогрѣшность рѣшеній своего критическаго трибунала, чувствовалъ необходимость признаться

направленіе, предназначенное имъ критическимъ занятіямъ Русскою Исторіею, не отклонило насъ отъ главной цѣли, не повлекло къ отчужденію отъ національныхъ интересовъ, еще болѣе отъ духовнаго общенія съ соплеменниками, не поселило въ нашихъ умахъ робкаго недовѣрія къ собственнымъ силамъ и убѣжденія въ неизбежности посторонняго руководства, а чрезъ это не замедлило развитія въ насъ самостоятельныхъ идей о нашемъ прошедшемъ, объ элементахъ народной жизни, о нашей долѣ въ ряду прочихъ дѣятелей, — идей, которыхъ не лзя пріобрѣсти заимствованіями и которыя даются лишь несомнѣннымъ упованіемъ на свое сердце, на свою мысль, на свое правственное призваніе.

Покуда Байеръ истощалъ необыкновенно богатые средства, коими обладала его ученость, въ неутомимыхъ изслѣдо-

что вопросъ о загадочныхъ Скифахъ есть камень преткновенія для этнографическихъ изысканій. Въ семъ случаѣ непозволительно спорить съ нимъ, тѣмъ болѣе, что собственныя его изслѣдованія облечены замѣчательными доказательствами справедливости этого мнѣнія. Воздадимъ же должную благодарность Шаффарику, который не утратился частыхъ паденій своихъ предшественниковъ, ревностно взялся за спорный предметъ, неотразимо опровергъ ложныя толкованія пристрастныхъ критиковъ и предложилъ такіе выводы, о коихъ прежде, по закоснѣлымъ предубѣжденіямъ, и не помышляли. Впрочемъ, не скажу, чтобы послѣ первенствующаго нынѣ Славянскаго Ученаго уже нѣчего было дѣлать на семъ поприщѣ; превосходный опытъ Г. Надеждина возбуждалъ во мнѣ столько ожиданій, что я не могу утверждать это.

ваніяхъ о Скиѣхъ и Сарматахъ; Варягахъ и Чуди, покуда онъ усердно наводилъ справки въ Геродотъ и Исландскихъ Сагахъ, во Франкскихъ Хронистахъ и Византійскихъ Историкахъ, покуда сей дальновидящій критикъ изощрялъ свое остроуміе даже надъ такими задачами, которыя нимало не имѣютъ связи съ Русскою древностью, Татищевъ посвятилъ свои тридцатилѣтніе и неусыпные труды тому, что, будучи важнѣйшею, существенною необходимостію, долгое время укрывалось отъ вниманія какъ соотечественниковъ его, такъ и иностранцевъ. Безъ высшихъ взглядовъ, безъ взыскательнаго прагматизма, безъ помысловъ о всеобщихъ законахъ, по коимъ долженствуетъ развиваться гражданственность, безъ хлопотливыхъ попеченій о *сладкоречіи*, онъ, проникнутый любовію къ Русскому дѣписанію, воодушевленный глубокимъ уваженіемъ къ Петру Великому, пламенѣя желаніемъ предъ цѣлою Россіею *выразить Ему благодареніе*, и *радѣя о умноженіи чести народной*, не въ ученыхъ ссылкахъ на Грековъ и Римлянъ, но въ Русскомъ чувствѣ, въ Русскомъ умѣ, нашелъ живоносный источникъ тѣхъ благородныхъ побужденій, которыя неослабно поддерживали его среди дѣятельности продолжительной и, не подлежитъ сомнѣнію, чрезвычайно полезной. Прискорбно подумать, какимъ укоризнамъ отъ современниковъ и потомковъ несправедливо подвергался этотъ достопочтенный мужъ. Шлёцеръ, слишкомъ торопливый въ своихъ *критическихъ* отзывахъ на счетъ нашихъ писателей, назвалъ Татищева *истымъ Русскимъ Длугошемъ*, т. е., по собственному его толкованію, безстыднымъ вралемъ, обманщикомъ, сказочникомъ. Послѣ

сочинителя извѣстія о древнѣйшихъ Историкахъ Польскихъ, и въ особенности о Кадлубѣ, въ опроверженіе Шлёцера, излишне было бы повторять здѣсь, что знаменитый издатель Нестора, при весьма обширной начитанности, изумительной проницательности и безпримѣрномъ терпѣніи, тяжело хизнулъ закоренѣлымъ недугомъ пристрастія, не всегда помнилъ о своей задушевной *kleine Kritik*, довольно часто порицалъ наугадъ, порою — умышленно приводилъ ложныя цитаты. Это давно уже доказано, и только безотчетное предубѣжденіе доселѣ упорно отвергаетъ явныя улики. Но я не могу умолчать о его приговорѣ Татищеву, заслуживающемъ строгое осужденіе. Нелегко вообразить себѣ, съ какою опрометчивостью Гёттингенскій Профессоръ упрекаетъ просвѣщеннаго патріота, въ теченіе тридцати лѣтъ трудившагося для отечественной Исторіи безкорыстно и съ ревностію, неохлаждавшею даже отъ неодолимыхъ преградъ въ собираніи матеріаловъ, отъ гнусной клеветы относительно его благонамѣренности и отъ мелочныхъ гоненій, внушенныхъ завистью. Разсмотримъ пристальнѣе мнѣніе о немъ Шлёцера; что слово, то вопіющая неправда. «*Schon seit 1720 war er (Татищевъ), damals Schreiber, auf seine Landesgeschichte verfallen, studirte sie 20 Jahre lang mit unglaublichem Fleiss, und brachte so nach und nach, vier Folianten von Auszügen aus einer Menge von Codd. bis zum J. 1462, zusammen*». (Nestor, I, 92). Не съ 1720, а годомъ ранѣе Татищевъ началъ заниматься Русскимъ бытописаніемъ (Буткова, Оборона Лѣтописи Несторовой отъ навѣта скептиковъ, стр. 222); не писаремъ состоялъ онъ въ 1720 г., но Капитанъ — Поручикомъ Артиллеріи, и полу-

чилъ въ завѣдываніе Сибирскіе горные заводы, принадлежащія казнѣ (id. ibid.); не 20, а 30 л. продолжалъ свои добросовѣстные изысканія, съ 1719 по 1750, т. е. по самый годъ смерти; *mit unglaublichem Fleiss* — да, усердіе Татищева дѣйствительно покажется намъ невѣроятнымъ, если не забудемъ, сколько препятствій на каждомъ шагу встрѣчалъ тогда тотъ, кто пытался пріобрѣсти старинныя рукописи, хранившіяся въ крѣпкой тайнѣ, какъ значительнѣйшій государственный секретъ, слѣдовательно неумытному цѣнителю чужихъ подвиговъ не мѣшало бы, поудержавшись отъ хулы, почтить признательнымъ одобреніемъ труженика, который, не взирая на ограниченные способы, не страшась никакихъ препонъ, не смущаясь ничьими подозрѣніями, успѣлъ постоянствомъ и силою воли совершить несравненно болѣе, чѣмъ всѣ его предшественники, многіе изъ преемниковъ, не говорю о сверстникахъ; *aus einer Menge von Codd.* — надлежало бы присовокупить, что между сими списками были такіе, кои послѣ, къ сожалѣнію, невозвратно утрачены, и коихъ потеря понынѣ ощутительна для нашего дѣписанія (*); *bis zum J.*

(*) Татищевъ имѣлъ въ рукахъ списки: Раскольниковъ (до 1497 г.), Голицынский (оканчив. 1498 годомъ) и Иосифовскій (Ярославскаго Архимандрита Иосифа). Первый остался въ Сибири у своего хозяина; второй пропалъ 1757 г., когда Биронъ и его клеветы похитили лучшіе манускрипты изъ Библіотеки Князя Дмитрія Михайловича Голицына, при отобраніи въ казну имѣній этого вельможи, поднавшего въ то время опалѣ (†1758 г. въ Шлессельбургѣ; Графъ Толстой купилъ послѣ него около 200 рукописей); подлинникъ третьяго самимъ Татищевымъ подаренъ Лондонскому Ученому Обществу, а конія представлена въ С. Петербургскую Академію

1462 — неточно, потому что сводная Лѣтопись Татищева объяснена собственными его примѣчаніями только до 1238 года, остальное — сырой еще матеріалъ, но идетъ далѣе 1462 г., какъ видно изъ экземпляра, находящагося въ Библіотекѣ М. П. Погодина, который извѣщалъ объ этомъ въ Москвитянинѣ. *«Immer eine brauchbare Arbeit (jedoch den 1-sten Theil von Skythen und Sarmaten etc. ausgeschlossen)»*, говоритъ потомъ Шлѣцеръ, *«wenn gleich der Mann gar keine Studien hatte, kein Wort Latein, und nicht einmal eine neuere Sprache, ausser der deutschen, verstand»*. (ibid. I, 93). Почти тридцать лѣтъ, въ большомъ числѣ списковъ, по рукамъ

Наукъ, гдѣ давно потеряна. (Ист. Росс. I, 60 — 62, 64; Предъизвѣщеніе къ Правдѣ Рус., напеч. въ Продолж. древн. Рус. Вивл. II, 4; Бутковъ I. I. стр. 214—215). Скептики отрицаютъ существованіе сихъ списковъ, но безъ доказательствъ. Татищевъ зналъ и другіе, о которыхъ теперь нѣтъ даже слуха, наприм. списокъ, доведенный до 1584 года и бывший собственностью Артемія Волинскаго; у Еропкина — Полоцкій списокъ; у Хрущова — Смоленскій; въ Новгородѣ, у діакона Архіерейскаго дома, — Новгородскій (древній). Ср. Ист. Росс. I, 42, 58 — 60, 64; Бутковъ I. I. стр. 227. Нѣсколько Лѣтописей, неизвѣстныхъ никому, кромѣ владѣльца, истреблены пожаромъ въ Грибановѣ, селѣ Татищева (Стриттеръ, въ предисловіи къ И. Р. Г.). Спрашивается: отвергнуть ли свѣденія, почерпнутыя имъ изъ этихъ Временниковъ, какъ произвольныя его выдумки, или признать ихъ истинными? Миллеръ и Болтинъ, два очень важные авторитета, не сомнѣвались въ правдолюбіи сего заслуженнаго сановника, коему поручались довѣренныя должности (наприм. управленіе Астраханскимъ краемъ); Лербергъ отзывался о немъ съ похвалою; Г. Бутковъ защищалъ его весьма убѣдительно. Развѣ недовольно этого, чтобы напрасными поклепами не пятнать памяти мужа, неутомимо подвизавшагося на пользу Русской Исторіи?...

читателей изъ разныхъ классовъ народа, ходилъ примѣчательный трудъ Татищева, и тѣмъ неоспоримо доказалъ свою *годность*. Болтинъ, по приговору даже притязательнаго критика, великій знатокъ Русской Исторіи, исполненный остроумія, глубокихъ и многостороннихъ свѣденій, отдавалъ ему нелицепріятную справедливость, послѣдовалъ его указаніямъ, непрестанно ссылаясь на него, стало быть — *eine brauchbare Arbeit!* Миллеръ, коего слишкомъ полувѣковая, усердная дѣятельность на поприщѣ отечественнаго дѣписанія невольно возбуждаетъ удивленіе, по конецъ своей жизни питалъ чувства искренняго уваженія къ Татищеву, чтилъ его заслуги, предрекалъ имъ безсмертіе, называлъ ихъ общепользыми и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобъ *Исторія Россійская*, странствовавшая по свѣту въ жалкихъ копіяхъ, отягченныхъ вставками, прибавленіями, даже умысленными подлогами, появилась въ печати, и такъ — *immer eine brauchbare Arbeit!* А если сообразить, что имѣлось до Татищева, какъ обстояло все современно ему!.. Въ школахъ, постепенно распространявшихся въ XVII, преимущественно же въ началѣ XVIII столѣтія, преподаваніе Русской Исторіи съ каждымъ годомъ дѣлалось необходимымъ условіемъ образованія; но гдѣ руководства? Любовь къ сказаніямъ о былинахъ привлекательной старины никогда не угасала въ сердцахъ высшихъ, просвѣщеннѣйшихъ сословій; знаніе Священнаго Писанія и преданій отеческихъ издревле признавалось у насъ главнымъ основаніемъ воспитанія; но лѣтописные Сборники, содержащіе въ себѣ разнохарактерные отрывки, составлявшіеся изъ извѣстій, отсюду заимствован-

ныхъ наудачу и весьма часто безъ малѣйшей связи, не могли уже ни воодушевить сей благотворной любви, ни удовлетворить этого плодоноснаго знанія; другихъ пособій не существовало, и *Синописисъ* Архимандрита Гизеля, чреватый баснями, взятыми у Стрыйковского съ братіею, не даромъ оглашенный *чудовищнымъ* (Schlözer's Nestor, I, 88), въ теченіе слишкомъ 80 лѣтъ полновластно распоряжался здравымъ смысломъ, былъ и единственною учебною книгою, и исключительнымъ домашнимъ чтеніемъ. Упомянуть ли объ иноземныхъ писателяхъ нашей Исторіи, предшествовавшихъ Татищеву? Самъ Шлёцеръ, негодуя на нихъ за то, что пускались повѣствовать о Русскихъ происшествіяхъ безъ предварительнаго изученія языка и безъ надлежащаго знакомства съ источниками, утверждаетъ: «*unverzeihlich war's, dass sie schrieben*» (ibid., I, 90). Непростительно, потому что *Московскія* и *Россійскія* Исторіи, сочиненныя за границею въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, не сообщая ничего дѣльнаго, изумляютъ лишь пестрою смѣсью невѣжества, легкомыслія и грубой лжи. Спустя годъ послѣ того, какъ Татищевъ предался отечественному бытописанію, Гельмштедтскій Профессоръ Трейеръ напечаталъ *Einleitung zur Moskovitischen Historie*. Немудрено угадать, каково это *введеніе*, когда смѣлый Гёттингенскій критикъ удивлялся его отважности. Не имѣя понятія о нашихъ Лѣтописяхъ, Трейеръ съ слѣпою довѣренностью пользовался скудными замѣчаніями путешественниковъ, посѣщавшихъ Россію, или, какъ выражается Шлёцеръ, *ein Blinder liess sich von Blinden leiten* (ibid., I, 89). Любопытно посмотрѣть, чѣмъ тогда ознаменовала себя

С. Петербургская Академія Наукъ , въ которой находилось особое историческое отдѣленіе. Коль , разумѣвъ кое-что по Русски , издалъ , подобно Трейеру , *Introductio in historiam et rem litterariam Slavorum* ; но и сіе введеніе , будучи не лучше прежняго , нимаго не вело ни къ познанію нашей Исторіи и Литературы , ни къ разсѣянію густаго мрака , скрывавшаго отъ иностранцевъ минувшій судьбы нашего отечества. Что значать , къ чему приведутъ эти клочки , налетомъ схваченные тамъ-сямъ и на живую нитку сшитые зловѣщимъ *Introductio* , или *Einleitung* ? Не ими обогащается область вѣденія ; не они споспѣшествуютъ возниканію національныхъ воззрѣній на прошедшее ; не имъ и уничтожить вѣковые предрасудки ! Принятіе Байеромъ званія Академика не перемѣнило положенія дѣла. Знаменитый Лингвистъ , съ безпримѣрною ревностью трудившійся надъ Китайскою грамотой , не обратилъ вниманія на Русскій языкъ , не позаботился ни о Русскихъ Временникахъ , ни о прочихъ матеріалахъ Русскаго дѣписанія , удовольствовался только темными слухами о нихъ , порою перепавшими къ нему отъ безтолковыхъ переводчиковъ , пытливо разобралъ Эллиновъ , Римлянъ , Византійцевъ , Скандинавскія Саги и Франкскія Хроники , зорко отыскалъ отчизну Руссовъ , обстоятельно навѣдался о тождествѣ Кія съ Готскимъ владѣтелемъ Книвомъ , противникомъ Деціа , искусно размѣстилъ Финновъ по удобнымъ жительствовамъ , разглядѣлъ всю подноготную въ туманной Скиѣи и упустилъ лишь изъ виду невечернее свѣтило Русской Исторіи — *Нестора* ! Не спрашивайте ученаго Профессора Древностей , изъ какихъ стихій сложился нашъ бытъ обще-

ственный и домашній; какъ воспріалъ Христіанство въ свою почву, удобренную покорностью власти Князей, почетомъ къ мужамъ, убѣленнымъ сѣдинами, повиновениемъ старѣйшему въ родѣ, семейнымъ согласіемъ, нерушимымъ по крѣпости супружескаго союза и по взаимному уваженію, на которомъ онъ прочно утверждался, кроткими правами, привязанностью къ мирнымъ занятіямъ, такъ полно, такъ искренно выразившеюся въ задушевныхъ пѣсняхъ, понышѣ неразлучныхъ спутницахъ нашего трудолюбиваго простолюдья, и какіе произрастали плоды, согрѣтый жизненною теплою Православной Вѣры; чѣмъ соблюлось чудное внутреннее единство Руси въ ту пору, когда, подѣ вліяніемъ удѣльныхъ усобицъ, совершалось ея внѣшнее раздробленіе, какое значеніе въ Исторіи нашего отечества имѣетъ сей смутный періодъ, и въ какомъ отношеніи является не только важнымъ, но даже необходимымъ для его преуспѣянія на поприщѣ гражданственности, для повсемѣстнаго развитія частной самостоятельности *племенъ*, что бы послѣ перейти къ самостоятельности *народной*, къ стройной цѣлости *государственной*; какъ отпечатлѣлось на характерѣ предковъ нашихъ роковое Татарское иго, что сохранило коренныя ихъ свойства *неприкосновенными* и тогда, когда легло на нихъ тяжкое насиліе завоевателей; гдѣ зачалось возрожденіе гибнувшей Россіи, откуда ей, коснѣвшей во мглѣ рабства, возсіялъ отрадный лучъ освобожденія; какимъ образомъ Москва собрала разъединенную Русь, прекратила слабое существованіе разрозненныхъ Княжествъ, окриила подавленную національность, *вызволила* Восточную Россію и отъ постыднаго

ярма Ордынскаго, и отъ грозныхъ посягательствъ воинственной Литвы, завладѣвшей Сѣверозападомъ Русскимъ, сдѣлалась средоточіемъ *единодержавнаго, независимаго, могущественнаго Царства*; чьею неодолимою помощью спаслось оно въ печальную годину искушенія, когда, по прошествіи блестящихъ временъ Іоанновъ, среди обстоятельствъ, въ высшей степени благопріятствовавшихъ законодательнымъ преобразованіямъ, распространенію просвѣщенія, увеличенію политическаго вѣса нашего въ Европѣ и Азіи, внезапно разразилось надъ нами новое бѣдствіе, готовое опять поработить насъ чуждому владычеству, предать наше отечество, съ его нетлѣнною Святынею, съ неистощимыми вещественными и нравственными его средствами, съ его славою, стяжанною подвигами мудрыхъ Правителей, въ жалкую добычу Іезуитамъ, Ляхамъ и крамольной сволочи, безнаказанно злодѣйствовавшей при гибельномъ нестроеніи Государства, при немощныхъ мѣрахъ правосудія, при необузданномъ самоуправствѣ честолюбцевъ; какъ, по окончаніи этого испытательнаго перехода отъ стараго Владѣтельнаго Дома къ новому, *Богомъ избранный юный Царь* врачевалъ глубокія раны Русской земли, изъязвленной смятеніями *безгосударнаго* времени, утверждалъ единопутіе, водворялъ миръ, укрѣплялъ силу закона, ослабленную своеволіемъ, оживлялъ едва неизсохшіе прививки Европейской образованности, отстроивалъ опустошенные города, возобновлялъ разоренные храмы, способствовалъ успѣхамъ торговли и промышленности; какими дѣяніями достопамятнѣйшій изъ Царей древней Россіи, Алексѣй Михайловичъ, дальновидный въ политикѣ, благоразумный

по управленію, рѣшительный на войнѣ, возвратилъ отторгнутыя области, присоединилъ къ Москвѣ Бѣлоруссію и Малороссію, внушилъ сосѣднимъ державамъ уваженіе къ Русскому имени, какія прилагалъ старанія о законодательствѣ, объ организаціи войска, о просвѣщеніи подданныхъ, объ обширнѣйшемъ развитіи торговыхъ оборотовъ, объ усовершенствованіи художествъ и ремеслъ, что приготовилъ для прочности предстоявшихъ внѣшнихъ и внутреннихъ реформъ; какіе труды подъялъ Геніяльный Петръ, чтобы пересоздать Россію, почать свѣжій фазъ ея историческаго бытія, насадить въ ней сѣмена образованія ново-Европейскаго, возвысить ее на чреду первенствующихъ Государствъ, доставить ей весьма значительное участіе въ ходѣ дѣлъ нашей части свѣта, и покинуть потомству надежныя ручательства въ великой, свѣтлой будущности, въ томъ, что отечество наше, какіе бы ни случились съ нимъ перевороты, не сойдетъ съ завидной ступени, на которую онъ возвелъ его своими неимовѣрными попеченіями; — о всемъ этомъ, столь близкомъ вашему сердцу, такъ благотворномъ для уясненія народнаго самосознанія, столь поразительномъ и для сторонняго мыслящаго наблюдателя, не спрашивайте ученаго Байера: у него нѣтъ отвѣта на ваши докучные вопросы; созерцательный его духъ абсолютно погрузился въ таинственную Скиѳію!... Подивитесь же, когда станутъ заявлять вамъ: *«естественно (?)»*, изслѣдованія свои Байеръ *долженъ былъ* начать съ древнѣйшаго періода Русской Исторіи, періода темнаго, запутаннаго, и, *следовательно (!)*, представлявшаго *больше работы* уму изслѣдователя *(!!)*». Очень естественно! Подивитесь и

упрекамъ , падающимъ на отечественныхъ нашихъ писателей за то, что не умѣли воспользоваться примѣромъ Байера. Превосходный онъ языковѣдецъ; но не пытайтесь встрѣтить въ его сочиненіяхъ правильный взглядъ на составъ роднаго вашего слова , на развитіе грамматическихъ его формъ , на его отношенія къ другимъ языкамъ: отличный Филологъ, забывъ разсудительное замѣчаніе Лукреція —

Iuvat integros accedere fontes

Atque haurire —,

не стыдился подчиниться зависимости отъ невѣжественныхъ толмачей. Величайшій онъ Литераторъ своего вѣка; но не покушайтесь найти въ его твореніяхъ , обреченныхъ вѣчно украшать Академическія Комментаріи , даже и обмолвки о старинной письменности Русской. Повѣрятъ ли, что перво-статейный Историкъ, *якобы* положившій краеугольный камень нашему новѣйшему дѣписанію , увлекшій всѣхъ своимъ критическимъ направленіемъ , сдѣлавшій свои приемы обязательнымъ постановленіемъ для каждаго , занимающагося Русскою Исторіею, и устремившій общее вниманіе на основательное обработываніе ея, обладалъ такимъ запасомъ начитанности въ нашей исторической Литературѣ , что затруднялся различить Временникъ отъ Степенной Книги, не говорю уже, что онъ нисколько не былъ въ состояніи опредѣлить ни древности , ни подлинности источниковъ? . . . Вотъ предтечи и сподвижники Татищева ; вотъ что *имѣлось* до той поры, когда появился въ свѣтъ его поистинѣ *годный* сводъ Лѣто-айсей! Изрядный грузъ вѣтрыхъ извѣстій о нашемъ отечествѣ ; совершенное незнаніе прошедшихъ его судебъ ; длин-

ные, широкіе, иногда и высокіе толки о побочных предметахъ нашей Исторіи; *земля же Русская бѣ невидима*. Поэтому, немудрено, что добросовѣстное произведеніе почтеннаго ревнителя народной славы, будучи плодомъ тридцатилѣтнихъ, неусыпныхъ его заботъ, *immer eine brauchbare Arbeit*. Впрочемъ, къ сему отзыву Шлёцеръ присовокупляетъ: *jedoch den 1-sten Theil von Skythen und Sarmaten etc. ausgeschlossen*. Охотно отказываемся отъ этой посильной дани, уплаченной Татищевымъ требованію своего времени; уступаемъ, кому угодно, и мнѣніе, высказанное имъ, что «Несторъ, когда прилежно его разсмотрѣть, то не иначе, какъ Финновъ, подъ именемъ Варяго-Руссовъ, разумѣетъ». И. Р. II, 362. *Wenn gleich der Mann gar keine Studien hatte*; не правда, потому что Петръ Великій, въ 1704 г., посылалъ Татищева за границу, въ числѣ молодыхъ людей, подававшихъ о себѣ прекрасныя надежды, и онъ, какъ позволено ожидать, небезполезно прожилъ тамъ; въ 1724 г. снова отправили его въ Швецію и Данію, чтобъ обозрѣть горные заводы; Докторъ Лерхъ, познакомившійся съ нимъ 1744 г. въ Астрахани, свидѣтельствуешь объ основательныхъ его познаніяхъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, на коемъ онъ свободно объяснялся, также въ Философіи, Математикѣ и особенно въ Исторіи; сверхъ сего, Татищевъ былъ свѣдущъ въ языкѣ Польскомъ; притомъ, надобно согласиться съ Г. Бутковымъ, что *безпристрастный читатель*, вникнувъ въ его труды по Исторіи, Географіи и Законоустроенію Россіи, не усомнится признать въ немъ *благоразуміе и просвѣщеніе*. (Оборона Несторовой Лѣтописи, стр. 222 — 223). *Kein Wort Latein*

verstand; но что выиграло Русское бытописание отъ Латыни Трейера и Коля? Далеко ли подвинулъ его впередъ изящный Латинскій слогъ Байера? Не могу одобрить и того, что Шлёцеръ слишкомъ поспѣшно называетъ сочиненіе Татищева компиляціею. Нѣтъ, онъ не простымъ прелагателемъ Лѣтописей представляется намъ; напротивъ, у него рѣзко обнаруживается заботливость оцѣнить ихъ достовѣрность, сравнить разнорѣчащія показанія, и изъ этихъ сравненій вывести окончательный результатъ. Ему извѣстно уже, что критика *небезнужна, дабы басенъ за истину не принять*. По приговору Лерберга, Татищевъ до такой степени простиралъ свою осмотрительность, что свѣденія, сообщаемыя чужеземными Историками, вносилъ только въ примѣчанія, хотя онъ самъ и почиталъ ихъ справедливыми. (Критическія изслѣдованія, стр. 229.) Его любовь къ правдѣ столь велика, что онъ откровенно признавался въ недостаткахъ своей Исторіи, а желаніе совершенства такъ горячо, такъ искренно, что ему и на мысль не приходило утаивать ихъ. Чуждый самопадѣянности, Татищевъ убѣдительно просилъ соотечественниковъ присылать въ Академію Наукъ все то, что въ состояніи содѣйствовать или исправленію, или дополненію сводной его Лѣтописи (И. Р. I, XVI, XXII и 64.). Пламенный патріотизмъ, которымъ онъ постоянно воодушевлялся среди неутомимыхъ разысканій, не препятствовалъ ему здраво судить объ обязанностяхъ дѣписателя, долженствующаго изучать событія другихъ народовъ, ибо *безъ знанія иностранныхъ Исторій своя не будетъ ясна и достаточна*. Нерасположеніе къ Татищеву, пробивающееся наружу въ

каждой строкѣ критическаго рѣшенія Гёттингенскаго Профессора, въ такой мѣрѣ запальчиво, что онѣ не воздержался намекнуть, будто двѣ случайныя причины способствовали укорененію высокаго понятія объ *Исторіи Россійской*: во первыхъ, слухи о свободомысліи ея сочинителя, во вторыхъ, запретъ, которому она подверглась. Но неужели и Миллера, и Болтина, привлекутъ къ себѣ воображаемый либерализмъ Татищева? Неужели авторъ *Примѣчаній на Деклерка*, всегда движимый усердіемъ къ истинѣ и отечеству, неумолимо уличившій наглаго Французскаго враля, единственно по сему побужденію явился громкимъ провозвѣстникомъ Татищевскихъ толковъ о родствѣ Варяго - Руссовъ съ Финнами? Не отрицаю, что нѣкоторые изъ современниковъ Татищева хулили, даже старались заподозрить благонамѣренный, патріотическій его трудъ; самъ онѣ писалъ, что одному это, другому иное не нравилось въ его рукописи; но если *Исторія Россійская*, какъ увѣряетъ Шлёцеръ (Nestor, I, 93), *handschriftlich ging aus einer Hand in die andere, lange war das Orakel aller Lietopissen - Leser, und ist es zum Theil noch*, то сему виною не свободомысліе, не запретъ, а умѣнье постигнуть насущную потребность народа и удовлетворить ей по возможности. *Lietopissen - Leser*; не издѣваться надъ этимъ, но радоваться надобно, что тогда находились охотники до подобнаго занятія, потому что оно несравненно плодотворнѣе, чѣмъ чтеніе ученыхъ разсужденій о Скиѣи, щеголяющихъ изяществомъ Латинскаго слога. Упомяну еще объ обстоятельстве, о коемъ Гёттингенскій критикъ умолчалъ спорѣ съ умысломъ, нежели по невѣденію. Творя неумышленную

расправу и произнося строгія укоризны, почему онъ лишилъ обвиняемаго всѣхъ средствъ къ оправданію, допускаемыхъ закономъ? Почему отказался разобрать внимательно: 1) что Исторія Татищева начата печатаніемъ чрезъ 18 лѣтъ по смерти сочинителя, притомъ не съ подлинника, который потерянъ, но съ весьма худой копіи; 2) что при изданіи ея многое исключено и выпущено, какъ либеральное, немалое также искажено и переиначено, какъ ошибочное, а посему и не лзя утвердительно сказать, что собственно принадлежитъ автору, что приобщили переписчики, что или выкинула, или вставила редація, и отъ кого произошли перѣдко усматриваемыя противорѣчія между текстомъ и примѣчаніями, наконецъ 3) что у Татищева были недоброжелатели, за коихъ невозможно поручиться, чтобъ они не утучняли разныхъ списковъ его манускрипта подлогами, вымыслами, несообразностями, явными, вопіющими нелѣпостями, — все равно, лишь бы уронить доброе мнѣніе о немъ, поколебать довѣріе къ нему и запятнать его честное имя? Почему же, повторяю, Шлёцеръ, ученый мужъ, глубокій знатокъ Латыни, не коснулся этого объясненія, дающаго иной оборотъ процессу Татищева? . . . Безъ сомнѣнія, по той достаточной причинѣ, по которой сей законодатель нашей Исторіи не задумался вздорныя, бессмысленныя бредни Кадлубкова Комментатора вмѣнить въ преступленіе самому Кадлубку, утаивъ заглавными буквами напечатанное слово *Commentarius* и умышленно приведши ложную цитату, чтобы подкрѣпить свое ложное осужденіе. (Ср. извѣстіе о древнѣйшихъ Историкахъ Польскихъ, и въ особенности о Кадлубкѣ,

въ опроверженіе Шлёцера.)

Не безъ основательнаго побужденія столь продолжительно останавливался я на Байеръ и Татищевъ. Миѣ хотѣлось: во первыхъ, опредѣлить настоящую цѣну заслугъ славнаго Академика, коему доселѣ приписываютъ начало критической разработки отечественной нашей Исторіи; во вторыхъ, показать, какъ скороспѣлы, какъ смѣлы приговоры знаменитаго издателя Нестора, какъ живо они напоминаютъ намъ увѣщаніе, сдѣланное имъ самимъ, чтобъ мы не полагались ни на чье увѣреніе, но осмотнительно испытывали каждую мысль, кто бы ни высказалъ ее, ибо въ разумномъ царствѣ вѣденія нѣтъ ничего вреднаго авторитетовъ (*); наконецъ въ

(*) Къ сожалѣнію, и незабвенный Исторіографъ не принялъ на себя защиты Татищева. Поддавшись недоказаннымъ нареканіямъ, которыми Шлёцеръ щедро осыпалъ сего правдолюбиваго труженика, Карамзинъ не оцѣнилъ полезной его дѣятельности, часто даже сомнѣвался въ истинѣ сообщенныхъ имъ извѣстій. Что же вышло? Приведемъ самый разительный примѣръ: Исторіографъ не повѣрилъ разсказу Татищева объ узаконеніяхъ 1597, 1601 и 1606 годовъ касательно крестьянъ, а нынѣ знаемъ не только современные списки этихъ законовъ, но и подлинникъ одного изъ нихъ. Выставивъ сей примѣръ, Г. Бутковъ присовокупилъ, что критика заподозрила бы конечно и показаніе Татищева относительно узаконеній Іоанна III, еслибъ экземпляръ ихъ, нынѣ единственный, не былъ отысканъ въ 1817 г.. (Оборона Несторовой Лѣтописи, стр. 224). Замѣчательны также слова Г. Буткова: „Стриттеръ и Карамзинъ нерѣдко ссылаются на харатейный Троицкій лѣтописный списокъ, найденный въ Библіотекѣ Троицкой Лавры, оканчивающійся Едигеевымъ нашествіемъ на Москву, въ 1408 году. Этотъ списокъ сгорѣлъ въ Москвѣ, въ нашествіе Французовъ, почему скептики могутъ теперь и ему не вѣрить“. (ibid. примѣч. 496.) Г. Бутковъ заявилъ еще, что онъ въ

третьихъ , воздать должную справедливость почтенному со-
отечественнику , который , не взирая на многія и сильныя
преграды , неуклонно стремился къ своей цѣли , принесть
несомнѣнную пользу Русскому бытописанію. Я очень далекъ
отъ того , чтобы почитать Татищева *истинно историческимъ*
геніемъ (Зиновьевъ , о началѣ , ходѣ и успѣхахъ критической
Россійской Исторіи , стр. 54) ; еще менѣе могу согласиться
съ отзывомъ , будто онъ *превозмогъ и опередилъ современни-*
ковъ (Оедотовъ I. I. стр. 43) ; но , не увлекаясь безотчетными
похвалами , легко приводящими къ преувеличеніямъ , я твердо
убѣжденъ , что направленіе , коему слѣдовалъ Татищевъ ,
существеннѣе и важнѣе , нежели разрывчатая , побочная
изысканія Байера. Не будучи ни великимъ Ученымъ , ни
всеобъемлющимъ критикомъ , руководясь только здравымъ
Русскимъ смысломъ , прислушиваясь лишь къ внушеніямъ
патріотическаго чувства , и признавая отечественную Исторію
любезнѣйшимъ занятіемъ , первый правильно угадалъ на-
стойчивыя потребности народа и удовлетворилъ имъ по
средствамъ , находившимся въ его распоряженіи ; обширная
ученость втораго , расточительно издержанная , *большею частію* ,
на предметы посторонніе для нашего дѣянія , поселяетъ
въ насъ одно недоумѣніе , *чесò ради гибель сія бысть*.

состояніи устранить всѣ напраслины , взведенныя на Татищева.
Покорнѣйше просимъ его объ этомъ , особенно же о критическомъ
разсмотрѣніи нерѣшенной тяжбы по поводу Іоакимовой Лѣтописи.
Мы говоримъ — *нерѣшенной* , потому что общія мѣста не признаются
рѣшеніями. А между тѣмъ , донынѣ слышатся порою толки о семъ
предметѣ , — и какіе толки!... (Ср. Библіотека для Чтенія , 1854,
т. I.)

Послѣ такого длиннаго эпизода, обращаясь къ задачѣ, мною избранной, нахожу, что уже Татищевъ допытывался, какъ началось Русское бытописаніе. По его изслѣдованіямъ оказалось: 1) что Несторъ есть древнѣйшій между *Русскими Историками*, но единственно потому, что полный списокъ Лѣтописи Преподобнаго, съ означеніемъ его имени, *открытъ свѣту прежде Іоакимовой*, и 2) что Кіевскій Лѣтописецъ конечно не съ словъ повѣствовалъ о происшествіяхъ, а съ разныхъ *Временниковъ*, хотя на нихъ и не ссылается (I, 58 — 59). Жаль, что Татищевъ (понимавшій даже, что Лѣтопись Несторова дошла до насъ не въ томъ видѣ, какой былъ данъ ей самимъ Лѣтописателемъ, но съ прибавленіями и сокращеніями) не вникнулъ въ это дѣло подробнѣе, да и не объяснилъ достаточно, какъ разумѣетъ онъ отношеніе Іоакима къ Нестору, не разсмотрѣлъ источниковъ, изъ коихъ Новгородскій повѣствователь почерпнулъ свои свѣденія (*).

(*) Татищевъ представилъ только извлеченія изъ Лѣтописи Іоакима, перваго Новгородскаго Епископа, пріѣхавшаго въ Россію съ Анною, супругой Св. Владиміра. Крещинъ утверждалъ, что у него есть полный списокъ этой Лѣтописи. Сторону Татищева принялъ Болтинъ, отчасти Миллеръ, Елагинъ, Фелькнеръ и другіе; противниками были Ломоносовъ, Щербатовъ, рѣшительнѣе Шлёцеръ. Въ 4 ч. Нестора, на стр. 121 и слѣд., онъ говоритъ, что вся Лѣтопись кажется ему сказкою, сложенною монахомъ XVI столѣтія по Польскимъ источникамъ, и заключаетъ: *das Ding ist ja gar zu dumm*. (Ср. *ibid.* II, 301; I, 13: *Ioakim's Narrentheidungen*.) Въ параллель съ Іоакимомъ Гёттингенскій критикъ ставитъ Венгерскаго Нотаріуса, сдѣлавшагося извѣстнымъ съ 1746 г. — Любопытно, что въ исходѣ протекшаго вѣка написана, по Іоакимовой Лѣтописи, историческая

Преемникъ Байера въ С. Петербургской Академіи, Ученый, пріобрѣтшій своими трудами значительную извѣстность за границею, неутомимый труженикъ, сдѣлавшій многочисленныя и чрезвычайно полезныя приношенія отечественному нашему дѣписанію, Миллеръ не подчинился направленію своего знаменитаго предшественника, но, вмѣстѣ съ Татищевымъ, разработывалъ наши Лѣтописи. То правда, первые его пріемы несовсѣмъ удачны: онъ ошибся въ самомъ заглавіи Несторова Временника; однакожъ, почти тридцать лѣтъ продолжая свои разысканія, Миллеръ успѣлъ достигнуть главнѣйшей цѣли, которую предназначилъ себѣ, и привелъ въ гласность важнѣйшіе домашніе матеріалы Русской Исторіи. Не буду говорить здѣсь о несправедливостяхъ и

драма изъ временъ Рюрика. Фелькиеръ перевелъ ее на Нѣмецкій языкъ, а Болтинъ пріобщилъ къ ней свои примѣчанія. — Карамзинъ называлъ сію Лѣтопись шуткою Татищева. Митрополитъ Евгеній и Г. Полевой почли ее ложною. Не смотря на это, Г. Сенковский увѣряетъ, что „последователи заносчивой Шлёцеровой критики весьма несправедливо презираютъ драгоценный обломокъ Іоакимовой Лѣтописи: онъ заключаетъ въ себѣ все условія и признаки подлинности и глубокой древности; многія его показанія теперь подтверждаются старинными Шведскими грамотами“. Г. Бутковъ, признавая, что Татищевъ, по своей нравственности, неспособенъ къ такому наглому обману, присовокупляетъ: „доселѣ не хотятъ понять въ надлежащемъ смыслѣ разсказа Татищева, какимъ образомъ досталась ему эта находка; привязываются къ Татищеву за слова, помѣщенные въ примѣчаніяхъ, принадлежащія неизвѣстно къ какому именно мѣсту текста его Исторіи, и будто бы означающія собственное сознаніе Татищева въ выдумкѣ: *Монахъ Веніаминъ только для закрытія истины вымысленъ*“. — Повторяю, что сія тяжба понынѣ еще перѣшена.

гоненіяхъ , испытанныхъ имъ : мнѣ придется упомянуть объ этомъ въ другомъ случаѣ. Проникнутый высокимъ понятіемъ о достоинствѣ нашихъ Лѣтописей , Миллеръ непрестанно заботился возбудить общее вниманіе къ нимъ. Въ 1755 году онъ напечаталъ замѣчательную статью: *о первомъ Лѣтописателѣ Россійскомъ Преподобномъ Несторѣ, о его Лѣтописи и о продолжателяхъ оныхъ*. (Ежемѣсячныя сочиненія , къ пользѣ и увеселенію служащія , Апрѣль , стр. 275 — 298.) Взглядъ Миллера на первостепенный источникъ нашего бытописанія существенно состоялъ въ слѣдующемъ: 1) «всѣмъ извѣстно , что начало Лѣтописаній Россійскихъ приписать должно Кіевопечерскаго монастыря монаху , Преподобному Нестору»; 2) «понеже сей Писатель жилъ въ послѣдней половинѣ 11 вѣка по Рождествѣ Христовѣ , Россійскіяжъ дѣянія съ половины 9 в. описаны уже съ довольноными обстоятельствами , и отъ того времени , съ точнымъ показаніемъ лѣтъ , когда что достопамятнаго случилось , непрерывно продолжаются: то сіе не прекословитъ принятому отъ нѣкоторыхъ мнѣнію , якобы Преподобный Несторъ уже засталъ письменныя извѣстія , по которымъ сочинилъ онъ свою Лѣтопись , хотя на оныя и не ссылается»; 3) «небеззнатное обстоятельство , для показанія важности Несторовой Лѣтописи , есть то , что прочіе Славенскіе народы , Поляки , Богемцы , Венеды и Илиріане , подобной ей не имѣютъ , ниже чтобъ которая изъ ихъ Лѣтописей либо древностію , либо обстоятельнымъ и внятнымъ объявленіемъ происшедшихъ дѣлъ , сей нашей предпочитаема быть могла; — послѣдующіе Россійскіе писатели повторяли въ продолженіяхъ своихъ

описанное Несторомъ время, по большей части, собственными его словами, по крайней мѣрѣ они въ его описаніи не отважились учинить никакой знатной перемѣны, такъ сильно удостовѣрены были они о вѣрности объявленныхъ Несторомъ приключеній: да какъ бы имъ таковымъ и не быть, когда и нынѣ никакихъ знатныхъ недостатковъ въ его *Лѣтописи* невидно, и когда точное согласіе перваго нашего *Россійскаго Лѣтописателя* съ *Греческими* тогдашнихъ временъ *Историками* примѣчаемъ»; 4) «что до продолженій Несторовой *Лѣтописи* касается, то ни которое изъ нихъ не находится особливо, также и въ первѣйшія времена не случилось быть двумъ, или больше писателямъ вдругъ, кои бы объ одномъ времени писали порознь; одинъ продолжатель слѣдовалъ за другимъ, и къ концу трудовъ своего предка присоединялъ свои труды; не можно бы было иногда примѣтить разности, но почестъ все за писаніе одного человѣка, ежели обыкновенной вѣкъ человеческой не побуждалъ насъ изыскивать оную разность; а гдѣ она есть, тутъ примѣчается болѣе въ матеріяхъ, нежели въ слогѣ; также иногда писатели и сами о себѣ объявляютъ»; 5) «до 1203 года разные списки Несторовой *Лѣтописи*, также и продолженія оной, почти во всемъ между собою согласны, по крайней мѣрѣ въ томъ, что до главныхъ приключеній касается; въ рѣчахъ же почти каждой писатель по своему перемѣнилъ то, или другое, или и небольшія старинныя приключенія совѣмъ выпустилъ, отъ чего однако въ самомъ дѣлѣ никакого замѣшательства не воспослѣдовало; потомъ настало время, которое неменьше надъ *Лѣтописями*, какъ вообще надъ человѣческимъ благо-

получіемъ , оказывало свое дѣйствіе» ; 6) «какъ Россія отъ времени до времени болѣе раздѣляема была на разныя Княженія , то въ каждомъ Княженіи возстали особливые писатели , кои , по обыкновенію , предпочитали приключенія своей страны всѣмъ другимъ , и только тѣ обстоятельно описывали , а изъ приключеній прочихъ странъ Россійскихъ больше не брали , какъ сколько для связанія порядка необходимо надобно имъ показалось». (ibid. стр. 275 , 276 , 289, 291 и 292.) Изложивъ понятія Миллера о началѣ и развитіи отечественнаго дѣписанія , признаю нужнымъ присовокупить , что онъ самъ указалъ на источникъ , откуда заимствовалъ свои свѣденія , говоря : «мы приняли намѣреніе объявить о Преподобномъ Несторѣ и о тѣхъ , кои Лѣтописи его продолжали , отчасти изъ оставшихся послѣ покойнаго Г. Тайнаго Совѣтника Татищева извѣстій , а отчасти изъ собственнаго нашего изслѣдованія». (ibid. стр. 278.) Итакъ , Татищевъ первый догадывался , что уже до Нестора имѣлись письменныя извѣстія , и что отецъ Русской Исторіи руководствовался ими при составленіи своей Лѣтописи , хотя и не упоминаетъ о нихъ ; Миллеръ подтвердилъ эту догадку (*). Какого же рода были сіи раннія письменныя посо-

(*) Въ 1761 году , Миллеръ издалъ : *Опытъ новѣйшій Исторіи о Россіи*. (Помѣщ. въ Сочиненіяхъ и переводахъ , къ пользѣ и увеселенію служащихъ , Генварь стр. 5 — 65, Февраль стр. 99 — 134, Мартъ стр. 193 — 244.) Здѣсь , нечисля и характеризуя источники нашего бытописанія , онъ прибавляетъ : изъ Лѣтописей какъ Нестора , такъ и его продолжателей , „произошло собраніе Россійской Исторіи толь совершенное , что никакой народъ подобнымъ сокровищемъ , такъ

бія? Отечественныя ли, или иноземныя? На эти вопросы ни Татищевъ, ни Миллеръ, не даютъ отвѣта. Не поспѣшимъ

много лѣтъ въ непрерывномъ продолженіи включающимъ, хвалиться не можетъ; по большой части прекратились списки сихъ Лѣтописей во время правленія Царя Іоанна Васильевича; въ другихъ находятся еще извѣстія о слѣдующихъ временахъ, кои въ нѣкоторыхъ спискахъ, хотя не съ толикимъ раченіемъ и точностію, продолжены до правленія Государя Царя Алексѣя Михайловича; превосходное свойство Россійскихъ Лѣтописей состоитъ въ томъ, что въ нихъ при каждомъ случаѣ означенъ годъ, что немало способствуетъ къ подкрѣпленію ихъ подлинности, — также и перемѣны правленія въ сосѣдственныхъ государствахъ, а наипаче въ старинныя времена, и особливо что касается до Греческой Имперіи, во оныхъ хотя кратко, но, по большой части, означены“. (ibid., Генварь стр. 8 — 9.) Я ненапрасно привожу эти выписки; сравните ихъ съ тѣмъ, что сказалъ Шлёцеръ о ходѣ Русскаго дѣсписанія, и тогда убѣдитесь, откуда Гёттингенскій законодатель почерпнулъ свою мудрость.... Люди, порицающіе Миллера за вѣрованіе въ Лѣтописи, за то, что онъ не уклонялся отъ нихъ, конечно не упрекнутьъ его въ обширномъ знакомствѣ съ источниками нашей Исторіи, которому далеко уступить даже всеобъемлющая начитанность Шлёцера. Прислушайтесь, какъ правильно разсуждаетъ Миллеръ о необходимости изданія Нестора: „для Россійской Исторіи весьма полезное бы дѣло было, и какъ отъ природныхъ Россійскихъ, такъ и отъ иностранныхъ давно желаемое, ежели бы повелѣно было къ побужденію тѣхъ, кои Россійскую Исторію основательно знать желаютъ, или оную разысканіями своими больше изъяснить намѣрены, Несторову Лѣтопись, купно съ продолженіями оной напечатавши, въ народъ издать. Сколькожъ времени и издвигенія тѣмъ будетъ сбережено, кое нынѣ на переписку оныхъ Лѣтописей отъ охотниковъ употребляется? И какое средство можетъ надежитъ быть того, которое подастъ намъ печатаніе книгъ, чтобъ миновать погрѣшности, кои при перепискѣ печувствительно и почти неминуемо случаются“? (Ежемесячныя сочиненія на 1755 г., Апрѣль стр. 276, 277.)

упреками, но поблагодаримъ сихъ усердныхъ тружениковъ и за то, что сдѣлано ими, а они совершили несравненно болѣе, чѣмъ мы по настоящую пору, при средствахъ, намъ доступныхъ. Наприм., изслѣдованъ ли нами постепенный ходъ Русской Исторіографіи? Описаны ли критически существующіе матеріалы нашего бытописанія? Ревностно хлопотавши, чтобъ заподозрить наши Лѣтописи, много ли основательнаго знаемъ о составѣ ихъ? Есть ли у насъ въ наличности хоть одна попытка разложить на части этотъ обильный родникъ отечественной Исторіи? И между тѣмъ, теперь, кажется, не лзя жаловаться ни на преграды въ занятіяхъ, ни на недостатокъ задачъ, остающихся нерѣшенными.

Шлёцеръ, сперва въ *Образчикъ Русскихъ Лѣтописей*, потомъ въ *Несторъ*, предложилъ свое мнѣніе объ источникахъ нашей Исторіи. Я не намѣренъ разбирать его вполнѣ; коснусь лишь того, что оно содержитъ въ себѣ относительно разсматриваемаго мною предмета. Показавши высокую важность Несторова Временника для Сѣверныхъ народовъ вообще и для Русскаго въ особенности, Гёттингенскій Профессоръ, по правиламъ пресловутой *kleine Kritik*, подвергаетъ довольно поверхностному разысканію вопросы: 1) какъ могъ образоваться Преподобный Несторъ? 2) что побудило его написать туземную Лѣтопись на туземномъ языкѣ? 3) какіе образцы имѣлъ онъ предъ своими глазами? 4) откуда заимствовалъ свои сказанія? и 5) какъ поступалъ въ своемъ лѣтописаніи? На первый изъ сихъ вопросовъ Шлёцеръ

представляетъ такой отвѣтъ: между Кіевомъ и Константинополемъ съ 988 г. до времени Нестора непрерывались дружественныя связи; и здѣсь, какъ повсюду, появленіе Христіанской Вѣры сопровождалось просвѣщеніемъ; Греческое духовенство, монахи, художники, странствовали въ новообращенную землю, а Русскіе въ Византію; Великіе Князья Владиміръ I и Ярославъ I прилагали попеченіе о народномъ образованіи; при Ярославѣ переведены многія книги съ Греческаго языка на Славянскій; даже въ концѣ XII столѣтія были Князья, которые разумѣли Греческій и другіе языки; въ Смоленскѣ находилась тогда школа, въ коей обучали по Гречески и по Латинѣ; Библіотека ея заключала въ себѣ болѣе тысячи Греческихъ сочиненій; при этомъ положеніи дѣлъ не удивительно, что Литература Греческая, сохранившаяся до Пселла, современника Несторова, въ сноскомъ состояніи, укоренилась въ Россіи. (Nestor, I, 10, 11.) За симъ Шлёцеръ спрашиваетъ: среди столь благопріятныхъ обстоятельствъ, не попали ли туда и историческія произведенія Византійцевъ? Упомянувъ о перерывѣ, замѣчаемомъ въ Византійскихъ Хроникахъ съ 813 г. по ту пору, когда Константинъ Багрянородный приступилъ къ бытописанію, — объ оживленіи его этимъ Императоромъ, — о четырехъ Византійскихъ Лѣтописателяхъ, процвѣтавшихъ въ одномъ вѣкѣ съ Несторомъ, именно о Кедринѣ, Іоаннѣ Скилицѣ, Іоаннѣ Ксифилинѣ и Зонарѣ, — Гёттингенскій критикъ присовокупляетъ: «*Kein Zweifel, dass Nestor diese, oder doch einige von ihnen, gekannt habe. Der ganze Zuschnitt seiner Chronik ist byzantisch: ganze Stellen aus ihnen hat er, wörtlich über-*

setzt, in sein Werk eingetragen; auch seine chronologische Anordnung ist sichtbare Nachahmung. Ob er selbst Griechisch verstanden (er konnte es von dem oft genannten Michael — монахъ Студійскаго Цареградскаго монастыря, прибывшій въ Россію съ Митрополитомъ Георгіемъ — lernen), oder von Anderen gefertigte Uebersetzungen gebraucht habe, weiss ich nicht, **UND IST GLEICH VIEL**. (ibid. S. 12.) Касательно источниковъ Нестора Шлёцеръ говоритъ: о многомъ повѣствовалъ онъ (древнѣйшій нашъ Лѣтописатель) по своему наблюденію, бывши очевидцемъ происшествій; многое, по собственному его признанію, свѣдалъ отъ старца Яна; «*aber hatte er auch ältere schriftliche Nachrichten vor sich*»? (ibid. S. 13.) Не ищите у знаменитаго Профессора отвѣта на сей чрезвычайно значительный вопросъ; но если хотите полюбоваться ловкостью, съ которой знатоки отыгрываются въ подобномъ положеніи, то послушайте, какъ неумолимый судья чужихъ ошибокъ, пользуясь случаемъ, тяжело порицаетъ Іоакимову Лѣтопись, какъ учено, какъ кстати отдастъ договорамъ Олега и Игоря, въ отношеніи ихъ трудностей, преимущество предъ росписаніемъ кораблей у Гомера, какъ искусно роняетъ сомнѣніе: «*so weilläufige Urkunden in Prosa, konnten doch unmöglich durch mündliche Ueberlieferung erhalten worden seyn*», и какъ удачно прекращаетъ дальнѣйшія справки: «*aber konnten die UNGESCHLACHTEN NORMAENNER schon damals (A. 907 und 945) schreiben?*» (ibid.) Переверните еще страничку, и, въ дополненіе къ сказанному, получите отзывъ, что Несторъ «*den Ursprung seines Staats hat OFFENBAR nur aus vager Tradition aufgefangen*». (ibid. S.

14.) Послѣ этого, мудро ли, что Шлёцеръ, непрестанно увлекавшійся духомъ противорѣчія домысламъ другихъ изыскателей, непрерывно противорѣчилъ самъ себѣ? Прочтите безпристрастно, оцѣните самостоятельно, не ослѣпляясь ни изобильными дарами Латыши, ни громадною эрудиціею, семь печатныхъ листовъ его предисловія къ Несторову Временнику, и я убѣжденъ, что изумительныя запутанности, съ коими вы встрѣтитесь на каждой страницѣ, вынудятъ васъ спросить себя: подлинно ли оно написано славнымъ Шлёцеромъ, законодателемъ исторической критики, мужемъ, оказавшимъ рѣшительное вліяніе на свой вѣкъ, преобразителемъ Русскаго дѣписанія, благовѣстителемъ въ ученомъ свѣтѣ о минувшихъ судьбахъ Россіи? Уже ли и 40 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ, по личному его заявленію, собиралъ матеріалы для изданія Нестора, было ему мало, чтобы хотя нѣсколько избѣгнуть поразительной разладицы въ своихъ собственныхъ мнѣніяхъ? Что подумать о безпримѣрно-строгомъ обвинителѣ Татищева, когда у него самого нѣтъ никакихъ твердыхъ и вѣрныхъ основаній, когда онъ самъ измѣчивостью понятій наводитъ на себя справедливыя подозрѣнія касательно своей непогрѣшности, когда его приговоры произносятся не по соображенію цѣлаго предмета, не по зрѣлому вниканію въ сущность изслѣдываемой имъ задачи, но по частнымъ видамъ и мелочному толкованію словъ? (*)

(*) Стоило бы труда, еслибъ кто нибудь взялся раскрыть все прекословія Шлёцера самому себѣ; умилительное зрѣлище тогда представилось бы мыслящему наблюдателю. Прошло слишкомъ сорокъ лѣтъ съ

Разпорѣчія Шлёцера скорѣе затмѣваютъ, чѣмъ уясняютъ спорное дѣло о началѣ, развитіи и характерѣ нашихъ Лѣтописей. Наприм., на стр. 13 онъ предлагаетъ себѣ тему: «*Wie betragt sich Nestor in Darstellung und Vortrag*»? И тутъ

появленія Нестора, изданнаго Гёттингенскимъ Профессоромъ, и, при излишествѣ хвалебныхъ восклицаній, много ли дѣльнаго сказано о немъ? Доселѣ повторяютъ, что Шлёцеръ совершилъ переворотъ въ нашей Исторіи, что имъ начинается эпоха исправленія ея, что онъ показалъ истинный образецъ критики и съ неотъемлемымъ правомъ долженъ называться наставникомъ изыскателей, послѣ него трудившихся на поприщѣ отечественнаго бытописанія. Но воздавая ему признательность по степени достоинствъ, не мѣшало бы показать и весьма важные недостатки, усматриваемые въ его сочиненіяхъ. Почему бы, наприм., не замѣтить, что взглядъ Шлёцера на Русскія Лѣтописи неудовлетворителенъ, и что невозможно рѣшить, какъ онъ понималъ ихъ? То слышите вы восторженные возгласы о древности и достовѣрности нашихъ Временниковъ, то оглушаютъ васъ отчаянные вопли, что подлинники утрачены, а списки изуродованы такъ безобразно, что надобно отказаться отъ желанія найти въ нихъ систему, правильность, порядокъ. „Nestor blieb mir eine alte Liebschaft“, говоритъ Шлёцеръ; въ этомъ и бѣда, что влюбленные недальновидны, подчиняются порывамъ страсти и забываютъ совѣты разсудка. Не подлежитъ сомнѣнію, что сія старая любовь служила главною причиною запутанности, сбивчивости и неопредѣленности сужденій Гёттингенскаго критика о первомъ Русскомъ Лѣтописцѣ. Вотъ доказательства: въ I т. на стр. 13 читаете, что Несторъ въ такой мѣрѣ возвышается надъ Исландцами и Поляками, какъ разумъ надъ глупостью, а изъ сказаннаго на предшествовавшей страницѣ узнаете, что онъ, подобно прочимъ Европейскимъ монахамъ своего времени, неучень, чуждался свѣта, мало заботился о людскихъ дѣлахъ, болѣе интересовался чудесами и знаменіями; на стр. 29 — 30 дважды упомянуто, что отецъ нашей Исторіи есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и для цѣлаго Европейскаго Сѣвера, отъ 800 до 1500 г., единый прави-

же отвѣчаетъ: «*Aecht-byzantisch*». Попробуйте взглянуть на 14 стр., и вы найдете тамъ, что «*Seine Erzählungsart ist nicht byzantisch, sondern biblisch*». Какъ понимать это? Въ которомъ изъ сихъ двухъ увѣреній правъ ученый критикъ? Доискивайтесь сами. — Мы уже видѣли выше, что онъ весь покроемъ Несторова Временника почитаетъ Византійскимъ, признаетъ, что отецъ Русской Исторіи многое бралъ цѣликомъ изъ Цареградскихъ Хронистовъ; но сколько ни старался Шлёцеръ, однакожь не успѣлъ рѣшить вопроса: какой именно Византіецъ служилъ источникомъ нашему Лѣтописателю? Сперва онъ выставилъ трехъ: Синкелла, Автора *Chronicon Paschale* и Кедрина; потомъ прибавилъ къ этому: «*Wahrscheinlich hat Kedren den Synkell, und Nestor den Kedren, mit einigen Auslassungen, ausgeschrieben*»; напоследокъ заключилъ: «*Vielleicht aber findet jemand noch einen 4-ten oder 5-ten Byzantier auf, mit dem Nestor noch genauer, als mit Kedren, übereinstimmt*»; (II, 11.) а на стран. 133 замѣтилъ, что Несторъ, вѣроятно, переводилъ Кедрина. Между тѣмъ, древнѣйшій нашъ бытописатель опредѣлительно указываетъ, кѣмъ онъ руководствовался. Описывая нравы разныхъ народовъ, Преподобный Несторъ присовокупляетъ: *глаголетъ бо Георгій въ лѣтописаніи*, и заимствуетъ у него довольно большое мѣсто. Это зналъ и Шлёцеръ; надлежало лишь справиться, кто сей Георгій. Ни обширная начитан-

ный, полный и точный повѣствователь, а въ III т. на стр. 54 объявлено, что онъ иногда унижается, искажаетъ свою Лѣтопись баснями, вымыслами, преувеличеніями. Такихъ противорѣчій очень много у Шлёцера.

ность, ни глубокія свѣденія въ Византійскомъ дѣписаніи, ни богатые пособія Гёттингенской Библіотеки, ничто не помогло знаменитому издателю Нестора открыть это таинственное, загадочное лицо. Утомленный тщетными розысками, Шлёцеръ разсѣкъ Гордіевъ узелъ отважною гипотезой, что слово *Георгій* подложно и внесено въ текстъ невѣждою переписчикомъ. Чтобы возстановить подлинное сказаніе нашего Лѣтописца, онъ придумалъ слѣдующее чтеніе: *глаголетъ бо Кесарій, братъ великаго Григорія*. Слишкомъ смѣлая произвольность; еще смѣлѣе Шлёцеръ оправдываетъ ее: *«Diese Worte: «Kaesarius frater magni» sind in allen russischen Codd. ausgefallen: daher suchte ich viele Jahre vergebens nach der Quelle, weil ich immer einen Georg als Verfasser voraussetzte. Uebrigens scheint doch Nestor mehr aus Kedren, dem Abschreiber des Caesar., geschöpft zu haben: wenigstens hat er letzterem alle seine eingeflochtene astrologische Grillen gelassen»*. (II, 134.) Итакъ, Гёттингенскому Профессору извѣстно: 1) что Преподобный Несторъ подражалъ Византійскимъ Лѣтописателямъ, и 2) что онъ многія свои показанія самъ, безъ посторонняго посредничества, извлекъ изъ Кедрина.

Въ 1813 году, Гг. Кругъ и Ермолаевъ нашли, въ С. Петербургѣ, того Византійскаго Хрониста, коему послѣдовалъ древнѣйшій нашъ Лѣтописецъ. Но какъ они не обнаруживали сдѣланной ими находки, то о ней провѣдали только нѣкоторые любители отечественной Исторіи.

Карамзинъ, обзрѣвая Русскіе источники до XVII столѣтія, ограничился лишь отзывомъ, что Несторъ «читалъ

Византийскія Хроники. (I, XXIX.) Почтенный Исторіографъ не вошелъ въ обстоятельное изысканіе сего любопытнаго предмета, безъ сомнѣнія, потому, что питалъ неослабное довѣріе къ Шлёцеру и полагалъ, что задача о ходѣ отечественнаго бытописанія уже окончательно разрѣшена имъ.

Эверсъ случайно коснулся этой важной задачи и замѣтилъ: 1) что отецъ Русской Исторіи *«stets in Einfalt der Sage oder den Byzantiern nachspricht»*; 2) что онъ *«konnte die Nachricht (о походѣ Аскольда и Дира) aus zwei Quellen schöpfen: entweder aus der Tradition, oder aus einem griechischen Geschichtsbuche, das uns unbekannt ist, vielleicht aus beiden»*, и 3) что ему, по обычаю, свойственному всѣмъ Лѣтописателямъ, никогда не приходило на мысль назвать по имени того автора, у коего бралъ разныя свѣденія, *«nur ein einziges Mal, ein ganzes Stück aus ihm übersetzend, nennt er seinen griechischen Gewährsmann, GEORG KEDRENOS, mit dessen Taufnamen»*. (Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen, S. 222, 251 — 252, 255.) Въ другомъ сочиненіи: *Das älteste Recht der Russen*, Эверсъ утверждаетъ: 1) что Несторъ, не будучи взыскательнымъ критикомъ, повѣствовалъ о происшествіяхъ, задолго до его времени совершившихся, *nach der Sage* (S. 16), и 2) что *«die Ungelenkigkeit des Styls der Olegischen Urkunde . . ., so wie mehrere in der sie begleitenden Geschichts-Erzählung vorkommende griechische Worte, vermuthen lassen, sie sey aus griechischer Quelle in Nestor's Geschichtsbuch übergegangen»*. (S. 121 — 122) — При семъ случаѣ, обращаю вниманіе молодыхъ

моихъ читателей на превосходныя указанія Эверса, какъ поверхностенъ Шлёцеръ въ своихъ сужденіяхъ о Преподобномъ Несторѣ, изложенныя въ *Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen*, S. 227 — 228. Выписываю слѣдующія весьма правдивыя слова: «*Die Glaubwürdigkeit des Schriftstellers, auf welchen die Geschichte eines grossen Volkes sich gründen soll, verdient sorgfältiger bestimmt zu werden, als hier (въ приведенныхъ Эверсомъ примѣрахъ) durch Schlözer geschehen ist. Die gerügten Widersprüche bringen den grossen Kritiker in den Verdacht, DASS ER ALLGEMEINE URTHEILE NACH EINSEITIGER ANSICHT FÄLLE, OHNE SEINEN GEGENSTAND GANZ IM AUGE. UND SCHARF DURCHDACHT ZU HABEN*».

Наконецъ, въ 1819 году П. М. Строевъ открылъ, въ Библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго, очень древній Славянскій переводъ одного Лѣтописателя, подъ заглавіемъ: *Временникъ въ простѣ отъ различныхъ Хронографъ и сказатель, собранъ же и сложенъ Георгіемъ грѣшнымъ, монахомъ*. При тщательномъ разборѣ сего Временника, Г. Строевъ убѣдился, что Георгій грѣшный есть тотъ самый Георгій, о которомъ упоминаетъ Несторъ. Почтенный Археографъ намѣревался немедленно сдѣлать гласнымъ свое открытіе. Извлекиши изъ Георгіева Временника всѣ мѣста, взятыя у него Преподобнымъ Несторомъ, онъ напечаталъ ихъ, въ видѣ прибавленія, въ первой части Временника Софійскаго; но при выпускѣ въ свѣтъ, 1822 г., уничтожилъ это прибавленіе. Что побудило его къ тому? «*Введенный въ заблужденіе Шлёцеромъ*»

говорить Г. Строевъ, «я почиталъ тогда *Лѣтопись Георгія Кедриновою*». Только десять экземпляровъ вышли съ симъ прибавленіемъ. Въ 1826 году, онъ рѣшился сообщить свѣдѣніе о своей находкѣ Московскому Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ. Въ засѣданіи 17 Мая этого года, читана имъ статья: о *Византійскихъ источникахъ Нестора*. Сущность ея состояла въ слѣдующемъ: «во *Временникѣ Георгія* шесть мѣстъ буквально сходны съ такими же у Нестора: 1) о нравахъ древнихъ народовъ, 2) о волхвѣ Аполлоніи, 3) о звѣздѣ Лампадіи, 4) объ уродливомъ дѣтищѣ и шестиногомъ псѣ, 5) о набѣгѣ Аскольда и Дира, и 6) о разбитіи Греками Игоря (шестое мѣсто неполно; ибо въ рукописи недостаетъ послѣднихъ двухъ, или трехъ листовъ). Другія иноземныя извѣстія (наприм., древняя Космографія и проч.) могли быть заимствованы у Кедрина, какъ полагаетъ Шлёцеръ, или у иного Византійца, досель неизданнаго. Кромѣ сего, въ большихъ Сборникахъ (наприм., въ *Лѣтописи по Никонову списку*) многія иноземныя вставки не суть *Византійскія*, и внесены не *Несторомъ*, и не продолжателями его *Лѣтописи*, но позднѣйшими компиляторами, изъ *Хронографа*, переведеннаго на Славянскій языкъ въ началѣ XVI вѣка. (Это объяснилъ Г. Строевъ въ *Сѣверномъ Архивѣ*, 1825, № 7.) Шлёцеръ недоумѣвалъ при сихъ вставкахъ. . . . Я сдѣлалъ подробное описаніе новонайденной рукописи, которое, вмѣстѣ съ выпискою помянутыхъ шести мѣстъ, напечатаю въ одномъ изъ *Журналовъ*. (*Археографъ* вызывался прислать его издателю *Сѣвернаго Архива*.) — Оканчиваю еще замѣчаніемъ: въ началѣ нашего бытописанія такъ мало

отечественныхъ сказаній, что, исключивъ Топо-Этнографію древней Россіи, три договора и нѣкоторыя сказки (о смерти Олега, хитростяхъ Ольги, Бѣлогородскомъ киселѣ и проч.; но и эти сказки, какъ доказалъ (?) Шлёцеръ, суть народніи иноземныхъ), все остальное почти Византійское. — Сочленъ нашъ (Г. Полевой въ примѣчаніяхъ на Лѣтописецъ Патріарха Никифора, читанныхъ въ Историческомъ Обществѣ, 28 Генваря 1826 г.) представилъ доводы, что и начальную Хронологію, сію основу бытіи, Несторъ почерпнулъ въ одномъ изъ Византійцевъ. Совершенное имъ послѣдованіе въ Несторѣ ясно и неоспоримо. Сколь важнымъ лицомъ является у него Императоръ Михаилъ! Отъ того, что при немъ Византійцы въ первый разъ упоминаютъ о Руссахъ; а сіи Руссы, по гипотезѣ (?) Печерскаго инока, суть Кіевляне Аскольда и Дира. Вотъ первая эпоха нашей Хронологіи — Византійская. Устное преданіе мало руководствовало Нестора; домашнихъ источниковъ на письмѣ не было: оставалось придерживаться Византійцевъ. Я почти увѣренъ, что и описанія первыхъ походовъ подъ Царьградъ (907 и 945 годовъ), даже самые договоры, переведены изъ такой Византійской Хроники, которая до насъ не дошла, или забыта: слогъ, подробности, самая темнота, — не Несторовы. Вспомнимъ частыя сношенія съ Царьградомъ первыхъ нашихъ Владыкъ Грековъ, любовь къ чтенію Владиміра, Ярослава и сына его, который, по сказанію современника (Іоанна Дьяка, составившаго Сборникъ для Великаго Князя Святослава Ярославича, 1077 г.), имѣлъ кльти, исполненные *жнгами*, и мы невольно сознаемся, что это дѣло возможное.

Начало Временника Нестора (до XI столѣтія) *неоспоримо пересажденіе Византійское*. (Сѣверный Архивъ, 1826, № XI, стран. 217 — 224.) Но открывъ Византійскій источникъ Нестора въ переводѣ Славянскомъ, П. М. Строевъ объявилъ, что онъ не въ состояніи изслѣдовать: кто сей загадочный Георгій, существуетъ ли въ Греческомъ подлинникѣ, напечатанъ, или нѣтъ? По этой причинѣ, почтенный Археографъ и ошибался касательно слова *грѣшный*, предполагая, что заглавіе перевода надлежитъ читать такимъ образомъ: *Временникъ сложенъ Георгіемъ, грѣшнымъ монахомъ*. Поручивъ сіи вопросы разсмотрѣнію знатоковъ Византійской Литературы, онъ справедливо замѣтилъ: «ежели по разысканіямъ Ученыхъ окажется, что Греческій подлинникъ Временника Георгія извѣстенъ и при томъ изданъ: *великій Шлѣцеръ да не хвалится совершеннымъ знаніемъ Византійцевъ*; въ противномъ случаѣ, Славянская рукопись драгоценна». (ibid., стр. 222.) Въ слѣдъ за обнародованіемъ своего открытія, Г. Строевъ, въ новой статьѣ, дополнительной къ предъидущей, увѣдомилъ, что, сверхъ шести указанныхъ имъ мѣстъ, кои Несторъ перенесъ къ себѣ изъ Временника Георгія *цѣликомъ*, нашлось седьмое, *нѣсколько переназначенное* нашимъ Лѣтописателемъ, — раздѣлъ земли между сыновьями Ноя. Къ этому заявленію Археографъ присовокупилъ: «встрѣчаются еще *урывки*, въ разныхъ мѣстахъ, схваченные и припоровленные по своему (наприм. о Ламехѣ). Въ подробномъ разборѣ Георгія (*) надѣюсь даже *разложить*

(*) „Обыкновенное мною описаніе Славянскій рукописи Георгія“, говоритъ Г. Строевъ, „оказалось слишкомъ пространнымъ для помѣщенія въ

весь рассказ Философа, повѣствующаго Св. Владиміру Библейскую Исторію Ветхаго и Новаго Заѣта: это сотканіе отрывковъ удостовѣритъ, что не Священное Писаніе, тогда едвали вполнѣ пересеченное, а тотъ же Георгій руководствовалъ Нестора въ семъ случаѣ. Иначе, откуда такое несходство (въ переводѣ) текстовъ, приводимыхъ въ древней нашей Лѣтописи, съ находящимися въ книгахъ Библейскихъ?» (Сѣверный Архивъ, 1826, № XIX и XX, стр. 275 — 276. Несогласіе текстовъ, о которомъ намекаетъ здѣсь Г. Строевъ, было примѣчено имъ уже въ Софійскомъ Временникѣ, ч. I, стр. XXIII.) Мы видѣли выше, что П. М. Строевъ призналъ основательною догадку Г. Полеваго о заимствованіи Несторомъ начальной Хронологіи у Патріарха Никифора (род. 758, +823; сочинилъ *Breviarium chronographicum*, отъ Адама до Императора Михаила, сына Теофила, предложенный на Славянскій языкъ подъ названіемъ: *Лѣтописецъ вскорѣ*; списковъ этого Лѣтописца великое множество; самый ранній въ Синодальной Кормчей 1282 г.; переводчикъ ставилъ, въ приличныхъ мѣстахъ, Русскія происшествія; Шлёцеръ напечаталъ сей Лѣтописецъ въ первой части Никоновой Лѣтописи). Теперь, снова коснувшись чрезвычайно труднаго

журналъ.... Я рѣшился разборъ Георгія издать особою книжкою“. (Сѣверный Архивъ, 1826, № XIX и XX, стр. 275.) Почтенный Археографъ не сдержалъ своего слова и ограничился только напечатаніемъ упомянутыхъ выше семи мѣстъ. (*ibid.*, стр. 279 — 288.) Впрочемъ, время не ушло; нынѣ, не менѣе прежняго, настоятъ существенная необходимость въ отчетливомъ изслѣдованіи Георгіевой Хроники.

вопроса о времясчисленіи у Преподобнаго Нестора, Археографъ мимоходомъ обронилъ свѣтлую мысль: «не отвергая до поры вѣроятнаго мнѣнія Г. Полеваго о томъ, что Несторъ могъ образовать свою Хронологію по Лѣтописцу Патріарха Никифора, замѣчу, что и у Георгія много мѣстъ хронологическихъ. Не здѣсь ли источникъ лѣтосчислительной системы нашего Лѣтописателя? Это стоитъ изслѣдованія». (Сѣверный Архивъ, 1826, № XIX и XX, стр. 276 — 277.)

О Славянскомъ переводѣ Георгіева Временника Г. Строевъ отозвался, что онъ *«обращаетъ на себя меньшее вниманіе и слогомъ, ибо древенъ»*. Многія слова и выраженія, употребительныя въ первыхъ вѣкахъ нашей Славяно - Русской Словесности, нынѣ темныя, или вовсе невидѣныя, *встрѣчаются въ немъ перѣдко*. Сличеніе съ Греческимъ подлинникомъ, ожидаемымъ отъ трудолюбиваго Газе, покажетъ настоящій ихъ смыслъ. Впрочемъ, и однимъ сводомъ разныхъ мѣстъ рукописи многое становится яснымъ». (ibid., стр. 277.) Въ то время, когда П. М. Строевъ сдѣлалъ свою находку гласною, ему были извѣстны три списка сего преложенія: одинъ принадлежалъ Библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго, другой — Императорской Публичной Библіотекѣ, третій — книгохранилищу монастыря Св. Іосифа Волоцкаго (тамошнія рукописи, по желанію Канцлера Н. П. Румянцева, описаны Археографомъ въ 1817 году). Г. Строевъ убѣждалъ, чтобы переводъ Георгія, служившаго источникомъ и руководителемъ огню нашей Исторіи, былъ обнародованъ вполне, съ критическими изысканіями.

Открытие П. М. Строева возбудило живѣйшій интересъ. Г. Академикъ Кругъ объявилъ тогда, что этотъ Георгій есть *Георгій Гамартолъ*, котораго Хроника еще неиздана, а потому ни Шлёцеръ, ни Эверсъ, не знали о ея существованіи. (*)

Незабвенный покровитель Русской Исторіи, Графъ Н. П. Румянцовъ, нещадившій никакихъ пожертвованій для ея преуспѣянія, немедленно отнесся къ знаменитому Парижскому

(*) Г. Бутковъ сообщилъ любопытное свѣденіе, что имя Георгія Гамартола извѣстно у насъ уже съ 1814 года. Н. Г. Дивовъ въ ту пору писалъ о немъ къ Графу Н. П. Румянцову, по поводу экземпляра Славянскаго перевода его *Временника*, находящагося въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Это письмо можно видѣть въ Румянцовскомъ Музее; между прочимъ, Г. Дивовъ уведомляетъ: „въ числѣ рукописей, найденныхъ въ комнатахъ Императрицы Екатерины II, и препровожденныхъ, по повелѣнію Императора Павла I, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ для храненія, находится книга подъ № 57, въ листъ, на бумагѣ, писанная около половины XVI вѣка. Она содержитъ переводъ *Лѣтописи одного Византійскаго писателя Георгія*. Повѣствованіе его начинается Исторією Каина и Авеля, и продолжается до половины X вѣка, т. е. до Греческаго Императора Романа I. Нападеніе Великаго Князя Игоря I на Греческія области есть послѣднее происшествіе, описываемое симъ Историкомъ. Вѣроятно, это есть неизданный еще въ свѣтъ *Византіецъ Георгій Гамартолъ* или грѣшникъ, монахъ, который, какъ знаемъ по каталогу Парижской бывшей Библіотеки — *Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Regiae*, t. II, pag. 390, N. 1706 — кончилъ *Лѣтопись* своєю царствованіемъ Императора Романа I^{го}. (Оборона Несторовой *Лѣтописи*, стр. 546.) — Въ Вѣстникѣ Европы, 1826, N. 17, сказано, что Георгій Гамартолъ жилъ около 842 г., т. е. цѣлымъ столѣтіемъ раньше.

Эллинисту Газе съ порученіемъ, чтобы онъ принялъ на себя изданіе Льва Діакона Калойскаго, Пселла и Георгія Гамартола. (Ср. Истор. Льва Д., стр. XVI.) Первый изъ нихъ уже напечатанъ и переведенъ на Русскій языкъ Г. Поповымъ; но печатаніе обоихъ послѣднихъ остановилось съ кончиною великодушнаго благотворителя наукъ. Впрочемъ, Газе, не взирая на это обстоятельство, надѣялся издать, въ непродолжительномъ времени, и сіи источники, столь драгоценныя для нашего отечественнаго дѣписанія. (*Habeo enim prelo jam pridem parata Michaëlis Pselli Annales, Georgii Hamartoli Chronicon, Nicephori Gregorae libros aliquot adhuc ineditos, Sanctorum Vitas item ineditas, historiam saeculi decimi et deinceps sequentium illustrantes, Gregorii Palmae libellum de captivitate sua ad Thessalonicensenses, aliaque id genus. Quae ut primo quoque tempore in lucem prodeant, rebus Byzantinis, Slavorumque et Turcarum priscae historiae novam lucem allatura, fautorum hujus operis singularis munificentia sperare nos jubet*). Leo Diaconus, praef. pag. XXX — XXXI, въ XI ч. Боннск. изд..) Къ сожалѣнію, сія надежда не исполнилась. (*)

(*) Любопытно было бы знать, какія послѣдствія произошли отъ сношеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ съ Газе. По вѣдомостямъ извѣстно, что онъ умеръ; куда дѣвались матеріалы, приготовленные имъ къ изданію Георгія Гамартола?.... При этомъ случаѣ, позволяю себѣ скромное замѣчаніе: нынѣ у насъ нѣтъ недостатка въ Ученыхъ, имѣющихъ глубокія свѣденія въ Греческомъ языкѣ; почему бы Русскимъ Филологамъ не заняться Византійскимъ Писателемъ, представляющимъ въ своей Хроникѣ такъ много важнаго для Русской Исторіи? По моему мнѣнію, по-

Между тѣмъ, любопытство, подстрекнутое находкою Г. Строева, не прерывало своихъ поисковъ. Въ 1828 году,

добный трудъ несравненно благодаритъ, чѣмъ усильныя изысканія о предметахъ, которыхъ мелочность кажется странною даже въ самой Германіи и напоминаетъ лишь слова Бергарди: „die edelsten Kräfte sind hierdurch verschwendet und für untergeordnete Zwecke verbraucht, ein angemessener Erfolg aber nicht gewonnen worden“. (Ueber die Stellung der römischen Literatur zur Gegenwart, въ литературно-историческомъ Альманахѣ Пруца, S. 468 — 469.) Скажу болѣе, сіи занятія возвысили бы достоинство Филологіи въ глазахъ отечественной публики. „Wo die Kunst gefallen, ist sie durch die Künstler gefallen“. (Bernhardy, ibid. S. 468.) Въ доказательство привожу восточные языки. Люди безпристрастные, конечно, согласятся со мною, что не одніи практическія цѣли способствовали быстрому ихъ распространенію въ Россіи, но и очевидная, великая польза, принесенная Русскому бытописанію нашими почтенными Ориенталистами. Какими же подвигами ознаменовали себя въ нашемъ отечествѣ классическіе Филологи?.... А между тѣмъ, предъ ними въ забвеніи лежитъ обширное и невоздѣланное поле, — я разумѣю историческую Литературу Византійцевъ. Напрасно вѣрять нѣкоторые словамъ Стриттера и Шлёцера, будто послѣ *Memoriae rerum* мы несколько не нуждаемся въ Византійскихъ Лѣтописателяхъ; несправедливо также думаютъ, что полнота и точность суть отличительныя качества этого Сборника. Уже Баронъ Розенкампфъ основательно раскрылъ, какъ онъ не удовлетворителенъ и по методу, избранной составителемъ его, и по значительнымъ пропускамъ, и по совершенному отсутствію критики. (Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. IV, стр. 466.) Вотъ арена для состязанія Русскихъ Эллинистовъ! Иностранцы лишены средствъ помочь намъ, потому что незнакомы съ источниками нашего описанія, необходимыми при обработываніи Византійскихъ Историковъ. Славный Газе ссылался — на Шерерова искаженіе Пестора!...

Баронъ Розенкампфъ показалъ новую сторону предмета, обратившаго на себя вниманіе изслѣдователей отечественной старины. «Каждая страница начала, такъ называемой, Несторовой Лѣтописи убѣждаетъ», говоритъ онъ, «что почти всѣ происшествія выписаны изъ Византійцевъ, *исключая только нѣкоторые*, собственно Русскія преданія и свѣденія о внутреннемъ положеніи Россіи, кои, *однакожь*, также могли быть заимствованы: изъ **БОЛГАРСКАГО** и Греческаго подлинника (какъ сіе видно изъ твореній Константина Багрянороднаго и изъ другихъ Византійскихъ писателей). Новѣйшіе изыскатели источниковъ Русской Исторіи представили намъ необходимость открыть сіи Греческіе подлинники Нестора, извѣстивъ насъ о древнемъ Славянскомъ переводѣ доселѣ неизвѣстнаго Византійца, того Георгія грѣшнаго, на котораго ссылался Несторъ, какъ усматривается это во всѣхъ спискахъ. Какъ бы то ни было, первый и самый нужнѣйшій трудъ долженъ состоять въ томъ, чтобъ изслѣдовать настоящіе *Болгарскіе* и Греческіе источники первыхъ листовъ нашего Нестора. Силъ открытіемъ сами по себѣ разрѣшены были бы, по бѣльшей части, спорныя мѣста въ Несторовомъ текстѣ». (Объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ въ Несторовой Лѣтописи въ разсужденіи вопроса о происхожденіи древнихъ Руссовъ, въ Трудахъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. IV, стр. 142 — 143.) По этому поводу, Баронъ Розенкампфъ сообщилъ: 1) что по указаніямъ, содержащимся въ сочиненіи Льва Аллація *de Georgiis*, Гамартолъ заслуживаетъ тщательнаго разсмотрѣнія, и 2) что онъ нашелъ древнѣйшій харатейный списокъ Славянскаго,

или Болгарскаго перевода сего Византійца. — Не лзя не пожалѣть, что преждевременная смерть воспрепятствовала ученому Автору *Обозрѣнія Кормчей Книги* заняться сравненіемъ какъ Болгарскихъ, такъ и Византійскихъ матеріаловъ, коими пользовался Преподобный Несторъ. Преимущественно важна для Русскаго бытописанія обстоятельная разработка исторической письменности Задунайскихъ нашихъ соплеменниковъ: во первыхъ, потому что они въ употребленіи письменъ предупредили Сѣверныхъ Славянъ; во вторыхъ, — послѣдніе въ значительной мѣрѣ усвоили прекрасные плоды ихъ дѣятельности; въ третьихъ, — можетъ статья, что только у насъ, въ разныхъ Библіотекахъ, и сохранились памятники минувшаго умственного развитія Болгаръ. (Ср. Розенкампа *Обозрѣніе Кормчей Книги* въ историческомъ видѣ, стр. 46.) Ниже коснусь духовныхъ нашихъ связей съ ними подробнѣе; а здѣсь скажу лишь предварительно, что, съ принятія нами Христіанства, такое общеніе сдѣлалось весьма тѣснымъ, и произвело чрезвычайно благотворное вліяніе на успѣхи образованія въ нашемъ отечествѣ. — То, о чемъ Баронъ Розенкампфъ слегка намекнулъ въ Трудахъ Московскаго Историческаго Общества, отчетливѣе раскрыто имъ въ классическомъ *Обозрѣніи Кормчей Книги*. № 1-й примѣчаній къ введенію (стр. 1 — 5) заключаетъ въ себѣ глубокій взглядъ на начатки и постепенный ходъ Русскаго дѣеписанія. Сущность сего взгляда слѣдующая: 1) потребно сличить всѣ списки Лѣтописей, смотря по сходству статей, вошедшихъ въ каждый, и раздѣлить ихъ на роды; 2) для этого сличенія и классификаціи прежде надлежитъ подвергнуть

критическому разбору Греческіе источники, заимствованные (безъ сомнѣнія, у Задунайскихъ Славянъ), или переведенные Несторомъ и его продолжателями; 3) Шлёцеръ ошибался, предполагая, что извѣстія, взятая у Византійцевъ и относящіяся болѣе къ Греческой и Болгарской, нежели къ Русской Исторіи, не были помѣщены ни Преподобнымъ Несторомъ, ни непосредственными его преемниками, но вставлены переписчиками; ибо они встрѣчаются въ древнѣйшихъ спискахъ; да и самъ издатель Несторова Временника отыскалъ многія мѣста, совершенно согласныя съ текстомъ Зонары, Кедрина, или иныхъ Византійскихъ Лѣтописателей; при томъ, Несторъ упоминаетъ Георгія; 4) сей неразгаданный Шлёцеромъ Георгій есть тотъ самый Георгій Гамартолъ, котораго Хроника, по свидѣтельству Льва Аллациа, осталась неизданною, и который писалъ еще *de legationibus Romanorum Imperatorum ad exteros*, — сочиненіе, въ коемъ, можетъ быть, содержатся свѣденія о договорахъ Олега и Игоря, относительно которыхъ доселѣ не найдено у другихъ Византійскихъ Историковъ никакихъ указаній; 5) первая часть Несторовой Лѣтописи изложена почти подлинными словами Византійцевъ (именно съ царствованія Михаила до XI вѣка), и первообразъ этого изложенія неоспоримо занесенъ къ намъ изъ Болгаріи, откуда Россія получила также начальныя переводы Св. Отцовъ; 6) къ сему первообразу Преподобный Несторъ и продолжатели его присовокупили некоторыя повѣствованія, сбереженныя народнымъ преданіемъ, равно какъ и замѣтки о внутреннемъ состояніи Россіи, хотя, впрочемъ, послѣднія могли находиться и въ Византійскихъ

Хроникахъ, чему лучшимъ доказательствомъ творенія Константина Багрянороднаго, обилующія ими; 7) это общее начало переписчики, разсѣянные по различнымъ областямъ Русской земли, дополнили современными извѣстіями, — ходъ дѣла самый естественный и надежный, чтобы соблюсти память объ отечественныхъ происшествіяхъ; 8) не должно терять изъ виду, что первые Лѣтописатели всѣхъ народовъ, новообращенныхъ къ Христіанской Вѣрѣ, проявляютъ одинаковый отличительный характеръ, т. е. занимаются предпочтительно тѣмъ, что касается Церкви и Иерархіи, о событіяхъ же гражданскихъ говорятъ кратко, какъ бы мимоходомъ: не лзя и ожидать отъ нихъ инаго воззрѣнія на предметы, потому что они — духовныя особы, чаще монахи; 9) съ теченіемъ времени, списки Лѣтописей умножились, распространились по цѣлой Россіи, въ составленіи ихъ участвовали люди разныхъ сословіи, а по сему и неудивительны отлпы, усматриваемыя въ текстѣ, слогъ и правописаніи, понятны сокращенія и пропуски, ибо все зависѣло отъ образцовъ, съ коихъ снимались копіи, и отъ требованія тѣхъ лицъ, для которыхъ онѣ дѣлались; — такъ переписчикъ Кѣнигсбергскаго списка, удержавши древній слогъ, укоротилъ рассказъ подлинника, переписчикъ же списка Никоновскаго, не пропустивъ ни одного извѣстія, употребилъ языкъ своего вѣка. — Къ полнотѣ этого превосходнаго взгляда недоставало лишь объясненія, какой же первообразъ Византійскаго бытописанія попалъ къ намъ изъ Болгаріи?

Въ 1830 году, Г. Снегиревъ увѣдомилъ любителей отечественной Исторіи о харатейномъ, пергаминаномъ спискѣ *Славянскаго перевода* Гамартолова Временника, хранящемся въ Библіотекѣ Московской Духовной Академіи (въ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ). По отзѣву знаменитаго нашего Антикварія, этотъ списокъ писанъ въ листъ, уставомъ, въ два столбца, на 273 страницахъ, и принадлежитъ къ XIV столѣтію, судя по палеографическимъ признакамъ, какъ предполагалъ и Г. Кеппенъ. Нѣтъ ни выхода, ни заглавія при исчисленіи статей, оканчивающемся IX вѣкомъ. На 13 стран., въ первомъ столбцѣ оглавленія, упомянуто: *Ѡ пришествіи Роуси* (подъ Царьградъ); говорится, что

почеркъ и инныя чернылы до конца рукописи. Вообщѣ, сей списокъ написанъ четко и красиво, съ киноварными словами въ заглавіи, по линейкамъ, проведеннымъ острымъ орудіемъ.

Изъ буквъ Юса не встрѣчается, Ж похоже на М, Н на И, И на Н, ОУ слитно, вмѣсто И перѣдко находится іе; изъ знаковъ препинанія употреблена точка, въ срединѣ и внизу словъ. Къ этимъ весьма интереснымъ свѣденіямъ Г. Снегиревъ прибавилъ: 1) что «нѣкоторыя изъ древнихъ рѣдкихъ словъ сего перевода попадаются въ *Игоровой Пѣсни*; напр. у *Георгія Гамартола*: «Коуръ (Киръ) скоро посла быля своего къ немоу (Даніилу), да съ честию приведоутъ и»; въ *Пѣсни Игоровой*: «уже не вижду брата моего съ Черниговскими былями»; 2) что «одно изъ Славянскихъ словъ, свидѣтельствующихъ о древности морскихъ сношеній торговыхъ Россіи съ Греціею, *карави*, которое перешло и въ Греческій языкъ, въ переводѣ Гамартола выражается иногда *кораблемъ*, . . . иногда *куваромъ*»; 3) что «преложенные тексты изъ *Св. Писанія* также, какъ и въ *Несторовой Лѣтописи*, болѣею частію несходны съ Славянскимъ переводомъ *Библіи* ни *Острожскаго*, ни *Московскаго изданій*»; 4) что «приведенный у *Нестора* текстъ изъ *Кедрина*: *законъ бо беззаконникомъ оцѣствиіе мнитъ* (т. е. для неимѣющихъ законовъ отечественныя нравы и обыкновенія кажутся закономъ), заимствованъ симъ послѣднимъ изъ *Гамартола*»; 5) что этотъ «драгоценный, по многимъ отношеніямъ, палеографическій памятникъ украшенъ 126 довольно искусными рисунками, кои вмѣщены въ началѣ, срединѣ и концѣ обѣихъ колоумъ

листовъ рукописи», и что значительное число ихъ «писано соковыми красками, хорошо сохранившимися», нѣсколько — тушью; 6) что стиль рисунковъ «Греческій иконный, усвоенный новообращенными Русскими вмѣстѣ съ ученіемъ Православной Вѣры, и что они, вѣроятно, срисованы съ Греческаго подлинника»; 7) что «переводъ во многихъ мѣстахъ теменъ отъ недоразумѣнія и неискusstва прелагателя, и отъ тогдашней необработанности языка Славяно-Русскаго; впрочемъ, сугубый трудъ переводчика, или переписчика, и живописца заслуживаетъ уваженіе потомства, какъ памятники изящныхъ искусствъ и просвѣщенія въ Россіи». (Труды Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. V, стр. 258 — 264.)

Я уже столь часто произносилъ имя Георгія Гамартола, что признаю нужнымъ ближе познакомить моихъ читателей съ симъ замѣчательнымъ Хронистомъ. Изъ отечественныхъ нашихъ Историковъ первоначальное показаніе о немъ сообщилъ Иннокентій, въ своемъ *Начертаніи Церковной Исторіи* (отд. II, стр. 21, 3-го изд.). Потомъ, Митрополитъ Евгеній упомянулъ его въ *Словарь Историческомъ о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской Церкви*, изд. 2, т. II, стр. 87 — 88. (*) Баронъ Розенкампфъ, въ *Обзорѣ Кормчей Книги* (стр. 2 примѣч. къ введенію), ограничился наименованіемъ двухъ его сочиненій. Г. Снегиревъ,

(*) Въ своихъ сужденіяхъ о Несторѣ, Преосвященный Евгеній безусловно подчинился вліянію Шлёцера, даже преувеличавъ мнѣнія Гёттингенскаго критика. Наприм., онъ увѣрялъ, что древнѣйшій нашъ Лето-

«въ ожиданіи подробныхъ и удовлетворительныхъ свѣденій объ этомъ Византійцѣ», предложилъ только краткое увѣдомленіе, въ *Трудахъ Московскаго Историческаго Общества*, ч. V, стр. 256—257. — Изъ иностранцевъ обстоятельнѣ писали о Гамартолѣ: Левъ Аллаціи — *De Georgiis et eorum scriptis diatriba* (у Фабриція, въ *Bibliotheca Graeca*, vol. XII, pag. 30 et sq., нов. Гамбург. изд.) — и Гарлессъ (*ibid.* vol. VII, pag. 463 — 464). — На основаніи сихъ источниковъ, представляю здѣсь нѣкоторыя извѣстія о жизни и дѣятель-

пиеатель былъ очень свѣдуецъ въ иностранной Словесности, и, кромѣ Византійцевъ, руководствовался Западными Историками Среднихъ Вѣковъ (*ibid.* стр. 87, 91). По его словамъ, Преподобный Несторъ читалъ Византійскія Хроники въ подлинникахъ (стр. 88). „Но гдѣ онъ Греческому языку научился, навѣрно неизвѣстно донынѣ. О путешествіяхъ его въ Грецію нигдѣ неупоминается..... Итакъ, слѣдуетъ положить, что Несторъ научился языку Греческому въ самомъ Кіевѣ, у Греческихъ Духовныхъ, коихъ, въ первые вѣки Россійскаго Христіанства, тамъ всегда было довольно.... Многіе Князья наши знали Греческій языкъ.... Просвѣщеніе уже до него основалось въ Россіи. Посему онъ,.... въ молодыхъ еще лѣтахъ вступивши въ монастырь, гдѣ всегда науки болѣе держалось, могъ удобно пріобрѣсть познаніе языковъ; а читая иностранныя книги, Греками привезенныя, между которыми, конечно, довольно было и историческихъ, могъ получить охоту написать Исторію своего отечества на собственномъ языкѣ, по примѣру Византійцевъ.... Источники его сказаній намъ неизвѣстны. Но онъ могъ имѣть какія нибудь записки предковъ; многое узналъ отъ товарища своего, Монаха Яна;.... а многому и самъ былъ современникъ. Притомъ же, онъ Исторію своего народа ведетъ съ небольшимъ только чрезъ 250 лѣтъ, и потому могъ имѣть еще довольно свѣрныя преданія... Слогъ его повѣствованія похожъ больше на Библейскій, нежели на Византійскій“. (стр. 88 — 92).

ности этого бытописателя, чрезвычайно важнаго для Русской Исторіографіи.

Георгій, званіемъ инокъ, саномъ Архимандритъ, *conpomento, quod ipse sibi ex modestia sumsit, Peccator s. Hamartolus* (Harless, pag. 463), процвѣталъ въ IX вѣкѣ по Р. Х. (около 841 — 867 г.). По свидѣтельству Льва Аллація (pag. 30), онъ сочинилъ *Chronicon ab exordio mundi ad Michaellem, Theophili filium, quando ipse vitam agebat, ex variis et diversis chronographis, et interpretibus sacris contextum, historia quidem non admodum opulentum, sed ad firmanda fidei capita, dissertationibus et sanctorum patrum auctoritatibus longiusculum*. Аллацій присовокупилъ еще, что обыкновеніе выставлать прозваніе Георгія — *Гамартолъ* — въ началѣ его Хроники утвердилось преимущественно со времени Теофана, продолжателя Синкелла. У Аллація находится также и самое заглавіе ея: *Χρονικὸν βύντομον ἐκ διαφόρων χρονογραφῶν τε καὶ ἐξηγητῶν βυλλεγὲν, καὶ συντεθὲν ὑπὸ Γεωργίου Ἀμαρτωλοῦ μοναχῷ* (Breve chronicon e diversis Annalium scriptoribus et expositoribus decerptum concinnatumque a Georgio monacho Peccatore). Георгій открываетъ свое повѣствованіе мірозданіемъ. Сіе обстоятельство послужило поводомъ къ грубой погрѣшности, въ которую часто впадали многіе Историки и которую подмѣтилъ уже Левъ Аллацій. «*Plerique*», говоритъ онъ, «*quum nullam aliam ab orbe condito, Georgii historiam praeter Hamartoli deprehenderent, et scirent, Syncellum ab orbe condito opus inchoasse, Hamartoli sententias pro Syncelli, ut alii quoque Theophanis parili fuco divendunt.*

Specimen hujus rei esse poterunt excerpta sub Georgii Syncelli nomine ex illius chronico a Dionysio Petavio exhibita post Breviarium historicum Nicephori patriarchae (Paris. 1616). Ea enim, ut Vir ille animadvertit, falso Georgii nomen prae se ferunt, quum sint Theophanis. At ipse Georgii Hamartoli esse, non Theophanis, deprehendi. Quod inde etiam facili negotio haberi poterat, quando in illis nulla annorum distinctio, nulla temporis delineatio, sed rei, uti se habuit, plana et continuata narratio, quod praeter institutum Theophanis est, qui omnia annis concludit, et uno obtutu conspiciatur. Et ne alios in crimen adducere videar, ipse egomet in syntagmate meo de Engastrimyto olim edito (Lugd. 1629) sententiam de ea Hamartoli, Syncello, errore non levi, adserui: multa itaque sub Syncelli nomine, quae Theophanis et Hamartoli; multa sub Theophanis, quae Syncelli et Hamartoli; multa denique sub Hamartoli, quamvis non ita saepe, quum auctor in promptu haud fuerit, quae Syncelli et Theophanis sunt, laudantur. Et hi tres auctores, quando non omnibus pateant, apud recentiores confunduntur, et unus alterius saepenumero locum occupat». (pag. 25.) Аллаций показалъ и другую причину такого ошибочнаго смѣшенія: «*causa erroris fuit nomen illud monachi, quasi cognomen Georgiis addictum, quod recentiores parum advertentes, unumque Georgium monachum historiarum scriptorem opinantes, scripta omnia ad unum retulerunt*». (ibid.) Дѣйствительно, въ слѣдствіе этого недоразумѣнія, какъ объяснилъ Гардтъ, Поссевинъ почелъ Гамартола за одно лицо съ Георгіемъ Синкелломъ; равно и Скалигеру привелось видѣть рукопись: *Georgii monachi chronicon*, по содержанію

принадлежащую Гамартолу, но въ заглавіи приписанную Синкеллу. По словамъ Льва Аллація, изъ Хроники Георгія Гамартола *iisdem pene verbis, ac sententiis* почерпнули свои сказанія Кедринъ, Теофанъ, Глика и еще нѣкоторые Лѣтописатели, жившіе послѣ него. Императоръ Константинъ Багрянородный воспользовался ею въ сочиненіи: *Περὶ πρεβσεων Ῥωμαίων πρὸς ἑθνικοὺς* (неизданномъ вполнѣ и извѣстномъ только по извлеченіямъ — *de legationibus Romanorum ad exteros*). Гарлессъ увѣрялъ, что у Гамартола же заимствованы *chronologica excerpta, quibus Malalas ab initio suppletur* (l. l. pag. 463). Аллацій имѣлъ выписку, сдѣланную безыменнымъ труженикомъ, подъ названіемъ: *ex chronico Georgii monachi (Hamartoli) narratio, demonstrans, undenam et ex quo Imperatore originem sumserit Iconomachorum haeresis, et quando finem habuit, et de synaxi, quae sit prima sanctorum jejuniorum dominica*. Не смотря на сіе общее вниманіе къ Гамартолу, его Временникъ, какъ заявилъ Гарлессъ, *nondum integrum lucem vidit, etsi partes quasdam illius et fragmenta habemus a Petavio, Lambecio, Gretsero, Allatio, Radero aliisque sparsim edita*. — Гретсеръ напечаталъ отрывокъ: *de inventa cruce*, коего авторомъ онъ признавалъ Георгія Гамартола. — Гардтъ обѣщалъ издать его въ Латинскомъ переводѣ, съ комментаріями, но не исполнилъ своего обѣщанія. — Левъ Аллацій увѣдомлялъ: «*historiam (Hamartoli) ad aliorum scriptorum loca obscura et ardua explananda apprime necessariam nos e graeca lingua multis abhinc annis vertimus in latinam. Quae utinam aliquando bono reipublicae literariae lucem videat!*» И это желаніе не осу-

ществовалось; *«illa Allatii versio et editio non vidit lucem, nisi quod prooemium operis cum interpretatione sua, diatribae de Georgiis inseruit»*. (Harless l. l. pag. 464.) — Котелеръ упоминаетъ о двухъ рукописяхъ Гамартовой Хроники, находящихся въ Парижской Королевской Библіотекѣ; Ламбекъ сообщаетъ свѣденіе о Вѣнскомъ манускриптѣ, Аллацій — о Миланскомъ, Гретсеръ — о Баварскомъ, Гумфредъ Годи — о Бодлеянскомъ.

Читатели, наблюдавшіе развитіе отечественнаго бытописанія по кончинѣ незабвеннаго Исторіографа, безъ сомнѣнія, съ сожалѣніемъ видѣли, какъ порою возникали направиленія, увлекавшія неопытную молодѣжь и вводившія во искушеніе даже знатоковъ дѣла. Покинувъ безъ надлежащаго изслѣдованія обильные матеріалы, собранные Карамзинымъ для дальнѣйшей разработки, не разсмотрѣвъ и не изучивъ тѣхъ пособій, кои уже послѣ него неутомимымъ усердіемъ любителей Русской старины стали предметами гласности, нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ смѣло приступили къ вопросамъ, изумившимъ своею странностью и рѣзко обличившимъ суетное намѣреніе прикинуть Русскую Исторію на мѣрку заграничныхъ мнѣній, худо у насъ постигнутыхъ, еще хуже приложенныхъ къ нашимъ потребностямъ. При недостаткѣ должной отчетливости въ занятіяхъ отечественнымъ дѣеписаніемъ, при безпланности, съ коею критическая его сторона развивалась со времени Байера, при случайности, съ которою мы обращались къ разнымъ задачамъ, при сильномъ вліяніи проникавшихъ къ намъ чужеземныхъ идей о сущности Исторіи, неудивительно, что и толки, пуцен-

ные въ ходъ по смерти Карамзина, могли возбудить живой интересъ и найти ревностныхъ приверженцевъ. Тѣмъ скорѣе долженствовало это произойти, что во главѣ одного изъ такихъ направленій, падѣлавшаго много шума и заслужившаго даже громкое названіе *новой исторической школы*, стоялъ Ученый, пользовавшійся значительною извѣстностью, хотя число его сочиненій по Русской Исторіи весьма ограничено. Въ Вѣстникѣ Европы, въ Трудахъ Московскаго Историческаго Общества, въ Ученыхъ Запискахъ тамошняго Университета, были помѣщены отдѣльныя статьи покойнаго Каченовскаго о нѣкоторыхъ спорныхъ пунктахъ нашей древности (наприм., о Русской Правдѣ, о кожанныхъ деньгахъ, о судебныхъ поединкахъ и проч.). Сія статья, утвердившія глубокую довѣренность къ свѣденіямъ ихъ Автора, особенно нравились той части публики, у коей смутныя понятія о современныхъ воззрѣніяхъ Европейскихъ мыслителей породили убѣжденіе, что Исторія Государства Россійскаго для людей, знакомыхъ съ Вико, Гердеромъ, Шибуромъ и Гизо, уже неудовлетворительна. Желая видѣть эти *высшіе взгляды* примѣненными къ нашему бытописанію, сей *избранный классъ* цѣнителей Исторіографа почиталъ благимъ всякое даяніе, только бы оно носило на себѣ примѣты или упорнаго скептицизма, или пространныхъ разсужденій о челоуѣчествѣ и о непреложныхъ законахъ его совершенствованія. Всмотрѣться въ свойство даровъ пристальнѣе у нихъ не было ни досуга, ни произволенія. По этому-то они и не замѣчали, какъ М. Т. Каченовскій безъ достаточной причины измѣнялъ свои историческія вѣрованія,

внезапно переходилъ отъ Скандинавіи къ Хазарщинѣ, а отъ нея къ близорукому Пирронизму. Предъ нашими глазами сбылось дивное происшествіе: одинъ и тотъ же Ученый вдругъ началъ сомнѣваться въ истинѣ повѣствованій писателя, на котораго самъ прежде ссылался, чтобы подкрѣпить свои изысканія, и ему повѣрили на-слово, не позаботившись изслѣдовать, что значитъ такой крутой поворотъ. Не показываетъ ли этотъ поразительный фактъ, что съ легкаго пріема Байера почти по настоящую пору преуспѣяніе Русской Исторіи зависѣло не отъ плана, зрѣло обдуманнаго, не отъ стремленія къ цѣли, ясно сознанной, но отъ игры прихотливаго случая? Въ то время, когда Каченовскій выступилъ съ своими сомнѣніями, твореніе Карамзина, какъ я замѣтилъ выше, небольшому числу *избранниковъ* представлялось недостаточнымъ. Но признавая въ немъ всѣ роды несовершенствъ, — отсутствіе философскаго взгляда, разрывчатость изложенія, обиліе сентенцій, излишество общихъ мѣстъ, — сіи притязательные критики не обнаруживали ни охоты, ни рѣшимости, чтобъ двинуться впередъ, и пробавлялись обольстительною фразой, подсказанною имъ отцомъ скептическаго направленія: мы стоимъ теперь на прагѣ *неожиданныхъ перемѣнъ* въ нашихъ познаніяхъ объ Исторіи Сѣвера. Откуда же возмутся эти *перемѣны*? . . . Не всеу онѣ названы *неожиданными*, потому что къ появленію ихъ сдѣлано нами весьма мало приготовленій. То правда, ходя вокругъ величественнаго зданія, воздвигнутаго Исторіографомъ, наши глубокомысленные прагматики возводили на него свои высокіе взоры и съ важностію разсуждали, что оно хорошо для

умовъ ограниченныхъ , для невзыскательнаго круга читателей , коснѣющихъ во мглѣ предубѣжденій и непосвященныхъ въ тайнства Философіи Исторіи , а геніевъ XIX вѣка , съ всеобъемлющими воззрѣніями Вико и Гердера , съ проницательными соображеніями Нибура и Гизо , нисколько не удовлетворяетъ ; однакожъ , спокойнымъ наблюдателямъ сей распри современности съ прошедшимъ не напрасно сдавалось , что такими утлыми мѣрами нигдѣ и никогда не предварялись перевороты. Послѣдствія вполнѣ оправдали сію догадку. М. Т. Каченовскій , въ своихъ занятіяхъ отечественною Исторіею неимѣвшій ни системы , ни исходнаго пункта , ни опредѣленной мѣты , неувлекавшійся и склонностью къ писанію , импровизировавшій свои мнѣнія и , по скептическому настроенію духа , *неожиданно для самаго себя* нападавшій на запутанности , небылицы , искаженія , выдумки , подлоги и вставки , съ 1833 года принялся исподволь , съ обычными передѣлками и превращеніями , объявлять , въ чемъ же заключаются возвѣщенныя имъ перемѣны. Молодые люди , наскучившіе стояніемъ на прагѣ , съ энтузіасмомъ внимали благовѣстителю объ этихъ *неожиданностяхъ* и съ жаромъ взялись распространять его ученіе. Ареною ихъ подвиговъ была Ученыя Записки Московскаго Университета , Телескопъ и Сынъ Отечества. Знатоки Русской Исторіи тотчасъ усмотрѣли въ отважныхъ попыткахъ молодёжи и шаткость свѣденій , и тяжкіе промахи , и непрестанныя противорѣчія , и кипучую заносчивость ; но въ публикѣ , вмѣняющей себѣ въ обязанность согласовать свои понятія съ журнальными толками , быстро пронеслась молва о грозной скептической

школъ , объ опасности , готовой разразиться надъ Исторіею Государства Россійскаго. Воистину, *надъпала синица славы!*.. По заманчивому образцу, указанному Нибуромъ, Каченовскій и его приверженцы затѣяли доискиваться баснословнаго періода въ нашей Исторіи , наклепали на нее скудость, сомнительность, недостоверность, твердили, будто до высшей ихъ критики никто не постигалъ , какъ сложены наши Лѣтописи , покушались убѣдить , что они лишъ въ состояніи раскрыть первобытный видъ и источники древняго Русскаго дѣписанія. Временникъ Нестора , на который дотолъ всѣ взирали съ уваженіемъ , какъ на драгоценный памятникъ старины, имъ казался смѣсью небольшого количества правды съ изряднымъ грузомъ вымысловъ , даже явной лжи, и они смѣло упрекали почитателей его въ ослѣпленіи, въ неумѣньи различить быль отъ сказки. Возможно ли, говорили скептики, чтобъ въ XI столѣтіи , когда предки наши находились еще на низкой степени просвѣщенія , отыскался кто нибудь, способный написать строго - систематическое сочиненіе , въ коемъ ничего неопущено , все размѣщено въ порядкѣ? Не упоминается ли въ Лѣтописи , *якобы* составленной Преподобнымъ Несторомъ, о предметахъ, о которыхъ Русскіе узнали не раньше XIII , или XIV вѣка? Позволительно ли предполагать , что они на пути къ образованію предшествовали прочимъ своимъ соплеменникамъ и сосѣдямъ? При сихъ разительныхъ опроверженіяхъ подлинности Несторова Временника, защитники его размышляли ли о рухлыхъ основаніяхъ, о зыбкихъ опорахъ , на коихъ онъ утвержденъ? Не очевидно ли , что всѣ его повѣствованія сотканы или изъ

преданій, уже искаженныхъ въ устахъ многихъ поколѣній, или изъ заимствованій у Византійцевъ, у Адама Бременскаго и Гельмольда, у безыменнаго автора Хропики Славїи и Ирландскихъ сказочниковъ, или изъ выдумокъ домашняго рукодѣля? Могъ ли полуграмотный монахъ, предавшійся отшельническому безмолвію, разумѣть Византійскихъ Историковъ? Могъ ли онъ, если бы даже имѣлъ свѣденія въ Латинскомъ языкѣ, пользоваться Гельмольдомъ и Хроникою Славїи, когда первый писалъ около 1170, а вторая сочинена въ 1174 году? Лзя ли признать Лѣтопись Нестора произведеніемъ XI столѣтія, сообразивъ ея сказаніе о Болгарахъ (по мнозѣхъ же временѣхъ, сѣли суть Словене по Дунаевѣ, гдѣ есть *нынь* Угорска земля и Болгарска), принявъ во вниманіе, что Поляки наименованы въ ней Ляхами (по словамъ скептиковъ, это названіе сдѣлалось употребительнымъ не прежде XIII в.), и разсудивъ о томъ, что она выводитъ на позорище Волоховъ, поселившихся въ теперешней Валахіи въ промежутокъ времени съ 1290 по 1314 годъ? Не ясно ли, что мнимая Несторова Лѣтопись сложена кѣмъ-то въ исходѣ XIII, или въ началѣ XIV столѣтія? Сей неизвѣстный составитель, окончивъ Космографію, взятую у Гамартола, приступаетъ къ описанію рѣкъ и народовъ Россіи; не этимъ ли Адамъ Бременскій и Гельмольдъ открываютъ свои Хропики? Не изъ нихъ ли почерпнуты имена Бальтійскихъ Славянъ, приданы Славянамъ Русскимъ (Поляне отъ Полабовъ, Воляняне отъ Вилиновъ, Лутичи отъ Лютичей, Древляне отъ Гольцатовъ), и наудачу разбросаны по ихъ странѣ? Иначе, какъ распутать Гордіевъ узелъ: названія

сихъ послѣднихъ исчезли уже до Нестора, а онъ обстоятельно исчисляетъ всѣ племена, обитавшія въ Руси, и показываетъ, гдѣ каждое жило? Не явно ли, что какой-то компиляторъ XIII, или XIV вѣка, запасшись чужимъ добромъ, довольно складно вымыслилъ эту небывальщину? Временникъ, приписанный Нестору, содержитъ въ себѣ рассказъ, что Сѣверные Славяне платили дань Варягамъ, Южные — Хазарамъ; здѣсь видны какъ бы два особые міра Русскихъ Славянъ; не тоже ли встрѣчается въ Хроникѣ Славянъ, раздѣляющей Славонію на великую и малую? Повѣствованіе нашей Лѣтописи объ изгнаніи Варяговъ, объ усобицахъ, возникшихъ между Славянами, о приглашеніи чужеземцевъ для прекращенія смутъ, не походитъ ли на извѣстіе Гельмольда о нападеніи Ругіевъ на Любекъ, отраженномъ Гольцатами, о враждѣ Кициновъ и Цирципановъ съ Редаріями и Толенцами, о призваніи послѣдними на помощь Свенона II, Короля Датскаго, Бернгарда, Герцога Саксонскаго, и Готшалка, владѣтеля Оботритовъ? Сказаніе о Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ не напоминаетъ ли Ирландской повѣсти о трехъ братьяхъ: Амелаусѣ, Ситтаракусѣ и Иворусѣ, кои, приплывъ съ Остманнами изъ Норвегіи въ Гибернію, построили тамъ Дублинъ, Гвиттерфордъ и Лимерикъ, около 853 года? Подвиги Аскольда и Дира, обширныя, почти Наполеоновскія завоеванія Олега, оба договора съ Царьградомъ (911 и 945 г.), не принадлежатъ ли къ разряду басенъ? Условія сихъ договоровъ сообразны ли съ тогдашнею полудикостью Руси? Не надлежитъ ли искать ключа къ этимъ выдумкамъ въ трактатахъ Ганзы

съ Новгородомъ и Смоленскомъ? Обликъ Святослава, описанный Львомъ Діакономъ, употребленіе имъ конины въ пищу, многоженство Руссовъ X столѣтія, о которомъ говоритъ Ибнъ-Фоцланъ, бракъ Владиміра I съ Греческою Царевной, приводящій на память родственныя связи Византійскихъ Императоровъ съ Каганами Хазарскими, — всѣ сіи не-Норманскія черты не подкрѣпляютъ ли гипотезы Эверса объ Азіатскомъ происхожденіи Руси? Кто не знаетъ, что народъ съ именемъ Варяго-Руссовъ никогда не существовалъ, что Варягами назывались Бальтійскіе Славяне Вагры, и что Руссы уже до Рюрика жили на Югѣ Россіи? Кому неизвѣстно, что Русью именовалась преимущественно Кіевская Область, что это названіе перешло оттуда на Сѣверъ и Востокъ со времени распространенія тамъ удѣльныхъ Княжествъ, причислявшихся къ системѣ Великокняженія Кіевского, когда многія сѣверо-восточныя мѣстности заселились южными выходцами, что до вторженія Татаръ сіе имя не могло, однакъ, укорениться въ тѣхъ странахъ, что только съ перенесенія Митрополитской каѳедры въ Москву оно утвердилось и на Сѣверѣ, ибо Первосвятители титуловались обыкновенно Митрополитами *всей Руси*, не допуская различія между Сѣверомъ и Югомъ, и что Московскіе Князья, подражая ихъ примѣру, стали также называться Великими Князьями *всей Руси* (хотя еще не владѣли настоящею, Кіевскою, Русью), чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ предъявлять свои притязанія на другія области, носящія Русское имя, какъ на такія, кои *будто бы* отторгнуты отъ Руси древней? Не свидѣтельствуютъ ли Степенныя Книги

и Никоновская Лѣтопись, что Печенѣги и Половцы единоплеменны Руссамъ? Не усматриваемъ ли изъ самаго Временника Несторова, что начало названія Руси 10 годами старѣе прибытія Рюрика? Не доказываютъ ли *здравая Логика (!)*, историческіе *домыслы* и Арабъ Абульфеда, что Варягами именовали себя Вагры, въ VI вѣкѣ неоднократно нападавшіе, вмѣстѣ съ Аварами, на Римскія Провинціи, и что это имя, въ видѣ нарицательнаго, распространилось на всѣхъ прочихъ Бальтійскихъ Славянъ (Оботритовъ, Ругіевъ, Кассубовъ, Лютичей и др.)? Вагро-Варяги усердно занимались торговлею, посѣщали Данію, Швецію и Норвегію, возили товары къ соплеменникамъ, нерѣдко пускались на корабляхъ даже въ Грецію; въ XI, можетъ статья и въ началѣ XII столѣтія, междоусобія вынудили нѣкоторыхъ изъ нихъ покинуть отечество; въ ту пору одни предались морскимъ разбоямъ, другіе *отправились въ землю нашихъ предковъ*, третьи — въ Константинополь, гдѣ поступили въ Императорскую гвардію, подъ названіемъ Варанговъ; Византійцы не почитали ихъ Славянами, но находили въ нихъ Скандинавовъ; сія очевидная ошибка не даетъ ли повода догадываться, что къ Славянамъ, опредѣлившимся въ тѣлохранители Императоровъ, земляки ихъ уже не приходили болѣе, а прибывали по-временно Германцы съ Варяго-Бальтійскихъ береговъ, и какъ первые, такъ и позднѣйшіе наемники слыли въ Царьградѣ подъ общимъ именемъ Варанговъ? Не согласнѣ ли съ истиной признать также, что основаніе Новгорода, появившагося исторически только въ XII вѣкѣ (по этому и незнакомаго Вульфстану, плававшему по Бальтійскому морю

около 890 г.), положено колонією Вагро-Варяговъ, прежде второй половины сего столѣтія, въ эпоху ихъ внутреннихъ раздоровъ, наставшихъ по смерти Генриха II (1024) и продолжавшихся до исхода XII в.? Не припоминаютъ ли нашъ Новгородъ Оботритскаго Мекленбурга, наша Старая Ладога — Вагрскаго Стариграда (Ольденбурга), нашъ Волховъ — Вагрской рѣки Волхова или Варновы, нашъ Демьяновъ, во 120 верстахъ отъ Новгорода, — Вилько-Цирципанскаго Демина, нашъ Ростовъ — Вилько-Кицинскаго Ростокъ, наша р. Великая — самага имени Вильковъ, поселившихся на ней? Городъ Тверь не названъ ли такъ отъ *товара*, коимъ торговала какая нибудь Готская факторія на берегахъ Волги? Не Вагры ли принесли съ собою Прове, или Прона, переименованнаго у насъ въ Церуна? Извѣстные въ нашемъ законодательствѣ Смерды не суть ли новѣйшіе пришельцы отъ Бальтійскаго Поморья, единоплеменники Вагровъ? Не ближе ли къ правдѣ допустить, что Вагро-Варяги Новгородскіе вошли въ сношенія съ южными Князьями и начали постоянно избирать себѣ одного изъ нихъ въ покровители по двумъ причинамъ: во первыхъ, чтобъ обезпечить свою колонію отъ притѣсненій воинственныхъ сосѣдей, а во вторыхъ, чтобы получать оттуда хлѣбъ? Молва о ранней промышленной дѣятельности Новгорода, Пскова и Смоленска не обличаетъ ли нелѣпыхъ вымысловъ? До XII столѣтія весь Сѣверъ былъ покрытъ глубокимъ мракомъ невѣжества; торговля Европейская стала развиваться подъ вліяніемъ Крестовыхъ Походовъ; Византійскіе писатели молчатъ о торговыхъ связяхъ Греціи съ Русью; Гамбургъ

и Любекъ завели ихъ съ обитателями береговъ Бальтійскаго моря не прежде XIII вѣка; съ кѣмъ же могли торговать Новгородцы? (См. Буткова, Оборона Несторовой Лѣтописи, стр. 2, 30, 31, 54, 55, 56, 62, 63, 65, 69, 90, 91, 92, 105, 106, 114, 119, 125, 126, 132, 133, 134, 136, 148.) — Я слегка коснулся здѣсь мнѣній *Скептической школы*; но и сказаннаго уже достаточно, чтобъ убѣдиться въ ихъ произвольности, скороспѣлости, шаткости. Не взирая на это, сколько надѣлано шума! *Parturiunt montes*.... Тяжко подумать о состояніи у насъ исторической критики!.. Повѣрятъ ли иностранцы, что мы нѣсколько лѣтъ сряду толковали о всѣхъ сихъ предметахъ, какъ о чемъ-то дивномъ, предвѣщающемъ внезапный переворотъ въ нашихъ познаніяхъ Русской древности? Повѣрятъ ли и тому, что мы имѣли тогда Стоическую твердость духа выставять образцомъ себѣ — Нибура? И кто же затѣялъ эту суматоху? Пять-шесть юношей, съ дарованіями и пылкостью, но безъ приготовительныхъ свѣденій, безъ направленія. Самые талантливые изъ нихъ, тѣ, на коихъ родоначальникъ Скептицизма возлагалъ свои лучшія упованія, скоро смекнули дѣло, разгадали, что оно непрочно, и, отрекшись отъ безплодной траты усилій на странные пересуды, обратились къ трудамъ положительнымъ. Къ общему прискорбію, смерть постигла одного въ ту пору, когда всѣ были въ правѣ надѣяться отъ него весьма значительныхъ услугъ отечественной Исторіи, особенно въ отношеніи задачи, имъ избранной. (*) Другой нынѣ съ честію подвизается на

(*) Въ 1859 году, я слышалъ отъ покойнаго С. М. Строева, что онъ

поприщѣ, недавно еще открытомъ и ожидающемъ искусныхъ дѣятелей. Важная обязанность предстоитъ ему: сообщить публикѣ повѣсть о своемъ прежнемъ скептическомъ ратованьи, которую онъ мастерски умѣетъ рассказывать. Такая исповѣдь окажетъ великую пользу и упорствующимъ современникамъ, и грядущимъ родамъ. Но вотъ вопросъ: въ ряду обработывателей Русской Исторіи какое мѣсто назначить М. Т. Каченовскому? Не подлежитъ спору, что онъ обладалъ ученостью, глубокомысліемъ, остроуміемъ, ревностью къ занятіямъ; *«aber dennoch»*, примолвимъ съ Генрихомъ Риттеромъ, *«es gibt eine Gelehrsamkeit, welche nur verwirrt, einen Scharfsinn und Tiefsinn, welche nur im Streite lebend nicht zur Einigkeit mit einander kommen können, einen Eifer, welcher blind ist»*. (Göttingische gelehrte Anzeigen, 1843, 110 und 111 Stück, S. 1098.) Въ сей характеристикѣ не узнаемъ ли покойнаго основателя вмаѣ скончавшейся школы Россійскихъ Скептиковъ? . . . — Впрочемъ, желательно, чтобы кто нибудь изъ учениковъ Каченовскаго изобразилъ намъ его труженичество и какъ писателя, и какъ наставника юношества.

намѣренъ заняться Новгородскою Исторіею, касательно коей у насъ, въ общемъ итогѣ, совершенно очень мало. Единственною, сколько нибудь замѣчательною, попыткой уяснить древнюю организацію этого знаменитаго города надлежитъ признать статью Неймана: *Verfassung und Verwaltung Novgorods im Mittelalter*, помѣщенную въ *Studien zur gründlichen Kenntniss Russlands, mitgetheilt von Ewers, Dorpat, 1830, S. 257 — 478.* — С. М. Строевъ обозрѣвалъ Архивы Рижскій и Любекскій. Последний небогатъ матеріалами для нашего Новгорода; но въ первомъ ихъ много, какъ видно уже изъ Указателя, составленнаго Г. Папперскимъ.

Упомянувъ вообще о толкахъ, пущенныхъ въ ходъ смѣлыми Скептиками, почитаю нужнымъ нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть ихъ отзывъ о началѣ и развитіи нашего дѣянія. Сущность этого отзыва состоитъ въ слѣдующемъ: 1) по здравому смыслу невозможно допустить, чтобы монахъ XI вѣка былъ въ состояніи сложить что либо похожее на дошедшій до насъ Временникъ, ибо въ ту эпоху ни у кого не достало бы ни умѣнья, ни охоты, приняться за такой трудъ, да и самый языкъ, необработанный еще для письменности, своими неодолимыми преградами сдѣлалъ бы тщетнымъ каждое покушеніе. 2) *Византійцы не имѣли причины передавать свои Хронографы и другія историческія произведенія народу безграмотному*; къ тому же, они сами не могли тогда похвалиться обиліемъ книгъ, которыя и у нихъ казались чрезвычайною рѣдкостью. 3) Извѣстіе о прибытіи Нестора къ Θεодосію въ 17-лѣтнемъ возрастѣ, о его участіи въ перенесеніи мощей Преподобнаго, есть вымыслъ, очевидная вставка (не всѣ, однакожъ, приверженцы Скептицизма раздѣляютъ сіе мнѣніе; иные признаютъ эти событія истинными и приписываютъ Нестору сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, о зачатѣ Печерскаго монастыря, о житіи Θεодосія и объ открытіи нетлѣнныхъ его останковъ). 4) Если Кіевопечерскій инокъ Поликарпъ и называетъ Нестора *Лѣтописцемъ*, то сіе свидѣтельство надобно понимать такимъ образомъ, что *Преподобный Несторъ велъ записки о происшествіяхъ Печерской Обители*, слѣдовательно сочинилъ не гражданскій, но монастырскій Временникъ. 5) Существованіе этихъ записокъ неоспоримо: уступимъ, что Несторъ

дѣйствительно составилъ Лѣтопись, понынѣ слывущую подъ его именемъ; откуда же онъ, жившій въ исходѣ XI столѣтія, свѣдалъ о годахъ рожденія и смерти Великихъ Князей X вѣка? По какимъ указаніямъ опредѣлилъ, когда случились затмѣнія солнечныя и лунныя, или другія небесныя явленія? 6) Соглашаясь, что въ монастыряхъ подлинно существовали записки, не должно смѣшивать ихъ съ уцѣлѣвшими доселѣ Лѣтописными Сборниками: повѣствованія, содержащіяся въ сихъ Сборникахъ, объемлютъ не одно какое нибудь Княжество, а всѣ; записки же монастырскія, безъ сомнѣнія, заключались въ несравненно тѣснѣйшей сферѣ, ограничивались чаще тѣмъ городомъ, много-много тѣмъ Княженіемъ, гдѣ находился самый монастырь, коего трудолюбивый инокъ-бытописатель отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ главнѣйшіе случаи, касавшіеся монастырскихъ дѣлъ. 7) Эти случаи, вѣроятно, были очень просты: пришествіе набожныхъ странниковъ, кончина кого нибудь изъ братіи, благочестивое подвижничество усопшаго, перемѣны настоятелей, сооруженіе новыхъ зданій, украшеніе храмовъ, вклады добродѣтельныхъ, разоренія отъ враговъ, естественныя знаменія; можетъ статься, что сказатель присовокуплялъ къ сему кое-что и о себѣ, сколько позволяла его отшельническая скромность, иногда вводилъ душеспасительныя размышленія, ополчался на мірскую суету, похвалялъ долю тружениковъ, мѣнявшихъ житейскія тревоженія на затворничество, молитву и постъ, обличалъ пороки, угрозами неумытнаго суда Божія призывалъ къ раскаянію. 8) Позднѣйшіе компиляторы, видя краткость монастырскихъ записокъ, дополняли ихъ, при-

бавляли къ нимъ изъ Греческихъ Хронографовъ, помѣщали въ нихъ все, что попадалось подъ руки, и, такимъ образомъ, слагали Лѣтописные Сборники. 9) Бытіе записокъ прекращается XIII столѣтіемъ; въ XIV появляется уже немалое число Сборниковъ. 10) О времени, когда начались монастырскія записки, неизвѣстно ничего положительнаго (*). 11) Если бы Несторъ сочинилъ и Лѣтопись, и Повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, и Житіе Преподобнаго Θεодосія, то въ этихъ твореніяхъ не повторялись бы одни и тѣ же обстоятельства. 12) Нелѣпо думать, чтобы кто нибудь до Нестора составилъ подробное описаніе Славяно - Русскихъ племенъ; а сей монахъ XI вѣка, сидя въ своей кельѣ на Днѣпрѣ, могъ ли знать, кто живетъ на Припяти, Двинѣ, Полотѣ, Деснѣ, Семи, Сулѣ? Дабы развѣдать это, ему надлежало

(*) Касательно этого вопроса, Скептики несогласны между собою во мнѣніяхъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ: „какихъ Русскихъ Князей Священникъ В. К. Ольги могъ записывать въ своихъ поминаньяхъ, когда все наши Князья до Владиміра были язычники? Только съ конца X, или съ начала XI вѣка, стала проявляться у насъ письменность.... Записки, какія бы то ни было, не могли быть ранѣе Нестора, и можно почти рѣшительно сказать, что до половины XI в. едва ли они могутъ быть допущены. Первые монастыри появились у насъ не ранѣе первой половины XI в., а въ монастыряхъ, до 1074 г., не было другихъ занятій для черноризцевъ, кромѣ поста, молитвы, устроенія монастыря, церкви, келій, и выкапыванія пещеръ. Могли ли они думать о Хронографахъ, когда съ трудомъ имѣли книги, необходимыя для богослуженія? Нестору не надобно уже было заботиться о матеріальныхъ и грубыхъ занятіяхъ. Онъ свободное отъ молитвы время могъ посвящать веденію монастырскихъ записокъ“. Сынъ Отечества, 1853, N. 11. — У Буткова, въ Оборонѣ Несторовой Лѣтописи, стр. 183 — 186.

путешествовать; но въ тогдашнюю пору географическія экспедиціи были неслыханною диковинкой. Откуда же Несторъ заимствовалъ свои показанія? Правительство не заботилось объ этнографіи; народъ — еще менѣе; отъ посѣтителей монастыря едвали успѣлъ бы Лѣтописецъ добиться толка: сами не разумѣли сего дѣла. Не явный ли тутъ подлогъ?... 13) Сочинителемъ Временника, приписываемаго Нестору, позволительно, съ равнымъ основаніемъ, признавать, какъ нѣкоего Василія, рассказывающаго о себѣ (подъ 1097 годомъ), что Давидъ Игоревичъ посылалъ его вести переговоры съ Теребовльскимъ Княземъ Василькомъ, такъ и Сильвестра, Игумена Выдубицкаго, который (подъ 1116 г.) увѣряетъ, что онъ написалъ Лѣтопись; поэтому, слова: *азъ, ми, мнѣ*, встрѣчаемыя въ ней, принадлежать столько же Василю и Сильвестру, сколько и Нестору. 14) Еслибъ составитель Временника, доведеннаго до половины XI столѣтія, назывался Несторомъ, то имя его, какъ *перваго* Лѣтописца, включили бы между духовными лицами, присутствовавшими, въ 1091 году, при перенесеніи Θεодосіевыхъ мощей, въ слѣдствіе особеннаго уваженія, какое тогда питали къ бытописателямъ; но Несторъ, въ качествѣ Лѣтописца, сдѣлался извѣстенъ не прежде XVII вѣка: Герберштейнъ, Принцъ Фонъ Букхау, Петрей, Олеарій, не знаютъ его даже по слухамъ, да и сочинитель Степенной Книги молчитъ о немъ; доказывать же подлинность произведенія XI столѣтія свидѣтельствомъ XVI, или XVII вѣка, есть нѣчто совершенно небывалое въ историческомъ мірѣ. 15) Лѣтопись наша могла быть составлена при Митрополитахъ

Кириллѣ (1250 — 1281) и Кипріянь (1376 — 1406). Оба они усердно радѣли объ умноженіи Греческихъ и Славянскихъ книгъ. Весьма правдоподобно, что Кириллѣ положилъ начало Временнику, именуемому Несторовымъ, а Кипріянь, глубоко свѣдущій въ языкѣ Греческомъ, продолжалъ, привелъ *повѣствованія Византійцевъ* и свои собственныя сказанія въ систематическій порядокъ. Это мнѣніе подкрѣпляется уже и тѣмъ, что древнѣйшіе списки Нестора прерываются въ XIII столѣтіи; изъ написанныхъ же на Сѣверѣ старѣйшій — Лаврентіевскій, *сльдовательно* до него нашъ Сѣверъ не имѣлъ никакихъ Лѣтописей. 16) Очень могло также статься, что какой нибудь Вагро-Варягъ, смѣтливый, искусный, знающій и тщеславный, пріобрѣтши Кіевскій Временникъ, сложенный изъ Византійскихъ Хроникъ, народныхъ преданій и повѣрій, управлялся съ нимъ, какъ его душѣ хотѣлось, производилъ въ немъ, по своимъ гаданіямъ, измѣненія, прибавленія, сокращенія, и смѣлою рукою перенесъ въ него замѣчательнѣйшія и важнѣйшія происшествія изъ Исторіи своихъ соотечественниковъ, когда они обитали еще на прежней землѣ. Къ разсказу Кіевлянина о переселеніи Славянъ съ Дуная онъ пріобщилъ своего изобрѣтенія извѣстіе о Полочанахъ и о Славянахъ Ильменскихъ, къ Южной, дѣйствительной Руси, придумалъ другую, Сѣверную Русь, и, посредствомъ мнимаго участія Южныхъ Руссовъ въ призваніи Рюрика съ Сѣвера, помощію вымышленнаго похода части Сѣверныхъ Руссовъ въ Кіевъ подъ начальствомъ Аскольда и Дира, породнилъ Сѣверъ съ Югомъ. Все же это сдѣлалъ хитрый Вагръ для того, чтобы до-

ставить право старшинства Новгороду, созданному только во второй половинѣ XII вѣка, показать его значительность и возвысить въ понятіяхъ современниковъ. — (См. Буткова, Оборона Несторовой Лѣтописи, стр. 157, 158, 177, 178, 185, 186, 188, 195, 209, 228, 237 — 239.) — Въ заключеніе, упомяну, что притязательные Скептики, неутомимо изыскивая способы къ униженію Несторовой Лѣтописи, вмѣняютъ ей въ упрекъ: 1) сказку о Бѣлогородскихъ колодязяхъ съ киселемъ и сытою; 2) *небылицу*, будто Кіевскіе рыбаки вытащили изъ воды, въ 1064 г., младенца - урода, съ срамными удами на лицѣ; 3) слова: «сани Ольгины стоятъ въ Псковѣ до сего дне»; 4) голословныя повторенія одного и того же; наприм., о нападеніи Печенѣговъ на Кіевъ въ 968 г. написано одинаково, какъ и подъ 915 годомъ. — По домысламъ ученаго, проницательнаго Скептического братства, открылось также: 1) что всякой маломальски грамотный человѣкъ XI столѣтія былъ въ состояніи сочинить Житіе Θεодосія и Повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ; 2) что Духовная Владиміра Мономаха *едвали* принадлежитъ ему, ибо найдена въ одномъ лишь Лаврентіевскомъ спискѣ; 3) что древность Остромирова Евангелія 1056, и Святославовыхъ Сборниковъ 1073 и 1076 годовъ, *подозрительна*: «желательно знать, откуда писатели наши получали въ XI в. свой пергамина? Изъ чего и какъ составляли свои чернила? Сколько часовъ могли трудиться въ своихъ клѣткахъ безъ каминовъ и трубъ, при мерцаніи тлѣющейся лучины? Откуда выписывали стекла, или слюду для оконъ?»; 4) что грамоты Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю (между 1128—

1132 г.) и Всеволода Мстиславича (1125 — 1138) церкви Іоанна Предтечи на Петрятинѣ дворѣ — подложны. (Ср. *ibid.*, стр. 240 — 247.) —

Какъ ни произвольны толки Скептиковъ, какъ ни жалки слабыя ихъ усилія поколебать довѣріе къ Преподобному Нестору, а чрезъ то — и къ ранней нашей Исторіи, какъ ни укоризненно ихъ суетное, легкомысленное стремленіе подражать заграничнымъ ученіямъ, однакожъ мы обязаны имъ появленіемъ двухъ весьма важныхъ сочиненій Гг. Погодина и Буткова, неумытно обнаружившихъ всю неосновательность, всю шаткость Скептическихъ мнѣній.

Въ 1839 году, М. П. Погодинъ издалъ свои давнія изслѣдованія, подъ заглавіемъ: *Несторъ, историческо-критическое разсужденіе о началъ Русскихъ Лѣтописей*. Этотъ превосходный трудъ, будучи плодомъ продолжительнаго и очень короткаго знакомства съ нашимъ старѣйшимъ дѣписателемъ, пролилъ яркій свѣтъ на развитіе отечественной Исторіографіи. Почтенный Профессоръ раздѣлилъ его на девять статей, изъ которыхъ въ первой говорится о достовѣрности древней Русской Исторіи и Лѣтописи вообще; во второй — о времени и мѣстѣ составленія первоначальной Русской Лѣтописи; въ третьей — о Лѣтописцѣ Несторѣ; въ четвертой — о Лѣтописи Несторовой; въ пятой — объ источникахъ ея; въ шестой — о договорахъ Русскихъ Князей Олега, Игоря и Святослава съ Греками; въ седьмой сдѣланъ опытъ разложенія Несторовой Лѣтописи на части,

судя по пособіямъ, коими руководствовался бытописатель; въ осьмой обзорѣны Саги, вошедшія въ Лѣтопись Нестора; въ девятой приведены доказательства подлинности Несторовыхъ извѣстій; на концѣ присовокуплено заключеніе лекцій о Несторѣ Студентамъ Московскаго Университета. — Разсмотримъ здѣсь тѣ результаты разысканій М. П. Погодина, которые имѣютъ ближайшую связь съ нашимъ предметомъ.

«По всѣмъ самымъ точнымъ изслѣдованіямъ», утверждаетъ Г. Погодинъ, «по всѣмъ самымъ мелкимъ наблюденіямъ, по всѣмъ усиленнымъ соображеніямъ, подвергая строжайшей критикѣ всѣ показанія Лѣтописи и всѣ свидѣтельства постороннія, хладнокровно, безпристрастно, добросовѣстно, въ томъ положеніи, въ какомъ находится нынѣ наша Исторія и ея критика, сколько до сихъ поръ извѣстно источниковъ и документовъ, мы признаемъ несомнѣннымъ, что первою нашею Лѣтописью мы обязаны Нестору, Кіевопечерскому монаху II столѣтія. Чѣмъ разнообразнѣе допросу подвергается онъ, тѣмъ чище, достовѣрнѣе, почтеннѣе является предъ глазами всякаго неумытлаго судьи, какъ старый Геродотъ, на котораго также возводимо было много несправедливыхъ подозрѣній, въ продолженіе вѣковъ. Всѣ клеветы и напраслины сбѣгаютъ чужою чешуею съ нетлѣнныхъ его останковъ. Да, мы обладаемъ въ Несторовой Лѣтописи такимъ сокровищемъ, какого не представитъ намъ Латинская Европа, какому завидуютъ наши старшіе братья Славяне». (Стр. 226 — 227.) Вотъ основная мысль, развиваемая М. П. Погодинымъ въ замѣчательномъ его сочиненіи!

Пойдемъ въ слѣдъ за нимъ, чтобъ убѣдиться, вѣрна ли эта мысль, дѣйствительно ли она и по отчетливымъ изысканіямъ оказывается неподлежащею сомнѣнію. Прежде всего, Г. Погодинъ подкрѣпляетъ истину событій, повѣствуемыхъ въ древней Русской Исторіи, тѣмъ, что главныя ея положенія засвидѣтельствованы иностранцами — современниками и очевидцами: Патріархомъ Фотіемъ (около 866 г.), Масуди (913), Ибнъ-Фоцланомъ (921), Кремонскимъ Епископомъ Луитпрандомъ (946), Императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ (около 955), Львомъ Діакономъ (видѣвшимъ Святослава лицомъ къ лицу), Епископомъ Мерзебургскимъ Дитмаромъ (жившимъ въ одну пору съ Святополкомъ), Кедринъ (1057), Ламбертомъ Ашаффенбургскимъ (1077), Зигбертомъ Гемблурскимъ и Папою Григоріемъ VII (современными Изяславу I). «Симъ свидѣтелямъ не лъзя не вѣрить! Это все очевидцы, современники описанныхъ ими происшествій, въ коихъ инымъ случалось быть даже дѣйствующими лицами. Они не сговаривались между собою, . . . не списывали другъ у друга, . . . имъ не было нужды выдумывать, ибо они описывали другіе предметы, а объ насъ, большею частію, роняли нѣсколько словъ мимоходомъ». (Стр. 7 — 8.) Опираясь на сіи чужеземные источники, М. П. Погодинъ начертываетъ очеркъ нашей Исторіи въ IX, X и XI вѣкахъ, сравниваетъ его съ домашними Лѣтописями, усматриваетъ, что *въ нихъ тѣже извѣстія съ незначительными переменами, одни подробнѣе, другія кратче, и, въ слѣдствіе этого сближенія, заключаетъ, что Русская Исторія IX, X и XI столѣтій «сугубо достоверна, бывъ основана на*

иностранных свидѣтельствахъ и подтверждена отечественными». (Стр. 11.) Сверхъ сего, Г. Погодинъ предлагаетъ и другой, очень остроумный способъ для критической повѣрки древнѣйшей Исторіи Россіи. «Представимъ себѣ», говоритъ онъ, «что кто нибудь хочетъ начинать ее съ XII в. . . . Тогда являются на сценѣ слѣдующія дѣйствующія лица: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Всеволодовичъ, Олегъ Святославичъ, Давидъ Игоревичъ, Володаръ Ростиславичъ, Василько Ростиславичъ, Рюрикъ Ростиславичъ, Мстиславъ Святополковичъ, Ярославъ Святополковичъ, и проч.. Всѣ они двоюродные братья и дяди между собою, какъ замѣчаю я при первыхъ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, допускаемыхъ вами. Слѣдовательно, разсуждаю я далѣе, ... сторона наша искони принадлежала одному роду, ... не была завоевана, ... занята мало по малу, по мѣрѣ размноженія сего рода. . . . Отдѣльные Новгородцы, призывая и изгоняя Князей, указываютъ мнѣ на древній свой обычай. Земля не сплошь населенная, съ областями, кои отдѣлены одна отъ другой степями, лѣсами, болотами, подтверждаетъ мои выводы. Далѣе — имена, встрѣчаемыя мною въ этомъ столѣтіи, кажутся мнѣ двухъ родовъ (кромѣ Христіанскихъ): одни имѣютъ смыслъ на нашемъ языкѣ — Святославъ, Святополкъ, Мстиславъ; другихъ я никакъ объяснить не могу — Олегъ, Игорь, Рюрикъ. Сіи имена. . . . принадлежать, вѣрно, другому племени. Слѣдовательно, у насъ, какъ и вездѣ по Европѣ, были пришельцы и туземцы. Кому же принадлежать имена сіи, пришлому племени, или туземному? Разумѣется, пришлому, ибо сихъ непонятныхъ именъ несравненно

меньше понятныхъ, принадлежащихъ туземцамъ. Слѣдовательно, пришельцы сіи явились у насъ, вѣрно, задолго до XII в., ибо языкъ ихъ потерялся, и даже именъ ихъ осталось мало въ употребленіи. Гдѣ же находятся подобныя имена? На Сѣверѣ я встрѣчаю множество сихъ именъ въ это время; изъ этого и заключаю, что пришлое племя родомъ съ Сѣвера, Норманны. Наконецъ, я вижу, что всѣ сіи Князья и ихъ подданные исповѣдуютъ вѣру Греческую. Слѣдовательно, предки ихъ получили ее изъ Константинополя; слѣдовательно, имѣли связь съ симъ городомъ больше, нежели съ Западомъ, и съ Юга, а не съ Сѣвера». (Стр. 11 — 13.) Утверждаясь на этихъ соображеніяхъ, М. П. Погодинъ признаетъ, что *Русскую Исторію «должно начинать съ IX, какъ досель было принято, а не съ XII, не съ XI, даже не съ X столѣтія, какъ бредятъ нѣкоторые»*. (Стр. 14.) Доказавши сей отзывъ, Г. Погодинъ приступаетъ къ вопросу: гдѣ положено первоначальное основаніе нашимъ Лѣтописямъ? «Безъ всякаго сомнѣнія, въ Кіевѣ», отвѣчаетъ онъ. Въ пользу этого свидѣтельствуютъ: 1) заглавія лучшихъ списковъ — Лаврентіевскаго и Ипатіевскаго; 2) самыя событія, рассказываемыя въ Несторовомъ Временникѣ и относящіяся наиболѣе къ Южной Россіи и Кіеву; 3) многія внѣшнія примѣты, обнаруживающія, что Лѣтопись Нестора съ полнымъ правомъ можетъ называться Лѣтописью города Кіева по преимуществу. «Эта Кіевская Лѣтопись разошлась немедленно, вмѣстѣ съ Печерскими монахами, по другимъ монастырямъ и городамъ Русскимъ, переписывалась вездѣ и продолжалась описаніемъ ихъ происшествій. Вездѣ нашлись

грамотные монахи, которые, по ея образцу, начали описывать собственные происшествія и присоединять свои описанія къ общему началу, т. е. къ Кіевской Лѣтописи, сокращая и измѣняя ее. . . . Новгородскій Лѣтописецъ къ Кіевскому началу приставилъ свое сочиненіе о Новгородѣ; Волынскій— о Волыни; въ Псковъ попала, вѣроятно, Новгородская Лѣтопись, а не Кіевская, была сокращена тамъ и продолжена уже описаніемъ Псковскихъ происшествій. Вообще, во *всѣхъ продолженіяхъ* ясно видны отчизны ихъ сочинителей; такъ Новгородцы прилагаютъ Русскую Правду, которой нѣтъ въ спискахъ Кіевскихъ и Владимірскихъ, и, наоборотъ, исключаютъ договоры». (Стр. 20.) Касательно времени составленія первой (Кіевской) Лѣтописи, М. П. Погодинъ, послѣ обстоятельныхъ и отчетливыхъ разысканій, заявляетъ, что она *сложена въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка*. (Стр. 56.) Сіе мнѣніе подкрѣпляется различными доводами: 1) перерывомъ, замѣчаемымъ около этой поры (*); 2) современностью дѣписателя съ тогдашними лицами и событіями (см. годы: 1065, 1089, 1090, 1093, 1094, 1096, 1097,

(*) Уже Карамзинъ усмотрѣлъ, что съ 1125, или 1127 года извѣстія вдругъ дѣлаются несравненно подробнѣе. Онъ догадывался, что тогда начался трудъ другаго, безыменнаго Лѣтописателя. Г. Погодинъ почитаетъ это *весьма вѣроятнымъ*; иначе, „зачѣмъ бы одному человеку, на одномъ мѣстѣ, въ однихъ обстоятельствахъ, писать подробно, потомъ кратко, потомъ опять подробно?“ (Стр. 24.) Исторіографъ указалъ также, что въ нѣкоторыхъ лучшихъ спискахъ (Лаврентіевскомъ, Ипатіевскомъ, Хлѣбниковскомъ) событія, случившіяся въ исходѣ XI столѣтія, повѣствуются двойнѣ, сперва пространно, послѣ сокращенно.

1098, 1106; достойно также вниманія, что въ Лаврентіевскомъ спискѣ помѣщена хронологическая таблица, оканчивающаяся смертію Святополка — Михаила, при коемъ жилъ Несторъ; въ спискѣ Никоновскомъ, подъ 1074 г., говорится: «такожъ бѣ и другіи братъ Еремия, иже помняше крещение Рустей земли»); 3) выраженіями, убѣждающими, что повѣствователь пользовался свѣжимъ преданіемъ (наприм., въ Лаврентіевскомъ спискѣ: «и оубиша Асколда и Дира, несоша на гору, и погребоша ѿ на горѣ, еже ся ныне зоветъ Оугорское, иде ныне Олѣмиѣ дворъ»; о церкви Св. Іліи: «яже есть надъ ручаемъ, конецъ Пасынѣчь бѣдѣ и Козарѣ»; объ Игорѣ: «есть могила его оу Искорѣстѣнѣ града в Деревѣхъ и до сего дне»; о пришествіи двадцати лучшихъ мужей Древлянскихъ къ Ольгѣ: «градъ же бѣ Кневъ, идеже есть ныне дворъ Гордѣтинъ и Нифовъ, а дворъ Княжъ бѣше в городѣ, идеже есть дворъ Демьстиковъ, за Святою Богородицею»; объ Ольгѣ: «ловища ея суть по всей земли; . . . и сани ея стоятъ в Плесковѣ и до сего дне; . . . и есть село ея Олѣжичи и доселе»; объ Олегѣ Святославичѣ: «и есть могила его и до сего дне оу Вручегу»; о сидѣніи Ярополка въ Роднѣ: «есть притча и до сего дне: бѣда аки въ Роднѣ»; о холмѣ, на которомъ въ Кіевѣ совершали языческія жертвоприношенія: «на томъ холмѣ нынѣ церкви стоитъ, Святаго Василья есть»; см. еще стр. 45, 51—52); 4) языкомъ, представляющимъ явные признаки древности (надобно сравнить описаніе какого нибудь событія IX в. съ описаніемъ происшествія, случившагося въ XIII, или XIV столѣтіи); 5) драматическою формою разсказа, почти исклю-

чительно принадлежащею началу нашихъ Лѣтописей, и не-
 усматриваемою, въ такомъ видѣ, ни въ XIII, ни въ XIV,
 ни въ XV в.; 6) полнотою, подробностью и правдивостью
 повѣствованія о дѣлахъ съ исхода XI столѣтія (около сего
 времени прекращаются саги, баснословныя сказанія; примѣтно,
 что началъ писать честный, нимало несклонный къ выдум-
 камъ наблюдатель), и 7) авторскими приѣмами Лѣтописца,
 непрестанно предающагося благочестивымъ размышленіямъ,
 заимствующаго мѣста изъ Священнаго Писанія, а это ясно
 свидѣтельствуется, что онъ находился ближе къ церковному
 языку (въ XIII и XIV в. совсѣмъ разный характеръ изло-
 женія). Послѣ сихъ положительныхъ доводовъ, Г. Погодинъ
 приводитъ еще другія доказательства, въ подтвержденіе
 мнѣнія, что *«Лѣтопись и не могла быть сочинена иначе,
 какъ въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка»*. (Стр. 47.) Они
 суть: 1) вѣрность изображенія Варяговъ, обнаруживающая,
 что повѣствователь коротко знакомъ съ ними. («Если бы
 Лѣтопись была составлена въ XIV, или XIII столѣтіи, то
 какъ могла бы она въ Кіевѣ не только приписывать вѣрно
 какія либо дѣйствія Варягамъ, но даже знать ихъ имя; ибо
 въ XIII, XIV и даже въ XII в. они сошли со сцены, пере-
 стали дѣйствовать, и имя это замолкло въ народѣ, по край-
 ней мѣрѣ въ Кіевѣ, а у сосѣдей никогда и не слышалось
 (Руссы), и слѣдъ Варяговъ уже пропадалъ, ... одни лишь
 имена урочищъ — Варяжская пещера, Варяжскій островъ—
 напоминали о прежнемъ ихъ существованіи»). 2) Точное
 исчисленіе и правильное описаніе Славянскихъ племенъ. («Въ
 XII столѣтіи они начали пропадать, а въ XIII совсѣмъ почти

пропали, замѣненныя именами Княженій и городовъ; въ XII в., слѣдовательно, было трудно, а въ XIII и XIV, въ эпоху Монголовъ, невозможно собрать и размѣстить ихъ по мѣстамъ; тогда былъ уже Кіевъ, а не Поляне, Черниговъ, Новгородъ, а не Сѣверяне, Владиміръ, а не Древляне, Смоленскъ, а не Кривичи; — Лѣтописецъ не могъ списать ихъ у иностранныхъ писателей, ибо нигдѣ нѣтъ ихъ въ такой совокупности; при томъ, Греки доставили бы ему, въ краткихъ извѣстіяхъ, Кривитанъ, а не Кривичей, Другувитанъ, а не Дреговичей, и онъ не умѣлъ бы поправить ихъ, еслибъ самъ не зналъ изъ другихъ источниковъ; слѣдовательно, онъ описывалъ и размѣщалъ племена по принадлежащимъ имъ мѣстамъ также съ натуры, съ живаго преданія, когда оно не успѣло еще затеряться»). 3) Обстоятельныя и справедливыя показанія о Финнахъ, относительно коихъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ свѣденія сдѣлались чрезвычайно скудными, потому что въ ту пору прервались связи Юга съ дальнимъ Сѣверо-Востокомъ. 4) Бѣдственное состояніе Кіева въ XIII и XIV в. . («Не только Лѣтописи, но житія Святыхъ, Святыхъ Кіевскихъ, первая драгоцѣнность монастыря Печерскаго, пропали; кому и гдѣ было думать тогда о сочиненіи Лѣтописей? Монастыри Кіевскіе и самый Печерскій опустѣли; монахи скрылись; вотъ почему мы не знаемъ почти ничего о происшествіяхъ XIII и XIV столѣтій въ здѣшней области, кромѣ того, о чемъ случилось упомянуть стороною Волинскому Лѣтописателю; мы не знаемъ даже, когда именно достался Кіевъ Литвѣ. Замѣтимъ, что большая часть лучшихъ списковъ Лѣтописи оканчивается

XII, или начало XIII в., — доказательство, что их подлинники писаны до Татаръ; иначе, они были бы продолжены, заключали бы описаніе нашествій. — Своего времени не кому было тогда описывать въ Кіевѣ, между тѣмъ какъ всѣ главные города Русскіе имѣли своихъ Лѣтописателей; кто же могъ думать о древнемъ, давно-прошедшемъ?»).

Б) Крайняя затруднительность имѣть въ XIII, или XIV столѣтіи источники для составленія Лѣтописи. («Можно ли было тогда сочинить цѣлую *genealogiо* Князей удѣльных XI и XII в., такую сложную — слишкомъ 300 лицъ — и правильную, оправдываемую многими свидѣтельствами иностранныхъ и отечественными, грамотами, приписками, предисловіями и послѣсловіями? Какъ можно было выдумать такое множество войнъ междоусобныхъ, и для каждой пріискать причину? Откуда можно было, не бывъ современникомъ, набрать погодно всѣ сіи явленія кометъ, затмѣнія солнца? Какъ можно было означить дни происшествій XI столѣтія, съ объясненіемъ, въ какой день недѣльный случилось то, или другое происшествіе, какіе праздники приходились въ одинъ день, наприм. Лазарево Воскресенье и Благовѣщеніе (въ 1111 году)? . Какъ и откуда упомянуть браки, засвидѣтельствованные иностранными Лѣтописями, означить дни рожденій и кончинъ, кои всѣ оказываются согласными между собою, со всѣми обстоятельствами? Какъ въ тысячахъ показаній нигдѣ не сбійся? . . .

Въ XIV, или XIII в. не лзя знать имени земли Волонской, которое давно уже вышло изъ употребленія въ нашей сторонѣ. Отъ кого узнать въ XIV столѣтіи объ *austur-vigi*,

или *western-vigil* Норманновъ, давно уже въ то время переставшихъ ѣздить по симъ путямъ въ Грецію? Какъ сочинить сказку — Олегову — о купеческомъ путешествіи въ Грецію въ XIV в., когда путешествія Норманновъ давно уже прекратились? Какъ, отъ кого узнать о походахъ на Грецію? А походы сіи засвидѣтельствованы иностранцами?..)

6) «Если Лѣтопись сочинена въ XIV столѣтіи, то почему нѣтъ въ ней сказокъ о XIII, или XII в.? Гдѣ граница сказокъ, тамъ начало Лѣтописателей-современниковъ». 7) «Если бы Лѣтопись была сочинена въ XIV столѣтіи, то она не могла бы попасть въ начало всѣхъ частныхъ Лѣтописей и на Волынь, и въ Кіевъ, и въ Новгородъ, и въ Псковъ. Всякой выдумалъ бы по своему, ... а мы видимъ у всѣхъ одно. Какъ же очутилась она вездѣ»? 8) «Въ Новгородѣ всего менѣе могла быть, въ XIII, или XIV в., сочинена Лѣтопись о Кіевѣ; всякій Лѣтописатель писалъ только о происшествіяхъ своего города. Въ XIII и XIV столѣтіяхъ, при Монголахъ и Литовцахъ, прекратилось почти совершенно сообщеніе между Новгородомъ и Кіевомъ». — Въ заключеніе, основываясь на Фогтѣ, Г. Погодинъ упоминаетъ, что Епископъ Христіанъ, старинный дѣеписатель Пруссовъ (около 1210 — 1239 г.), пользовался, при составленіи своей Хроники, какою-то Русскою Лѣтописью, писанною *Греческими* (Кирилловскими) *буквами* и доставленною ему Плоцкимъ Пресвитеромъ Ярославомъ. «Чья и какая бы ни была эта Лѣтопись, несомнѣнно лишь то, что въ 1200 г. Русскіе имѣли Лѣтописи на своемъ языкѣ, бывшія извѣстными ихъ сосѣдямъ». Касательно вопроса, кѣмъ положено начало

нашимъ Временикамъ, М. П. Погодинъ даетъ слѣдующій отзывъ: «я сказалъ уже, что *этотъ вопросъ ниже презннхъ* (о подлинности древней Русской Исторіи и Русскихъ Лѣтописей); *не все ли почти равно для насъ, въ смыслѣ историко-критическомъ, какъ бы ни звали сочинителя?*» (Стр. 61.) Не могу согласиться съ Г. Погодинымъ, что сей вопросъ *маловаженъ*, удовлетворяетъ только *любопытству*, а не *нуждѣ*. (Стр. 58.) Конечно, потомству мало заботы о томъ, какъ величали Лѣтописца; но его личность, его характеръ, въ высшей степени значительны при оцѣнкѣ достовѣрности сообщаемыхъ имъ свѣденій, потому что они покидаютъ свой неизгладимый отпечатокъ на самомъ повѣствованіи. Недостаточно еще знать, что такой-то Лѣтописатель къ однимъ событіямъ жилъ близко, другихъ — былъ современникомъ, очевидцемъ. Не это главное въ немъ, а положеніе, которое онъ занималъ въ обществѣ, его образованіе, нравственныя его качества. — Признавая Нестора составителемъ первоначальной Лѣтописи, М. П. Погодинъ подтверждаетъ сіе мнѣніе разными доказательствами: 1) его имя означено на нѣкоторыхъ спискахъ (Хлѣбниковскомъ, Раскольничьемъ, Голыцынскомъ, Юсифовскомъ, Архивскомъ; — «имя сочинителя Лѣтописи начали вставлять переписчики; . . . въ заглавіи подлинника не было его, по авторской скромности и по обычаю времени Я думаю, что настоящее, собственное Несторово, заглавіе сохранилось въ Ипатіевскомъ и Кёнигсбергскомъ спискахъ: Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Оеодосіева монастыря Печерскаго. Въ Воскресенскомъ спискѣ, при разсказѣ объ участіи Нестора

въ перенесеніи мощей Θεодосія, встрѣчаемъ: *азъ грѣшныи, иже и Лѣтописанье се в то время писахъ* (вставка переписчика). . . . Въ Архивскомъ Сборникѣ XV в., противъ словъ *Лѣтописи: къ нему же и азъ придохъ худый*, на полѣ тою же рукою приписано: *Нестеръ*. . . . Спрашиваю, какъ могли всѣ сии переписчики, жившіе въ разные времена, въ разныхъ мѣстахъ, поставить на своихъ спискахъ имя Нестора, еслибъ оно не дошло до нихъ по общему, повсемѣстному, живому преданію? Почему приписали они Нестору, простому монаху XI столѣтія, а не другому какому лицу значительнѣйшему? Никакъ не лзя предположить, что всѣ списки принадлежатъ къ одному роду и списаны другъ съ друга, т. е., что одинъ переписчикъ, написавшій имя Нестора, повторился во всѣхъ слѣдующихъ, и, слѣдовательно, всѣ ихъ свидѣтельства равняются одному. Не лзя, ибо они писаны въ разные времена, въ разныхъ мѣстахъ, содержатъ разные прибавочныя извѣстія, . . . и оканчиваются различно.»).

2) Въ Посланіи Поликарпа къ Кіевопечерскому Архимандриту Аннидину, на концѣ Житія Агапитова, говорится: *«яко же блаженный Нестеръ въ Лѣтописци написа о Преподобныхъ Отцѣхъ, о Даміанѣ, Переміи, и Матѣи, и Исакии, въ Житіи Святаго Антонія»*.

3) Въ Житіи Никиты Затворника упомянутъ — *Нестеръ, иже написа Лѣтописецъ*.

4) Въ Житіи Пимена сказано: *«во время же преставленія его явшася тріе столпи надъ трапезницею, и отгуду на верхъ церкви придоша, о нихъ же речено бысть и въ Лѣтописци»*.

5) Мощи Преподобнаго Нестора почиваютъ въ ближнихъ пещерахъ и исconi извѣст-

ны подъ именемъ мощей *Нестора - Лѣтописателя*; въ дальнихъ пещерахъ почиваетъ другой Несторъ, прозванный *некиииснымъ*. 6) Въ Святцахъ также придано Нестору названіе Лѣтописателя. 7) Патерикъ приписываетъ дѣйствія, повѣствуемыя въ Лѣтописи отъ перваго лица — прибытіе въ монастырь 17 лѣтъ, открытіе Θεодосіевыхъ мощей —, Нестору (основываясь на одномъ этомъ, Татищевъ, Миллеръ, Шлёцеръ и Карамзинъ, почитали его Лѣтописцемъ). 8) Въ Житіи Несторовомъ, сочиненномъ безыменнымъ авторомъ и находящемся въ Патерикѣ, помѣщены слова: «поживе же лѣта довольна, *труждався въ дѣлахъ Лѣтописанія*». 9) По отзыву Г. Кубарева, Житіе Θεодосія, неоспоримо написанное Несторомъ, доказываетъ принадлежность ему и Лѣтописи: *въ ней умолчаны обстоятельства, рассказанныя въ Житіи*. Видно, что Несторъ не хотѣлъ повторять себя; относящееся къ жизни Θεодосіевой онъ включилъ въ *Житіе*, а то, что касается его смерти, погребенія и обрѣтенія мощей, сообщилъ въ *Лѣтописи*; изрѣдка, вкратцѣ и только для связи попадаются повторенія. «Прочитайте о чудесномъ видѣніи Даміана въ обоихъ сочиненіяхъ», говоритъ Г. Кубаревъ, «и вы услышите одинъ и тотъ же голосъ, но въ послѣднемъ сочиненіи уже голосъ старца. . . . Назначеніе Игумена противъ желанія братіи, при повѣствованіи о кончинѣ Θεодосія, не могло быть пересказано молодымъ человекомъ: онъ не отважился бы порицать старшихъ». Г. Кубаревъ замѣчаетъ еще, что самыя ошибки въ Лѣтописи приличествуютъ лишь Нестору, и что въ статьяхъ ея, введенныхъ позднѣе въ Патерикъ, вездѣ слѣдуетъ его имя. — Нестору даже Скеп-

тиками приписывается Житіе Борпса и Глѣба. (Ср. стр. 74.) — За сѣмъ Г. Погодинъ обращается къ вопросу, въ какомъ видѣ дошла до насъ Несторова Лѣтопись? «Объ этомъ я имѣю мнѣніе, еретически — противоположное мнѣнію всѣхъ нашихъ изслѣдователей», заявляетъ онъ. Дѣло состоитъ вотъ въ чемъ: со времени Татищева, Миллера и Шлёцера утвердилось понятіе, что Лѣтопись Преподобнаго Нестора перешла къ потомству уже искаженною, что въ ней иное подновлено и распространено, другое опущено, третье перетолковано по смыслу переписчиковъ и продолжателей, по духу вѣка, въ которомъ они жили. *«Man fiel über den Ehrwürdigen Nestor her, änderte seinen Styl, liess aus und setzte zu; man abbrevirte, interpolirte, commentirte; seine gefallende Einfalt vertilgte man durch eine Art von Beredsamkeit, seine nackte Facta wurden unter Raisonnemens begraben; . . . man füllte ihn mit Auszügen aus den Byzantiern, und endlich gar mit unklugen Märchen aus. . . . Und diese SO JAEMMERLICH VERUNSTALTETEN CHRONIKEN hiessen doch noch immer Nestors Chronik!»* (Schlözer's Nestor, I, 54.) Переписчики были монахи, по рѣзкому приговору Гёттингенскаго критика — *«meist gemeine und ganz ungebildete Leute. . . . Von solchen Copisten lässt sich alles mögliche Schlechte erwarten. Sie hudekn, lassen Worte und Zeilen aus, überhüpfen wohl ganze Blätter. Noch schlimmer: weil sie in einer ihnen bekannten Sprache copiren, so sticht sie desto leichter der Corrigir-Kitzel. Archaismen löschen sie aus als Schreibfehler; für ausländische ihnen unerhörte Worte ersinnen sie sich ein russisches quid pro quo. . . . Endlich mit der Ortho-*

graphie sieht es in diesen Abschriften gerade so aus, wie in unseren alten Diplomen.... Der ungebildete Mensch schreibt nach dem Gehör oder der Aussprache.... Selbst in der Grammatik ändern sie».... (ibid. I, 52 — 54.) Этого недовольно; «noch eine ganz eigene Art von sogar **BOESLICHER VERFAELSCHUNG** (!), die die Chroniken überhaupt betroffen hat, darf nicht unbemerkt bleiben. Als die weltliche Macht in Russland schwach zu werden anfang, **THAT DIE GEISTLICHE MACHT OEFTERE VERSUCHE, SICH UEBER JENE ZU ERHEBEN (!!)**. **EINIGE METROPOLITEN TRUGEN EINEN HILDEBRAND IM BUSEN (!!!)**, und ihre Knechte, die Mönche, wollten ihnen, zur Erreichung ihrer Absichten, **DURCH VERFAELSCHUNG DER CHRONIKEN BEHILFLICH SEIN (!!!!)**. **NUN DURFTEN SELBST DIE ALTEN GROSSFUERSTEN, IHREN METROPOLITEN NICHTS MEHR SAGEN ODER BEFEHLEN, SONDERN SIE NUR BITTEN. (!!!!!)**. Ward erzählt, dass der Monarch etwas Wichtiges unternommen, so **FLICKTE DER COPIST** «mit Beirath seines Vaters, des geheiligten N. N.» **EIN**». (Ibid., I, 54 — 55.) Удерживаюсь отъ комментарія на сіе классическое мѣсто. Прошу только разрѣшить мое недоумѣніе: ужели и послѣ этого позволительно безъ повѣрки повторять преданіе, что Шлёцеръ понималъ нашу древность? Quousque tandem abutere?.... Предоставьте ему *kleine Kritik* мертвой буквы, но — духа не угашайте!.... Я могъ бы указать на многіе случаи, гдѣ Гёттингенскіи Профессоръ, не затрудняясь долго, съ одного размаха разсѣкаетъ Гордіевъ узелъ обычною фразой: вздоръ, поклепъ, выдумки перенисчи-

ка, Несторъ не сказалъ такой безсмыслицы. Отвѣтъ силенъ, кратокъ и облеченъ въ неизъяснимо — увлекательную форму. (Федотова, о главнѣйшихъ трудахъ по части критической Русской Исторіи, стр. 32.) — Мы должны быть признательными М. П. Погодину, что онъ не подражалъ примѣру прежнихъ цѣнителей отечественнаго дѣписанія, не удовлетворился опрометчивыми сужденіями издателя Нестора, не убоился великаго авторитета малой критики, и не уклонился отъ самостоятельныхъ разысканій. *«Не лъзя»,* говоритъ онъ, *«ссылаться съ Шлёцеромъ на переписчиковъ; не лъзя обвинять вставщиковъ со вѣсьми нашими изслѣдователями: Лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ написана первымъ своимъ сочинителемъ, что касается до происшествій и ихъ послѣдовательности».* (Стр. 80.) Г. Погодинъ доказываетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ: «возьмите извѣстные списки Лѣтописи — Лаврентіевскій XIV в., Троицкій XV (если не XIV), Ипатіевскій XIV, Хлѣбниковскій XV, Радзивилловскій XVI, — прочіе списки младшіе (Новгородскіе, Татищевскіе, Щербатовскіе), — наконецъ, отдѣльныя Лѣтописи (Псковскую, Кіевскую, Волынскую), кои всѣ начинаются Несторомъ; выньте изъ всѣхъ этихъ списковъ начало (т. е. повѣствованіе до XII столѣтія), и вы увидите совершенное сходство въ главныхъ чертахъ; всѣ извѣстія идутъ однимъ порядкомъ; . . . слѣдовательно, они находились въ томъ же порядкѣ и въ тѣхъ спискахъ, съ которыхъ эти списаны. . . . (Подлинникъ Лаврентіевского списка принадлежалъ къ началу XIV в., Ипатіевского — къ концу XIII, Радзивилловского — къ началу XIII, Софійскаго Временни-

на — къ концу XII, или началу XIII; родоначальникъ списковъ, въ конхъ Василіи, современникъ Василька, говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, — къ началу XII; къ той же порѣ относился и родоначальникъ списковъ съ Сильвестровой припискою; между списками Татищева одинъ оканчивался 1197, другой 1198, третій 1239 годомъ). . . .

Изъ этого сходства слѣдуетъ заключить, что всѣ сѣи извѣстія принадлежатъ и подлиннику подлинниковъ, т. е. самому Нестору. . . . Изъ сходства всѣхъ списковъ въ цѣломъ необходимо слѣдуютъ также заключенія: 1) что не лзя винить переписчиковъ въ большихъ грѣхахъ; 2) что всѣ, такъ называемыя, значительныя вставки въ древнихъ спискахъ принадлежатъ самому Нестору, и 3) что его Лѣтопись дошла до насъ въ томъ видѣ, въ какомъ осталась отъ него». (Стр. 80 — 86.) — Теперь приступимъ, вмѣстѣ съ Г. Погодинымъ, къ чрезвычайно важному и тѣсно связанному съ нашимъ предметомъ вопросу: *«откуда Несторъ могъ почерпать свои извѣстія»?* По изысканіямъ почтеннаго Профессора, источниками Нестору служили: I) *какія нибудь прежнія ЗАПИСКИ церковныя, или монастырскія, ХРОНОГРАФИЧЕСКІЯ ОТМѢТКИ и т. п.* На слѣды этихъ записокъ указываютъ: 1) повторенія разсказа одними и тѣми же словами въ началѣ Лѣтописи; 2) безпорядокъ, въ которомъ расположены нныя повѣствованія. (По сему поводу, М. П. Погдинъ объявляетъ, что самъ Несторъ дѣлалъ дополненія.) Каковы же были сѣи Записки? «Подобны тѣмъ, кои ведутся номѣнниками въ провинціяхъ, при календаряхъ». (Стр. 91.) Это ли только? Нѣтъ! Допуская существованіе письменныхъ

пособій уже до Нестора, Г. Погодинъ нимало не опредѣляетъ, въ чемъ же именно они состояли. Мы сей-часъ видѣли, что онъ сравнилъ ихъ съ помѣщичьими замѣтками въ календаряхъ. Черезъ нѣсколько строкъ читаемъ: «безъ всякаго сомнѣнія, у насъ имѣлись поминанья о нашихъ Христіанскихъ Князьяхъ со времени Ольги, а Ольга — невѣстка Рюрику». Итакъ, вотъ два источника — календарныя отмѣтки и поминанья. Впрочемъ, слова: *какія нибудь прежнія Записки* (стр. 89), *какія нибудь краткія Записки* (стр. 91), наводятъ сомнѣніе, не разумѣетъ ли М. П. Погодинъ и замѣтки календарныя, и поминанья, подъ симъ многозначающимъ выраженіемъ? На стр. 93 встрѣчаетъ насъ новое затрудненіе: «*можетъ быть*», говоритъ Г. Погодинъ, «въ нашихъ *Хронографахъ*, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣемъ еще никакого порядочнаго понятія, отыщется первоначальная основа *Несторовой Лѣтописи*». (Ср. съ симъ стран. 91: «нечего удивляться *какимъ нибудь краткимъ Хронографамъ*», и проч..) Какъ же согласить все это? Что значатъ общіе термины: *какія нибудь прежнія, краткія Записки*, *какіе нибудь краткіе Хронографы*? Уже ли нѣтъ разницы между Записками въ родѣ календарныхъ замѣтокъ, поминаньями, Хронографами? Если первоначальной основы Несторова Временника надлежитъ искать въ Хронографахъ, то, стало быть, они ранѣе и Записокъ, и поминаньевъ. Что же дѣйствительно предшествовало и что явилось въ послѣдствіи? Весьма жалко, что М. П. Погодинъ слишкомъ легко коснулся сей значительной задачи. Выскажу также откровенно, что афористическое изложеніе вездѣ неумѣстно,

а въ критическихъ разысканіяхъ даже вредно, потому что даетъ средства уклоняться отъ строго - ученаго, логическаго развитія мысли, и пораждаеть сбивчивость, запутанность, противорѣчія. Съ этою же искренностью явно исповѣдую, что вообще сужденіе Г. Погодина о первомъ источникѣ Несторовой Лѣтописи неудовлетворительно. Не объяснивъ точно, что собственно понимаетъ *подъ какими нибудь Записками*, онъ ограничился лишь намекомъ и о другомъ спорномъ вопросѣ: имѣли ли мы грамоту до Св. Владиміра? «Вспомнимъ, что Христіанство въ Кіевѣ начинается со времени Аскольда и Дира (только съ сей поры?), а Христіанство безъ грамоты быть не можетъ (грамота же именно тогда и была изобрѣтена для сосѣдей, Болгаръ); вспомнимъ, что при Игорѣ была соборная церковь, что при Ольгѣ были Священникъ и переводчики. . . . У насъ находились большіе письменные документы, каковы договоры Олеговъ, Игоревъ, Святославовъ, которые переписалъ Несторъ въ свою Лѣтопись». (Стр. 91 — 92.) Самыя доказательства существованія Записокъ представлены не въ связи. Сперва Г. Погодинъ утверждаетъ, что «безъ *такихъ* (?) Записокъ не лзя бы назначить Нестору время для происшествій, начавшихся за 200 лѣтъ до него. . . . Для меня *невозможно вѣрить Шлёцеру и Карамзину* (совершенно справедливо!), *чтобъ онъ назначалъ эти годы наугадъ*, принаравливая свою Хронологію къ Хронологіи Византійской. Замѣтимъ, что Византійскія событія въ Несторовой Лѣтописи прекращаются еще въ IX вѣкѣ. Въ одномъ XI столѣтіи была сотня происшествій, не говорю уже о X. Какимъ же образомъ можно угадать имъ

числа? Рѣшительно, у насъ были Записки до Нестора». (Стр. 92.) Потомъ онъ указываетъ *«на нѣкоторые слѣды древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ»*, именно: «Симонъ, Епископъ Владимірскій (+1226), въ Посланіи своемъ къ Поликарпу, говоритъ: *«еще хочещи вся узвѣдати, почти Лѣтописца стараго Ростовскаго»*. Этотъ Лѣтописатель былъ, безъ всякаго сомнѣнія, не Несторъ, а кто либо иной: Нестора Симонъ не называлъ бы Ростовскимъ. Карамзинъ предполагаетъ здѣсь Ростовскій списокъ, но этого предположенія допустить не лзя: говорить о сочиненіи по списку не могло тогда придти въ голову. Притомъ, Симонъ и Поликарпъ слишкомъ хорошо знали Нестора, который часто былъ называемъ по имени въ ихъ перепискѣ». Я вполне согласенъ съ М. П. Погодинымъ, что сія потеря очень чувствительна, потому что писатель XIII в. именуетъ Ростовскаго Лѣтописца уже старымъ. Почему же почтенный Профессоръ умолчалъ объ этомъ прежде? Уже ли онъ и сего Лѣтописателя включаетъ въ категорію *какихъ нибудь краткихъ Записокъ*? Далѣе, Г. Погодинъ напоминаетъ, что въ началѣ Несторовой Лѣтописи есть хронологическая таблица, и присовокупляетъ: «мнѣ кажется, что эта таблица писана до Нестора, а имъ только что продолжена. Еслибъ писалъ ее Несторъ, то, вѣрно, помѣстилъ бы Рюрика и Новгородское призваніе». И съ симъ надобно согласиться; но надлежало бы объяснить, откуда Преподобный Несторъ заимствовалъ эту таблицу? Изъ Записокъ ли, или изъ поминаньевъ, или изъ неизвѣстныхъ *«древнѣйшихъ нашихъ памятниковъ»*? Послѣ сего, Г. Погодинъ предлагаетъ вопросы: «гдѣ составитель Никоновской

Лѣтописи и другіе новѣйшіе Сборники взяли свѣденіе о походѣ Улеба на Желѣзныя Ворота въ 1032 году? Гдѣ они почерпнули сказанія о войнѣ съ Уличами, о покореніи Игоремъ Пересѣчена, о предпріятіи Изяслава противъ Ссоловъ? У Нестора нѣтъ этого». Правда; но гдѣ же найдены ими сіи извѣстія? Въ Запискахъ? Слѣдовательно, онѣ сохранялись продолжительно, могли еще попасть въ руки сочинителей *новѣйшихъ Сборниковъ*. Почему же нигдѣ не усматриваемъ положительнаго упоминанія о нихъ? «Наконецъ, я обращаю вниманіе на языкъ нѣкоторыхъ мѣстъ, рѣзко отличающійся отъ Несторова: повѣствованія о происшествіяхъ, наприм. при Олегѣ, Святославѣ, написаны гораздо простѣе, грубѣе, чѣмъ благочестивыя размышленія въ Лѣтописи, или Житіе Θεодосія. *Трудно распознать теперь всѣ слои Лѣтописи*, ибо нныя мѣста могли быть переименованы, исправлены при внесеніи въ Лѣтопись самимъ Несторомъ, который обладалъ авторскимъ искусствомъ въ извѣстной степени и любилъ распространяться при случаѣ; *однакожъ, познакомясь коротко съ Несторомъ, прислушавшись внимательно къ его языку, можно указать нѣкоторые слѣды его предшественниковъ, т. е. прежнія Записки*». (Стр. 95.) — По мнѣнію М. П. Погодина, эти слѣды суть: 1) наименованіе главныхъ рѣкъ, исчисленіе Финскихъ и Латышскихъ племенъ, обитавшихъ въ нашей сторонѣ, равно и тѣхъ народовъ, кои жили на береговыхъ земляхъ Сѣверной Европы («о племенахъ приморскихъ, до Англіи и Франціи, извѣстно было у насъ въ Кіевѣ, или Новгородѣ *отъ Варяговъ*», стр. 159); 2) разселеніе Славянъ по Россіи (стр. 160); 3) описаніе

водяного сообщенія Скандинавіи съ Византією (стр. 161); 4) обстоятельное показаніе о Славянскихъ племенахъ въ Руси (стр. 162); 5) рассказъ о наложеніи дани на Славянъ Варягами и Хазарами, объ изгнаніи Варягъ, о междоусобіяхъ, возникшихъ между Славянами, по призваніи отъ Варяговъ—Руси Рюрика съ братьями (стр. 164); 6) увѣдомленіе о смерти Рюрика и водвореніи Олега въ Кіевѣ (стр. 165); 7) повѣствованіе о войнахъ Олега (ibid.); 8) сказанія о бракѣ Игоря, объ Олеговомъ нападеніи на Грековъ, о появленіи звѣзды на Западѣ и о кончинѣ Олега (стр. 166 — 167); 9) свѣденія объ отношеніяхъ Игоря къ Древлянамъ, о первомъ прибытіи Печенѣговъ въ Россію, отчасти объ Игоревыхъ дѣйствіяхъ въ Византійской Имперіи, о клятвѣ Игоря и его дружины, о походѣ на Древлянъ и умерщвленіи Великаго Князя (стр. 167—169); 10) повѣсть о мщеніи Ольги, о ея управленіи, о путешествіи въ Царьградъ, о посольствѣ къ ней Византійскаго Императора, объ увѣщаніи Святослава принять крещеніе, объ образѣ жизни Святослава, о военныхъ его предпріятіяхъ, о нашествіи Печенѣговъ, о Святославовомъ намѣреніи переѣхать въ Болгарію и о смерти Ольги (стр. 169 — 171); 11) извѣстія о распоряженіяхъ Святослава послѣ кончины матери, частью о войнѣ его съ Греками, о возвращеніи въ отечество, объ убіеніи Печенѣгами, о враждѣ Ярополка съ Олегомъ и Владиміромъ, о Княженіи послѣдняго (стр. 171 — 172). — *«Нестору достались Записки, и онъ вставлялъ въ нихъ, что слышалъ по преданію, что зналъ самъ, что показалось ему любопытнымъ изъ чужихъ Временниковъ, и новому сочиненію своему,*

которое увеличилось безъ всякаго сравненія съ основнымъ текстомъ, далъ форму *Греческихъ Лѣтописей*. (Стр. 96.)... «Чѣмъ болѣе приближается Несторъ къ своему времени, тѣмъ обширнѣе его дополненія къ прежнимъ Запискамъ». (Стр. 172.)... «Вставки свои онъ дѣлалъ иногда не кстати; но отъ монаха Печерскаго XI столѣтія мы не можемъ требовать ученой обдуманности, отчетливости, послѣдовательности. Напротивъ, чѣмъ больше бы имѣлъ онъ достоинствъ этого рода, тѣмъ больше бы было права подозрѣвать его подлинность». (Стр. 96.) Въ заключеніе, Г. Погодинъ весьма справедливо замѣчаетъ, что Несторова Лѣтопись нимало не утрачиваетъ своего достоинства, если допустимъ существованіе Записокъ; она даже получаетъ въ нашихъ глазахъ высшую цѣну, когда мы убѣждены, что въ ней содержатся древнѣйшіе памятники нашей грамотности. — II) *Собственное удостовѣреніе*. О событіяхъ, совершившихся при Всеволодѣ Ярославичѣ (1078 — 1098) и Святополкѣ Изяславичѣ (1093 — 1112) въ Кіевѣ, Преподобный Несторъ писалъ какъ наблюдательный очевидецъ. — III) *Извѣстія современниковъ*, кои могли сообщать ему любопытные рассказы о Княженіяхъ Святополка (1015 — 1019), Ярослава (1019 — 1054) и Изяслава (1054 — 1077). Такъ старецъ Янъ, участвовавшій въ правительственныхъ дѣлахъ и умершій въ 1106 г. (90 лѣтъ отъ роду), вѣроятно слышалъ о Владимірѣ Святомъ и передалъ кое-что Нестору; такъ Печерскій монахъ Іеремія помнилъ крещеніе Русской земли и, конечно, былъ въ состояніи узнать, въ своей молодости, нѣкоторыя подробности о Святославѣ, внука Рюрика. IV) *Болгарскія*

Лѣтописи, или извѣстія. Привожу собственныя слова Г. Погодина объ этомъ вовсе неизслѣдованномъ предметѣ: «вотъ источникъ, коего у насъ никто не предполагалъ, кромѣ Барона Розенкампфа, а лишь онъ кажется особенно важнымъ. . . . Грамота началась между Болгарами за 300 л. до Нестора; мудрено ли, что между ними уже задолго до него появились *Лѣтописатели, переводчики, которые переводили на свое Болгарское, т. е. наше церковное нарѣчіе, разныя Греческія историческія и Богословскія книги?* Мудрено ли, что *Болгарскіе Духовные приходили къ намъ въ Кіевъ, — имѣвшій частое и непрерывное сообщеніе съ Константинополемъ и самою Болгарією, — даже съ цѣлю распространить у насъ Христіанскую Вѣру?* Мудрено ли, что *Болгаре принесли съ собою свои книги, которыми Несторъ воспользовался, сдѣлавъ изъ нихъ выписки въ свою Лѣтопись?* **(ВОТЪ, ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫЕ, ПЕРЕВОДЫ ИЗЪ ВИЗАНТІЙЦЕВЪ!)** Это — предположеніе; но оно получаетъ большую степень достовѣрности, когда мы обратимъ вниманіе на то, какую роль у Нестора играютъ *Болгарскія происшествія*, коими онъ перемежаетъ наши событія; — когда мы обратимъ вниманіе на то, что всѣ *книги Богослужебныя, Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, Литургію*, мы не могли получить ни отъ кого, кромѣ *Болгаръ*, ... для которыхъ первоначально онѣ были переведены; — когда мы обратимъ вниманіе на то, что древнѣйшія наши рукописи духовнаго содержанія носятъ на себѣ явные признаки южнаго происхожденія (*Остромирово Евангеліе, Святославовы Сборники*); — когда мы обратимъ вниманіе на то, сколько *Болгарскихъ*

несомнѣнныхъ переводовъ дошло до насъ изъ древняго періода (Григорій Богословъ, XI в., и проч.); — когда мы обратимъ вниманіе на то, что *первые наши Духовные, Священники*, наприм. при Игорѣ, у Ольги (Священникъ Григорій), при Владимірѣ, были, безъ сомнѣнія, Болгаре (а послѣ Греческіе Митрополиты имѣли даже въ нихъ необходимую нужду для управленія своею паствою); — когда мы обратимъ вниманіе на то, что въ монастырѣ Печерскомъ, именно около Несторова времени, были Болгаре (Моисей Угричъ, Ефремъ, братъ его), что даже въ 1270 г. Кіевскій Митрополитъ Кириллъ выписалъ изъ Болгаріи списокъ Кормчей Книги, древнѣйшій изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ. — Вспомнимъ о древнемъ Болгарскомъ напѣвѣ, о Болгарскихъ пѣвцахъ. Какъ въ древней Лѣтописи встрѣчаются вездѣ Болгарскія происшествія, такъ и въ Прологахъ Житія Болгарскихъ Святыхъ, а въ Святцахъ ихъ имена. Когда и какъ могли они зайти къ намъ? Ни одного столѣтія не мѣзя предположить въ рожденіи XI. — Георгій Гамартолъ не ясно ли свидѣтельствуесть, что онъ былъ въ рукахъ у Нестора? . . . **ПЕРЕВОДЪ ЖЕ ГЕОРГІЯ ГАМАРТОЛА ЕСТЬ ПЕРЕВОДЪ БОЛГАРСКИЙ!** Замѣтимъ еще, что Георгій Гамартолъ жилъ около 842 г., слѣдовательно извѣстія объ Аскольдѣ и Дирѣ, равно и объ Игорѣ, не могутъ принадлежать ему, а развѣ Болгарскому его переводчику и **ПРОДОЛЖАТЕЛЮ**. Слѣдовательно, **ЭТОТЪ**, такъ называемый Г. Строевымъ, **ВИЗАНТІЙСКІЙ ИСТОЧНИКЪ НЕСТОРА ВЕСЬМА СОМНИТЕЛЕНЪ, А БОЛГАРСКІЙ ОЧЕВИДЕНЪ**». (Стр. 98 — 100.) — М. П. Погодинъ указываетъ на нѣкоторыя мѣста,

заимствованныя Несторомъ изъ готовыхъ Болгарскихъ переводовъ. Они суть: 1) Космографія. (Впрочемъ, почтенный Профессоръ колеблется въ своемъ мнѣніи касательно вопроса: откуда почерпнулъ ее первый нашъ Лѣтописатель? «Эта Космографія или переведена самимъ Несторомъ, если онъ зналъ по Гречески (знать по Гречески онъ могъ, какъ зналъ переводчикъ Ольгинъ и переводчики договоровъ), — или получена отъ переводившаго (какъ Св. Θεодосій получилъ уставъ Студійскій отъ Монаха Михаила), — или, наконецъ, **ЧТО МНѢ КАЖЕТСЯ ВСЕГО ВѢРОЯТНѢЕ**, списана Несторомъ съ готоваго перевода Болгарскаго, и чуть ли не изъ продолженія Гамартолова, которое имѣетъ самое близкое сходство съ описаніемъ» Стр. 157 — 158 Сія нерѣшительность выражается повсюду, наприм.: «какъ послѣдующіе наши Лѣтописатели присоединяли свои повѣствованія къ Нестору, ... такъ Несторъ присоединилъ свое къ Византійскому Хронографу (отъ сотворенія міра), или Болгарскому его переводу». (Стр. 158; ср. стр. 20.) Что же справедливо? —) 2) Имя Славяне въ Яфетовомъ удѣлѣ. («Принадлежитъ не переписчику, какъ думалъ Шлѣцеръ, и не Нестору, какъ думалъ Добровскій, ... а, вѣроятно, Болгарскому переводчику»). 3) Вавилонское столпотвореніе и разсѣяніе народовъ. («Изъ Болгарскихъ преложеній, или Византійскихъ подлинниковъ»). 4) Разсѣленіе Славянъ съ Дуная по Сѣверо-Восточной Европѣ. («Безъ сомнѣнія, изъ Болгарской Лѣтописи, подлинной, или переведенной». Стр. 159 — 160.) 5) Извѣстіе о хожденіи Кія въ Царьградъ. («Ссылка на Дунайцевъ показываетъ сообщеніе». Стр. 162.)

6) О нашествіи Болгаръ на Дунайскихъ Славянъ, объ Уграхъ Бѣлыхъ и Черныхъ, объ Обрахъ. (*«Безъ сомнѣнія, изъ какой нибудь Болгарской Лѣтописи»*.) 7) При повтореніи названій племенъ Славянскихъ въ нашей сторонѣ, съ дополненіемъ о Радимѣ и Вяткѣ, вставлено заключеніе *«изъ Греческой, или Болгарской Лѣтописи»*. 8) О нравахъ и обычаяхъ разныхъ древнихъ народовъ. (*«Выписка изъ Болгарскаго продолженія Георгіевой Лѣтописи»*. Стр. 163.) 9) Хронологическая таблица. (*«Взята изъ неизвѣстной еще Греческой Лѣтописи Болгарскимъ переводчикомъ. Можетъ быть, — продолженіе Никифоровскаго Хронографа»*.) 10) О походѣ Грековъ на Болгаръ и крещеніи сихъ послѣднихъ. (Стр. 164.) 11) О предпріятіи Аскольда и Дира противъ Царьграда. (*«Изъ Греческихъ Лѣтописей, переведенныхъ, или продолженныхъ въ Болгаріи»*. Стр. 165.) 12) О преемствѣ Греческихъ Императоровъ. (*«Разумѣется изъ Греческой Лѣтописи, или Болгарскаго перевода»*.) 13) Извѣстіе о Кириллѣ и Меѳодіи. (Стр. 166.) 14) О нападеніи Угровъ на Болгаръ. 15) О явленіи звѣзды на Западѣ. (*«Изъ Записокъ, или изъ Болгарской Лѣтописи»*.) 16) О войнѣ Симеона съ Греками. (стр. 167.) 17) Походъ на нихъ Игоря. 18) Вражда Симеона съ Хорватами. (Стр. 168.) — Въ подтвержденіе, что Преподобный Несторъ могъ пользоваться Болгарскими источниками, Г. Погодинъ приводитъ еще: 1) что въ заглавіи Хронографовъ говорится: «отъ Русскихъ Лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ», и 2) что самъ Несторъ ссылается на Меѳодія Патарскаго, коего словами онъ объясняетъ Юрію Тороговичу сказаніе о народѣ, жившемъ далеко на Сѣверѣ,

за горами. (стр. 100.) — М. П. Погодинъ полагаетъ также, что не однѣ книги принесены къ намъ отъ Болгаръ, но и *«первые переписчики были, безъ всякаго сомнѣнія, Болгаре»*. (Стр. 99.) — Мы увѣрены, что читатели, внимательно слѣдившіе за доказательствами, представленными Г. Погодинымъ относительно знакомства Нестора съ Болгарскою историческою письменностью, пожалѣютъ, вмѣстѣ съ нами, что онъ не высказалъ себя опредѣлительно. По этому, не смотря на такія прекрасныя, поучительныя указанія, остаемся въ недоумѣніи: къмъ же, Болгарами, или Греками, руководствовался нашъ древній Лѣтописатель? Конечно, можно примѣтить, что Г. Погодинъ болѣе склоняется на сторону *Болгаръ*; но зачѣмъ непрерывныя или, когда, по собственному его признанію, *«Византійскій источникъ Нестора весьма сомнителенъ, а Болгарскій очевиденъ»*? (Стр. 100.) Къ чему въ одномъ случаѣ обнаруживать подозрѣніе касательно свѣдѣній Преподобнаго Нестора въ Греческомъ языкѣ (стр. 10), въ другомъ — говорить рѣшительно, что онъ переводилъ *Византійцевъ* (стр. 47) и имѣлъ способы выучиться по Гречески (стр. 157), въ третьемъ — утверждать, что Несторъ въ *Болгарскихъ книгахъ* заимствовалъ выписки для своего *Временника*, а ихъ ошибочно почли *преложеніями изъ Византійскихъ писателей* (стр. 98), въ четвертомъ — опровергать это заявленіемъ, что *«отъ самихъ Грековъ, не только чрезъ Болгарскія руки, могъ Несторъ узнать то, что помѣстилъ въ своей Лѣтописи, узнать не только письменно, но даже изустно, хотя самъ не зналъ бы по Гречески»*? (Стр. 101.) Что же положительно вѣрно? Мы надѣемся, что

высоко уважаемый нами М. П. Погодинъ согласится: 1) что онъ покинулъ насъ въ затруднительной нерѣшимости, и 2) что доводы его, въ пользу доступности Греческихъ источниковъ Нестору, не въ состояніи удовлетворить требованіямъ строгой критики. Выслушаемъ ихъ. V) *Греческія Лѣтописи*. «Первые Митрополиты наши были Греки. За ними отправлялись наши посланные. Сношеніе съ Константинополемъ было непрерывное. Въ Несторово время былъ въ Печерскомъ монастырѣ Греческій монахъ Михаилъ, отъ котораго Св. Ѳеодосій получилъ уставъ монастыря Студійскаго.... Почему этотъ Михаилъ, если не другой кто, не могъ сообщить Нестору какого нибудь Греческаго Временника, или даже перевести что либо для него нужное, какъ переводилъ онъ монастырскій Уставъ?.... И какого свидѣтельства желать яснѣе? Самъ Несторъ говоритъ:... «приходиша Русь (при Михаилѣ) на Царьгородъ, *якоже пишется в Лѣтописаньи Гречьстемъ*», или — «да то ся зваху *отъ Грекъ* великая Скуоѣ», или — «*глаголетъ Георгій въ Лѣтописаньи*».... Даже послѣ Нестора встрѣчаются у Лѣтописателей ссылки на Греческія Лѣтописи». (Стр. 101 — 102.) — Мы вполне убѣждены, что Г. Погодинъ не стоитъ за непрочность сихъ доказательствъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже силу ихъ значительно ослабилъ своимъ отзывомъ о важности Болгарскихъ Временниковъ. (Изъ Франкскихъ Лѣтописей видно, что въ XI и XII столѣтіяхъ Кіевъ служилъ складочнымъ мѣстомъ Цареградскихъ товаровъ, многіе Нѣмецкіе купцы пріѣзжали туда за ними, надолго поселялись тамъ и заводили факторіи. Все это сбыточно; но позволитель-

но ли употребить сіи факты въ подтвержденіе догадки, что Несторъ или выучился у торговцевъ по Нѣмецки, или получилъ, при ихъ пособіи, Западныя (Латинскія) Хроники, изъ коихъ какой нибудь Католическій Священникъ (Нѣмцы свободно отправляли свое Богослуженіе) могъ кое-что извлечь для его Лѣтописи? ...) — По мнѣнію М. П. Погодина, сказанія о походахъ Олега и Игоря въ Византію взяты Несторомъ *прямо* изъ Греческихъ Временниковъ. Онъ замѣчаетъ также, что «Греческая Лѣтопись, бывшая въ Кіевѣ у Нестора, или у его предшественниковъ, простиралась только до 943 года, ибо къ сей порѣ относятся послѣднія Византійскія происшествія по Лаврентьевскому списку». (Стр. 168.) Пусть такъ; но вотъ въ чемъ затрудненіе: черезъ двѣ строки послѣ этого читаемъ, что «*всѣ списки Георгія Гамартола, которые дошли до насъ, равнымъ образомъ оканчиваются около сего времени*». (ibid.) ... «А переводъ Георгія Гамартола есть переводъ Болгарскій». (Стр. 100.) — VI) *Извѣстія Варяговъ*. «Варяги были между первыми иноками. ... Они точно такъ могли рассказывать Нестору о своихъ подвигахъ и подвигахъ предковъ, какъ ихъ соотечественники рассказывали дома сочинителямъ Сагъ. ... *Безъ всякаго сомнѣнія, ихъ было у насъ много*». (Стр. 102.) Къ нимъ Г. Погодинъ причисляетъ: 1) подробности умерщвленія Аскольда и Дира Олегомъ; 2) приступъ его къ Царюграду на судахъ съ колесами; 3) кончину Олега отъ уязвленія змѣи, по предреченію Волхвовъ; 4) сожженіе Ольгою Коростена посредствомъ голубей и воробьевъ. (Стр. 176 — 181.) — «Презувеличенные рассказы Варяговъ, сохранявшіеся въ преданіи,

въ пѣсняхъ, въ Сагахъ, или полученные Несторомъ изустно, употреблены были имъ при сочиненіи Лѣтописи и при распространеніи прежнихъ Записокъ. Нѣкоторые, напр. о мщеніи Ольги, вошли, кажется, даже прежде въ составъ ихъ. Такимъ образомъ, «не осталось ни одного почти важнаго происшествія, отъ Рюрика до Ярослава, которое не было бы изукрашено баснословными подробностями болѣе, или мѣнѣе». (Стр. 175; ср. стр. 102.) М. П. Погодинъ обращаетъ еще вниманіе на два обстоятельства: 1) Русскіе Временники, подобно Англо-Саксонскимъ (какъ подмѣтилъ уже Шлѣцеръ), означаютъ и тотъ годъ, когда ничего не случилось; 2) лѣтосчисленіе у Нестора Западное (съ Марта), а не Греческое (съ Сентября). Объ этомъ предметѣ говорилъ я по другому поводу. — VII) *Служи какъ отъ жителей разныхъ Русскихъ областей, такъ и отъ сосѣднихъ народовъ.* «Кіевъ былъ средоточіемъ, особенно послѣ введенія Христіанской Вѣры, сборнымъ мѣстомъ, въ которомъ можно было сойдтись съ обитателями странъ самыхъ отдаленныхъ. . . . Слѣды Кіевской торговли оказываются въ Лѣтописяхъ до XIII столѣтія. Тамъ жили купцы Греческіе, Еврейскіе, Норманскіе, Угорскіе. Слава Кіева распространилась далеко и засвидѣтельствована Лѣтописателями Греческими, Арабскими, Нѣмецкими». (Стр. 104.) VIII) *«Вообще преданіе».* «Общія черты, свѣденія за 150 — 200 л. были, безъ всякаго сомнѣнія, на памяти. Нѣкоторые памятники, наприм. могилы Князей, слѣды укрѣпленій, Несторъ могъ видѣть самъ, или знать по слуху». (Стр. 105.) На преданіи основаны: 1) извѣстія о посѣщеніи Руси Св. Апостоломъ Андреемъ,

о Кіѣ и его родѣ, о построеніи Кіева. (Стр. 161.) 2) Сказанія объ Обрахѣ, Печенѣгахъ и Уграхъ, описаніе нравовъ и обычаевъ Славянскихъ племенъ, повѣствованія о нашествіи Хазаръ на Кіевъ и о занятіи его Аскольдомъ и Диромъ. (Стр. 162 — 164.) — Что касается до кончины Рюрика и водворенія Олега въ Кіевѣ, до брака Игоря, Олегова похода въ Грецію, его смерти, несчастной судьбы Святослава, вражды Ярополка съ Олегомъ и Владиміромъ, то Г. Погодинъ недоумѣваетъ, откуда Несторъ почерпнулъ свои познанія о сихъ событіяхъ, изъ прежнихъ ли Записокъ, или изъ пѣсенъ, или изъ преданій. — IX) *Письменные документы.* Къ нимъ М. П. Погодинъ относитъ договоры Олега, Игоря и Святослава. «Они подтверждаютъ еще болѣе подлинность Несторовой Лѣтописи, и ими по справедливости можетъ гордиться Русская Исторія». (Стр. 154.) Вполнѣ раздѣляя съ Г. Погодинымъ это мнѣніе, я почитаю его разысканія о достовѣрности сихъ трактатовъ образцовыми, несравненно превосходящими то, что предложено о нихъ предшествовавшими изслѣдователями. Укажу на нѣкоторыя мѣста, имѣющія ближайшую связь съ нашимъ предметомъ. Они суть: 1) изъ неопровержимаго свидѣтельства Константина Багрянороднаго усматриваемъ ясно, что отъ Греческихъ Императоровъ *посылались* грамоты къ Русскимъ Князьямъ, «не однажды, но во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, слѣдовательно — *была корреспонденція*». (Стр. 122.) 2) Договоры первоначально писались *на Греческомъ языкѣ*. (Стр. 123.) По отзыву Шафарика, *ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ БОЛГАРАМИ*. (Стр. 124; ср. стр. 146: *языкъ* *заключаетъ въ себѣ*

множество *Болгарисловъ*. Драгоцѣнное замѣчаніе, проливающее свѣтъ на весьма важные вопросы!...) 3) «Очень многія статьи договоровъ Олегова и Игорева подтверждаются оглавленіями подобныхъ статей въ договоръ Грековъ съ Болгарами 811 г.» (Стр. 139.) — X) *Народныя пѣсни*. «Если до нашего времени дошли пѣсни съ явными слѣдами времени языческаго (Дидъ - Ладъ, Дунай, Лель), то, безъ всякаго сомнѣнія, при Несторѣ, за 750 л., было ихъ множество и онѣ замѣняли самое преданіе». (Стр. 105.) М. П. Погодинъ полагаетъ, что по пѣснямъ составлены повѣствованія о движеніи Славянъ съ Дуная (это объявилъ уже Шафарикъ), о житѣѣ - бытѣѣ Русскихъ Славянъ (по Шафарику — о Кіѣ), о столкновеніи ихъ съ другими народами, о подвигахъ первыхъ Норманнскихъ владѣтелей. Присовокупимъ, что пѣсни же, вѣроятно, служили источникомъ сказаніямъ о Владиміръ Великомъ, о его дворѣ и о богатыряхъ, коими онъ былъ окруженъ. — Особеннаго вниманія достойно мнѣніе Шафарика о семъ дѣлѣ: «если народная поэзія Славянъ», говоритъ онъ, «и теперь еще, послѣ величайшаго измѣненія, чтобъ не сказать истребленія народной жизни, и утраты столькихъ памятниковъ древности, содержитъ въ себѣ такія очевидныя доказательства нѣкогда существовавшаго богатства въ историческихъ пѣсняхъ, то что же должно думать о времени, ближайшемъ къ Нестору? Если бы кто нибудь изъ современниковъ Нестора собралъ и сохранилъ ихъ, то какимъ безцѣннымъ сокровищемъ могли бы гордиться племена наши, какъ много могли бы черпать изъ него наши изслѣдователи древностей! Мы имѣли бы у себя Славянскую

Эдду. Изъ этого — то источника взялъ Несторъ сказанія о построеніи города Кіева, о походѣ Кія на Царьградъ, о Княженіи трехъ братьевъ и сестры ихъ Лыбеди, о прибытіи двухъ братьевъ Радима и Вятка отъ Ляховъ къ Руси, о насиліи Обровъ, и нѣкоторыя другія сказанія, носящія на себѣ очевидную печать народныхъ разсказовъ и повѣстей. Равнымъ образомъ, отсюда же заимствовалъ онъ и сказанія о событіяхъ гораздо старѣйшихъ, о пребываніи Славянъ на Дунаѣ, объ угнетеніи ихъ притѣснителями Влахами, и удаленіи оттуда Славянскихъ старшинъ съ своими семействами за безопасныя Карпаты». (Славянскія Древности II, 89—98; у Г. Погодина, стр. 107 — 108.) Окончивъ обзоръ источниковъ, М. П. Погодинъ дѣлаетъ весьма справедливое замѣчаніе, что для каждаго извѣстія, сообщаемого Несторомъ, есть способъ приискать *возможныя* матеріалы. Но вотъ вопросъ: умѣлъ ли нашъ древній Лѣтописатель воспользоваться ими? Не скрою, что Г. Погодинъ далъ на него такой отвѣтъ, который не лъзя почесть удовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ сознается въ этомъ, находя свои доводы пригодными лишь *на первый случай*. (Стр. 109.) Они суть: 1) Христіанство съ грамотою началось за 250 л. до Нестора; 2) за 200 л. были уже письменные документы; 3) Несторъ сочинилъ Житіе Св. Оеодосія; 4) въ его пору многіе разумѣли письма. («Можно указать двадцать его современниковъ, коихъ труды дошли до насъ. Таковы: сочинитель Похвалы Владиміру при Ярославѣ, Игуменъ Даніилъ, Кирикъ и Нифонтъ». — М. П. Погодинъ ссылается также на Сборники Святослава Ярославича, составленные въ 1073

и 1076 г., на свидѣтельство послѣсловія писца Іоанна къ Сборнику 1073 г. (гдѣ говорится, что Святославъ *наполнилъ свои кльти книгами*), на Духовную Владиміра Мономаха, на грамоту Мстислава Владиміровича (1125), сохранившуюся донынѣ въ подлинникѣ, на нѣкоторыя другія грамоты XII в., утратившіяся съ теченіемъ времени, и проч. . . . Стр. 109 — 112.) Надобно ли подтверждать, что Г. Погодинъ не исчерпалъ всего, что относится къ изслѣдываемому имъ вопросу? Мы еще разъ коснемся его, при обзорѣ сочиненія Г. Буткова. — Въ заключеніе, почтенный Профессоръ снова обращается къ предмету, отчасти уже разсмотрѣнному въ первой статьѣ превосходныхъ его разысканій. «Предложимъ», говоритъ онъ, *«доказательства достоверности извѣстій собственно Несторовыхъ, равно какъ и извѣстій, взятыхъ Преподобнымъ Несторомъ изъ презнихъ Записокъ, не только вразсужденія главныхъ положеній, но и самыхъ подробностей, кромѣ взятыхъ имъ изъ преданія и народныхъ сказокъ»*. (Стр. 199.) Сіи доказательства раздѣляетъ Г. Погодинъ такимъ образомъ: 1) «свидѣтельства собственныя, современныя, близкія»; 2) «свидѣтельства иностранныхъ писателей современныхъ»; 3) „свидѣтельства географическія о событіяхъ, рассказанныхъ Несторомъ“; 4) „внутреннія доказательства истины“, и 5) „личный характеръ Несторовъ“. Къ собственнымъ свидѣтельствамъ М. П. Погодинъ причисляетъ: списки продолженнаго Никифорова Лѣтописца, Похвалу Владиміру (сочиненную при Ярославѣ), слѣды Льготныхъ Граматъ (данныхъ Ярославомъ Новгородцамъ за услуги въ войнѣ съ Святополкомъ), Остромирово Евангеліе

(1056), Святославовъ Сборникъ 1073 г., Даниілово Хожденіе къ Святѣмъ Мѣстамъ (въ концѣ XI в.), Духовную Владиміра Мономаха, Посланіе его къ Олегу, извѣстіе Симона объ основаніи Церкви Печерской, Посланіе его къ Поликарпу, Посланіе Поликарпа къ Акиндину, Житія Св. Θεодосія, Бориса и Глѣба, Посланіе Луки Жидяты, Слово о Полку Игоревѣ, Слово Даниіла Заточника, Церковный Уставъ Владиміровъ. „Я не говорю здѣсь объ Уставѣ Ярослава о мостахъ и о Церковномъ его Уставѣ, потому что сіи документы не изслѣдованы“. (Стр. 208.) Во всѣхъ этихъ памятникахъ нашей древней письменности встрѣчается большее, или меньшее число подтвержденій того, что повѣствуетъ Несторъ. Показанія иностранцевъ также не противорѣчатъ ему. Чтобъ убѣдиться въ справедливости сихъ словъ, стоить лишь сравнить нѣкоторые рассказы у Льва Діакона, Константина Багрянороднаго, Ліутпранда, въ Эймундовой Сагѣ, у Ламберта Ашаффенбургскаго и у другихъ чужеземныхъ Историковъ. Относительно географическихъ свидѣтельствъ Г. Погодинъ замѣчаетъ: 1) что всѣ Славянскія племена означаются Лѣтописцами XII и XIII столѣтій на тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ поселилъ ихъ Преподобный Несторъ; 2) что названія, сходныя съ ихъ именами, существуютъ въ прочихъ Славянскихъ странахъ; 3) что племена Финскія и ихъ жилища возстановляются учеными изысканіями Шёгрена; 4) что походы первыхъ нашихъ Князей, описанные Несторомъ, объясняются изслѣдованіями Ходаковскаго; 5) что между сотнями собственныхъ именъ племенъ, городовъ, селъ, урочищъ, дорогъ и рѣкъ, упо-

минаемыхъ у Нестора, доселѣ неотыскано ни одного выдуманнаго, и 6) что тѣ названія, кои съ теченіемъ времени или утрачены, или измѣнены въ Лѣтописяхъ, по сію пору сохранились частію въ устахъ простолюдыя, частію въ забытыхъ бумагахъ. (Стр. 217 — 221.) Что касается до внутреннихъ доказательствъ, то читатель, знакомый съ Несторовымъ Временникомъ, легко услышитъ голосъ истины въ выраженіяхъ простыхъ, чуждыхъ искусственности и украшенія, звучащихъ искренностью и правдолюбіемъ. (*)

(*) Не безъ достаточной причины сказалъ я, что только читатель, знакомый съ Временникомъ Нестора, въ состояніи разслышать голосъ правды въ его повѣствованіи: бываютъ и такіе случаи, когда добросовѣстнаго Лѣтописца порицаютъ *по вдохновенію, не обременяясь справками. Доказательства у меня подъ рукою. Ученый Авторъ статьи: о Скандинавскихъ Сагахъ, помѣщенной въ Библіотекѣ для Чтенія (?), 1854, т. I, на стр. 33, въ примѣчаніи, говоритъ: „сухость, чрезвычайная краткость, даже родъ умышленной небрежности, и отрывчивость разсказа, усматриваемыя въ Несторовомъ описаніи политическихъ происшествій въ Княженіе Ярослава, въ состояніи привести въ отчаяніе всякаго обожателя перваго нашего Лѣтописца, который, что бы ни толковали Шлёцеръ и Карамзинъ, имѣетъ всѣ недостатки Лѣтописцевъ своего времени, — „ложную ученость, которую, по причинѣ грубой ея оболочки, многіе приняли за подлинныя народныя преданія, страсть описывать ораторски древнія сраженія и заставлятъ говорить своихъ героев, склоняетъ къ чудесному и совершенное незнаніе политики изображаемаго вѣка“.* Г. Сенковскій заявляетъ также, что Несторъ *натянуто подражалъ оборотамъ Св. Писанія и риторическому безвкусію Византійцевъ, удивительно изысканъ и напыщенъ. „Онъ имѣлъ лишь въ виду написать книгу изящнымъ Славянскимъ слогомъ, совсѣмъ не думая объ Исторіи.... Писать Исторію такъ, какъ писалъ*

Равнымъ образомъ, и личныя свойства Преподобнаго Нестора, неподлежащія нисколько нареканію, ясно обнаруживаются въ его Лѣтописи. Весьма основательно разсуждаетъ объ этомъ Г. Погодинъ: „*все наши Лѣтописатели, даже до XVI в., отличаются добросовѣстностью и правдивостью; все они безъ порывовъ воображенія, по характеру самаго народа; все писали и переписывали для себя, для своего*

Несторъ, значитъ или вовсе ея не знаетъ, или желать заслужитъ похвалу за слогъ, а не достѣи критики. . . . Впрочемъ, въ Несторово время Исторію писали почти также, какъ пишутъ нынѣ историческіе романы. . . . Монахъ, затворенный въ кельѣ, могъ ли знать, что было за 70, или 80 лѣтъ? Чтобъ видѣть духъ Несторовой Лѣтописи, какъ въ зеркалѣ, довольно одинъ разъ въ жизни имѣть терпѣніе прочесть въ подлинникѣ нѣсколько томовъ сочиненій Византійскихъ Писателей. Вся повѣсть Нестора о временахъ Ярослава, сѣянная изъ намековъ, отрывковъ, пропусковъ, недосказанныхъ происшествій и изысканныхъ подражаній, не представляетъ для Исторіи другой пользы, кромѣ лѣтосчисленія, если только оно исправно; но мы не въ силахъ повѣрить, чтобы набожный сочинитель, занятый лишь изящностью слога и драматическою частію повѣствованія, совершенно чуждый политическимъ понятіямъ, и такъ небрежно описывающій достопримѣчательнѣйшія событія, болѣе обращалъ вниманія на годы, чѣмъ на самыя дѣла“. (Стр. 37 — 38.) „*Несторъ первый нашъ Риторъ*“! . . . (Стр. 66.) — *Nae tu, Eruci, accusator esses ridiculus. . . .* Странно, что Гг. Погодинъ и Бутковъ, усердно отстаивающіе древняго Лѣтописателя отъ всѣхъ наветовъ, безъ вниманія покинули сей смѣлый приговоръ. Основательное противодѣйствіе такимъ превратнымъ сужденіямъ, внушаемымъ суетною надеждой блеснуть предъ другими какою нибудь особенностью, весьма необходимо, преимущественно у насъ, гдѣ сочинитель вышерѣченной статьи слыветъ авторитетомъ даже — по части Русской Исторіи!

обихода, не для публики, которой не было; гораздо позднее являются списки по заказу для того, или другого лица; никто не искалъ ни доверенности, ни славы; умышленных обмановъ не было, а разве отъ невѣденія; выдумки считались грѣхомъ; это общій характеръ Лѣтописателей, и Нестора въ особенности“. (Стр. 223.) — Здѣсь я прерываю обзоръ критическихъ разысканій М. П. Погодина. Надѣюсь скоро встрѣтиться съ нимъ на иномъ поприщѣ. (Вмѣстѣ съ сомнѣніями о подлинности Несторова Временника, появились новые толки относительно стараго вопроса о происхожденіи Руси, въ коемъ Скептики принимали живое участіе. Г. Погодинъ взялся отвѣтить имъ и на это. Въ бытность мою въ Москвѣ, я видѣлъ его трудъ уже оконченнымъ. Не лзя не быть вполне признательными почтенному Профессору за то, что онъ не устранился подвергнуть отчетливому разбору множество противорѣчащихъ сужденій, разбланныхъ по брошюркамъ, журналамъ и газетамъ. Въ свое время я буду имѣть случай говорить о семъ подробнѣе. Теперь ограничусь лишь замѣчаніемъ, что главнѣйшая дѣятельность нашей исторической критики нынѣ сосредоточилась на Руси до XIV вѣка. Не должно дивиться этому: Несторъ якобы опровергнуть; слѣдовательно, — открыто широкое поле догадкамъ и предположеніямъ! Съ XIV же столѣтія начинается, по домысламъ Скептической школы, достовѣрная Исторія; стало быть, тутъ уже невозможно отыгрываться тѣмъ, или другимъ, а надобно разрабатывать, соображать. Наши Скептики любятъ также словопроизводство; но оно, безъ положительныхъ доводовъ, очень ненадежно. У нихъ есть еще

Нибуровскій недостатокъ: подрывая Нестора, они иногда прибѣгаютъ къ источникамъ довольно мутнымъ. За подобныя приемы и Нибуру порядкомъ досталось отъ Шлоссера; не мѣшаетъ, если кто нибудь выскажетъ Россійскимъ Нибурамъ, куда сія метода завела ихъ.) —

Приступаю къ разсмотрѣнію весьма поучительнаго сочиненія Г. Буткова: *Оборона Лѣтописи Русской, Несторовой, отъ навѣта Скептиковъ*. „Книга наша“, говоритъ почтенный изслѣдователь отечественной старины, „раздѣлена на двѣ части. Первая часть касается *Лѣтописи Русской, Несторовой*, и содержитъ въ себѣ шесть главъ: 1) на такой ли степени образованія стояла Россія въ XI вѣкѣ, чтобъ могла имѣть тогда собственнаго Лѣтописца? 2) Источники *Лѣтописи Русской*. 3) Руссы Аскольдовы и договоры Олега и Игоря. 4) Руссы Шлѣцеровы и Эверсовы. 5) Кто были Руссы и Варяги по понятію Скептиковъ? 6) Основаніе Новгорода и его торговля. Вторая часть относится собственно до *Нестора* и состоитъ изъ слѣдующихъ шести главъ: 1) Явленіе Нестора; образованіе сего инокъ; начало и конецъ его Временника. 2) Разборъ мнѣнія Скептиковъ о древнихъ монастырскихъ Запискахъ. 3) Связь съ *Лѣтописью Несторовыхъ* отдѣльныхъ Повѣстей о Борисѣ и Глѣбѣ, о зачатѣ Печерскаго монастыря и о Житіи Оеодосіевомъ. 4) Средства Несторовы къ собранію для *Лѣтописи* матеріаловъ. 5) О Василіи, Сильвестрѣ и Татищевѣ. 6) Съ какихъ поръ Несторъ извѣстенъ въ званіи Лѣтописца? За тѣмъ исчислены остальные скептическія привязки, которыя въ по-

именованныхъ главахъ не могли занять виднаго для себя помѣщенія, а въ примѣчаніяхъ представленъ разборъ разныхъ другихъ, болѣе занимательныхъ, новѣйшихъ изслѣдованій, относящихся до древней Исторіи Россійской“. (Стр. IV — VI.)

Уже въ диссертациіи моей: *Cultus popularis in Rossia originis ac progressus adumbratio*, pg. 28 — 29, я замѣтилъ, какъ ошибочно разсуждалъ Шлёцеръ о древнѣйшемъ бытѣ Славянъ до Рюрика. Будучи убѣжденъ, что Русская Исторія начинается съ пришествіемъ трехъ братьевъ, Гёттингенскій Профессоръ отважно утверждалъ, что „vor jener Epoche ist in Russland, und in seiner ganzen Nachbarschaft, alles stockfinster. Menschen waren schon da, wer weiss, seit wann und woher? Aber Menschen ohne Staat, die wie das Wild ihrer Wälder lebten, sich durch nichts auszeichneten, ohne alles Verkehr mit der südlichen Welt waren, und daher auch von keinem etwas cultivirteren Süd-Europäer beobachtet und beschrieben werden konnten. (Nestor, II, 298.).... Wie sah es in diesem Norden, von A. 800 an, aus?.... Etwa wie in Sibirien, in Californien, auf Madagaskar. Menschen waren schon da, aber gewiss nur in geringer Anzahl: wovon sollten sie sich nähren? Menschen, in kleinen Horden vereinzelnt, unter Aeltesten oder Kaziken, die die Fabulanten, nach altgriechischer Sitte, Könige und Fürsten nennen. Für Cultur sehr empfängliche Menschen, die sie sich aber nicht selbst geben konnten, sondern durch Anstösse von aussen erwarten mussten. Menschen ohne Staat, ohne Verkehr mit einem Auslande, ohne

Religion oder mit einer dummen Religion. — SO STELLT DER EHRLICHE NESTOR UNS SEIN LAND VOR RU-RIKEN, vor dem J. 860, *DAR: als eine Wildniss*, wo einzelne Natiönchen wohnten....., welche wohnten, nicht weideten, d. i. nicht mehr nomadisch lebten; aber in gorody wohnten, nicht in Städten, sondern in umzäunten Dörfern». (ibid. I, 34 — 35. Cf. II, 33; III, 26, 27, 84, 188.) — Смѣлъ поклепъ на правдолюбиваго Нестора!... Откуда же возсіялъ свѣтъ сѣдящимъ во тьмѣ? Норманны принесли его! Но не пытайтесь узнать отъ ученаго мужа что нибудь опредѣлительное о степени образованія самихъ пришельцевъ. По привычкѣ, онъ и тутъ непрестанно противорѣчитъ себѣ: въ одномъ мѣстѣ объявляетъ, что Норманскіе выходцы, *не взирая на ихъ дикость*, могли изощрить свои способности частыми странствованіями и пріобрѣсти обширныя свѣденія (I, 36); въ другомъ — дарить имъ незавидный титулъ: *die ungeschlachten Normänner* (I, 13); въ третьемъ — увѣряетъ, что образованіе, сообщенное ими Славянамъ, не превышало того, которое Камчадалы получили отъ Казаковъ (III, 27). Какъ ни поразительно кидаются въ глаза грубыя ошибки Шлёцера, однакожъ Скептики за благо признали воспользоваться ими, и приложили произвольные, лишенные всякаго основанія толки Гёттингенскаго критика къ XI столѣтію, чтобъ заподозрить достовѣрность Несторовой Лѣтописи. «Въ XI в.», говорятъ они, «предки наши были еще полудики, кочевали, жили по-скотски, какъ звѣри въ лѣсахъ, не соблюдали цѣломудрія, убивали другъ друга, и въ этомъ состояніи коснѣли даже до XIV столѣ-

тія, — до присоединенія Удѣловъ къ Княжеству Московскому». (Бутковъ, стр. 2.) Уже Эверсъ и Лелевель неумытно обнаружили ложныя понятія Шлёцера о древней гражданственности Славянъ. Мнѣніе Лелевеля о семъ важномъ предметѣ достойно особеннаго вниманія, а потому я и представляю его здѣсь въ извлеченіи, какъ самую убѣдительную отповѣдь сужденіямъ поклонниковъ Гёттингенскаго Профессора. «Славяне», говоритъ Лелевель, «разсѣянные на обширномъ пространствѣ земли, имѣвъ сосѣдями различные народы, были неравной образованности. Несторъ упоминаетъ объ этомъ различіи, находившемся на двухъ противоположныхъ берегахъ Днѣпра; изъ словъ его можно заключить, что одни Славяне терпѣли нужду, а другіе жили въ совершенномъ довольствѣ. Они, по бѣльшей части, были земледѣльцы, люди домовитые, достаточные, имѣли свои города (изъ коихъ нѣкоторые были обширны), занимались торговлею, и знали уже употребленіе денегъ; ибо когда у другихъ народовъ производилась плата кожами, въ Новгородѣ гривнами... Смоленскъ былъ лучше укрѣпленъ, нежели Новгородъ; Кіевъ вскорѣ превзошелъ прочіе города торговлею, по причинѣ сосѣдства своего съ Греческою Имперіею. Однимъ словомъ, въ землѣ Славянской мы видимъ множество обширныхъ городовъ, а изъ сего слѣдуетъ, что, вѣроятно, вмѣстѣ съ ними существовалъ уже у Славянъ въ высокой степени гражданскій порядокъ, образовавшій политическій характеръ народа. Не лзя съ точностію опредѣлить, какое было у нихъ правленіе, семейственное ли, въ которомъ многія семьи составляли одно сословіе, или областныя законы существо-

вали въ каждой странѣ? Но во всякомъ случаѣ видимъ, что Славяне соединены были въ одно политическое тѣло. Однакожъ, не встрѣчая никакого слѣда семейственнаго правленія между Славянами, должно заключить, что ихъ соединяли общіе законы, сильнѣйшіе, нежели семейственное правленіе, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывающіе политическую образованность. Главною потребностью первоначальныхъ сихъ Государствъ были защита и судъ, что составляло ихъ правленіе. Всѣ учрежденія, все правленіе ихъ носило на себѣ отпечатокъ простоты, удаленной отъ всякой сложности, которая бы причиняла въ то время большія затрудненія, а потому и не осталось слѣдовъ сего правленія. Напротивъ того, прибывшіе Варяги ничего не принесли съ собою; не видно, чтобъ они пришли съ имуществомъ, или съ деньгами, въ одеждѣ и вооруженіи лучше Славянскихъ. Мы видимъ Варяговъ пришедшихъ пѣшкомъ, и уже въ землѣ Славянской устроившихъ свою конницу. Тѣ, кои прожили нѣкоторое время между Славянами, являются хорошо вооруженными, имѣютъ панцыри, шлемы, щиты; новые же пришельцы прибываютъ всегда полунагіе. Доказательствомъ тому служатъ жалобы (въ 945 г.) новоприбывшихъ Варяговъ на богатство дружины Свенельда. . . . Здѣсь я вижу въ пришельцахъ не только меньше образованности въ правахъ и утонченности въ жизненныхъ потребностяхъ, но даже и въ самой гражданственности. Эту грубость нравовъ Скандинавскихъ доказываетъ также большое число Царей, кои носили сей титулъ, но не владѣли царствами. . . . Набѣги Норманновъ и завоеванія ихъ долгое время, подобно молніи, бли-

стали и исчезали, пока, наконец, составились изъ нихъ Государства. Но даже въ пору существованія этихъ Государствъ, спрашиваю, былъ ли хотя одинъ городъ въ Скандинавіи около 1000 года, который бы могъ сравниться съ Кіевомъ? Въ самую блестящую эпоху ихъ завоеваній, когда Скальды воспѣвали знаменитые подвиги своихъ соотчичей, въ Скандинавіи почти не было городовъ. Владѣніями Скандинавовъ были рѣки, холмы, равнины; а собственность Славянъ составляли грады (civitates). Земля Славянская, изобиловавшая всеми жизненными потребностями, населенная многими городами, была для Варяговъ всегдашнею цѣлью набѣговъ, потому что они находили въ ней столько же добычи, богатства и городовъ, какъ въ сосѣдней странѣ Біарміи. **ИЗЪ ВСЕГО ЭТОГО Я ЗАКЛЮЧАЮ, ЧТО СЛАВЯНЕ БЫЛИ НА ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ОБРАЗОВАННОСТИ, НЕЖЕЛИ ВАРЯГИ, ВО ВРЕМЯ ПРИШЕСТВІЯ ИХЪ ВЪ ЗЕМЛЮ СЛАВЯНСКУЮ.** (Сѣверный Архивъ, 1824, № 3, стр. 167 — 169; ср. стр. 165 — 167. — Сестренцевичъ Богушъ уподоблялъ Норманновъ Флибюстьерамъ, Арцыбышевъ — Казакамъ Ермака.) Излагая сіи основательныя мысли, Лелевель предугадывалъ, что, въ засвидѣтельствоваііе умственного превосходства Норманновъ надъ Славянами, могутъ указать на поэзію Скальдовъ. Вотъ его отвѣтъ: «Славяне не покинули поэтическихъ произведеній, быть можетъ потому, что въ тихой и безмятежной жизни добродушнаго народа не доставало высокихъ, разительныхъ предметовъ, и что ихъ вѣра не представляла воображенію источниковъ для странныхъ олицетвореній и невѣроятныхъ происшествій.

Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Славяне въ древности вовсе были хладнокровны къ изящному; напротивъ того, ихъ пѣсни и исключительное занятіе музыкою доказываютъ ихъ чувствительность. Они славились симъ искусствомъ между Греками еще въ VII вѣкѣ. Въ какомъ бы состояніи ни была у Славянъ музыка, но она всегда занимаетъ важное мѣсто въ Исторіи ихъ образованности, потому что составляла одно изъ ихъ главныхъ упражненій и даже потребностей въ жизни. Славяне весьма мало имѣли языческихъ боговъ, а иногда вовсе не имѣли.... Вѣроятно, что Славяне поклонялись Единому Богу.... Они върили въ будущую жизнь и безсмертіе души, вели жизнь смиренную и тихую, говорили языкомъ гибкимъ и весьма удобнымъ къ принятію письменныхъ формъ, — что доказано легкостью и скоростью перевода Св. Писанія Христіанами, по изобрѣтеніи буквъ. Славяне безъ большихъ усилій обратились въ Христіанство и не приняли чужеземнаго идолопоклонства». (Сѣверный Архивъ, 1824, № 15, стр. 132 — 133.) Касательно поэзіи Скальдъ Лелевель замѣчаетъ, что она развилась довольно поздно и была слѣдствіемъ Норманнскихъ набѣговъ. По сей-то причинѣ, первые пришельцы являются въ нравственномъ отношеніи совершенно ничтожными. «Варяги, или Норманны, не дали покореннымъ ими народамъ никакихъ оттъиковъ своего характера, не оставили послѣ себя никакихъ слѣдовъ, не сообщили никакихъ новыхъ мыслей. Въ древности, Греческія колоніи имѣли такую нравственную силу, что вездѣ, гдѣ только селились, оставались Греками; мало этого, жители Сициліи, Малой Азіи, Скиѳіи, оттого сдѣлались Греками,

что жили вмѣстѣ съ ними.... Въ наше время, Европейскія колоніи производятъ ту же самую перемѣну въ другихъ народахъ, удерживая собственныя отличительныя черты. Но *Скандинавскія колоніи не имѣли этой силы.... Въ землѣ Славянской, какъ и въ иныхъ странахъ, Скандинавы покорились существовавшему порядку вещей.* Если бы они изобиловали мифологическими, или поэтическими вымыслами въ IX вѣкѣ, то, безъ сомнѣнія, слѣды ихъ остались бы между Славянами.... Вѣроятно, что Варяги находились тогда на низкой степени образованности.... Итакъ, неудивительно, что они не оказали никакого вліянія на Славянъ Новгородскихъ и Днѣпровскихъ въ семъ отношеніи; напротивъ, сами преклонили колѣна предъ Перуномъ.... Однимъ словомъ, набѣги Варяговъ или Норманновъ на Славянскую землю и другія страны, въ коихъ существовалъ гражданскій порядокъ не принесли никакой существенной пользы образованности». (ibid., стр 137 — 139.) Надѣюсь, что этотъ свѣтлый взглядъ на нашу старину раскроетъ, въ какой мѣрѣ несправедливо рассуждалъ о ней Шлѣцеръ. Не менѣе основательны и опроверженія Г. Буткова. Мы видѣли, что Гёттингенскій Профессоръ, въ подкрѣпленіе своихъ домысловъ, сослался на Нестора; по изысканіямъ же, которыя сдѣланы Г. Бутковымъ, обнаруживается, что на правдиваго Лѣтописателя взведена напраслина. Въ его повѣствованіи о древнѣйшей гражданственности Славянъ усматриваемъ совершенно противное тому, что сказано Шлѣцеромъ, именно: 1) Несторъ говоритъ, что до Рюрика «не одни Древляне, но также Поляне, Дреговичи, Полочане и Новгородцы со-

ставляли *отдѣльныя Княжества*; 2) равнымъ образомъ, еще до прихода Рюрика съ братьями, какъ свидѣтельствуется Лѣтописецъ, были уже города въ Россіи; 3) Славяне жили *осѣдло*, занимались обработываніемъ полей, скотоводствомъ и звѣроловствомъ, вступали въ связи съ сосѣдями, чрезъ ихъ страну пролегалъ торговые пути, и они собственные произведенія мѣняли на товары иноземные. Ужели въ этомъ замѣтны признаки дикости? Мнѣ возразятъ: почему же самъ Несторъ порицаетъ нравы нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, уподобляетъ ихъ обычаи *звѣрскимъ и скотскимъ* побужденіямъ, называетъ ихъ игрища *бѣсовскими*, охуждаетъ ихъ многоженство и безобрядные браки? Тутъ нѣтъ ничего мудренаго; странно лишь то, что ни проницательный Шлѣцеръ, ни остроумные его приверженцы, не постигли настоящаго смысла Несторовыхъ словъ. Г. Бутковъ прекрасно рѣшаетъ сей вопросъ: «выраженія Нестора явно направлены токмо къ показанію разности между Славянами, погруженными въ идолопоклонство (на коихъ онъ взиралъ мысленными очами Христіанскаго благочестія, какъ на поганныхъ, калыхъ грѣхами, неомовенныхъ Святымъ Крещеніемъ, блуждавшихъ во тьмѣ невѣрія, невѣдавшихъ истиннаго Богослуженія), и тѣми же Славянами, озаренными уже Евангельскимъ свѣтомъ». (Оборона Лѣтописи Несторовой, стр. 6 — 7.) Итакъ, если даже въ IX столѣтіи невозможно почитать предковъ нашихъ дикими, чуждыми всякаго общественнаго устройства, то еще менѣе позволительно признавать ихъ такими въ XI вѣкѣ, когда имъ были извѣстны многія искусства, когда они жили въ богатыхъ городахъ и селахъ,

отправляли посольства, производили торговлю, умѣли сооружать мореходныя суда, расширили рубежи своего отечества, употребляли свои письма, на родномъ языкѣ слышали благодатныя истины Христіанской Вѣры, имѣли свою Правду. (Ср. *ibid.* стр. 8.) Повторимъ справедливое замѣчаніе Г. Буткова: «льзя ли согласиться съ Скептиками, чтобы предки наши, свободные и независимые въ XI столѣтіи, стояли на высшей степени гражданственности въ XIII, либо въ началѣ XIV вѣка, подъ ярмомъ Монгольскимъ»? (Стр. 28.) Изъ Соборнаго Дѣянія 1274 г. ясно видно, въ какомъ положеніи представлялась тогда злополучная Русь. Вникая ближе въ обстоятельства, способствовавшія раннему преуспѣянію у насъ образованія, Г. Бутковъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на Христіанствѣ, какъ на исключительномъ двигателѣ духовнаго развитія Славянскаго племени, говоритъ о предложении Св. Писанія Кирилломъ и Меѳодіемъ въ 863 году, и присовокупляетъ: «по прошествіи четырехъ съ половиною лѣтъ, Кириллъ отправился изъ Моравіи въ Дунайскую Булгарію учить азбукѣ своей тамошнихъ Славянъ, прибылъ туда, когда Императоръ Василій Македонянинъ... послалъ вѣропроповѣдниковъ къ Булгарамъ и къ примирившимся съ нимъ Кіевскимъ Россамъ. Булгары и Князья Россовъ (Аскольдъ и Диръ) съ дружиною своею приняли Христіанство.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ то же время и азбука, и переводы Св. Писанія, данныя отъ Кирилла и Меѳодія Моравлянамъ и Булгарамъ, перенесены были въ Кіевъ, какъ удобопонятныя нашему народу.... Прочному утвержденію Христіанской Вѣры у Булгаръ Дунайскихъ поспѣствовало

то, что Царь ихъ Богорисъ, . . . равно и наслѣдники его Михаилъ, Властеміръ, Симеонъ, постоянно хранили сіе вѣроисповѣданіе. . . . Послѣдній столько прилѣпленъ былъ къ Греческимъ нравамъ, что современный Луитпрандъ называетъ его полу-Грекомъ. . . . Онъ любилъ книги и покровительствовалъ ученымъ своего народа, получавшимъ средства къ просвѣщенію отъ обрѣтавшагося издавна въ Нижней Мизіи Греческаго Духовенства. . . . У насъ Евангельскій свѣтъ, въ теченіе почти цѣлаго столѣтія, издавалъ слабые лучи. При всемъ томъ, вѣропроповѣдники неизходно пребывали въ Руси подъ вліяніемъ Греческой Іерархіи, Греки ли они были, Булгары, Чехи, или собственно Славяно-Россы. А какъ это Духовенство не могло бы исправлять обязанностей своихъ безъ знанія грамоты, то оно и въ народѣ исподволь ее посылало». (Стр. 160 — 162.)

Послѣ сего, Г. Бутковъ упоминаетъ о существованіи въ Кіевѣ (945 г.) Соборной Церкви Св. Іліи, о приходѣ въ Царьградъ (946 г.) крещеныхъ Руссовъ, о томъ, что Великая Княгиня Ольга «молилась Творцу міра, безъ сомнѣнія, на природномъ своемъ Славянскомъ языкѣ», о находившемся при ней Священникѣ Григоріи «и переводчикахъ изъ свѣтскихъ людей», о созданіи ею Церкви Св. Софіи, о внушеніи Ярополку, Олегу и Владиміру, выросшимъ подъ ея надзоромъ, понятій о Христіанскихъ догматахъ. «При всѣхъ такихъ обстоятельствахъ», заключаетъ онъ, «мудрено ли, что Греческія книги ходили по рукамъ въ Россіи еще съ 867 года? Греческое Духовенство привозило ихъ въ наше Государство, если не для насъ, то, по крайней мѣрѣ, для собственнаго употребленія». (Стр.

162 — 163.) Далѣе, Г. Бутковъ объясняетъ, что Владиміръ І радѣлъ о словесахъ книжныхъ, повелѣлъ поимати оу нарочитое чади дѣти и дати на оученье книжное. (*) «Въ

(*) Покойный Исторіографъ утверждалъ, что сей Великій Князь „завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи“. (I, 219; ср. стр. 251, особенно же стр. 249: „хотя Кирилловскія писмена могли быть извѣстны въ Россіи еще до временъ Владиміровыхъ (ибо самые первые Христіане Кіевскіе имѣли нужду въ книгахъ для церковнаго служенія), но число грамотныхъ людей было, конечно, не велико: Владиміръ умножилъ оное заведеніемъ *народныхъ училищъ*, чтобы доставить Церкви Пастырей и Священниковъ, разумѣющихъ книжное писаніе, и такимъ образомъ открылъ Россіянамъ путь къ наукѣ и свѣденіямъ, которыя, посредствомъ грамоты, изъ вѣка въ вѣкъ сообщаются.“) Говоря о Ярославѣ, Карамзинъ замѣтилъ: „Лѣтописцы Среднихъ Вѣковъ повѣствуютъ, что онъ завелъ въ Новгородѣ первое *народное училище*, гдѣ 500 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшихъ, пріобрѣтали свѣденія, нужныя для священнаго сана и *гражданскихъ чиновниковъ*“. (II, 59.) Это мнѣніе, слишкомъ отзывающееся нынѣшними понятіями, невольно возбуждаетъ подозрѣніе, не смотря на то, что многіе, основываясь на авторитетѣ Исторіографа, начали увѣрять, будто при Владимірѣ и Ярославѣ просвѣщеніе распространилось въ Руси съ такою быстротою, коей ничего подобнаго не видимъ въ тогдашней Европѣ. Разсмотримъ дѣло поближе. Во *первыхъ*, не доказано, что Владиміръ устроилъ *нѣсколько училищъ*. У Нестора нѣтъ ни слова о томъ. Онъ рассказываетъ только, что сей Князь *нача поимати оу нарочитое чади дѣти, и дати нача на оученье книжное*. Что значитъ выраженіе: *нача поимати оу нарочитое чади дѣти*? Уже ли Просвѣтителю Руси насильственно бралъ дѣтей и посылалъ ихъ въ школу? О такомъ принужденіи посѣщать учебныя заведенія у насъ никогда не было и помина, даже въ позднѣйшую пору, когда образованіе получило высшую цѣну во мнѣніи народа, тѣмъ не менѣе во времена Владиміровы, при тогдашнемъ понятіи, что

этомъ дѣлѣ могли быть наставниками пастыри духовные, пребывавшіе у насъ до всеобщаго крещенія, также присланный изъ Царяграда къ Владиміру Митрополитъ Михаилъ,

умѣнье владѣть оружіемъ составляетъ главное отличіе каждого свободнаго человека. Конечно, Великіе Князья и прежде, и послѣ правленія Владиміра I набирали людей; но ихъ выборъ падалъ на мужей, юношей, на цѣлыя семейства, а не на дѣтей исключительно, и при томъ избранные употреблялись для службы, или для иныхъ цѣлей, а не для ученія. Мужей помѣщали въ войско; юноши то поступали въ Княжескую дружину, то находились при Князьяхъ въ видѣ прислуги; семейства назначались для населенія новопостроенныхъ городовъ. Съ какимъ же намѣреніемъ Владиміръ *нача поимати оу нарочитое чади дѣти*? Безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы приготовить ихъ къ духовному званію, которое, со времени введенія Христіанской Вѣры, сдѣлалось существенно необходимымъ. Въ этомъ отношеніи, ему непременно надлежало взяться за дѣтей, потому что умъ ихъ, еще неподдавленный никакими предразсудками, являлся сосудомъ чистѣйшимъ и способнѣйшимъ къ воспріятію истины Откровенія, равно и потому, что народъ не вдругъ же перемѣнился, не внезапно сталъ равнодушнымъ къ языческимъ воспоминаніямъ. Чего можно было Владиміру ожидать отъ юношей, не чуждыхъ имъ и свыкшихся съ другимъ родомъ занятій? *Нача поимати оу нарочитое чади дѣти*. Да, не у Бояръ, но и не у простолюдыя. Вѣроятно, что въ ту пору Бояре не согласились бы добровольно отдать своихъ дѣтей въ духовное сословіе; весьма правдоподобно, что въ противномъ случаѣ не обошлось бы даже безъ упорнаго сопротивленія. Набрать же дѣтей простолюдиновъ — значило унизить въ общественномъ мнѣніи санъ духовный, при самомъ первоначальномъ учрежденіи нашей Іерархіи. Къ сожалѣнію, Преподобный Несторъ ничего не говоритъ, куда потомъ Великій Князь Владиміръ опредѣлилъ дѣтей, коихъ онъ *даяти нача на оученье книжное*. По этому, намъ остается только догадываться о томъ по связи его повѣствованія, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, сопряженнымъ

Грекъ Анастасъ и взятые изъ Херсонеса Священники тамошніе и Царицыны, удержанные въ Кіевѣ при Церквахъ Васильевской и Десятинной». (Стр. 167.) Тѣсныя связи съ

сему дѣлу, и по соображенію отношеній, господствовавшихъ въ то время. Что касается до послѣдовательности Несторова разсказа, то надобно замѣтить, что упомянутое извѣстіе встрѣчается въ Лѣтописи послѣ сказанія о введеніи Христіанства, о всеобщемъ крещеніи, о сооруженіи церквей въ городахъ и о поставленіи Священниковъ. Такимъ образомъ, слова: *нача поимати оу нарочитое чади дѣти, и даяти нача на оученье книжное*, состоятъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что предшествуетъ имъ. Естественно, что, принявши дѣятельныя мѣры къ укорененію Православія въ Русской землѣ, Равноапостольный Князь прежде всего долженствовалъ позаботиться о томъ, чтобъ имѣть духовенство изъ среды своего народа. Пояснительный случай, присовокупленный Несторомъ, подкрѣпляетъ это предположеніе. Матери плакали о дѣтяхъ, которыхъ брали у нихъ, будто о покойникахъ, потому что люди, посвящающіе себя духовному званію, казались имъ умершими для мірской жизни. Воинъ по окончаніи похода, Княжескій отрокъ по прекращеніи срока службы, обыкновенно возвращался подъ семейный кровъ. Иная участь предстояла тому, кто обрѣкалъ себя служенію церкви. Отъ паствы, ввѣренной его попеченію, ему былъ открытъ только одинъ переходъ, одобряемый мнѣніемъ общества, — въ келлію монастырскую. Лѣтописатель прибавляетъ еще, что плачь матерей происходилъ отъ того, что онѣ не утвердились достаточно въ Вѣрѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что еслибъ онѣ оцѣнили высокое достоинство новаго ученія, то не сътовали, но радовались бы назначенію ихъ дѣтей въ санъ духовный, въ служители истинной Религіи, въ провозвѣстники ея догматовъ народу, омраченному заблужденіями. И такъ, вотъ что причиняло матерямъ плачь. Думаю, что это ближе къ дѣлу, чѣмъ заявленіе Исторіографа, будто бы вопли „*знаменитыхъ оженъ*“ (?) зависѣли отъ невѣжественнаго убѣжденія, что просвѣщеніе есть страшная новость, а грамота — опасное чародѣйство. (I, 219.)

Константинополемъ «подавали всякія пособія къ умственному образованію предковъ нашихъ. Сынъ Владиміровъ Ярославъ, княжа въ Новгородѣ 1010 — 1016 г., завелъ тамъ учили-

Впрочемъ, Карамзинъ созналъ свою ошибку и исправилъ ее. „Владиміръ“, говоритъ онъ, „умножилъ число грамотныхъ людей заведеніемъ народныхъ училищъ, чтобы доставить церкви *Псалтырей и Священниковъ, разумьющихъ книжное писаніе.*“ (ibid., стр. 249.)— Во вторыхъ, надлежитъ внимательно рассмотреть, какой смыслъ выраженъ словами: *книжное оученье*. Карамзинъ, Бутковъ и другіе, понимаютъ подъ ними грамотность, даже ученое образованіе. Но у Нестора *книга* и *книги* всегда означаютъ Священное Писаніе; напр. Моравскіе Князья, прося Византійскаго Императора Михаила объ отпращиваніи къ нимъ мужей, способныхъ для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка на Славянскій, признаются, что въ подлинникѣ они не въ состояніи постигнуть *книжный образъ*, и что имъ нуженъ наставникъ, могущій истолковать *книжныя слова*; о Кириллѣ и Меѳодіи сказано: *преложиша Псалтырь и Октоихъ и прочія книги*; когда уже не было Кирилла въ Моравіи, оставшійся тамъ Меѳодій посадилъ два попа борзописца зѣло, и преложиша *всѣ книги*. Самъ Карамзинъ, приводя повѣствованіе Преподобнаго Нестора: *симъ бо первая преложены книги (въ) Моравѣ*, поясняетъ, что слово *книги* имѣетъ значеніе *Библии*. (I, 565, прим. 265.) Изъ всего этого слѣдуетъ, что подъ *книжнымъ ученіемъ* должно разумѣть наставленіе въ Священномъ Писаніи, или вообще въ Вѣрѣ. Такое толкованіе не противорѣчитъ тому, что выше замѣчено нами. Дѣтямъ, приготовляемымъ въ духовное сословіе, скорѣе всего настояла существенная потребность въ пріобрѣтеніи познаній о Православной Религіи. — Въ третьихъ, надобно еще доказать, что Владиміръ дѣйствительно устроилъ *народныя училища*, и не только въ Кіевѣ, но и въ другихъ городахъ. (И. Г. Р. I, 249.) Если сей Князь въ самомъ дѣлѣ заботился объ учрежденіи школъ, то сначала завелъ, конечно, не болѣе одной. Опыты всѣхъ временъ убѣждаютъ, что подобныя заведенія возникаютъ медленно и распространяются по-

ще, въ которое собралъ до 300 дѣтей, изъ семействъ Пресвитеровъ и Старостъ. Въ Курскѣ, раньше 1032 г., находились учителя, у которыхъ Св. Θεодосій, въ юности своей, вмѣстѣ

степенно. А что сдѣлалось правиломъ для прочихъ земель, то не могло же быть у насъ исключеніемъ. При томъ, Лѣтописецъ не упоминаетъ даже и объ одномъ училищѣ. Его слова: *нача поимати оу нарочитое чадѣ дѣти, и даяти нача на оученье книжное*, не показываютъ, что Владиміръ основалъ школу. Несравненно вѣроятнѣе, что дѣти обучались на домахъ у церковнослужителей, какъ это отчасти водится и нынѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, такой способъ ученія не имѣлъ опредѣлительно установленной формы, но условливался обстоятельствами. — Что сказано здѣсь о Великомъ Князѣ Владимірѣ, то безъ изъятія примѣняется и къ его сыну Ярославу. Отношенія были равныя. Напрасно Исторіографъ говоритъ: „ревность Ярослава къ Христіанству соединялась съ любовью къ просвѣщенію. Лѣтописцы Среднихъ Вѣковъ повѣствуютъ, что сей Великій Князь завелъ въ Новгородѣ первое *народное училище*, гдѣ 500 отроковъ, дѣти Пресвитеровъ и Старѣйшихъ, пріобрѣтали свѣденія, нужныя для священнаго сана и гражданскихъ чиновниковъ.“ (II, 59.) Никоновская Лѣтопись сообщаетъ только, что Ярославъ, *собралъ отъ Старостъ и отъ Пресвитеровъ дѣтей 500, повелъ учить книгамъ*. И такъ, тутъ нѣтъ и помина ни о народномъ училищѣ, ни о гражданскихъ чиновникахъ. Ошибку Карамзина повторилъ Бутковъ. Ярославъ долженъ былъ набрать большее число дѣтей, потому что при немъ церкви значительно умножились. Онъ бралъ дѣтей у Пресвитеровъ, ибо они предназначались къ тому же званію, въ которомъ находились ихъ отцы. По недостатку же Пресвитерскихъ дѣтей, Ярославъ приказалъ готовить въ духовное сословіе дѣтей Старостъ. Онъ отдалъ ихъ *учить книгамъ*, т. е. Священному Писанію, и отдалъ, по всей вѣроятности, служителямъ церкви. Слѣдовательно, и при Ярославіи не существовали еще школы въ томъ смыслѣ, какъ теперь понимаютъ ихъ. Первоначальное образованіе имѣло у насъ свою опредѣленную цѣль, именно — приготовленіе

съ другими дѣтьми обучался, вѣроятно по книгамъ, писаннымъ на родномъ языкѣ; слѣдовательно, *ильтъ въ томъ сомнѣніи* (?), что и въ прочихъ городахъ, особливо въ Епископскихъ столицахъ, устроены были *школы народныя*, управляемыя Духовенствомъ». Послѣ этого, Г. Бутковъ объясняетъ, что современныя обстоятельства требовали, чтобы Владиміръ и Ярославъ приложили попеченіе объ основаніи разсадника проповѣдниковъ Вѣры изъ природныхъ Россіянъ, потому что Богослуженіе отправлялось на Славянскомъ языкѣ. Онъ указываетъ на Новгородскаго Епископа Луку Жидяту, на Митрополита Иларіона, и замѣчаетъ, что оба Іерарха «образовались въ отечественныхъ же *училищахъ*, тамъ, гдѣ получили начальное просвѣщеніе Преподобные Антоній, Никонъ и тѣ иноки Печерскаго и другихъ нашихъ монастырей, которые, въ XI вѣкѣ, достигли въ Россіи степени Архіерейства». Далѣе, Г. Бутковъ приводитъ свидѣтельство Лѣтописи о любви Ярослава къ книгамъ, и заявляетъ, что въ 40-лѣтнее его правленіе у насъ собраны, кромѣ Священнаго

духовенства, и состояло преимущественно въ знаніи догматовъ Вѣры. — Ср. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, mitgetheilt von Ewers, S. 89—112. — Не безъ уважительной причины такъ долго утомлялъ я вниманіе моихъ читателей. Мнѣ хотѣлось увѣрить ихъ, 1) что мы не советѣмъ обдуманно принимаемъ за общіе вопросы, когда многія частности нашей Исторіи остаются или несправедливо протолкованными, или совершенно неуясненными, и 2) что великая наставница рода человѣческаго — Исторія тогда лишь неукоризненно выполняетъ свое призваніе, когда свѣтлый ея ликъ не сокрытъ покровомъ произвольныхъ умствованій, ложныхъ домысловъ, велерѣчиваго, но неосновательнаго разглагольствія. —

Писанія, и иныя Греческія сочиненія, «переведенныя либо въ Россіи, либо у Славянъ Южныхъ». Великій Князь Всеволодъ, женившійся на Греческой Царевнѣ Анастасіи, разумѣлъ пять языковъ. «Къ ревнителямъ образованія должно присоединить также и Князя Черниговскаго Святослава Ярославича, ибо онъ наполнилъ книгами свои кельи. Симонъ Епископъ (+1228), упоминая о зодчихъ и иконописцахъ Византійскихъ, соорудившихъ въ Кіевѣ каменную церковь Св. Софіи (1017—1037) и тамъ же погребенныхъ, говоритъ Поликарпу, иноку Печерскому: суть же и нынѣ у васъ свитки ихъ въ полатяхъ, и книги ихъ Греческія, блюдомы на память. Кіевъ, по свидѣтельству современнаго Владиміру I Дитмара, Экардовой Лѣтописи Саксонской и жившаго въ XI в. Адама Бременскаго, былъ тогда столько обширенъ, что вмѣщалъ въ себѣ 8 большихъ торжищъ и отъ 3 до 400 церквей, умножившихся, вѣроятно, не въ одни послѣдніе 50 лѣтъ, съ торжественнаго введенія Христіанства въ Россію, а постепенно, еще съ Аскольдовыхъ временъ. Безъ сомнѣнія, каждая изъ сихъ церквей управляема была, по крайней мѣрѣ, однимъ грамотнымъ Священникомъ. Въ Кіевѣ же при Владимірѣ I, въ 1013 г., состояло нѣсколько монастырей мужескихъ, а при Ярославѣ I обрѣтались тамъ уже и женскіе. Въ такомъ-то положеніи Кіевъ извѣстенъ былъ Европѣ, именно тогда, когда, по воображенію Скептиковъ, предки наши находились въ полудикости, кочевали, не знали ни гражданскаго устройства, ни торговли, ни монеты». (Стр. 163 — 167.) Изслѣдывая обстоятельства, касающіяся лично Нестора, Г. Бутковъ сообщаетъ: 1) что Преподобный при-

шелъ въ Печерскую Обитель въ ту пору, «какъ грамота Славянская уже 200 лѣтъ знакома была въ Россіи»; 2) что онъ *«удобно могъ пріобрѣсти въ Кіевѣ начальное образованіе, прилѣпившись съ младыхъ лѣтъ къ Христіанству сердцемъ и душою, по Оеодосіеву примѣру, отъ чтенія Божественныхъ книгъ»*; 3) что, «при доказываемой самыми сочиненіями Нестора любви его къ словеснымъ наукамъ, *можемъ полагать за вѣрное, что онъ зналъ Греческій языкъ, ибо въ Лѣтописи и въ отдѣльныхъ Повѣстяхъ о Борисѣ и Глѣбѣ, о житіи Оеодосіевомъ и о перенесеніи Оеодосіевыхъ мощей, онъ дѣлаетъ многія указанія на Библейскіе тексты, на Меодія Патарскаго (267 г.), котораго Слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ, въ древнемъ Славянскомъ переводѣ, хранится въ Синодальной Библіотекѣ, на Патерикѣ Скитскій, на Симеона Метафраста, говоря о Римскомъ воеводѣ Плакидѣ и о Романѣ, творцѣ кондаковъ; короче, Несторъ упоминаетъ о такихъ книгахъ, которыя едва ли еще существовали при немъ на языкѣ Славянскомъ; онъ имѣлъ также свѣденіе и объ Исторіи Римской либо изъ подлинника (?), либо изъ перевода Греческихъ Хронографій, Амартоловой и прочихъ (?), сказывая о волхвахъ Аполлоніи, Симонѣ, Менандрѣ, о созданіи Адріанополя Орестомъ, сыномъ Агамемноновымъ, о возобновленіи сего города Императоромъ Адріаномъ во свое имя, о нашествіи на Европу Гунновъ (названныхъ у Нестора Волохами), о войнѣ Ираклія съ Персами и Аварами, о войнѣ съ Греками Булгаръ и Угровъ, о раздѣленіи Восточной Церкви съ Западною, и проч. и проч.»*; 4) что «Греческому языку Несторъ легко могъ обу-

читься если не въ самой Обители Печерской, то вѣдь ея, у пребывавшихъ тогда въ Кіевѣ многихъ Греческихъ духовныхъ, зодчихъ, иконописцевъ, купцевъ и проч.» ; 5) что, судя по сохранившимся доселѣ памятникамъ древней Русской письменности, «умъ и просвѣщеніе достались въ той эпохѣ на долю не одному Нестору; Епископъ Лука Жидята (1036—1060) сочинялъ поученія къ народу; Игуменъ Феодосій писалъ о вѣрѣ Латинской или Варяжской и произносилъ поученія братіи...; діакъ Іоаннъ составилъ, въ 1073 г., для Князя Святослава Сборникъ, книгу, содержащую предметы, наиболѣе относящіеся до Христіанскаго ученія, а частію метафизическіе и риторическіе, уже прежде переложенные съ Греческаго языка на Славянской; и въ этой книгѣ дѣлалъ для Князя своего перемѣны въ рѣчахъ непонятныхъ (діакъ сей имѣлъ свѣденіе и о Птоломеевѣ, основателѣ Александрійской Библіотеки); Черниговскій Игуменъ Даниилъ обстоятельно описалъ путешествіе свое въ Палестину, во время Великаго Князя Кіевскаго Святополка — Михаила (1093 — 1113); Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, почти сверстникъ Несторовъ, начерталъ Поученіе своимъ сыновьямъ, какъ говоритъ Карамзинъ, умно и краснорѣчиво...; родная сестра Мономахова Янка, или Анна (+1112 г.)... занималась чтеніемъ книгъ, сама обучала младыхъ дѣвицъ читать, писать, пѣть, шить...; вспомнимъ еще о современникѣ Несторовомъ — инокъ Печерскомъ Георгій, творцѣ каноновъ...; вспомнимъ также о близкихъ къ вѣку Несторову сочинителяхъ Русскихъ: Нифонтъ, Епископъ Новгородскомъ (1130—1156), и Уставникъ Новгородскаго

Антоніева Монастыря *Діаконъ Кириллъ* или *Кирикъ* (1136), который предлагалъ сему Епископу письменно *казуистическіе* (?) вопросы, и который, въ 26-лѣтнемъ возрастѣ своемъ, написалъ весьма любопытную статью о Хронологіи, или ученіе о числахъ всѣхъ лѣтъ». (Стр. 167—172.) — Не буду входить въ споръ съ Г. Бутковымъ, что увлекло Преподобнаго Нестора къ письменнымъ трудамъ, любовь ли къ наукамъ словеснымъ, или другія побужденія, болѣе сообразныя и съ его положеніемъ, и съ преобладавшимъ духомъ времени. Иначе, мнѣ надлежало бы распространиться здѣсь вообще о характерѣ монастырской литературной дѣятельности въ, такъ называемые, Средніе Вѣки. Предоставляя это другому случаю, теперь ограничусь только нѣкоторыми замѣчаніями. Скромные отшельники, въ тишинѣ келлій искавшіе пріюта отъ тревоженій житейскихъ, не для стяжанія громкой славы, не для преходящей извѣстности мірской и не для того, чтобъ удовлетворить требованія живой фантазіи, ума пылакаго и всеобъемлющаго, брались за перо: совершенно иную цѣль они назначали себѣ въ такомъ упражненіи. *Имъ хотѣлось поучать современниковъ и потомковъ.* Стремясь утвердить своихъ соотчичей въ благочестіи и добродѣтели, они повѣствовали о чудесныхъ судьбахъ Божіихъ, наказующихъ пороки, награждающихъ Христіанское подвижничество, предавались набожнымъ размышленіямъ о суетѣ и ничтожности земныхъ наслажденій, о высокомъ превосходствѣ грядущихъ обѣтованій. Умереніе для свѣта, они безстрастно взирали, какъ воздымались шумныя волны житейскаго моря; имъ были чужды и ра-

дости, и утраты міра. Не мечтали они и о риторствѣ; на книжность они смотрѣли съ своей точки зрѣнія. Вотъ взглядъ Нестора на книжное ученіе: «книгами бо *кажемы* (наставляемы) и *учимъ* есмь *пути покаянію*, и мудрость бо обрѣтаемъ и *въздержаніе* отъ словесъ книжныхъ. Се бо рѣки суть, напаяюще вселенную. Се бо суть *исходище милости*; книгамъ бо есть неисточна глубина. Сими бо *въ печали утѣшаемся есмь*. Сіи суть *узды въздержанію*, мудрость бо велика есть.» (Кѣнигсб. сп. подъ 1037 г.) И самыя воспоминанія о былинахъ стараго времени въ иномъ видѣ представлялись смиреннымъ труженикамъ. Минувшее подавало имъ отраду среди тяжкихъ скорбей въ настоящемъ, и они думали только о томъ, чтобъ изъ жизни предковъ извлечь уроки, спасительные для наслѣдниковъ ихъ доблестей и величія. Послушаемъ, какъ составитель Софійскаго Временника начинаетъ свое повѣствованіе: «васъ молю, стадо Христово, съ любовію приклоните ушеса ваша разумно: како быша древніе Князи и мужи ихъ, и како обороняху Русскія земли, и иныя страны пріимаху подъ ся. Ти бо Князи не сбираху много имѣніе, ни творимыхъ виръ, ни продажъ въ складаху на люди, но оже будяше правая вира, и ту возма, даяше дружинѣ на оружіе. А дружина его кормляхуся, воюючи иныя страны, бѣгоущеса: братіе, потягнемъ по своему Князѣ и по Русской землѣ! Не жадаху: мало ми есть, Княже, 300 гривень; не кладаху на свои жены златыхъ обручей, но хожаху жены ихъ въ серебрѣ, и расплодили были землю Русскую. За наше несытство навелъ Богъ на ны поганые, а и скоти наши, и села наша, и имѣнія за тѣми суть, а

мы злыхъ своихъ не отстанемъ. . . . Да отселѣ, братія возлюбленная, останемъ отъ несытства своего; довольны будите уроки вашими. . . . никому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страхѣ Божіи и правовѣріи свое спасеніе содѣвающе, да и здѣ добрѣ проживемъ, и тамо вѣчнѣй жизни причастницы будемъ». Точно такимъ же образомъ и въ XVII в. незабвенный Авраамій Палицынъ сдѣлалъ приступъ къ своей *Повѣсти о многихъ мѣтежахъ и разореніи Россійскаго Государства*: «Исторія въ память впредыдущимъ родомъ, да незабвенна будутъ благодѣянія Божія, иже показа намъ Мати Слова Божія, отъ всея твари Благословенная Приснодѣва Марія, и како соверши обѣщаніе свое къ Преподобному Сергію, еже яко неотступна буду отъ Обители твоея. . . . И нынѣ всякъ возрастъ да разумѣетъ, и всякъ да приклонитъ ухо слышати: како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь Богъ нашъ праведное свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Россіи, и како весь Славенскій языкъ возмутися, и вся мѣста по Россіи огнемъ и мечемъ поядены быша». Надѣюсь, что теперь не мудрено уже рѣшить, заботились ли благочестивые иноки о словесныхъ наукахъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ вмѣнялось въ обязанность записывать происшествія и переписывать Лѣтописи. Иногда это дѣлали по эпитиміямъ, оттого встрѣчаются странныя приписки, коими книжные писатели изъясляли радость, или горе. Самъ Г. Бутковъ говоритъ: «мысль къ дѣписанію могла родиться въ Несторѣ отъ бесѣдъ съ братіями своими о событіяхъ Россійскихъ, ибо Преподобный Θεодосій, поучая иноковъ Печерскихъ избѣгать лѣности и

долгаго сна, а упражняться въ пѣніи церковномъ и въ чтеніи книгъ, именно *требовалъ, чтобъ они занимались при томъ и преданіями отеческими*». (Стр. 172.) — Почтенный изслѣдователь нашей старины *за вѣрное полагаетъ*, что Несторъ *зналъ Греческій языкъ и имѣлъ способы обучиться ему у проживавшихъ тогда въ Кіевѣ духовныхъ, зодчихъ, иконописцевъ, купцевъ*. Не слишкомъ ли произвольный домысль? У насъ всегда неизбѣжны крайности: или мы безусловно отвергаемъ факты, являемся упрямыми Скептиками, или расточаемъ неограниченныя похвалы, преувеличиваемъ ихъ къ ущербу истины, готовы даже идти наперекоръ ей, лишь бы поддержать любимое мнѣніе. Зачѣмъ присвоить непритязательному отшельнику то, что не принадлежало ему? Достоинства нашего перваго Лѣтописца неоспоримы и безъ ревностныхъ попеченій о возвышеніи ихъ. Послѣ доказательствъ, представленныхъ Г. Бутковымъ относительно любви Нестора къ наукамъ словеснымъ и обширныхъ его свѣденій въ Греческомъ языкѣ, надобно ожидать, что не замедлятъ выступить и такіе поборники славы древнѣйшаго Русскаго Бытописателя, которые станутъ донскиваться, не читалъ ли онъ Библіи въ подлинникѣ: корыстолюбивый Святополкъ—Михаилъ терпѣлъ Жидовъ въ Кіевѣ, оказывалъ имъ особенное покровительство и дозволялъ построить Синагогу (И. Г. Р. II, стр. 137, 141 и 426, прим. 214); слѣдовательно, Преподобный Несторъ легко могъ выучиться у нихъ языку Еврейскому. Это предположеніе будетъ столько же правдоподобно, какъ и отзывъ Г. Буткова. Еслибъ уважаемый нами критикъ глубже вникнулъ въ связь Болгарской пись-

менности съ отечественною, то не почелъ бы нужнымъ прибѣгать къ весьма отдаленному толкованію. Уже за 17 лѣтъ предъ симъ, Г. Строевъ замѣтилъ, что не Священное Писаніе, тогда едвали вполнѣ переведенное, но Георгій Гамартолъ руководствовалъ Нестора въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ дѣлалъ ссылки на Библейскіе тексты. (Сѣверный Архивъ, 1826, ч. XXIII, стр. 276.) Этотъ предметъ еще прежде обратилъ на себя вниманіе нашего Археографа. (Софійскій Временникъ, ч. I, стр. XXIII.) Дѣйствительно, несходство выраженій въ цитатахъ, приводимыхъ Несторомъ, съ находящимися въ Библии, поразительно. Кромѣ сего, Г. Строевъ выставилъ 7 мѣстъ, изъ коихъ шесть *цѣликомъ* заимствованы Русскимъ Лѣтописцемъ у Георгія Гамартола, седьмое же нѣсколько имъ переиначено. По словамъ почтеннаго Археографа, встрѣчаются также въ Несторовомъ Временникѣ *урывки*, взятые изъ Византійскаго Хрониста и принаровленные по своему (напр. о Ламехѣ). Разсказъ Философа, повѣствующаго Св. Владиміру Исторію Вѣтхаго и Новаго Завета, Г. Строевъ называетъ *сотканіемъ отрывковъ*. Къ сожалѣнію, по сію пору не описаны и не разобраны существующіе списки Гамартоловой Хроники. Въ 1826 г. Археографъ объявилъ: «я приготовилъ подробное описаніе новонайденной рукописи (т. е. Георгіева Временника), которое напечатаю въ одномъ изъ журналовъ.» (С. А., 1826, ч. XXI.) Издатель Сѣвернаго Архива просилъ его объ этомъ. Потомъ Г. Строевъ перемѣнилъ свое намѣреніе: «обѣщанное мною описаніе Славянской рукописи Георгія», говоритъ онъ, «оказалось слишкомъ пространнымъ для по-

мѣщеніа въ журналѣ. . . . Я рѣшился разборъ ея издать особою книжкою». (С. А., 1826, ч. XXIII, стр. 275.) Ни журнальной статьи, ни брошюрки, понынѣ не выходило; нѣтъ и полнаго изданія стариннаго перевода Гамартола. Но я убѣжденъ, что если бы кто нибудь занялся симъ дѣломъ, то открылось бы, что Преподобный Несторъ всѣ указанія на писателей почерпнулъ изъ того же источника, коего такъ усердно придерживался въ началѣ своего Временника. — Касательно правилъ, которыми онъ руководствовался при этомъ трудѣ, Г. Бутковъ утверждаетъ: «предпринявъ составить Русскую Лѣтопись по примѣру Византійскихъ Хроникъ, Несторъ поступилъ такъ, какъ бы и всякой другой, столько же благоразумный, сдѣлалъ на его мѣстѣ: для первыхъ вѣковъ онъ выписалъ изъ Греческихъ книгъ и записокъ (?), бѣльшею частію слово въ слово, все, что могъ найти въ нихъ, относящееся до нашего *Государства* (?), въ связи съ сосѣдними Дунайскими, Булгарскимъ и Угорскимъ; присовокупилъ къ тому немногословныя домашнія преданія о важнѣйшихъ событіяхъ, сохранявшіяся въ памяти народа, переходившія отъ отца къ сыну, подобно пѣснямъ, пословицамъ, сказкамъ; внесъ въ свой Временникъ списки съ мирныхъ договоровъ Олегова, Игорева и Святославова (откуда?); включилъ отечественныя повѣсти о мщеніи Ольги Древлянамъ, о крещеніи ея въ Царьградѣ, и Греческую легенду о принятіи Владиміромъ Вѣры Христіанской, — о такихъ дѣяніяхъ, которыя въ Іоакимовскомъ отрывкѣ изображены въ чистой наготѣ; о происшествіяхъ же, къ вѣку своему ближайшихъ, Несторъ писалъ со словъ современниковъ, не

признавъ однако нужнымъ увеличивать страницъ своей Лѣтописи Правдою Русскою и Уставами Владиміра и Ярослава о судахъ церковныхъ, безъ сомнѣнія потому, что это были законы, тогда дѣйствовавшіе и всѣмъ извѣстные въ Россіи. Нѣтъ спора, что *Нестору не все и не сполнѣ было извѣстно достойное Исторіи, наипаче случившееся вдалекѣ отъ Кіева и задолго прежде*: это видно какъ въ Лѣтописяхъ Новгородской и Псковской, содержащихъ мѣстныя дѣянія въ X и XI столѣтіи, неупомянутыя въ Несторовомъ Временникѣ, такъ въ исторической части Поученія Мономахова и въ другихъ уцѣлѣвшихъ древнихъ памятникахъ Россійскихъ. Несторъ предположилъ обнять Лѣтописью своею пространство времени съ пришествія къ Дунаю *Гунно - Влаховъ (?)* до своихъ дней, и приступилъ къ работѣ послѣ долгихъ приготовленій, по видимому уже въ 38-лѣтнемъ возрастѣ, въ правленіе Великаго Князя Кіевского Святополка — Михаила, начавшееся въ 1093 и кончившееся въ 1113 году». (Стр. 173—174.) Вопросъ о томъ, когда Преподобный Несторъ прекратилъ свое повѣствованіе, доселѣ нерѣшенъ удовлетворительно. Въ Патерикѣ Печерскомъ сказано только, что онъ *поживе лѣта доволна*, труждаяся въ дѣлѣхъ Лѣтописанія и лѣта вѣчная поминая, и тако добръ угоди Творцу лѣтомъ, къ нему же, *по лѣтѣхъ временныхъ доволныхъ*, преставися на вѣчность, и положенъ есть въ Пещерѣ. Татищевъ думалъ, что Несторъ писалъ лишь до 1094 г., потому что въ исходѣ 1093 г. находится у него увѣщаніе согрѣшающимъ, заключающееся словомъ *аминь*. Съ 1094 по 1116 г., по мнѣнію Татищева, продолжалъ Сильвестръ, Игу-

ментъ Кіево-Выдубицкаго монастыря, въ 1119 г. посвященный во Епископа Переяславля Кіевского и умершій 1124 года. Въ этомъ предположеніи Татищевъ основался на томъ, что и въ 1116 г. выставленъ *аминь*. Миллеръ не согласился съ Татищевымъ. Вотъ его возраженіе: «сколько проищателенъ ни былъ Татищевъ, однако онъ не вспомнилъ, что Несторъ самъ упоминаетъ о 40 лѣтахъ своего пребыванія въ Печерскомъ монастырѣ, и что весьма невеликое время жизни его выдетъ, ежели положить, что онъ около 1093 года преставился. Старость, означенная въ Патерикѣ словами *лѣта доволна*, съ тѣмъ не согласуется. Также и невѣроятно, чтобъ Преподобный Несторъ писать пересталъ прежде, какъ смертельная болѣзнь его къ тому принудила. Мы полагаемъ, что Несторово въ монастырѣ пребываніе считать должно съ 1073 года. Онъ зачалъ писать *Лѣтопись* свою въ послѣднихъ лѣтахъ своей жизни. А когда онъ трудъ сей довелъ до того времени, какъ зачалось строеніе монастыря, тогда бытія его въ монастырѣ, по собственному его объявленію, было 40 лѣтъ, — которое время приходитъ въ 1115 годъ. Потомъ могъ онъ еще два года жить, и такимъ образомъ приключенія своего вѣка довести до самаго своей кончины. По одному мѣсту той *Лѣтописи*, при 1096 годѣ, весьма ясно оказывается, что сочинитель еще тогда, какъ и прежде, былъ монахомъ въ Печерскомъ монастырѣ; а именно, описывается тамъ нападеніе Половецкаго Князя Боняка на Кіевъ, и особливо учиненное имъ опустошеніе Печерскаго монастыря; при чемъ сочинитель говоритъ: *намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ*. А сіе не можно разумѣть

о Игуменѣ Сильвестрѣ Святаго Михаила, ибо оной монахомъ Печерскаго монастыря не бывалъ, какъ то и въ Патерикѣ житія его не описано. Слѣдовательно, полагаемъ мы конецъ жизни Преподобнаго Нестора, также и конецъ его Лѣтописи, въ 1115 году. И потому всего житія его было 59 лѣтъ». (Ежемѣсячныя сочиненія Академіи Наукъ, 1755, Апрѣль, стр. 286—287.) Шлёцеръ призналъ возраженіе Миллера Татишеву *основательнымъ*. (Nestor, I, 15.) Онъ говоритъ, что Несторъ родился 1056, поступилъ въ монастырь 1073 г.. (ibid. S. 8.) Относительно лѣтъ временныхъ довольныхъ, Шлёцеръ замѣчаетъ: «*Anni sufficientes setzen doch wohl 60 Jahre voraus; diesem nach müsste er wenigstens noch A. 1116 gelebt haben*». (ibid. S. 9.) Но когда первый нашъ Бытописатель окончилъ свой Временникъ? На этотъ вопросъ Шлёцеръ даетъ неопредѣлительный отвѣтъ: «*Wie weit Nestor geschrieben habe, ist ungewiss; denn seine Chronik läuft mit denen seiner Fortsetzer, unabgetheilt, in Einem fort.... Wahrscheinlich hat er, wenn er noch A. 1116 lebte, bis dahin fortgeschrieben*». (ibid. S. 15, 16.) Карамзинъ не сказалъ о семъ также ничего положительнаго. «Гдѣ Несторъ точно заключилъ свой трудъ», говоритъ онъ, «опредѣлить не можемъ: вѣроятно, что около 1110 года, подъ коимъ во многихъ древнихъ спискахъ находятся слѣдующія строки: се азъ, Игуменъ Сильвестръ Свята Михаила, написахъ книги си Лѣтописецъ, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при Князи Володимерѣ, княжащю ему Кыевѣ, а миѣ въ то время игуменящю у Св. Михаила въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книги сія, то буди ми въ молитвахъ.

И такъ здѣсь былъ перерывъ. Многіе изъ слова *написахъ* заключали, что Сильвестръ продолжалъ Нестора, и считали сего Игумена вторымъ нашимъ древнимъ Лѣтописцемъ; но тутъ *написахъ* значитъ *списалъ*: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такія подписи. Если бы Сильсестръ (Несторовъ современникъ и послѣ Епископъ Переяславскій) былъ сочинитель, то онъ въ 6624 году не оставилъ бы шести лѣтъ (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и безъ сомнѣнія есть трудъ иного, для насъ безыменнаго человека. Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безымянный началъ писать не прежде 1125, или 1127 года: ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе». (И. Г. Р. II, прим. 213, стр. 425.) Къ мнѣнію Исторіографа присоединился Митрополитъ Евгеній. Возражая Миллеру и Шлёцеру, предполагавшимъ, что Несторъ повѣствовалъ до 1116 г., онъ утверждаетъ: «въ подлинникъ списка Лаврентьевскаго, по сличенію съ Кёнигсбергскимъ, который при изданіи въ семь мѣстѣ, какъ и во многихъ другихъ, испорченъ и перемѣшанъ, ясно видно, что Несторъ кончилъ писать свою Лѣтопись 6618 т. е. 1110 г., а Сильвестръ началъ съ 6619 т. е. 1111, и кончилъ 6624, или 1116 годомъ.» (Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго чина, 2 изд., т. II, стр. 85.) Полевой увѣряетъ, что рассказъ Сильвестра относится къ 1113 году. (И. Р. Н. I, LXIV.) П. М. Строевъ, не признавая Преподобнаго Нестора Лѣтописцемъ, покинулъ разсматриваемый нами вопросъ безъ всякаго вниманія. Любо-

пытнo послушать его отзывъ. «Много писано, въ новѣйшее время, о Несторѣ, монахѣ Кіевопечерскомъ, *Лѣтописатель*», заявляетъ онъ; «но критика не довольствуется *гипотезами*». (Такъ что же, послѣ этого, можетъ быть названо истиною? Нѣтъ ничего легче, какъ обмолвиться такою фразою, особенно у насъ, гдѣ всегда готовы жаждущіе высшихъ взглядовъ. Къ чему же ведутъ подобныя уловки? Вѣдь, не лѣзя среди бѣлаго дня, при полномъ сіяніи солнца, жаловаться на тьму кромѣшную! Прискорбно вспомнить, что мы пережили случай, безпримѣрный въ Исторіи образованія всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ: ученый мужъ, продолжительно и глубоко размышлявшій *о чемъ-то*, въ теченіе слишкомъ четверти вѣка сбиравшійся повѣдать *что-то*, наконецъ, по *лѣтѣхъ временныхъ довольныхъ*, возвѣстилъ, что онъ, въ 1829 г. по Р. Х., сталъ на прагъ неожиданныхъ перемѣнъ въ нашихъ понятіяхъ объ отечественной старинѣ. За сіи вѣщія слова съ жаромъ взялась молодѣжь недоучившаяся и неполучившая основательнаго направленія. Завязались криво-толки о Русской древности, посыпались укоризны на почтенное имя Нестора, обнаружались домогательства умалить незабвенныя его заслуги огласкою, что ложно приписываютъ ему сочиненіе первоначальной Лѣтописи, и что Временникъ, извѣстный подъ названіемъ Несторова, есть пестрая смѣсь выдумокъ, вставокъ, неудачныхъ примѣненій чужеземныхъ событій къ Россіи. И что же? Къ великому удивленію, даже къ явному соблазну вѣрующихъ, эти затѣи нашли приверженцевъ между такими изслѣдователями нашей старинной исторической Литературы, которымъ она, кажется, долженъ-

ствовавшая бытъ знакомою.) «Да и гдѣ *Лѣтопись Несторова*? Ужели въ Сборникахъ позднѣйшихъ вѣковъ (Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Кѣнигсбергскомъ, Воскресенскомъ, Никонскомъ и проч.), въ коихъ она *будтобы* образуетъ начало (до 1110 или 1116 г.)? Подобное мнѣніе (доселѣ всеобщее) указываетъ только на отсутствіе критики въ нашей *Исторіи*. (!) Не болѣе можно сказать о Василии, Сильвестрѣ и другихъ (*будто бы*) продолжателяхъ Нестора. Но монаху Нестору, конечно, принадлежатъ: *Житіе Св. Θεодосія* и *Сказаніе о Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ*. Первое вошло въ Патерикъ, второе встрѣчается въ Сборникахъ. Позднѣйшія поправки слишкомъ явны». (Хронологическое указаніе матеріаловъ Отечественнѣй Исторіи, Литературы, Правовѣденія, до начала XVIII столѣтія, Ж. М. Н. П. 1834, Февраль, стр. 153.) Протекло уже десять лѣтъ, а почтенный Археологъ нисколько не позаботился о томъ, чтобы такіа смѣлыя увѣренія подкрѣпить сильными доводами. Какъ истолковать это молчаніе? Если улыки на лицо, то зачѣмъ таить ихъ? Вѣдь, тутъ идетъ рѣчь о вопросѣ, котораго удовлетворительное, отчетливое рѣшеніе весьма необходимо для успѣхнн нашего дѣписанія. Если же Г. Строевъ подчинился постороннему искушенію, если его смутили размашистые приемы Скептической школы, если онъ, при обширной начитанности въ Русской исторической Литературѣ, при продолжительномъ и дѣльномъ освоеніи съ ея разнообразными произведеніями, не устоялъ противъ отважныхъ кликовъ юношей, желавшихъ блеснуть новизною, то теперь, когда они сами сожалеютъ о прежнихъ опрометчивыхъ затѣяхъ,

не мѣшало бы и ему гласно признаться въ своемъ тяжкомъ недосмотрѣ, въ наученіе грядущихъ поколѣній. — Г. Погдинъ, послѣ пространныхъ изысканій о времени составленія нашей первенствующей Лѣтописи, полагаетъ, что она написана въ исходѣ XI, или не позднѣе XII вѣка. (Несторъ, историко-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ Лѣтописей, стр. 56.) — Мы очень благодарны Г. Буткову, что онъ опять подвергнулъ сей предметъ самостоятельному изслѣдованію. Вотъ результатъ его критическаго труда: «*границы лѣтосчислительнаго круга своего Временника Несторъ самъ опредѣляетъ слѣдующими словами: въ лѣто 6560 (852), наченшу Михаилу (Императору) царствовать, начася прозывать Руска земля. . . . Тѣмъ же отсель начнемъ и числа положимъ. Далѣе, обозначивъ годы княженій въ Кіевѣ Олегова, Игорева, Святославова, Ярополкова, Владимірова, Ярославова, и сказавъ, что отъ смерти Ярослава до кончины Святополка (Михаила) протекло 60 лѣтъ, въ заключеніе сей росписи Несторъ написалъ: по мы на презіснее возвратимся, и скажемъ, что ся удѣля въ лѣта си (852—1113), якоже презіе почали бяхомъ первое лѣто Михаиломъ (Императоромъ), а по ряду положимъ числа. Такая роспись княженій, прекращающаяся именемъ Святополка — Михаила, находится въ старѣйшихъ спискахъ Несторовой Лѣтописи — Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Алатырскомъ, Софійскомъ и Полеткинскомъ первомъ; въ Радзивиловскомъ и нѣкоторыхъ другихъ нѣтъ ея потому, какъ утверждаютъ Шлёцеръ и издатели Кёнигсбергскаго списка, что тамъ сія листы утрачены (такъ и въ Лаврентьевскомъ потеряна цѣлая тет-*

радь, заключающая въ себѣ 24 года княженій Олегова и Игорева; такъ и въ Кёнигсбергскомъ не доставало свѣденій объ обложеніи Славянъ данью отъ Хазаровъ); въ прочихъ она распространена до дней своихъ переписчиковъ: въ иныхъ по 1203 г., до Греческихъ Императоровъ Александра и Исаакія (по изъясненію Добровскаго и Погодина; по мнѣнію же Г. Строева, они были Посадники Новгородскіе), въ другихъ гораздо дальше. А какъ *Несторъ* не внесъ въ свой *Временникъ* имени преемника Святополкова *Владимира Мономаха*, — въ изображеніи обычаевъ народныхъ не упомянулъ о *Монголахъ*, явившихся на предѣлахъ Россійскихъ въ 1224 году, но токмо о *Половцахъ*, показавшихся у границъ нашихъ въ 1061 г., сказавъ о семъ народѣ: *якоже и при насъ нынѣ Половци законъ (вѣру) отецъ своихъ держатъ*, — писалъ, когда *Вятичи* продолжали еще сожигать своихъ мертвыхъ до обращенія своего въ Христіанство Св. Кукшею въ началѣ XII в., — былъ на свѣтѣ въ 1108 г., при сопричисленіи къ лику Святыхъ *Оеодосіа*, и при посвященіи *Кіево-Печерскаго Игумена Оеоктиста* во *Епископа Черниговскаго*, 12 Генваря 1112 года, о чемъ *Несторъ* говоритъ въ *Повѣсти* своей о житіи *Оеодосіевомъ*, — а отдѣльную *Повѣсть* о *Борисѣ* и *Глѣбѣ* кончилъ, не доведши ея до перенесенія мощей сихъ *Страстотерпцевъ*, 2 Мая 1115 г., въ новопостроенную Княземъ *Ольгомъ Святославичемъ* каменную, во имя ихъ, *Вышегородскую Церковь*, — слѣдовательно, можно принять за истину, что *Несторъ* прекратилъ *Лѣтопись* свою, какъ предварительно заявилъ въ росписи Князей, въ 1115 г., съ кончиною *Святополка* — *Михаила*, на 58 году

своей жизни. Это подкрѣпляется даже и тѣмъ обстоятельствомъ, что, по сличеніи списковъ Лаврентьевскаго и Ипатьевского, начинается оказываться между ими разность точно съ 1113 года. Съ того самаго времени въ одномъ уже сокращенно помѣщены происшествія Россіи Южной, какъ въ другомъ Сѣверовосточной. Первый продолжатель Ипатьевского, или Кіевскаго списка, самъ приходилъ въ Ладогу, въ 1114 году. Еслибъ это былъ Несторъ, то, слыша отъ ладожанъ, что между ими есть люди старые, которые ходили за Самоядь и за Югру, конечно не оставилъ бы припомнить рассказъ о сихъ странахъ Юрія Тогоровича, узванный имъ въ 1092 г..» (Стр. 174—176.) Покинемъ прѣнія съ Г. Бутковымъ. Онъ предлагаетъ свою догадку; мы можемъ имѣть нашу собственную, и дѣло не пойдетъ далѣе гипотезъ, до тѣхъ поръ, пока важнѣйшіе списки Несторовой Лѣтописи не подвергнутся тщательнѣйшему и точнѣйшему разбору именно въ семъ отношеніи. Надобно ожидать, что Археографическая Коммиссія рѣшитъ всѣ недоумѣнія касательно этого вопроса. Въ заключеніе, Г. Бутковъ заявляетъ, что Временнику Нестора, при жизни его, *едвали дана была огласка*; «ибо В. К. Святополку — Михаилу и другимъ Князьямъ, Несторовымъ современникамъ, безъ сомнѣнія, не показалось бы пріятно читать тамъ на себя укоризны». (Стр. 176.) За симъ почтенный изслѣдователь приступаетъ къ разсмотрѣнію толковъ о монастырскихъ запискахъ. Не одни только Скептики, но даже Карамзинъ, Погодинъ и другіе критики, признающіе подлинность Лѣтописи Преподобнаго Нестора, допускаютъ, что уже до него

существовали какія нибудь письменныя историческія извѣстія. Это весьма правдоподобно. Карамзинъ утверждаетъ; «вѣроятно, что Несторъ по запискамъ церковнымъ означалъ дни преставленія нѣкоторыхъ Князей». (И. Г. Р. I, XXVII.) Г. Погодинъ говоритъ: «я увѣренъ, что до Нестора имѣлись какія нибудь краткія записки, подобныя Новгородскому Лѣтописцу (Москва 1781), состоящему, особенно въ началѣ, изъ самыхъ сокращенныхъ, простыхъ замѣчаній, или припискамъ, кои провинціальными помѣщиками дѣлаются въ календаряхъ». (Несторъ, стр. 91; ср. стр. 92: «рѣшительно у насъ были записки до Нестора.») Скептическая школа, согласившись съ отзывомъ Исторіографа, переименовала его по своему. Она убѣждена, что Несторъ занимался лѣтописаніемъ, но повѣствовалъ лишь о событіяхъ Кіево-Печерской Обители, короче — велъ монастырскія записки. Существованіе такого рода источниковъ, по приговору Скептиковъ, неоспоримо и въ томъ случаѣ, если предположить, что Преподобный Несторъ дѣйствительно сочинилъ дошедшую къ намъ Лѣтопись. Иначе, какимъ образомъ онъ, жившій въ концѣ XI вѣка, могъ знать годы рожденія и смерти Великихъ Князей X столѣтія? По какимъ даннымъ выставлялъ онъ время солнечныхъ и лунныхъ затмѣній? Какъ онъ отмѣчалъ прочія небесныя явленія? Скептики отличаютъ сіи записки отъ позднѣйшихъ Сборниковъ. По ихъ словамъ, онѣ вращались въ весьма тѣсномъ кругѣ, ограничивались городомъ, много - много Княжествомъ, гдѣ находился тотъ монастырь, коего трудолюбивый отшельникъ составлялъ дневникъ главнѣйшихъ происшествій, наприм. прибытія

Богомольцевъ въ Обитель, кончины благочестивыхъ иноковъ, любопытныхъ приключеній ихъ житія, перемѣнъ въ монастырскомъ устройствѣ, нападенія враговъ, чудесъ и знаменій, своихъ собственныхъ дѣяній и т. п. . Въ послѣдствіи, компиляторы, видя краткость такого дневника, распространяли его, дополняли, прибавляли изъ Греческихъ Хронографовъ, помѣщали въ свой Сборникъ все, что попадалось подъ руки. Въ исходѣ XIII вѣка монастырскія записки окончились; въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ началось господство Сборниковъ, объемлющихъ не одно какое нибудь Княжество, а всѣ. — Г. Бутковъ отвергаетъ мнѣніе Карамзина и домыслы Скептиковъ. Исторіографу возражаетъ онъ, что *годы смерти* Олега, Игоря, Ольги, Святослава и сыновей его Олега и Ярополка въ Лѣтописи заподлинно означены, и, конечно, не по запискамъ монастырей, еще у насъ несуществовавшихъ; о *годахъ рожденія* этихъ Князей, также Владиміра I и ни одного изъ сыновей его, нѣтъ ни слова. *Дни кончины* Князей, даже до 1060 г., показаны только о Владимірѣ I, о Ярославѣ I, о супругѣ его и сынѣ Владимірѣ; больше ни о комъ. *Годы рожденія* начинаютъ быть упоминаемы съ 1020 г., съ Владиміра, перваго сына Ярославова отъ Ингигерды. О небесныхъ явленіяхъ въ X в. Лѣтописецъ нашъ сказалъ однажды подъ 911 г., узнавъ о тогдашней кометѣ отъ Византійцевъ, и, какъ полагаетъ самъ Карамзинъ, невѣрно: она видима была въ 905 г. . До половины XI столѣтія, встрѣчается въ Лѣтописи нашей еще одно сказаніе о кометѣ 1028; но на это во дни Несторовы, въ самомъ Кіево - Печерскомъ монастырѣ, были живые

свидѣтели: Антоній, Никонъ, Іеремія, и внѣ Обители Бояринъ Янъ. Въ происшествіяхъ гражданскихъ начинается означеніе при годахъ мѣсячныхъ числъ не прежде 1061 г., съ перваго нашествія Половцевъ на землю Русскую, а далѣе тѣмъ чаще, чѣмъ ближе событія подходятъ ко времени Несторова вступленія въ монастырь; да и самый рассказъ представляется уже и плодovitѣе и удовлетворительнѣе». (Стр. 179—180.)

Скептической школъ Г. Бутковъ отвѣчаетъ: 1) удивительно, что отъ множества монастырскихъ записокъ не осталось намъ ни одного листка, даже изъ XIII вѣка, какъ будто онѣ всѣ истреблены огнемъ, по особенному распоряженію Правительства, подобно Разряднымъ Книгамъ, отъ которыхъ, однакожъ, многіе акты сбережены по настоящую пору. 2) Еще удивительнѣе, что не только въ X, XI., но и въ XII столѣтіи, не было у насъ помина о монастырскихъ запискахъ, даже въ жизнеописаніяхъ Печерскихъ Угодниковъ. Вотъ доказательства: въ концѣ Повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ Несторъ говоритъ — *се же азъ Нестеръ грѣшный, о житіи и о погубленіи и о чудесахъ Святою и Блаженною Страстотерпцю сею опасне вѣдущихъ исписахъ я, другая самъ свѣдый отъ многихъ мало вписалъ, да почитающе славятъ Бога; — въ Житіи Θεодосіевомъ Преподобный Несторъ объявляетъ, что оно никакъ не описано, и что онъ велико испытовая слышахъ отъ древнихъ отецъ, бывшихъ въ то время, то и вписахъ (о жизни Θεодосія, до прихода въ Печерскую Обитель, пересказывала его мать Келарю Θεодору, современнику Θεодосіеву; Θεодоръ же многа исповѣда о преславномъ мужи семъ Нестору; кромѣ этого, единъ отъ братіи*

именемъ *Иларіонъ*, сообщилъ ему также кое-что о подвижничествѣ Праведника); — въ Словѣ объ Исаакіи Пещерникѣ Несторъ пишетъ: *и ина многа повѣдаху о немъ и самъ видѣхъ*; — Епископъ Симонъ, въ Посланіи къ Поликарпу, увѣдомляетъ: *и се тебѣ, брате, скажу, ежже слышахъ о блаженныхъ тѣхъ старецъ, яко рѣша слышавше отъ само-видецъ оныхъ*; — Поликарпъ, въ Посланіи къ Архимандриту Акиндину, извѣщаетъ о себѣ, что онъ вознамѣрился начертать, *со словъ Епископа Симона, біографіи тѣхъ черноризцевъ Кіевопечерскихъ, сотрудииковъ Антонія и Θεодосія, о которыхъ, въ теченіе 160 лѣтъ, не было ничего написано*. Изъ всего этого Г. Бутковъ выводитъ заключеніе: «ясно, что ни Несторъ, ни Симонъ, ни Поликарпъ, не знаютъ никакихъ монастырскихъ записокъ, и указываютъ на одни лишь собранныя ими устные преданія». (Стр. 181.) Послѣ сего, Г. Бутковъ опровергаетъ догадку Скептиковъ, что самъ Преподобный Несторъ сочинилъ не Лѣтопись, но краткія записки монастырскія. Предложимъ его доводы: 1) въ Житіяхъ Никиты затворника и Агапита врача онъ прямо названъ *Лѣтописцемъ* (*Нестеръ, иже написа Лѣтописецъ; . . . якоже блаженный Нестеръ въ Лѣтописцѣ написа*). 2) Если Скептическая школа допускаетъ въ монастырскія записки небесныя явленія и гражданскія происшествія того города и даже цѣлаго Княжества, гдѣ находился монастырь, то такія записки развѣ потому только могутъ быть причисляемы къ Лѣтописи монастырской, что составлены иноками, а не свѣтскими людьми, и въ монастырѣ, а не внѣ его оградъ. 3) Въ своемъ *Временникѣ* Несторъ повѣствуетъ: *скажемъ,*

чесо ради прозвася Печерскій монастырь . . . , о Θεодосіевомъ же житіи наки скажемъ; въ отдѣльной Повѣсти о зачалѣ Обители Печерской онъ говорить: скажемъ, въ кое мѣсто началъ быти монастырь, и чесо ради зовется Печерскій. Еслибы сія Повѣсть излагалась, по примѣру Временника, въ хронологическомъ порядкѣ, то въ ней долженствовало бы всему стоять по годамъ, какъ въ Лѣтописи начато съ 852 г. и ведено послѣдовательно, отъ одного года къ другому. Напротивъ, въ Повѣсти ни при одномъ обстоятельстве не отмѣчено годовыхъ чиселъ, и это показываетъ, что она сложена не изъ монастырскихъ записокъ, а изъ преданій. Въ ней не обозначено, когда Иларіонъ ископалъ пещеру, когда поселился на томъ же холмѣ Антоній, когда посѣтилъ его В. К. Изяславъ, когда Антоній устроилъ въ своей пещерѣ церковь и кельи, когда онъ поставилъ Игуменомъ Варлаама, когда отшельники начали покидать пещеру, когда Изяславъ отдалъ подъ монастырь всю гору, — словомъ, Повѣсть о зачалѣ Печерскаго монастыря объемлетъ собою 63 года (1009—1072), и при всемъ томъ она, въ сокращенномъ видѣ, и съ выпускомъ извѣстія о пребываніи Антонія, при Владимірѣ I, въ Варяжской пещерѣ, до злодѣйствъ Святополковыхъ, вставлена въ Лѣтопись подъ одинъ 1051 г., либо для связи съ гражданскими происшествіями, либо къ рѣчи объ Иларіонѣ, первомъ изъ Россіянъ, возведенномъ тогда въ санъ Кіевского Митрополита». (Стр. 184.) Г. Бутковъ обращаетъ также вниманіе на то, что одинъ изъ продолжателей Нестора, помѣстивъ подъ 1128 годомъ особое сказаніе о Рогволодѣ Полоцкомъ и о женитьбѣ Владиміра

на Рогнѣдѣ, съ разными прибавочными обстоятельствами, оговариваясь, что онъ руководствовался извѣстіями, слышанными отъ свѣдущихъ людей; слѣдовательно, и послѣ Преподобнаго Нестора не ссылались на монастырскія записки. Сверхъ сего, если подѣ словами *Лѣтописецъ* и *Лѣтописаніе* надобно понимать именно такого рода историческіе источники, то не выйдетъ ли явной несообразности, когда мы это толкованіе примѣнимъ къ выраженіямъ Несторовымъ: *глаголетъ бо Георгій въ Лѣтописаніи*, или *якоже пишется въ Лѣтописаніи Гречестѣмъ*, или *еже и писахъ въ Лѣтописаніи семъ*? А приписка Сильвестрова: *написахъ книги си Лѣтописецъ*? А изреченіе Кирилла Туровскаго: *якоже историци и вѣтїи, рекше Лѣтописцы и пѣснотворцы*? А свидѣтельство Мстислава Васильковича: *вписахъ есмь коромолу ихъ (жителей Бреста) въ Лѣтописецъ*? Ужели и тутъ рѣчь о монастырскихъ запискахъ? Далѣе, Г. Бутковъ указываетъ, что Скептики противорѣчатъ сами себѣ. Признавая существованіе сихъ записокъ въ X и XI столѣтіяхъ, они, вмѣстѣ съ этимъ, заявляютъ: «какихъ Русскихъ Князей Священникъ В. К. Ольги могъ записывать въ своихъ поминаньяхъ, когда всѣ наши Князья до Владиміра были язычники? Только съ конца X, или съ начала XI в., стала проявляться у насъ письменность. . . . Записки, какія бы то ни было, не могли существовать ранѣе Нестора, и можно почти рѣшительно сказать, что до половины XI столѣтія едва ли онѣ могутъ быть допущены. Первые монастыри появились у насъ не ранѣе первой половины XI в.; а въ монастыряхъ, до 1074 года, не было другихъ занятій для черноризцевъ,

кромѣ поста, молитвы, устроенія монастыря, церкви, келлій, и выкапыванія пещеръ. Могли ли они думать о Хронографѣхъ, когда съ трудомъ имѣли книги, необходимыя для Богослуженія? Нестору не надобно уже было заботиться о матеріальныхъ и грубыхъ занятіяхъ. Онъ свободное отъ молитвы время могъ посвящать веденію монастырскихъ записокъ». Г. Бутковъ спрашиваетъ: куда же дѣвались прежнія записки X столѣтія о годахъ рожденія и смерти Князей, о небесныхъ явленіяхъ и о происшествіяхъ, случившихся до Несторова времени, когда вообще этотъ источникъ начинается только со вступленія Преподобнаго Нестора въ Печерскую Обитель, въ 1073 году? — Я согласенъ съ нимъ, что логическая послѣдовательность не принадлежитъ къ числу добродѣтелей Скептической школы, запутавшейся въ своихъ собственныхъ показаніяхъ; но тѣмъ не менѣе почитаю нужнымъ войти здѣсь въ разсмотрѣніе, справедливъ ли его приговоръ касательно возможности бытія такихъ письменныхъ историческихъ матеріаловъ, кои предварили появленіе Несторовой Лѣтописи. Удивительно, что Г. Бутковъ затрудняется допустить монастырскія, или другія какія нибудь краткія записки до Нестора, какъ будто Временникъ нашего первенствующаго Бытописателя чрезъ это утратитъ свое достоинство. Что же тутъ мудренаго? Грамотность не могла оставаться для насъ неслыханною диковинкой, особенно съ тѣхъ поръ, какъ умножились сношенія съ Византіею и Болгаріею. При семъ, не должно забывать, что Христіанская Вѣра проникнула къ намъ задолго прежде Владиміра Великаго. (Ср. Венелина, Древніе и нынѣшніе

Болгаре , т. 2 , стр. 223 и слѣд. .) Позволительно ли предполагать , что Христіанство распространялось въ Руси безъ всякихъ пособій грамоты? По свидѣтельству Константина Багрянороднаго , при Ольгѣ находились Священникъ и переводчики. Уже до крещенія Русской земли Равноапостольнымъ Княземъ , мы имѣли договоры Олеговъ , Игоревъ , Святославовъ. Лзя ли повѣрить Шлёцеру и Карамзину , что Преподобный Несторъ наугадъ назначалъ годы событій , о которыхъ повѣствуетъ въ своей Лѣтописи? Конечно , Византійская Хронологія служила ему нитью ; но вспомнимъ , что происшествія Восточной Имперіи прекращаются въ Несторовомъ Временникѣ еще въ IX столѣтіи. Чѣмъ же отецъ нашей Исторіи руководствовался въ послѣдствіи , когда изсякъ Византійскій источникъ? Повторю слова Г. Погодина: «въ одномъ XI в. совершилась сотня событій , не упоминая о X. . . Какимъ же образомъ можно угадать имъ числа»? (Несторъ , стр. 92.) А они подтверждаются Лѣтописями другихъ народовъ. О какомъ *старомъ Ростовскомъ Лѣтописцѣ* намекаетъ Епископъ Симонъ , въ Послании къ Поликарпу? Безспорно , не о Несторѣ , потому что Симонъ и Поликарпъ слишкомъ хорошо знали его. Карамзинъ объявляетъ: «думаю , что Симонъ называетъ такъ Несторову Лѣтопись , переписанную въ Ростовѣ». (И. Г. Р. , II , прим. 138 , стр. 391.) Но эта догадка лишена основанія. «Говорить о сочиненіи по списку не могло тогда придти въ голову» , скажемъ съ Г. Погодинымъ. (Несторъ , стр. 93.) Выше мы видѣли , что самъ Г. Бутковъ ссылается на лѣтосчислительную таблицу , помѣщенную въ началѣ Временника Преподобнаго Нестора.

Я нахожу весьма остроумнымъ предположеніе Г. Погодина, что сія таблица составлена *къмъ — то* до Несторова приѣма за дѣяніе, и что онъ только продолжилъ ее, заключивъ 1113 годомъ. Если это несправедливо, то почему же Несторъ пропустилъ призваніе Варяговъ? Возможно ли, чтобы сіе происшествіе показалось ему малозначительнымъ? Ужели *первое лѣто Олгово* важнѣе, чѣмъ прибытіе Рюрика? Г. Бутковъ рѣшительно отрицаетъ существованіе письменныхъ историческихъ матеріаловъ прежде Нестора; но откуда попали въ Никоновскую Лѣтопись извѣстія: о походѣ Улеба на Желѣзныя Ворота въ 1032 г., о предпріятіи противъ Уличей, о войнѣ Изяслава съ Ссолами? У Преподобнаго Нестора нѣтъ и помниа объ этомъ. Г. Погодинъ спрашиваетъ еще: какъ объяснить безпорядокъ, въ которомъ слѣдуютъ иныя повѣствованія въ Несторовомъ Временникѣ? (Несторъ, стр. 90.) Отъ чего зависѣло различіе, усматриваемое въ самомъ языкѣ? (*ibid.*, стр. 95.) Къ сему присовокупимъ: въ правѣ ли мы утверждать, что наше бытописаніе прямо началось связною Лѣтописью, когда ни одинъ народъ не представляетъ подобнаго примѣра? — Изыскивая средства поколебать вѣру во Временникъ Нестора, притязательные Скептики съ удовольствіемъ взялись за мысль: «въ Лѣтописи, въ Повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ, въ Житіи Оеодосіевомъ, встрѣчаются одни и тѣже обстоятельства; этого не должно бы случиться, если бы сочинителемъ ихъ былъ Преподобный Несторъ»? Г. Бутковъ отвѣчаетъ: 1) «Повѣстью о Борисѣ и Глѣбѣ Несторъ вознамѣрился доставить чтеніе на пользу повиновенія младшихъ старшимъ (въ концѣ второй части сей

Повѣсти, онъ говоритъ: *видите ли, братіе, коль высоко покореніе, еже стяжаста Святая — Борисъ и Глѣбъ — къ старѣйшему брату! Си аще бо быста супротивилась ему, едва быста такому дару чудесному сподоблена отъ Бога. Мнози бо суть нынѣ дѣтески Князи, не покорящисъ старѣйшимъ и супротивящисъ имъ, и убиваеми суть; ти не суть благодати сподоблени, якоже Святая сія.* — Словомъ нынѣ Преподобный Несторъ даетъ разумѣть о враждѣ Великаго Князя Изяслава I съ Святополкомъ и Всеволодомъ, Бориса и Олега съ ихъ дядями, объ умерщвленіи Ярополка Нерядцемъ, о ссорѣ Ярослава съ Олегомъ, Мстислава съ Давидомъ.); 2) жизнеописаніемъ Феодосія онъ имѣлъ цѣлю преподавать инокамъ назиданіе (*да и по насъ черноризцы, пріимше писаніе и почитающе, и тако видяще мужа доблесть, восхвалятъ Бога и Угодника его прославляютъ, и на прочіи подвиги укрѣпляются*). Г. Бутковъ весьма основательно замѣчаетъ: «простительно ли было бы Нестору, слагая Повѣсть о Борисѣ и Глѣбѣ, умолчать, что они сыновья Владиміровы, забыть о походѣ Бориса противъ Печенѣговъ, о постигшей Владиміра въ то время кончинѣ, о восшествіи Святополка на Великокняжескій престолъ, и о всѣхъ другихъ событіяхъ, въ Лѣтопись внесенныхъ, коими сопровождалось убіеніе Бориса и Глѣба? Изъ отдѣльных же Повѣстей о зачалѣ Печерскаго монастыря и о Житіи Феодосіевомъ позволяло ли бы Нестору благоразуміе его исключить извѣстія: о тревогахъ, нанесенныхъ Обители за принятіе въ иноки ея Варлаама, сына Боярина Яна, и Великокняжескаго Евнуха Ефрема, о смутѣ въ Князьяхъ, побудившей Никона

удалиться изъ монастыря на островъ Тмутараканскій, о благодѣяніяхъ, оказанныхъ Обители Князьями, также и о другихъ дѣйствіяхъ, имѣвшихъ съ происшествіями гражданскими тѣсную связь? Несторъ ввелъ въ жизнеописаніе Θεодосіево нѣкоторые случаи даже и такіе, о которыхъ онъ упоминалъ уже въ Повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ; а что одно и другое сочиненіе изложено имъ отдѣльно, объ этомъ онъ самъ объявляетъ въ приступѣ къ Θεодосіеву жизнеописанію: *се бо исперва ми исписавшю о житіи и о убіеніи и о чудесѣхъ Святыхъ. . . . Бориса и Глѣба, понудихся и на второе исповѣданіе приити. . . . азъ грѣшный Несторъ. . . . начатокъ слову списанія положихъ, еже о житіи Преподобнаго Θεодосія». (Стр. 188—190.)* Отсюда Г. Бутковъ выводитъ заключеніе, совершенно противное тому, на коемъ остановилась Скептическая школа. По его мнѣнію, тутъ — то Несторъ и обнаруживается истиннымъ сочинителемъ гражданской Лѣтописи, «ибо когда въ Повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ читаемъ: *Владиміръ бысть милостивъ, якоже и на возѣхъ возити брашно по граду, и овощъ и медъ и вино, и, просто рещи, еже на потребу болящимъ и нищимъ, и проповѣднику глаголющу спрощеніемъ, егда кто болитъ кто гдѣ, — то и въ Лѣтописи находимъ, подъ 996 годомъ, слѣдующія слова: повелъ Владиміръ пристроити кола, вкладаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ различная, медъ въ бчелкахъ, а въ другихъ квасъ, возити по граду впрашающимъ: кдѣ больніи и нищъ и немогій ходити, тѣмъ раздаваху на потребу». (Стр. 190—191.)* Съ такою же незначительною отмѣною разсказывается во Временникѣ и въ обѣихъ отдѣльныхъ Повѣстяхъ о со-

зданіи В. К. Владиміромъ храма Св. Василя въ Кіевѣ, о раздачѣ имъ удѣловъ сыновьямъ, о избіеніи братьевъ Святополкомъ, о построеніи Ярославомъ Софійской и иныхъ церквей, о наслѣдованіи престола Изяславомъ, объ отсылкѣ Святославомъ Черниговскимъ сына своего Глѣба на Княже-ніе Тмутараканское, по смерти отравленнаго Ростислава, о междоусобіи Ярославичей (1073), о подвигѣ Изяслава, положившаго животъ свой за Всеволода (1078). «Въ самомъ слогѣ Лѣтописи Несторовой попадаются, во многихъ случаяхъ, такіа выраженія, какія находятся въ вышеозначенныхъ его Повѣстяхъ, особливо при переходѣ отъ одного предмета къ другому». (ibid.) Въ видѣ образца, Г. Бутковъ предлагаетъ сказанія о зачалѣ Печерскаго монастыря, по Патерику и Кёнигсберскому списку. (Увѣдомляя о пришествіи своемъ туда, Лѣтописецъ называетъ себя въ Повѣсти *Несторомъ*, а во *Временникѣ азъ*.) — Послѣ сего, почтенный Г. Бутковъ приступаетъ къ любопытнѣйшему изъ всѣхъ прочихъ вопросу: какіе способы имѣлъ Преподобный Несторъ, чтобы собрать матеріалы для своей Лѣтописи? Припомнимъ, что Скептики затруднялись рѣшеніемъ задачи: монахъ XI вѣка, сидя въ кельѣ на Днѣпрѣ, могъ ли чують, кто живетъ на Припяти, Двинѣ, Полотѣ, Деснѣ, Семи, Сулѣ? Онъ долженъ былъ путешествовать, дабы развѣдать о жилищахъ этихъ племенъ; но въ XI столѣтіи географическія экспедиціи — неслыханное дѣло! Скажутъ, что ему сообщали извѣстія. Кто? Правительство? Оно и не помышляло объ этнографіи. Народъ еще менѣе заботился о томъ. У Богомольцевъ, странствовавшихъ въ Печерскую

Обитель, также едва ли успѣлъ бы Несторъ доспроситься чего нибудь толковаго. Отвѣтъ Г. Буткова чрезвычайно разителенъ: «праотцы наши знали тогда и прежде дорогу къ Царьграду водою и сушею, знали путь въ Сирію, Іерусалимъ, Аѳонскую гору, Карпаты, Тавриду, Кавказъ, на Каспійское море и въ Уральскій хребетъ; Правительство наше вѣдало мѣстопробываніе племенъ, ему подвластныхъ, и облагало ихъ податями, сообразно ихъ промышленности и способамъ къ уплатѣ, — знакомо было съ Государствомъ своимъ, по крайней мѣрѣ, не меньше Константина Багрянороднаго, который, не посѣщавъ самъ Россіи, писалъ, въ 949 году, по рассказамъ Руссовъ, о племенахъ Славяно-Россійскихъ, о городахъ ихъ, о торговлѣ, промышленности, судоходствѣ и даже о Славянскихъ и Русскихъ именахъ пороговъ Днѣпровскихъ. Если Скептики лишаютъ Нестора свѣденія о жителяхъ Припяти, Семи, Сулы, потому что изъ Кіева не лзя видѣть устьевъ этихъ рѣкъ за 70, за 150 и за 185 верстъ, то хотя допустили бы его смотрѣть съ горъ Кіевскихъ на Десну, которая вливается въ Днѣпръ отъ Кіева только въ 7 верстахъ, особенно когда Преподобный Несторъ хаживалъ оттуда въ Вышгородъ, какъ самъ говоритъ въ Повѣсти о Борисѣ и Глѣбѣ. При томъ, позволили бы ему приближаться къ пришельцамъ въ монастырь не съ отрывистымъ вопросомъ: кто ты, а съ другими предложеніями, ближе ведущими къ удовлетворенію его любопытства, и не къ однимъ простолюдинамъ, но съ нѣкоторою разборчивостью, какъ онъ собиралъ матеріалы для отдѣльных Повѣстей своихъ о Борисѣ и Глѣбѣ, о началѣ Пе-

черской Обители и о Θεодосіеаой жизни. Безъ сомнѣнія, не по вопросу кто ты, Новгородецъ Юрій Тогоровичъ сообщилъ Нестору, въ 1092 году, извѣстіе о Югрѣ и Самояди. Читая же въ его Временникѣ, подъ 1093 г., изображеніе страда- ній плѣнниковъ Русскихъ въ землѣ Половецкой, *глаголавшихъ другъ къ другу рыдающе: азъ бѣхъ сего града, а инъ инаго, овже а азъ тоя веси, и тако съ плачемъ другъ другу родъ свой сказующе*, можемъ полагать, что тогдашніе простолюдины яснѣе давали знать о себѣ, чѣмъ тѣ, надъ коими Скептики дѣлали свои опыты». (Стр. 197.) По изслѣдова- ніямъ Г. Буткова, Преподобный Несторъ пособія къ со- ставленію Лѣтописи получилъ частію изъ первыхъ, частію изъ вторыхъ рукъ: 1) «въ самомъ монастырѣ онъ находилъ свѣжія преданія, живыя записки, въ цѣлой сотнѣ его ино- ковъ (Игуменъ Антоній, монахъ Іеремія, Игумены Θεодосій и Никонъ, Евнухъ Ефремъ — вступившій въ Обитель 1056 —, Исаія, Никита, Прохоръ, Князь Николай Свято- ша, Игуменъ Стефанъ, Григорій чудотворецъ, Алимпій иконописецъ, Агапитъ врачъ, Маркъ пещерникъ, Θεодоръ и Василій, Прохоръ, лѣчець Петръ, Матвей прозорливый, Николай Епископъ Тмутараканскій, Θεоктистъ Епископъ Черниговскій, Григорій творецъ каноновъ, Игуменъ Іоаннъ;— «всѣ сіи и многіе другіе отшельники Печерскаго монастыря могли положить въ Несторовъ Временникъ сильное при- ношеніе»; стр. 198—201). 2) При жизни Несторовой схо- дились въ Кіевъ Епископы: въ 1089 г. на освященіе храма Печерскаго, въ 1091 г. на перенесеніе Θεодосіевыхъ мощей. Каждый изъ нихъ, конечно, не отрекался содѣйствовать

Нестору въ благомъ его дѣлѣ, передавая ему о паствѣ своей географическія и этнографическія извѣстія, на пріобрѣтеніе которыхъ они имѣли особую удобность при сборѣ съ городовъ и сель десятины, знакомой намъ изъ Посланія Симона къ Поликарпу. Должно еще помнить, что всѣ Епархіальныя Архіереи Россійскіе, Греки ли они были, или Россіяне, люди, безъ сомнѣнія, просвѣщенные, какихъ и въ тѣ времена предки наши умѣли отличать отъ простоумныхъ, по обязанности званія своего и по правиламъ Вселенскихъ и Помѣстныхъ Соборовъ, состояли въ необходимыхъ отношеніяхъ къ Главѣ Церкви Россійской (Митрополиту Кіевскому); почему Преподобному Нестору не трудно было открыть себѣ доступъ въ Архивъ Кіевскихъ Іерарховъ. 3) Въ тогдашнихъ владѣтельныхъ Князьяхъ нашихъ не лѣзя предполагать такого невѣжества, такой безпечности, чтобъ они ничего не знали о дѣяніяхъ своихъ предковъ. *Владиміръ I*, находясь до семнадцатилѣтняго возраста при бабкѣ своей, мудрой Ольгѣ, могъ слышать отъ нея самой о подвигахъ Игоря, Олега и даже свекра ея Рюрика, умершаго до ея рожденія только лѣтъ за 15, и эти рассказы передавать какъ сыновьямъ своимъ, такъ и дружинѣ, съ которою онъ думалъ о строгъ земельмъ и о ратяхъ и уставъ земельмъ. Если *Владиміръ* говорилъ: *дѣдъ мой и отецъ мой доискася дружиною злата и сребра, если онъ живяше по устроенію отню и дѣдною, если Ярославъ I, при смерти своей, внушалъ дѣтямъ: имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери; аще будете ненавистно живуще... погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже нальзоша*

трудоу своимъ великимъ, — то, конечно, и Владиміръ и Ярославъ вѣдали и происхожденіе своихъ Руссовъ, и призывъ Рюрика Славянами, Кривичами, Чудью, Мерею, Русью, и дѣла и годы царствованій прежнихъ Князей Рюрикова дома. Не забудемъ еще, что Несторъ внесъ въ свой Временникъ многое, сообщенное ему лично отъ *Яна*, находившагося въ числѣ первыхъ Бояръ при В. К. Изяславѣ въ 1056, въ должности Тысяцкаго Кіевскаго въ 1089, духовнаго сына Θεодосіева, родившагося въ 1016 и скончавшагося въ 1106 году. Янъ былъ сынъ Вышаты, современника Владимірова, предводительствовавшего ополченіемъ Ярославовымъ противъ Грековъ въ 1043, и около 1071 ѣздилъ на Бѣло-Озеро въ Весь, для сбора Княжеской дани; въ 1093, онъ участвовалъ въ походѣ на Половцевъ, при которомъ случаѣ Лѣтописецъ называетъ его *смысленнымъ, мудрымъ*, и въ годъ смерти своей сражался съ Половцами же около Зарѣчска. (*) Сынъ его Варлаамъ, посвятивъ себя, въ 1056 г., во иноки Печерскаго монастыря, былъ преемникомъ Антоніевымъ въ игуменствѣ, до перехода своего въ устроенный В. К. Изяславомъ монастырь Димитріевскій. Онъ совершилъ путешествіе въ Константинополь и во Іерусалимъ, для по-

(*) Митрополитъ Евгеній, въ Словарѣ историческомъ о бывшихъ въ Россіи Писателяхъ духовнаго чина, изд. 2, т. II, стр. 91, говоритъ: „многое узналъ Несторъ, *какъ самъ объявляетъ, отъ товарища своего монаха Яна*, жившаго 90 л., умершаго въ 1106 г., и, слѣдовательно, родившагося въ 1016 г., спустя годъ по смерти Великаго Князя Владиміра.“ Г. Бутковъ признаетъ это мнѣніе ошибочнымъ: Преподобный Несторъ назвалъ Яна старцемъ не потому, что

сѣщенія Святыхъ Мѣстъ. *Варягъ Шимонъ*, который пришелъ, въ 1027 г., изъ отечества своего къ В. К. Ярославу съ 3000 единоплеменниковъ и водворился навсегда въ Россіи, — который присоединился съ ними, въ 1043 г., къ Россіянамъ на Грековъ, въ числѣ иностранныхъ вспомогательныхъ войскъ, прибывшихъ, по словамъ Византійцевъ, съ сѣверныхъ острововъ Океана, — и который, по убѣжденію Антонія, принялъ съ подвластными своими Греческое исповѣданіе, могъ доставить Нестору извѣстія какъ о Скандинавіи, такъ и объ участіи, со стороны Ярослава, въ сраженіи съ Мстиславомъ у Листвена, въ 1024 г., дяди своего, шурина Ярославова, Шведскаго Короля Анунда Іакова, названнаго въ Лѣтописи нашей Якуномъ, Княземъ Варяжскимъ. Этотъ Шимонъ, переименованный въ Симона, принесъ Игумену Антонію, между 1068 — 1072 годами, знатное пожертвованіе на сооруженіе въ Кіево - Печерской Обители каменной Успенской

онъ находился *инокомъ*, а потому что прожилъ на свѣтѣ продолжительный срокъ. (Стр. 417, прим. 445.) Дѣйствительно, Несторъ, вопреки увѣренію сочинителя Словаря, ничего не упоминаетъ объ этомъ. Вотъ его подлинныя слова: въ се же лѣто (6614) преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90, въ старости маститъ; живъ по закону Божью, не хуже первыхъ Праведникъ; отъ него же и язъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ Лѣтописаньи семъ. Бѣ бо мужъ благъ и кротокъ и смиренъ, отгребаяся всякія вещи; его же гробъ естъ въ Печерскомъ монастыри въ притворѣ, идѣ же лежитъ тѣло его, положено мѣсяца Іуна въ 24. — Карамзинъ не считалъ также Яна монахомъ. И. Г. Р., II, прим. 215. На какомъ же основаніи утверждаетъ это Преосвященный Евгеній? Развѣ на томъ, что Янь погребенъ въ Печерской Обители?

церкви, и въ ней погребенъ по времени немалъ, а сынъ его Георгій, служившій у Князя Юрія Владиміровича Мономахова Тысяцкимъ въ Суздалѣ, оковалъ серебромъ раку Св. Θεодосія въ 1130 году. *Ближайшіе потомки лучшихъ людей изъ Варяговъ, удержанныхъ Владиміромъ въ Россіи въ 980 г., при удаленіи тогда прочихъ въ Грецію, равно внуки Славянъ Новгородскихъ, Кривичей, Вятичей и Чуди, поселенныхъ этимъ Княземъ въ городахъ, основанныхъ, въ 988 г., по рѣкамъ Стугнѣ, Сулѣ, Трубезю, Остру и Деснѣ, въ состояніи были передать Нестору свѣденія, слышанныя отъ отцовъ о прежней своей отчизнѣ. Купцы Русскіе, ѣздившіе повсюду для торговли, и, такимъ образомъ, знакомившіеся съ дальними странами, также и люди, посѣщавшіе изъ благочестія Гробъ Господень, каковыхъ видѣлъ въ Іерусалимѣ нашъ Паломникъ Даніилъ, могли сообщить Нестору свои путевыя наблюденія, по примѣру Юрія Тогоровича, приходя на Богомолье въ знаменитую Печерскую Обитель. Люди, посылаемые отъ Правительства къ разнымъ подвластнымъ племенамъ, и тѣ, которые употреблялись тамъ для сбора податей, суда и расправы, имѣли средства доставить любознательности Несторовой обильную пищу. 4) Иноки Печерскіе не отчуждали себя совершенно отъ міра и отъ дѣлъ его: Θεодосій принималъ на монастырскую трапезу не только простолюдиновъ, но и Великихъ Князей, да и самъ бывалъ приглашаемъ на обѣды во дворецъ Великокняжескій Изяславомъ и Святополкомъ, посѣщалъ дома дѣтей своихъ духовныхъ, и особливо любимаго имъ Тысяцкаго Кіевскаго Яна. Иноки Печерскіе, въ часы, свободные отъ Богослуже-*

нія церковнаго , занимались различными рукодѣльями , одни перепискою книгъ , другіе переплетомъ ихъ , третьи шитьемъ одежды , четвертые пряденіемъ волны и вязаніемъ изъ нея клубуковъ и иныхъ вещей . При начальномъ устроеніи Обители , они плоды работы своей продавали на городскихъ торжищахъ , и на вырученныя деньги покупали для себя съѣстные припасы ; въ послѣдствіи же , когда многіе изъ вельможъ , приходившіе къ Θεодосію для исповѣданія грѣховъ своихъ , дѣлали ему приношенія движимыми и недвижимыми имуществами , на пользу монастыря , на утѣшеніе его братій и на нищихъ , тогда монахи сами занимались хозяйствомъ въ пожертвованныхъ имъ весяхъ . Такимъ образомъ , они непрестанно сообщались съ народомъ . 5) *Антоній , Θεодосій , Никонъ и преемникъ послѣдняго Іоаннъ , Игуменъ Печерскій , брали участіе и въ дѣлахъ гражданскихъ . Антоній , не взирая на уединеніе свое въ особой пещерѣ , навлекалъ на себя , въ 1069 г. , подозрѣніе В. К. Изяслава за совѣты , данныя , въ 1067 г. , Всеславу Полоцкому , и за оказываемое потомъ Князю сему благопріятство . (По поводу этого гнѣва Изяслава на Антонія , Святославъ Черниговскій прислалъ ночью за Преподобнымъ , который , прибывъ въ Черниговъ , возлюбилъ тамъ Болдину гору , ископалъ пещеру и вселился въ ней .) Θεодосій многимъ былъ заступникъ предъ Князьями и судьями . Онъ смѣло и сильно , словесно и письменно , обличалъ В. К. Святослава за изгнаніе изъ Кіева старѣйшаго брата Изяслава , и не страшился ни заточенія , ни смерти , а умолкъ не прежде , какъ увидѣлъ бездѣйствіе своихъ усилій и смиреніе предъ собою Свято-*

слава, *износившаго на Изяслава многія вины*. Святославъ часто призывалъ къ себѣ Θεодосія, самъ многократно приходилъ къ нему для бесѣды, и уважалъ его совѣты. Никонъ, по кончинѣ Ростиславовой, въ 1066 году, убѣжденный обитателями Тмутараканскими, ѣздилъ въ Черниговъ, какъ въ Лѣтописи сказано, къ Святославу, для склоненія его отпустить къ нимъ на Княженіе сына своего Глѣба. Игуменъ Іоаннъ былъ заточенъ въ Туровъ за укоръ В. К. Святополка — *Михаила въ несытствѣ богатства и въ озлобленіи людей*; но скоро съ честію возвращенъ въ свою Обитель, по заступленію Владиміра Мономаха. Не желаемъ приводить другихъ многочисленныхъ примѣровъ вліянія нашего монашествующаго духовенства на тогдашнія свѣтскія дѣла. Довольно сказать, что когда наши Князья и Бояре предпринимали изъ Кіева воинскія движенія, они каждый разъ посѣщали съ дружиною Печерскій монастырь для молитвы и благословенія, поступая подобнымъ образомъ и по возвращеніи. При такихъ-то случаяхъ открывалось Нестору удобство узнавать и причины походовъ и самый ходъ дѣйствій, часто въ надлежащей полнотѣ, какъ видно во Временникѣ его, наипаче съ той поры, когда онъ вступилъ въ Печерскую Обитель, въ изображеніи войнъ 1078, 1093, 1096, 1103 и 1111 годовъ. Тамъ находятся подробности, *подающія собою удостовѣреніе, что онъ доставлены Преподобному Нестору участниками походовъ, и даже въ видѣ дневныхъ записокъ*. Вотъ сколько очевидныхъ, обыкновенныхъ, легкихъ и близкихъ пособій, какими Несторъ могъ располагать при сочиненіи Лѣтописи, отъ него къ намъ до-

шедшей, подтверждаемой во всѣхъ важныхъ событіяхъ свидѣтельствомъ иностранцевъ! Едва ли инымъ образомъ составила каждую другую древняя, или начальная Исторія народовъ, всюду предваряющая появленіе у нихъ письменныхъ памятниковъ домашнихъ. Шлёцеръ напрасно удивлялся географическимъ познаніямъ нашего Нестора: сей умный инокъ, призванный Екатериною Великою *праводушнымъ*, былъ бы въ состояніи передать потомству и пространнѣйшія извѣстія, еслибы предвидѣлъ, что мы на каждое изреченіе его обратимъ жадное любопытство». (Стр. 198 — 208.) Не безъ причины предложилъ я здѣсь эту длинную выписку: надѣюсь, что, послѣ такой дѣльной отповѣди, мудрено уже подчиниться необдуманнѣйшимъ внушеніямъ Скептической школы. Странно, что ея отважныя пересуды смущали людей, освоившихся съ нашею историческою Литературою. Еще непонятнѣе, что мы поспѣшили съ подозрѣніями относительно достовѣрности Лѣтописи Нестора, не размысливъ, сколь рѣдкое счастье досталось намъ на долю. Сей завидный жребій Русскаго дѣписанія безспорно заключается въ томъ, что мы имѣемъ средства открыть источники, откуда заимствованы сказанія нашего перваго Бытописателя. А это не служить ли ручательствомъ въ высокомъ его достоинствѣ?— Придумывая различные утонченные доводы, чтобъ уронить Преподобнаго Нестора во мнѣніи любителей Отечественнѣйшей Исторіи, Скептики разгласили: «сочинителемъ Временника, приписываемаго Нестору, можно съ равнымъ основаніемъ почестъ какъ *нѣкоего Василія*, который, подъ 1097 г., увѣдомляетъ о себѣ, что, проживая во Владимірѣ на Волыни,

былъ употребленъ тамошнимъ Княземъ Давидомъ Игоревичемъ для переговоровъ съ Тербовльскимъ Княземъ Василькомъ, такъ и *Сильвестра, Игумена Кіевского Выдубицкаго монастыря*, объявившаго подъ 1116 г., что онъ составилъ *Лѣтопись*. По этому, слова: *азъ, ми, мнѣ*, находямыя въ ней, принадлежатъ столько же Василю и Сильвестру, сколько и самому Нестору». Весьма жалко, что Г. Бутковъ удовольствовался только краткимъ отвѣтомъ на сіи толки, и не разсмотрѣлъ поглубже важнаго вопроса о продолжателяхъ *Временника Несторова*. Татищевъ, стяжавшій себѣ славу первоначальнаго изслѣдованія объ этомъ предметѣ, какъ мы уже выше сказали, полагалъ, что Преподобный Несторъ окончилъ свою *Лѣтопись* въ 1093 году, и что съ сей поры по 1116 г. писалъ *Игуменъ Сильвестръ*; потомъ *Нифонтъ* 1116 — 1157; *Епископъ Симонъ* съ 1203; *Новгородскій Священникъ Іоаннъ* съ 1230. Академикъ Миллеръ не согласился съ Татищевымъ касательно лѣтъ, когда началъ и прекратилъ свое продолженіе *Сильвестръ*, настоятель *Выдубицкаго монастыря*. Вотъ его отзывъ: «начатокъ сочиненія *Сильвестра* признаемъ мы тамъ, гдѣ покойный *Татищевъ* думалъ быть концу, и сіе для того: 1) понеже въ началѣ 1116 года выставленныя *Сильвестромъ* слова не меньше походятъ на начало, какъ и на окончаніе (*); 2) понеже онъ

(*) Я уже приводилъ эти слова *Сильвестра* по *Ипатьевскому списку*. Они находятся и въ другихъ спискахъ, напр. въ *Лаврентьевскомъ, Кёнигсбергскомъ*. Составитель *Никоновской Лѣтописи* распространилъ и изукрасилъ ихъ на свой ладъ: „Се азъ грѣшный инокъ *Сильвестръ*, *Игуменъ Святаго Михаила*, написахъ книги сія, глаго-

говорить тамъ, что сочинялъ при владѣніи В. К. Владиміра Мономаха, кое началось въ 1113, г., и 3) понеже Сильвестръ тогда еще не преставился, и никакой причины не видно, для чего бы ему перестать писать прежде своей кончины. Въ 1119 г. поставленъ онъ Епископомъ въ Переяславль, гдѣ въ 23 день Апрѣля 1123 г. скончался, и посему такъ далеко слѣдуетъ его продолженіе». При этомъ случаѣ, Миллеръ дѣлаетъ общее замѣчаніе: «что до продолженій Несторовой Лѣтописи касается, то ни которое изъ нихъ не находится особливо, также и въ первѣйшія времена не случалось быть двумъ, или больше писателямъ вдругъ, кои бы объ одномъ времени писали порознь. Одинъ продолжатель

лемыя Греческимъ языкомъ Хронографъ, Русскимъ же языкомъ толкуется Временникъ, еже есть Лѣтописецъ, во священно и божественно священноначальство Господина Никифора, Митрополита Кіевского и всея Русіи, во обладаніе державы Кіевскія православнаго и благочестиваго Великаго Князя Владиміра Мономаха, сына Всеволожа, внука Ярослава, правнука Великаго и Равноапостольнаго Святаго Владиміра, нареченнаго въ Святѣмъ Крещеніи Василія, крестившаго всю Русскую землю. Писа же вся сія любви ради Господа Бога и Пречистыя Богородицы и Святыхъ его, и своего ради отечества Русскія земли, во спасеніе и пользу всѣмъ, и молю всѣхъ прочитающихъ книги сія, да помолятся о мнѣ во святыхъ своихъ молитвахъ, да сладостный и радостный гласъ услышу отъ Господа Бога, въ день онъ суда великаго избавленъ буду безконечныхъ мученій, и общаниныхъ благихъ отъ Господа получу, молитвами Пречистыя Богородицы и всѣхъ Святыхъ. Аминь.» (II, стр. 34.) Г. Погодинъ справедливо замѣчаетъ, что это любопытный образчикъ, какъ древнія извѣстія утучнялись позднѣйшими собирателями. (Несторъ, стр. 22.)

сладовалъ за другимъ, и къ концу трудовъ своего предка присоединялъ свои труды. Не можно бы было иногда примѣтить разности, но почестъ все за писаніе одного человѣка, ежели бы обыкновенный вѣкъ человѣческій не побуждалъ насъ изыскивать оную разность. А гдѣ она есть, тутъ примѣчается болѣе въ матеріяхъ, нежели въ слогахъ; также иногда писатели и сами о себѣ объявляютъ». Нѣтъ большой надобности доказывать, что сіе мнѣніе не вполне справедливо. Мы уже знаемъ, что Лѣтопись Преподобнаго Нестора сложена въ Кіевѣ. Оттуда она распространилась немедленно, вмѣстѣ съ Печерскими иноками, по другимъ Обителямъ и городамъ Русскимъ, переписывалась вездѣ, продолжалась описаніемъ мѣстныхъ происшествій. (Погодина Несторъ, стр. 20.) Почему же не могло встрѣтиться, чтобы два, три, или болѣе переписчиковъ и продолжателей появились современно, не только въ разныхъ мѣстахъ, но даже въ одной области? Развѣ мудрено было найтись грамотнымъ монахамъ, въ одну и ту же пору, на Волыни, въ Новгородѣ, Псковѣ, Суздаль? Ужели несбыточно, чтобы тѣ же самыя причины, которыя подвигли Нестора, заронили и въ нихъ желаніе записать достопамятные случаи, совершившіеся или на ихъ родинѣ, или въ той странѣ, гдѣ они поселились? Преподобный Несторъ показалъ имъ привлекательный образецъ. Что же долженствовало удержать отъ подражанія? Миллеръ утверждаетъ также, что между продолженіями Несторова Временника нѣтъ разности, а если она индѣ и усматривается, то состоитъ наиболѣе въ содержаніи, чѣмъ въ языкѣ. Это ошибочно. Чтобъ не ходить далеко за примѣрами, возьмемъ

списки Лаврентьевскій и Ипатьевскій. То правда, что языкъ обоихъ есть Церковно - Славянскій; но въ Ипатьевскомъ спискѣ, «въ рѣчахъ Князей и другихъ лицъ, сохранился остатокъ чистаго Южнорусскаго народнаго языка, процвѣтавшаго до XIV столѣтія, и уцѣлѣвшаго, между прочимъ, въ Словѣ о Полку Игоревомъ, котораго не лѣзя смѣшивать ни съ Сѣвернымъ (Новгородскимъ), ни съ позднѣйшими Русскими, Восточнымъ и Западнымъ, нарѣчіями». (Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, т. II, Ипатьевская Лѣтопись, предисловіе Я. И. Березникова, стр. VIII.) Неосновательно и предположеніе, будто продолжатели Временника Нестора дѣйствовали такимъ образомъ: каждый предпринималъ свой трудъ тамъ, гдѣ прерывались занятія его предшественника. Дѣло происходило совсѣмъ иначе. Лѣтопись Преподобнаго Нестора служила общимъ началомъ. По этому, послѣдующіе Бытописатели и обращались къ нему. Не ожидайте однакожъ, чтобы даже въ первыхъ ихъ пріемахъ не оказалось разницы. Они сокращали и измѣняли то, что находили въ Несторѣ. Точно такъ поступилъ и онъ самъ съ Болгарскими Хронографами. Я согласенъ съ Г. Погодинымъ, что въ главныхъ чертахъ, въ порядкѣ повѣствованія о древнѣйшихъ событіяхъ, всѣ списки сходны между собою, во всѣхъ помѣщены: Космографія, — описаніе земель и народовъ во время Лѣтописателя, по происхожденію племенъ отъ сыновъ Ноевыхъ, — Вавилонское столпотвореніе, разсѣленіе рода человѣческаго, — движеніе Славянъ съ Дуная, переселеніе ихъ въ нашу сторону, — пути сообщенія моремъ и рѣками въ Русь и изъ нея, — путешествіе Св. Апостола Андрея, —

о Кіевѣ, — о жителяхъ Руси, и т. д. (Несторъ, стр. 81); но и здѣсь замѣтны уже отличія: одинъ продолжатель ближе придерживался Несторова подлинника, другой уклонялся отъ него. Говорить ли о разности въ словахъ и выраженіяхъ, весьма часто переиначивающихъ смыслъ? Одинъ писалъ *изъ* Руси, другой *къ* Руси; тотъ не разобралъ *Юнѣи* и поставилъ *Онѣю*, а этотъ, благодаря Русской изобрѣтательности, рассудилъ, что понятнѣе сказать *отъ нихъ*; у одного наименованы *Норци*, у другаго *Норъцы*, у третьяго *Инорци*, у четвертаго же очутились *Иновърци*; одинъ, не умѣя прочесть выраженіе, заключающееся въ оригиналѣ, покинулъ для него мѣсто, другой, подогадливѣе, безъ околичностей примкнулъ слѣдующее за тѣмъ слово, третій не пронялся симъ и придумалъ свое. (*ibid.*, стр. 85.) По прекращеніи Несторовой Лѣтописи, продолжатели принимались за происшествія того края, въ которомъ обитали, и тутъ отмѣны дѣлались еще ощутительнѣе. Волынянинъ повѣствовалъ о Волыни, Новгородецъ о Новгородѣ, Псковичъ о Псковѣ, Суздалецъ о Суздальскомъ и иныхъ Сѣверныхъ Княжествахъ. Сравните Ипатьевскій и Лаврентьевскій списки; первоначально разность между ими усматривается, съ немногими изъятіями, только въ языкѣ; но съ половины XII в. она обнаруживается уже весьма рѣзко. Съ этой поры рассказъ Ипатьевского Временника сосредоточивается преимущественно на Западной Руси, а Лаврентьевскаго — на Сѣверо-Восточной. (*) Г. Перевощиковъ, въ сочиненіи: *о Русскихъ Лѣто-*

(*) Недавно получилъ Ипатьевскую Лѣтопись, напечатанную Я. И.

писяхъ и Лѣтописателяхъ по 1240 г., заявляетъ, что послѣ 1073 г. открывается важное различіе списковъ: обоихъ Новгородскихъ, Временника Софійскаго, Русской Лѣтописи по Софійскому списку, Лаврентьевскаго, Ипатьевскаго, Кёнигсбергскаго, Воскресенскаго, Русскаго Лѣтописца. Сообразивъ все, что доселѣ нами изложено, не трудно убѣдиться, что печатаніе одного лишь свода Временниковъ не удовлетворяетъ требованій строгой исторической критики, и что

Берединовымъ, подѣ смотрѣніемъ Археографической Коммиссіи, я нашелъ, въ предисловіи къ ней, чрезвычайно значительное указаніе, опредѣляющее ея отношеніе къ Лаврентьевской. Понимѣ списокъ мниха Лаврентія слылѣ древнѣйшимъ, по своей старинѣ имѣлѣ рѣшительное преимущество предѣ всѣми прочими. Что же оказалось по точнѣйшимъ справкамъ? Вотъ отзывъ Г. Берединова: „замѣчательно, что **ЛАВРЕНТЬЕВСКІЙ СПИСОКЪ**, кромѣ Временника Нестора, вполне помѣщеннаго въ первыхъ его тетрадахъ, писанныхъ крупнымъ уставомъ, и окончанія, содержащаго въ себѣ сказаніе о Суздальскомъ и другихъ Сѣверныхъ Княжествахъ, **ЕСТЬ ТАЖЕ СОКРАЩЕННАЯ ИПАТЬЕВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ**, изъ чего явствуетъ, что послѣдняя, не смотря на новостъ списка, есть самый ранній и единственный памятникъ, сохранившій отъ забвенія дѣянія нашихъ предковъ, въ періодъ самобытности Руси, до покоренія ся Монголами и Литвою. **ПРЕДПОЛОЖИВЪ** происхожденіе изъ сего источника Лаврентьевской Лѣтописи, не ясно ли, что, при недостаткѣ, или утратѣ Ипатьевской, бытописаніе Южной Руси, съ XII по XIV вѣкъ, навсегда утратилось бы для потомства, потому что отрывочныя о ней сказанія, вошедшія въ Лѣтописи XV и XVI столѣтій, почерпнуты отсюда же?“ (Стр. VIII.) Къ сожалѣнію, почтенный Я. И. Берединовъ не представилъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія перваго тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, въ надеждѣ найти тамъ рѣшеніе нашихъ недоумѣній.

необходимо нужно издать каждую существующую у насъ Лѣтопись порознь. (*) Миллеръ самъ отчасти созналъ свою ошибку и, по возможности, пытался исправить ее. «До 1203 г.», говоритъ онъ, «разные списки Несторовой Лѣто-

(*) Давно уже и настойчиво говоритъ объ этомъ М. П. Погодинъ. (См., напр., Несторъ, стр. 26, прим. 20; Москвитянинъ, 1845, N. XII.) Другаго понятія о семъ дѣлѣ Я. И. Берениковъ. Онъ думаетъ, что свода Лѣтописей достаточно на всѣ критическія изысканія, а потому и намѣревается начало Ипатьевского Временника, заключающее въ себѣ Несторову Лѣтопись до 6618 (1110) года, по сходству текста, ввести въ составъ Лаврентьевскаго. (Полное Собраніе Лѣтописей, т. II, стр. VII, примѣч.) Но съ этимъ не лзя согласиться. Ограничившись только сводомъ, мы не будемъ въ состояніи отвѣтить на многіе вопросы относительно развитія нашей Исторіографіи, особенно теперь, когда произвольныя сужденія хаотически запутали сей любопытный предметъ. Невозможно долѣ бродить ощупью; мы зашли слишкомъ далеко, и благоразуміе требуетъ возврата. Кстати упомянуть здѣсь превосходное замѣчаніе Князя М. А. Оболенскаго: „сводное изданіе лено должно отвлечь насъ отъ подробнаго изслѣдованія и передачи каждой Лѣтописи, предоставляя тексты ихъ произволу издателей. Не говоримъ уже о трудности сыскать людей, соединившихъ опытность и ученость съ совершеннымъ отреченіемъ отъ всякаго систематическаго предубѣжденія, которые могли бы посвятить много лѣтъ труду тяжкому и однообразному; но не должно ли принять въ разсужденіе, что время, истребляя памятники, сдѣлаетъ для потомковъ совершенно недоступною всякую повѣрку нашихъ изданій съ подлинниками. Если Исторіи доставятся очищенные факты, то эта пыль вѣковъ, этотъ безпорядокъ, эта жизнь прошедшаго въ ея подробностяхъ, ошибкахъ, мнѣніяхъ, все, что такъ многосторонно является вниманію нашему въ Лѣтописяхъ, должно совершенно уничтожиться для изслѣдователей, а все это и драгоцѣнно, и необходимо для полноты нашихъ свѣденій, во всѣхъ отношеніяхъ.“ (Супрасльская рукопись стр. XIX.)

писи , также и продолженія оной , почти во всемъ между собою согласны , по крайней мѣрѣ въ томъ , что до главныхъ приключеній касается ; въ рѣчахъ же почти каждый писатель по своему перемѣнилъ то , или другое , или и небольшой старинныя приключенія совсѣмъ выпустилъ , отъ чего однако въ самомъ дѣлѣ никакого замѣшательства не вослѣдовало. Потомъ настало время , которое не меньше надъ Лѣтописями , какъ вообще надъ человѣческимъ благополучіемъ , оказывало свое дѣйствіе.» Въ дополненіе извѣстій о Сильвестрѣ , присовокуплю , что , по отзыву Митрополита Евгенія , «въ Академіи Наукъ , между рукописями въ листъ , есть особая , въ двухъ частяхъ , Лѣтопись подъ именемъ сего Сильвестра , вкладомъ данная Воскресенскому монастырю и подписанная Никономъ Патріархомъ Но она въ этомъ спискѣ доведена до Царя Михаила Ѳеодоровича.» (Словарь, II, стр. 200.) Послѣ Сильвестра , съ 1116 по 1157 г. , продолжалъ Несторовъ Временникъ , по предположенію Татищева , *Нифонтъ*. Миллеръ не зналъ его имени. Онъ замѣчаетъ только , что съ той поры свѣденія о Волыни и Чермной Руси становятся обстоятельнѣе , «чего ради кажется , что ближайшій , *хотя неизвѣстный* , продолжатель по немъ жилъ въ той странѣ. Сіе показаніе есть Г. Татищева , также и слѣдующее , что оный случай не долѣе простирается , какъ до кончины Великаго Князя Георгія Владиміровича , т. е. до 1157 , и что потомъ еще иное , также *неизвѣстное* , продолженіе существуетъ , которое кончится въ 1203 году.» Этотъ Нифонтъ былъ постриженникъ Кіевопечерской Обители. Татищевъ называетъ его сперва Игуменомъ Волынскимъ ,

послѣ Печерскимъ. Но Митрополитъ Евгеній утверждаетъ, что въ каталогѣ Кіевопечерскихъ Настоятелей нѣтъ Нифонта, а потому и догадывается, не должно ли принять, что сей Печерскій монастырь находился на Волыни, такъ какъ есть подобныя Обители во Псковѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1130 г., Нифонтъ посвященъ въ санъ Епископа Новгородскаго; въ 1147 г. лишенъ этой Епархіи, за несогласіе на поставленіе въ Митрополиты Климента, безъ вѣдома Константинопольскаго Патріарха, и удаленъ въ Кіевопечерскій монастырь; по изгнаніи В. К. Изяслава, Юрій Владиміровичъ снова отправилъ его въ Новгородъ; умеръ въ Кіевѣ 1156 г. и погребенъ въ Оеодосіевой Пещерѣ. Въ Воскресенской Лѣтописи упомянуто о немъ: *бысть поборникъ всей Руской Земли*. Нѣкоторые оспаривали, что онъ продолжалъ Временникъ Нестора, основываясь на томъ, что подъ 1147 г. Нифонтъ рассказываетъ о себѣ, будто пѣвалъ на крылосѣ съ Княземъ Игоремъ Ольговичемъ во Владимірѣ Волынскомъ, между тѣмъ какъ въ сію пору былъ уже Новгородскимъ Епископомъ. Преосвященный Евгеній отвѣчаетъ, что это заявленіе надобно относить къ прошедшему времени. Въ похвалу Нифонта, ученый сочинитель Историческаго Словаря говоритъ: «въ продолженіи его заключается много Волынскихъ происшествій, и онъ описывалъ обстоятельно Князей по возрасту, виду, лицу и проч., изъ чего можно судить, что онъ знакомъ съ живописнымъ искусствомъ.» (II, 141; ср. другой Историческій Словарь о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, Спб. 1836, стр. 215 — 217.) Татищевъ и Миллеръ увѣряютъ, что по смерти Нифонта не-

известный продолжалъ Нестора до 1203 г., а съ сего времени начались великія разности въ Лѣтописяхъ, доказывающія, что и продолжатели были различные. Миллеръ объясняетъ это такимъ образомъ: «какъ Россія болѣе раздѣлялась на многія Княженія, то въ каждомъ изъ нихъ возстали особливые писатели, кои, по обыкновенію, предпочитали приключенія своей страны всѣмъ другимъ, и только тѣ обстоятельно описывали, а изъ приключеній прочихъ странъ Россійскихъ больше не брали, какъ сколько для связи порядка необходимо надобно имъ показалось. Кто всѣ таковыя писатели были, того хотя трудно добратъся, однако видно, что всѣ они изъ духовенства, ибо въ старинныя времена въ Россіи также, какъ и въ другихъ Европейскихъ Государствахъ, знаніе и науки, по большей части, не выступали изъ предѣловъ монастырскихъ.» Между сими продолжателями, по мнѣнію Татищева и Миллера, известны по однимъ лишь именамъ: Симонъ, Епископъ Владимірскій, и Іоаннъ, Священникъ Новгородскій. Симонъ, которымъ открывается рядъ Епископовъ Владимірскихъ и Суздальскихъ, постриженъ въ Кіевопечерской Обители 1215 г.. Великій Князь Владимірскій Георгій II Всеволодовичъ, не желая, чтобы Епископъ его столицы зависѣлъ отъ Ростова, учредилъ, въ 1215 г., во Владимірѣ на Клязьмѣ, особенную Епархію, подъ именемъ Суздальской, Владимірской, Юрьевской и Тарусской, и возвелъ на нее любимца своего Симона, Игумена Владимірскаго Рождественскаго монастыря. Св. Епископъ Симонъ преставился схимникомъ 1226 г.. По свидѣтельству Татищева, онъ продолжалъ Несторову Лѣто-

пись съ 1203 г., а можетъ быть и ранѣе. Татищевъ отзывается также, что Симонъ любилъ отечественную Исторію, имѣлъ средства собрать богатые матеріалы, и подробно повѣствоваль о томъ, что случилось въ Суздальской и Ростовской Областяхъ, но Кіевскихъ и Волынскихъ дѣяній не касался. Миллеръ прибавляетъ къ этому, что онъ намѣревался изобразить только «главныя приключенія всего Россійскаго Государства, преимущественно же Великаго Княженія Владимірскаго.» Сочинитель Словаря Историческаго о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, полагаетъ, что Татищевъ безъ всякаго основанія почелъ Симона Лѣтописцемъ. (Стр. 251.) Доказательствъ на сіе увѣреніе никакихъ нѣтъ; по этому, мы и придерживаемся мнѣнія Татищева, Миллера, Митрополита Евгенія. (Словарь о Писателяхъ духовнаго чина, II, 219.) Объ Іоаннѣ, Священникѣ Новгородскомъ, Преосвященный Евгеній сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: «имя сего сочинителя Татищевъ нашелъ въ бывшемъ у него спискѣ Новгородской Лѣтописи, съ коего она издана во 2 части Продолженія Древней Россійской Вивліюэки... Тамъ, на стр. 497, подъ г. 1230, напечатано: *и мнѣ грѣшному Іоанну Попови*. Но въ изданіи этой же книги 1781 г. въ Москвѣ, (печатанной съ гораздо древнѣйшаго пергаменнаго списка Патріаршей Библіотеки...) вмѣсто сихъ словъ, на стр. 118 значится: *и мнѣ грѣшному Тимоѣю Пономарю*. А на стр. 25 Московскаго изданія встрѣчаемъ въ той же Лѣтописи, подъ годомъ 1144: *постави мя Попомъ Архіепископъ Святый Нифонтъ*. Въ Татищевѣ же спискѣ эти слова совсѣмъ пропущены. И такъ, слѣдуя изданію Московскому,

надлежитъ предположить двухъ, сперва Попа, потомъ Пономаря, или и многихъ сочинителей сей книги, судя по разности слога и лѣтъ. Вѣроятно, что переписчикъ Татищева списка, вѣдая изъ надписи, или по чему другому, что Лѣтопись эта первоначально писана Попомъ Іоанномъ, упустилъ, однакожъ, замѣчаніе о посвященіи его въ Попы, но послѣ, не сообразя разстоянія времени, счелъ за справедливѣйшее поставить имя начального Лѣтописателя тамъ, гдѣ надлежало дѣйствительно стоять уже имени продолжателя его, Тимофея Пономаря. Въ обоихъ сихъ спискахъ начало Лѣтописи. потеряно; а начинается она въ Патріаршемъ съ 1017 и кончится 1352 г., — въ Татищевомъ же съ 946 по 1441 г.. Въ этомъ послѣднемъ многія мѣста гораздо подробнѣе перваго, наипаче въ ближайшихъ къ намъ лѣтахъ. Впрочемъ, оба весьма сходны и порядкомъ, и слогомъ, который очень отличенъ отъ всѣхъ другихъ Лѣтописей.» (ibid. I, 255—256.) Митрополитъ Евгений присовокупилъ, что Лѣтопись Іоаннова слыветъ Новгородскою потому, что въ ней весьма обстоятельно разсказаны Новгородскія событія. Уже прежде Евгения, Миллеръ о семъ Временникѣ далъ такой отзывъ: «Іоаннъ описалъ, по большей части, то, что въ Новгородѣ происходило; чего ради, въ продолженной имъ Лѣтописи, не токмо своего времени дѣла Новгородскія предложилъ пространно, но и древнѣйшую Исторію Новгородскими приключеніями дополнилъ. Доказательствомъ этого есть законъ, данный Новгородцамъ, въ 1019 г., отъ В. К. Ярослава Владиміровича, содержащій тогдашнія гражданскія права, по которымъ судъ и распра-

ву чинить велѣно было. Сей законъ есть неоцѣненная вещь для Россійской древности. Несторъ, въ своемъ Временникѣ, объ ономъ подробно не упоминаетъ, но только пишетъ, что онъ данъ Ярославомъ; а между всѣми списками Несторовой Лѣтописи одинъ лишь Новгородскій, съ продолженіемъ Священника Іоанна, въ коемъ оный, по всему своему содержанию, находится.» (*) Послѣ Симона и Іоанна, ни Татищеву, ни Миллеру, никто изъ продолжателей Преподобнаго Нестора незнакомъ по имени. Миллеръ заявляетъ однакожь, что труды ихъ простираются до 1630 г. (Воскресенскій списокъ). При этомъ случаѣ, онъ замѣчаетъ: «Г. Татищевъ хвалилъ нѣкоторый старый списокъ Несторовой Лѣтописи, у него находившійся. Превосходная онаго древ-

(*) „Въ Новгородскомъ Временникѣ Татищевъ, по списку своему, прежде всѣхъ открылъ драгоцѣнный остатокъ древнихъ Русскихъ законовъ, подъ названіемъ *Правды*, которую самъ онъ объяснивъ особыми примѣчаніями и предисловіемъ, отдалъ списокъ одинъ въ Библіотеку Спб. Академіи Наукъ, а съ онаго напечатана она въ 1 части Продолженія Вивліоѣки, 1786 г., въ С. Петербургѣ. Послѣ Татищева уже, изъ того же списка, Шлёцеръ, выписавъ ее, издалъ въ Спб. 1767 г., безъ всякихъ примѣчаній. Около 1790 г. найдены полнѣйшіе списки сихъ законовъ, и изданы 1792 г. съ переводомъ и примѣчаніями нѣкоторыхъ любителей отечественной Исторіи въ Спб. и вторично въ Москвѣ 1799 г.. Въ Русскихъ Достопамятиостяхъ, издаваемыхъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ 1 ч., напечатанъ оныхъ еще списокъ XIII в., изъ одной пергаменной Кормчей Книги.“ (Митрополита Евгенія Словарь, I, 256—257.) Въ 1845 г., по порученію этого Общества, Г. Дубенскій снова издалъ Русскую Правду. Предоставляю себѣ поговорить о семъ при обзорѣи извѣстныхъ мнѣ списковъ Правды.

ность показывается отчасти письменами, кои на квадратныя старыя Греческія и Римскія походятъ, отчасти потому, что написанъ на пергаментѣ, отчасти изъ многихъ, обрѣтающихся въ немъ и въ нынѣшнія времена совсѣмъ неупотребительныхъ, рѣчей, и, наконецъ, изъ того, что оный не далѣе 1197 г. идетъ. По сему послѣднему обстоятельству, не безъ вѣроятности утверждаютъ, что этотъ списокъ въ концѣ XII вѣка писанъ. Имя Преподобнаго Нестора въ началѣ его ясно означено.» Не имѣя правильнаго взгляда на ходъ нашего дѣписанія, Миллеръ предполагалъ, что и Степенная Книга, и Сказаніе Авраамія Палицына, и Никоновская Лѣтопись, суть непосредственныя продолженія Несторова Временника. Не мѣсто вступать здѣсь въ споръ съ нимъ; мнѣ представится еще поводъ изслѣдовать сіе мнѣніе, когда буду разсматривать списки Степенной Книги. Теперь остается лишь упомянуть, что сужденія Миллера о продолжателяхъ Нестора, сообщенныя мною въ извлеченіи, содержатся въ его статьѣ: *о первомъ Россійскомъ Лѣтописателѣ, Преподобномъ Несторѣ*. (Ежемѣсячныя сочиненія Академіи Наукъ, 1755, Апрѣль, стр. 275—298.) Глубокій знатокъ Шлёцеръ ничего не прибавилъ къ тому, что намъ уже извѣстно по изысканіямъ или Татищева, или Миллера. Повсюду встрѣчаете: *Tatisczew glaubte, Tatisczew meint, alles das schreibe ich Tatisczew nach*. Едва можно довѣрять своимъ глазамъ, перечитывая эти умиленные строки! Великій мужъ, 40 лѣтъ собиравшій матеріялы, чтобъ изумить *Unstudirte* и повергнуть во прахъ *Ljetopissenleser*, которые *weder Latein, noch Deutsch verstehen*, — Историкъ, коему прихотливая судьба,

до XIX столѣтія, блюла славу быть *erster kritischer Herausgeber und Commentator des ächten Nestor's*, — Профессоръ, вышедшій *aus Gesner's classisch-philologischen und Michaelis biblisch-exegetischen Schulen*, — Ученый, обладавшій огромнымъ запасомъ разнообразнѣйшихъ свѣденій, — пишетъ указкою Татищева! . . . Но кто же сей Татищевъ, удостоенный такого важнаго, неслыханнаго почета? Кто этотъ счастливецъ, которому выпалъ завидный жребій — руководить Шлёцера, первокласнаго Европейскаго критика? . . . Писарь, ничему неучившійся, ни слова несмыслившій въ Латыни, истый Русскій Длугошъ, компиляторъ, съ тяжкимъ трудомъ нагромоздившій претолстые фоліанты, и, по своему вольнодумству, прослывшій оракуломъ у безталанныхъ читателей Лѣтописей! . . . Кто же такъ отважно посягнулъ на заслуги Татищева, у коего порою, какъ значитъ выше, заимствовался даже Шлёцеръ? . . . Самъ знаменитый Гёттингенскій законодатель! (Nestor, I, 92, 93.) . . . Надѣюсь, что, послѣ сего разительнаго образчика, вполне понятно, что онъ разумѣетъ подъ звучнымъ выраженіемъ: *eine wesentliche, mühsame, kunstgerechte Kritik*, столь часто повторяющимся въ изданіи Нестора; конечно, не нужно также толковать, въ какой мѣрѣ справедливъ его отзывъ, будто Исторія Ломоносова *schlecht, mangelhaft, unsicher*, заключаетъ въ себѣ *solche Beweise von Unwissenheit, die jedem gelehrten Historiker anekeln*. (ibid., S. 82.) Что же доказываетъ поверхностность, съ которою Шлёцеръ рассуждалъ о ходѣ Русской Исторіографіи? Ужели только это вынесъ онъ изъ школы Геснера и Михелиса? Какъ назвать пять съ

половиною тощихъ страничекъ, на коихъ пресловутый критикъ *отъигрался* отъ дѣльнаго рѣшенія вопроса о развитіи нашего бытописанія послѣ Нестора? Къ чему же послужила ему Латынь, на которую онъ такъ сильно налегалъ? По вкусу ли ученымъ Историкамъ всѣ *критическія* выходки, въ коихъ онъ непрестанно ратовалъ противъ своихъ трудолюбивыхъ предшественниковъ, даже и тогда, когда собственная его мудрость не превышала ихъ невѣденія? Не дивно ли, что Гёттингенскій Профессоръ, *volle 40 Jahre* проведеній во бдѣніи надъ Несторомъ, котораго онъ величалъ своею *alte Liebschaft*, приглашенный Мюнхгаузенемъ на первостепенную кафедру, чтобъ открыть Нѣмцамъ новый міръ Русской Литературы (Nestor, I, 100), не умѣлъ сказать ничего самостоятельнаго ни объ отцѣ нашей Исторіи, ни о его продолжателяхъ, и не только ограничился скудной диктовкою Татищева, едва грамотнаго писаря, бездарнаго компилятора, но и набожно прочелъ его грубыя ошибки? Вѣрно, не совсѣмъ же бесполезенъ этотъ *illatinitas vulgaris* (ibid. IV, XXIX)! На *пяти съ половиною* страницахъ умѣстились замѣтки Шлёцера о продолженіяхъ Несторова Временника, а изысканіямъ о Венграхъ удѣлено имъ *тридцать восемь*. Припомните, что сей странный фактъ встрѣчается въ *ученомъ изданіи Русскихъ Лѣтописей*. Мы согласны, что появленіе Венгровъ достойно (*würdig und bedürftig*) подробнаго объясненія (*einer etwas ausführlichen, mühsamen Erläuterung*, ibid., III, 148); почему бы, однакожъ, проницательному критику, строгому законодателю, не подумать о томъ, что толкователь Нестора тогда лишь имѣетъ право пускаться

ся въ подобныя изслѣдованія, когда уже удовлетворительно разсмотрѣны другіе, болѣе важные, несравненно существеннѣйшіе, предметы? . . . Венгры мимоходомъ прошли по Русской землѣ; наши связи съ ними далеко не такъ значительны, какъ у Нѣмцевъ; раскрытіе же характера Русскаго дѣянія, указаніе его судьбы, и ближе къ намъ, и приличнѣе въ комментаріи на первоначальнаго нашего Лѣтописца. . . . Взглянемъ теперь на пять съ половиною страничекъ, подаренныхъ Шлёцеромъ этой задачѣ. Онъ призналъ Сильвестра непосредственнымъ *преемникомъ* занятій Преподобнаго Нестора. Тоже говорили Татищевъ и Миллеръ. Относительно времени, въ которое Сильвестръ трудился, Шлёцеръ принялъ предположеніе послѣдняго, т. е. съ 1116 по 1125 г., когда онъ скончался. Но Карамзинъ утверждаетъ, что *написахъ* не значитъ продолжалъ, а только *списалъ* (И. Г. Р., II, прим. 213); посему, Сильвестръ не преемствовалъ Нестору. Гёттингенскій Профессоръ напрасно также не повѣрилъ заявленія Миллера о годѣ Сильвестровой смерти; она случилась нѣсколько позднѣе, именно 23 Апрѣля 1124 г. (Митрополита Евгенія Словарь, II, 200.) Сверхъ этого, зачѣмъ умолчалъ о *Василіи*, жителѣ Червенской области, посыланномъ къ злополучному Васильку, около 1098 г.? (И. Г. Р. I, XXX; II, прим. 184; Преосвященнаго Евгенія Словарь, I, 65.) Откуда взялъ, что Владиміръ Мономахъ сѣлъ на Великокняжескій престолъ въ 1114 г., между тѣмъ какъ у Миллера точнѣе выставленъ 1113 г.? (Ср. И. Г. Р., II, 140.) На какомъ основаніи разсказъ Нифонта, что онъ съ Княземъ Игоремъ Ольговичемъ пѣвалъ

на крылосѣ во Владимірѣ Волынскомъ, причисленъ къ 1146, а не къ 1147 году, какъ бы надлежало сдѣлать? (Ср. Словарь Митрополита Евгенія, II, 142.) Что побудило отозваться, будто *der zweite Fortsetzer ist dem Namen nach unbekannt*, когда Татищевъ опредѣлительно свидѣтельствуешь о Нифонтѣ, продолжавшемъ Несторову Лѣтопись послѣ Сильвестра, до 1157 года? (*ibid.*, стр. 141.) Столь же безотчетно повторилъ Шлёцеръ мнѣніе Татищева и Миллера о современности продолженій: *jeder Zeitraum hatte nur Einen Chronikenschreiber, der da fortfuhr, wo sein Vorgänger aufgehört hatte.* (Nestor, I, 17.) Касательно Симона, перваго Епископа Владимірскаго, у Шлёцера также ошибка, въ которую впалъ Татищевъ: онъ названъ, неизвѣстно почему, Епископомъ Суздаля Бѣлорусскаго. О дальнѣйшемъ развитіи нашего бытописанія не справляйтесь въ Шлёцеровомъ изданіи, потому что оно изложено чрезвычайно недостаточно. Руководствуясь Татищевымъ, ученый критикъ объявляетъ только, что *das Ende der russischen Chronikenschreiberei fällt erst in das J. 1630; so weit geht auch die Nikonsche Compilation.... Zwar litten diese Chroniken sichtbar schon unter Z. Ivan Vasilj. dem Schrecklichen; aber eigentlich hat Z. Alexej dem ganzen Ljetopissenwesen den Hals gebrochen, durch die Errichtung seiner geheimen Canzelei.* (*ibid.*, S. 22.) Прекращая здѣсь мои замѣчанія, не могу утаить, что великій мужъ, глубоко изучивъ Скиѳію и Сарматію, не позаботился обозрѣть міръ Русскихъ Лѣтописей даже въ томъ видѣ, какъ онъ былъ знакомъ нѣкоторымъ его предшественникамъ и сверстникамъ. Карамзинъ сообщаетъ слишкомъ краткія свѣ-

денія о продолжателяхъ Несторова Временника. Онъ увѣ-
ряетъ, что первый изъ нихъ именовался Василиемъ и жилъ
въ концѣ XI столѣтія. «Употребленный Владимірскимъ Кня-
земъ Давидомъ въ переговорахъ съ несчастнымъ Василькомъ,
онъ описалъ намъ великодушіе послѣдняго и другія совре-
менные дѣянія Юго-Западной Россіи.» (И. Г. Р., I, XXX;
II, 119, 410.) Исторіографъ почитаетъ его «однимъ изъ
дополнителей Несторовой Лѣтописи.» Вотъ подлинныя слова
Карамзина: «въ спискахъ Пушкинскомъ, Хлѣбниковскомъ и
другихъ говорится: *да се, Василию, шлю ты; иди къ Ва-
силькови, тезу (тескѣ) своему.* Слѣдственно, это писано
Василіемъ. Въ такія посольства обыкновенно употреблялись
Священники, или монахи. Сей Василій — будучи обитате-
лемъ Червенской, или Волынской области, *какъ вѣроятно—
дополнилъ Нестора*, знавъ лучше происшествія страны своей,
но оставилъ и краткія хронологическія его извѣстія: отъ
чего вышли повторенія. Наприм., война Святополка съ Да-
видомъ, бѣдствіе Венгровъ въ Галиціи, и кончина Мсти-
слава, описаны весьма обстоятельно, а послѣ сказано: *въ
лѣто 6607 изыде Святополкъ на Давида и прогна въ Ляхы;
въ се же лѣто побѣни Угри у Перемышля; въ се же лѣто
убьенъ Мстиславъ, сынъ Святополкъ.* Одинъ человекъ не могъ
писать сперва подробно, а тамъ коротко, о томъ же слу-
чаѣ.» (ibid., II, прим. 184.) — Ниже приведу сужденія
объ этомъ Гг. Погодина и Буткова. Теперь же присовокуплю
лишь, что Татищевъ къ повѣствованію Василія прибавилъ
слѣдующее: «случилось мнѣ быть тогда во Владимірѣ,
смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей.» Карам-

зинъ не объясняетъ однакожъ, какъ далеко простирались дополненія Василіевы. Относительно Сильвестра, Исторіографъ противорѣчитъ Татищеву, Миллеру и Шлёцеру: «гдѣ Несторъ точно заключилъ свой трудъ, опредѣлить не можемъ; вѣроятно, что около 1110 г., подѣ коимъ, во многихъ древнихъ спискахъ, находятся слѣдующія строки: Игуменъ Сильвестръ Св. Михаила *написахъ* книги си *Лѣтописецъ*, и проч.... И такъ, здѣсь былъ перерывъ. Многіе изъ слова *написахъ* заключали, что Сильвестръ продолжалъ Нестора, и считали сего Игумена вторымъ нашимъ древнимъ Лѣтописцемъ; но тутъ *написахъ* значитъ *списалъ*: въ концѣ многихъ рукописныхъ Евангелій, Псалтирей и другихъ церковныхъ книгъ видимъ такіа подписи. Если бы Сильвестръ... былъ сочинитель, то онъ въ 6624 г. не оставилъ бы шести лѣтъ (отъ 6618) безъ описанія, которое уже слѣдуетъ за его подписью, и, безъ сомнѣнія, есть трудъ инаго, для насъ безыменнаго человека. Судя по краткости слѣдующихъ извѣстій, думаю, что сей безымянный началъ писать не прежде 1125, или 1127 года; ибо съ сего времени извѣстія дѣлаются вдругъ гораздо подробнѣе». (ibid., II, прим. 213.) Упомянувши о Василіи, Карамзинъ объявляетъ: «все иныя Лѣтописцы остались для насъ безыменными.» (ibid., I, XXXI.) Это невѣрно. Намъ неизвѣстно имя Владимірскаго Лѣтописателя, современника Всеволода Великаго (ibid., III, примѣч. 24, 36); не знаемъ также, какъ назывались: продолжатель Кіевской Лѣтописи, жившій при Рюрикѣ II (ibid., прим. 153, подѣ г. 1198), — Волынской Лѣтописецъ (около 1290, ibid., IV, прим. 175), — Псков-

скій (*); но въ Новгородѣ не безымянный сочинитель описалъ тамошнія событія (*ibid.*, II, прим. 288), а *Попъ Іоаннъ*. По догадкѣ Митрополита Евгенія, онъ уроженецъ Новгородскій, поставленъ Нифонтомъ во Священника приходской

(*) При жизни Исторіографа, Псковская Лѣтопись не была еще издана. Карамзинъ увѣряетъ, что она начинается около 1505 г., а древнѣйшія извѣстія взяты изъ Нестора и Новгородскаго Временника. У него находились 4 списка этой Лѣтописи: два Архивскіе, третій Синодальный и четвертый Графа Толстаго. Архивскій Бантыша-Каменскаго писанъ дьячкомъ Андреемъ Козою и доходитъ до 1630 г.; прочіе три гораздо старѣе сего времени, и заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя особенности. (I, XXXI, прим.) Въ 1854 г., Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ опредѣлило издать Псковскую Лѣтопись, и совершеніе этого труда возложило на Г. Погодина, при помощи Г. Каркунова. Обстоятельства отвлекли послѣдняго отъ занятія этимъ дѣломъ; Г. Погодинъ одинъ исполнилъ данное ему порученіе, въ 1857 г.. Въ предисловіи, почтенный издатель увѣдомляетъ: 1) что онъ пользовался обоими Архивскими списками и Синодальнымъ, который обозрѣвъ Княземъ М. А. Оболенскимъ въ Супрасльской Лѣтописи; 2) что списки Эрмитажный и Толстовскій не слѣчены имъ, по скорости печатанія; 3) что списокъ Бантыша-Каменскаго принять за основаніе, какъ самый пространнѣйшій и продолжающійся напозднѣе, а остальные два не отличаются ни правильностью, ни филологическими и историческими достоинствами; по сходству же его съ спискомъ Малиновскаго, примѣтно, что онъ скопированъ съ другаго древнѣйшаго; 4) что Лѣтопись Псковская имѣетъ своею опорою Новгородскую; первый Лѣтописатель Псковскій такъ сократилъ ее, какъ Новгородскій — Кіевскую, заимствуя преимущественно Псковскія событія, и къ сокращенію своему сталъ приписывать то, что случилось во Псковѣ; въ составъ ее вошло также Житіе Домантово; 5) что время существованія Псковскаго Лѣтописца неизвѣстно; Митрополитъ Евгеній думаетъ,

церкви Св. Власія (1144), постригся въ монашество и переименованъ Иліею, избранъ во Епископа (1164), потомъ произведенъ въ Архіепископскій санъ (1166), скончался 7 Сентября 1186 года. Преосвященный Евгеній предполагаетъ,

что онъ жилъ въ XIV вѣкѣ; Карамзинъ утверждаетъ, что подробная Лѣтопись Псковская беретъ свое начало съ 1505 г.; но есть сказанія отъ перваго лица, относящіяся къ болѣе ранней порѣ, наприм. подъ 1250 г. повѣствуется о голодѣ, почти общемъ въ цѣлой Россіи; 6) что и продолжатели первоначальнаго составителя этого Временника незнакомы намъ; безъ всякаго сомнѣнія, они, подобно Лѣтописателямъ прочихъ городовъ, записывали только тѣ происшествія, кои совершились при ихъ жизни; „первыя лица встрѣчаются, кромѣ 1250 г. еще подъ годами 1535, 1410, 1426, 1477, 1481, 1555;“ 7) что Лѣтопись, особенно сначала, представляетъ сухой и скучный перечень раздоровъ съ Нѣмцами и Литвою, строенія церквей, пожаровъ, голода, язвъ, поливоводій, стужн, знаменій; занимательность появляется при описаніи связей съ Новгородомъ и предпочтительно съ Москвою; время Іоанна III изображено обстоятельно и характеристическими чертами, рѣзко означенъ способъ Іоанновыхъ дѣйствій, превосходно изложены его походы на Новгородъ, затруднительная роль Псковитянъ, переговоры объ опредѣленіи Намѣстниковъ; вообще, о Новгородѣ много такихъ подробностей, которыхъ нѣтъ даже въ Новгородскихъ Лѣтописяхъ; прекрасный разсказъ Исторіографа о взятіи Пскова при Василіи Іоанновичѣ есть вѣрное преложеніе словъ Псковскаго Временника; о Грозномъ въ немъ заключаются весьма дѣльные свѣденія, которыя тѣмъ драгоцѣннѣе, что принадлежатъ соотечественникамъ и людямъ безпристрастнымъ; картина злополучій Россіи при Василіи Шуйскомъ и въ годину междоусобицы значительно дополняется Псковскою Лѣтописью; очень часто попадаются мелкія, но любопытныя указанія, знакомящія насъ съ стариною, наприм. о предпріятіяхъ Псковской вольницы подъ предводительствомъ купцовъ и дьяковъ, о набѣгахъ Лисовскаго; замѣчатель-

что Нифонтъ захотѣлъ Іоанна составить Новгородскій Временникъ, который, по смерти его, продолжали Пономарь Тимофей и другіе (послѣдній продолжатель жилъ при Архіепископѣ Іоаниѣ II; Словарь I, 258). Исторіографъ неосновательно утверждаетъ, что «Попъ Иванъ, безъ сомнѣнія, не авторъ, а переписчикъ.» (И. Г. Р., I, XXXII, прим. .) Не понимаю, по какой причинѣ Карамзинъ умалчалъ о Нифонтѣ и Симонѣ. Характеризуя труды преемниковъ Нестора, онъ говоритъ: «къ сожалѣнію, они не сказывали всего, что бываетъ любопытно для потомства; но, къ счастью, не вымышляли, и достовѣрнѣйшіе изъ Лѣтописцевъ иноземныхъ согласны съ ними. — Сія почти непрерывная цѣпь хроникъ идетъ до государственія Алексѣя Михайловича.» Впрочемъ, Исторіографъ допускаетъ, что «два перерыва замѣтнѣе иныхъ: въ Княженіе Василія Дмитріевича и въ Царствованіе Іоанна IV Грознаго, — чему, какъ надобно думать, виною была смерть двухъ Московскихъ современныхъ Лѣтописцевъ.» (ibid.) Г. Полевой ничего не приобщилъ къ предмету, нами разсматриваемому; Татищевъ

ны повѣствованіе объ осадѣ Пскова Густавомъ Адольфомъ и легенда о видѣніяхъ Архіепископу Серапіону; очеркъ битвы Оршинской напоминаетъ Слово о Полку Игоревомъ; „впрочемъ, и въ самыхъ сухихъ, маловажныхъ описаніяхъ встрѣчаются нечаянно разныя выраженія, кои могутъ повести къ историческимъ и филологическимъ соображеніямъ (наприм. Княжое село на *Изгояхъ*, между Псковомъ и Островомъ, — Ольгина гора, Ольгинъ крестъ, — мотыльная гридица, коровья гридица, *иное учили діаконъ сажать въ гридину*, — Корсунскій вечникъ, т. е. вечевой колоколъ, — Русскій конецъ въ Дерптѣ и Вильнѣ).“ (Стр. VII — XVII.)

и ему служилъ руководителемъ. Краткія замѣчанія Г. Устрялова наполнены недосмотрами. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ о нашихъ Временникахъ: «*Лѣтописи безыменныя (?)* представляютъ почти непрерывный рядъ записокъ монастырскихъ (?), съ конца XI вѣка до половины XVII столѣтія, дѣйствительныхъ, неизвѣстныхъ (?), наблюдавшихъ событія, большею частію, издали, однакожъ добросовѣстныхъ и безпристрастныхъ.» Изъ предъидущаго не трудно вывести, въ какой мѣрѣ удовлетворительны соображенія почтеннаго сочинителя *Русской Исторіи*. Не лзя не подивиться, что Г. Устряловъ отечественнымъ Временникамъ посвятилъ полторы странички, а иноземнымъ бытописателямъ семь. Любопытенъ его отзывъ о Несторѣ: «начало Лѣтописей, по общему мнѣнію, укорененному вѣками, положено инокомъ Кіевопечерскаго монастыря Преподобнымъ Несторомъ.» (I, 24.) Нѣтъ нужды доказывать, что историческая критика не опирается на простое мнѣніе, хотя бы оно поддерживалось народною молвою и считало возрастъ свой тысячелѣтіями. Для нея потребны опредѣлительные доводы. Князь М. А. Оболенскій мимоходомъ лишь коснулся вопроса, о коемъ здѣсь идетъ рѣчь; но и при этомъ его указанія содержать въ себѣ весьма много дѣльнаго. «Подобно Лѣтописямъ другихъ Европейскихъ народовъ», заявляетъ онъ, «наши отечественныя Лѣтописи начинаются и оканчиваются періодомъ Среднихъ Временъ, который для Россіи начался четырьмя ранѣе и продолжался двумя столѣтіями долѣе, нежели въ Западной Европѣ. Лѣтописи наши, кромѣ преданій о древнѣйшихъ событіяхъ, начинаются собственно IX столѣтіемъ и

оканчиваются ХVІІ-мъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе представляются для насъ Лѣтописи наши, что въ другихъ древнѣйшихъ пособіяхъ историческихъ мы весьма недостаточны. Наши отечественные дипломатическіе акты восходятъ не далѣе ХІІІ вѣка; археологическихъ и иныхъ памятниковъ ранѣе ХV столѣтія имѣемъ мы очень не много, и только съ ХVІ в. идутъ уже достовѣрныя извѣстія иностранцевъ о Россіи, полагая начало имъ съ Герберштейнова описанія нашего отечества. Также, подобно Лѣтописямъ другихъ Европейскихъ народовъ, наши *Лѣтописи* не заключаютъ въ себѣ ничего систематическаго. Это сборъ замѣчаній, преданій, общихъ и частныхъ разсказовъ, легендъ; цѣлыя піесы различнаго содержанія находятся въ текстѣ ихъ (молитвы, поученія, граматы, письма, договоры, выписки изъ разныхъ духовныхъ книгъ, путешествія). При самомъ поверхностномъ взглядѣ видно, что начало всѣхъ Лѣтописей произошло изъ одного источника: *была какая-то (?) основная Лѣтопись, которую всѣ списывали для начала, прибавляя за тѣмъ дальнѣйшія событія и записывая современное.* Начало Лѣтописей явилось въ Кіевѣ, этой колыбели Русскаго Царства; но потомъ Лѣтописцы писали во многихъ городахъ и странахъ Русскихъ. Общее мнѣніе было прежде то, что Преподобный Несторъ, инокъ Печерскаго монастыря, жившій въ ХІ вѣкѣ, первый началъ составлять Русскія Лѣтописи, взявъ для сего образцомъ Греческіе Хронографы (отъ которыхъ произошло и самое Русское названіе бытописаній: *Временникъ, Лѣтопись*). Полагали, что Несторъ, пользуясь Греческими источниками, изъ нихъ извлекъ свое лѣтосчисле-

ніе и главныя данныя для первоначальной Русской Исторіи, присовокупивъ къ тому отечественныя отмѣтки, преданія, рассказы, и что онъ довелъ такимъ образомъ Лѣтопись, по мнѣнію однихъ до 1094, по мнѣнію другихъ до 1111 года. Къ этому началу, разошедшемуся по всей Русской землѣ, прибавляли послѣдователи Нестора (имена которыхъ, большею частію, остались неизвѣстны), и чрезъ то составилось множество разнородныхъ Лѣтописцевъ нашихъ. Въ новѣйшее время возстало, однакожъ, сильное (?) противорѣчіе общепринятому мнѣнію. Нѣкоторые изъ ученыхъ изслѣдователей начали утверждать, что если Несторъ и дѣйствительно писалъ что-либо, кромѣ житій Святыхъ, то его замѣтки были весьма кратки, и что уже въ позднѣйшую пору Лѣтописи Русскія переработаны и дополнены изъ разныхъ источниковъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ.» (Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Лѣтописи, стр. XIII—XV.) Мы крайне сожалѣемъ, что Князь М. А. Оболенскій, при своихъ основательныхъ и обширныхъ свѣденіяхъ въ отечественной Исторіи, при глубокомъ изученіи старинныхъ памятниковъ нашей письменности, не вошелъ въ критическое разсмотрѣніе справедливости прежнихъ понятій и новыхъ толковъ: голосъ испытаннаго знатока принесъ бы важную пользу и послужилъ бы значительною опорою въ рѣшеніи возникшихъ прѣвій. Надѣемся, что наши читатели не вѣнчать намъ въ вину, если мы предложимъ здѣсь его взглядъ на развитіе Русскаго дѣписанія, тѣмъ болѣе, что онъ первый пролилъ яркій свѣтъ на этотъ вопросъ, о коемъ предшественники

его разсуждали весьма сбивчиво. «При одинаковомъ всѣхъ началѣ», говоритъ онъ, «Лѣтописи наши дѣлятся потомъ на *полныя, частныя и сокращенныя*, и всѣ эти три разряда на *Южный, Северный и Западный* составы. Полными называемъ мы тѣ Лѣтописи, въ коихъ, за мнимою (?), или подлинною Несторовою Лѣтописью, слѣдуетъ, въ такомъ же порядкѣ, дальнѣйшая Исторія *всей* (?) Русской земли, съ тѣмъ различіемъ, что въ одномъ спискѣ излагаются подробнѣе событія одной стороны Россіи, въ другомъ другой стороны. Такъ находимъ мы отдѣленіе Софійскихъ или Новгородскихъ Временниковъ, Лѣтописи Волынскую, Кіевскую, Псковскую и проч.. Окончаніе ихъ разновременно; ни одинъ списокъ не переходитъ, однакожъ, далѣе XVI в., когда прекращаются отдѣльныя Исторіи разныхъ частей Руси, соединенной Единодержавіемъ Великихъ Князей Московскихъ. Здѣсь являются опыты уже не Лѣтописей, но систематической Исторіи, каковы: Степенная Книга, Никоновская Лѣтопись, Казанская Исторія, Синописи Гизеля, и отдѣльно частныя Лѣтописи, какъ то: Лѣтопись о смутныхъ временахъ, Лѣтопись извѣстная подъ именемъ Филаретовой, Лѣтопись Палицына, Лѣтопись Сибирская, Царственная Книга, Царственный Лѣтописецъ и проч.. Но, кромѣ двухъ исчисленныхъ нами разрядовъ, обширный рядъ Лѣтописцевъ представляютъ сокращенія полныхъ и частныхъ рукописей. Они весьма многочисленны, и ими отнюдь не должно пренебрегать, ибо, большею частію, особливо въ окончаніяхъ своихъ, содержатъ они извѣстія современныя, подробныя и самобытныя.» (ibid., стр. XVI — XVII.) Мы будемъ еще имѣть

случай изслѣдовать этотъ предметъ обстоятельнѣе. Теперь же ограничимся возраженіемъ Князю М. А. Оболенскому, что онъ несправедливо увѣряетъ, будто въ продолженіяхъ Несторова Временника повѣствуется *Исторія всей Русской земли*. Возьмемъ въ примѣръ Псковскую Лѣтопись. Что заключается въ ней? Дѣла Новгорода и Пскова; объ остальной Руси упоминается очень рѣдко, только по самой тѣсной связи сихъ городовъ съ нею. Точно также и въ Лѣтописяхъ Новгородскихъ встрѣчаемъ свѣденія о прочихъ Княжествахъ, единственно по отношеніямъ, въ коихъ Новгородцы состояли къ нимъ. (Ср. предисловіе къ первой Новгородской Лѣтописи, изданной Археографическою Коммиссіею, стр. VІІ.) Г. Профессоръ Погодинъ, въ своихъ изысканіяхъ о Несторѣ, слегка лишь заводилъ рѣчь о продолжателяхъ нашего древнѣйшаго Лѣтописца. Онъ несомнѣвается, что въ концѣ XI, или въ началѣ XII столѣтія, во Временникѣ Преподобнаго Нестора былъ перерывъ; «одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предъидущаго времени, неописаннаго у предшественника, и сталъ продолжать.» (Несторъ, стр. 23.) Приписку Сильвестра почитаетъ онъ «свидѣтельствомъ, что въ числѣ сочинителей, или переписчиковъ Лѣтописи находилось извѣстное лицо XI и XII вѣка». (ibid., стр. 22, прим. 12.) Защищая ее противъ подозрѣній Г. Строева, онъ говоритъ: почему эта выдуманная приписка поставлена здѣсь (т. е. подъ 1110 г.), а не индѣ? Почему означено имя Сильвестра, а не какое другое? Во время Игуменства, а не Епископства? Ужели коварный переписчикъ XIII столѣтія (приписка, находясь во многихъ спискахъ, была и

въ ихъ подлинникахъ), переписывая, рассуждалъ такъ: я скрою свое собственное имя и увѣрю, что переписывалъ Игуменъ Сильвестръ; чтобъ этому лучше повѣрили, я вставляю мою приписку въ эпоху существованія Сильвестра? Не слишкомъ ли это затѣйливо, остроумно? Какое хитрое разсужденіе, какой ученый подлогъ.» (ibid..) Но Г. Погодинъ не объясняетъ, кто же сей Сильвестръ, продолжатель ли Нестора, или просто переписчикъ его Временника. «Объ этомъ послѣ», заявляетъ онъ. (ibid., стр. 23, прим. 13.) У него неопредѣлены и годы, когда Преподобный Несторъ приступилъ къ дѣписанію, и когда прекратилъ занятія имъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ утверждаетъ: «начало Лѣтописи переписано извѣстнымъ лицомъ XI и XII вѣка, слѣдовательно — сочинено, по крайней мѣрѣ, около этого времени» (стр. 22); черезъ 17 строкъ читаемъ: «начало Лѣтописи было сочиняемо, по крайней мѣрѣ, въ XI столѣтіи»; на стр. 35: «это (о преставленіи старца Яна) писано въ самомъ началѣ XII в.»; на стр. 39: «въ самомъ началѣ Лѣтописи помѣщена хронологическая таблица, которая оканчивается смертію Святополка — Михаила (1113); ясно (?), что Лѣтописатель жилъ во время Святополка, скончавшагося при немъ; если бы онъ жилъ и писалъ позднѣе, то съ какой бы стати ему прервать начатую таблицу Святополкомъ?; слѣдовательно, Лѣтописатель жилъ въ концѣ XI и началѣ XII столѣтія (*)»; на стр. 42: «живыхъ преданій не лзя

(*) Къ сему Г. Погодинъ присовокупляетъ: „одно такое показаніе можно принять за достаточное, при опредѣленіи времени всякаго Лѣто-

было имѣть *позже XI в.*»; на стр. 45: «сравнимъ начало Лѣтописи съ продолженіемъ, нарим. описаніе X, или начала XI столѣтія съ концемъ его; въ первыхъ (т. е. въ X и въ началѣ XI в.) сколько пропусковъ, ... а въ концѣ XI ст. происшествія описаны подробно, годъ за годъ . . .; не ясно ли, что **НАЧАЛИ ОПИСЫВАТЬ СОВРЕМЕННИКИ?**»; на стр. 46: «начало нашихъ Лѣтописей писано, *по крайней мѣрѣ*, въ началѣ XII в., *если не ранѣе*»; семью строчками ниже встрѣчаемъ: «предложивъ доказательства положительныя о сочиненіи первой Русской Лѣтописи *въ XI столѣтіи*, я предложу здѣсь доказательства отъ противнаго: Лѣтопись и не могла быть сочинена иначе, какъ въ концѣ XI и началѣ XII в.»; на стр. 48: «пусть выдумаютъ какое угодно лицо, помѣстятъ его куда пожелаютъ, въ какое бы то ни было время *послѣ XI столѣтія*, окружатъ его какими угодно обстоятельствами, никакъ не лзя будетъ сообщить ему возможность такъ знать и такъ писать о Варягахъ, какъ мы читаемъ объ нихъ въ нашей Лѣтописи»; на стр. 56: «смѣло заключаю, что *первоначальная Лѣтопись наша составлена въ концѣ XI и началѣ XII в.*» Не безъ причины свелъ я всѣ сіи отзывы; противорѣчія ихъ очевидны.

писателя и сочинителя.“ Да, еслибъ историческая критика довольствовалась словами: *около, по крайней мѣрѣ*, и еслибъ она, ограничиваясь гуртовымъ счетомъ, годы приносила въ жертву столѣтіямъ. . . . Замѣчу еще, что Несторъ необходимо жилъ, а слѣдовательно — и писалъ, *позднѣе* Святополка — Михаила; иначе, какъ бы ему знать, сколько лѣтъ протекло отъ смерти Ярослава до смерти Святполка?...

Сблизьте стр. 45 со стр. 56 ; тамъ показано , что въ концѣ *XI столѣтія* писали современники , т. е. уже продолжатели Нестора , а здѣсь вамъ объявляютъ , что Преподобный Несторъ сочинялъ еще въ началѣ *XI в.* . . Какъ согласить стр. 42 и 46 со стр. 48 ? . . Удивительно , что почтенный М. П. Погодинъ не обратилъ на это полнаго вниманія. Развѣ онъ убѣжденъ , что вопросъ о времени жизни и литературной дѣятельности Нестора маловаженъ? Неужели отъ его проницательности укрылось , что съ отчетливымъ рѣшеніемъ сего вопроса соединены многія и значительныя послѣдствія для нашей Исторіографіи? Не говорю о требованіяхъ ученой критики ; сообразимъ только одно обстоятельство: Преподобный Несторъ — отецъ Русской Исторіи , должно ли быть намъ равнодушно , когда онъ трудился на пользу ея? И не странно ли , что писатель , защищающій подлинность Несторова творенія , упустилъ изъ виду главнѣйшую задачу своихъ изысканій: въ какое время скромный отшельникъ *Кіевопечерской Обители* подвизался въ дѣлахъ *Лѣтописанія* и поминалъ *лѣта вѣчна*? Повторяю , въ такомъ случаѣ непозволительно удовлетворяться валовыми и , при томъ , неопредѣлительными итогами. Геллія упрекаютъ въ неточности за то , что онъ , упоминая о житіи *Θουκιδίδα* , чуждаго для него Историка , прибавилъ *ut videtur* ; а мы столь расточительно употребляемъ *около* и *по крайней мѣрѣ* , толкуя о годахъ существованія родоначальника нашего бытописанія! Г. Погодинъ возразитъ , что источники касательно сего предмета чрезвычайно скудны , по этому и невозможно ожидать математической вѣрности. Отвѣтимъ словами Нибура:

«*bei unsichern Dingen ist es die Pflicht des Historikers, den Grad der eigenen Gewissheit anzugeben.*» (Briefe, Th. 3, S. 161.) — Весьма жалко, что отечественные критики упорно пренебрегают превосходными заграничными образцами исследований такого рода. Къ нимъ съ неотъемлемымъ правомъ принадлежатъ Крюгеровы: *Untersuchungen über das Leben des Thukydides*, Berlin, 1832, и *Epikritischer Nachtrag zum Leben des Thukydides*, B. 1839, также сочинение Рошера: *Leben, Werk und Zeitalter des Thukydides*, Göttingen 1842. Заимствоваться дѣльнымъ непостыдно; укоризненно лишь то, что заимствованія часто, особенно у насъ, угашаютъ собственный духъ. — Не постигаю, зачѣмъ Г. Погодинъ не пересмотрѣлъ вновь мнѣній Татищева, Миллера и Карамзина? Почему онъ *какъ будто* отстаиваетъ дѣйствительность аминя *посль 1094 г.*, коимъ Татищевъ доказывалъ окончаніе тогда первоначальной Лѣтописи? Г. Погодинъ говоритъ: «мнѣ скажутъ, что Карамзинъ не нашелъ этого важнаго аминя; но Исторіографъ не нашелъ его въ своихъ спискахъ, а у Татищева были другіе, и его не лзя подозрѣвать въ выдумкѣ;.. для него, разумѣется, все равно, стоялъ ли аминь подъ 1093, или подъ 1094, или подъ 1110 г.» (ibid., стр. 25.) По какой причинѣ онъ, приводя предположеніе Г. Перовощикова, что аминь, выставленный въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ, Кёнигсберскомъ, также въ Никоновской Лѣтописи, Софійскомъ Временникѣ, въ Россійской Лѣтописи по Софійскому списку и въ Лѣтописи Воскресенской *подъ 1073 годомъ*, означаетъ предѣлъ Несторова труда, не объяснилъ, который изъ сихъ аминей вѣрнѣе, аминь ли *подъ 1094, или*

аминь подъ 1073 г.? Татищевъ не выдумывалъ; Г. Перовщиковъ и подавно несклоненъ къ вымысламъ; что же надлежитъ намъ признать истиною? На стр. 32 — 33 Г. Погодинъ сообщаетъ рассказъ Василія о переговорахъ съ Василькомъ, въ подтвержденіе, что онъ записанъ дѣйствующимъ лицомъ, современникомъ, слѣдовательно — въ XI вѣкѣ; потомъ опровергаетъ Г. Строева, почитавшаго имя Василія позднѣйшею вставкою, заявляя: «какая охота вымышлять человѣку, умалчивающему о всемъ, что относится собственно до него, и по необходимости употребляющему одно личное мѣстоимѣніе: поди къ своему тѣскѣ и скажи ему...; я пошелъ, сказалъ, а тотъ отвѣчалъ мнѣ вотъ что; выдумываютъ сказанія затѣйливыя, страницы; такого же простаго, строчнаго извѣстія, не стоило и труда вымышлять въ XIII, или XIV столѣтіи.» Это совершенно справедливо. Но какъ понимать сего Василія? Былъ ли онъ *второй* Лѣтописецъ, какъ увѣрялъ Карамзинъ? Кто внесъ во Временникъ Нестора его краткое повѣствованіе, самъ ли Преподобный Несторъ, или кто нибудь изъ его продолжателей? Г. Погодинъ нисколько не рѣшаетъ нашего недоумѣнія. — Выше мы видѣли, что по его заключенію — Лѣтопись Нестора сочинена въ концѣ XI и началѣ XII вѣка. Основываясь на этомъ, можно бы думать, что въ сію пору, кромѣ Преподобнаго Нестора, не существовали иные бытописатели. Между тѣмъ Г. Погодинъ свидѣтельствуетъ: «*одинъ* Лѣтописатель въ XI столѣтіи... сказалъ, что его посылали къ Васильку для переговоровъ; *другой* —, что нападеніе Цоловцевъ на Печерскій монастырь случилось, ему сущу

въ кельѣ почивающую; *третій* —, а можетъ статья и тотъ же —, что Полоцкій Князь Всеславъ (+1101; долго находился въ Кіевѣ), въ его время, носилъ повязку на головѣ; *четвертый* —, что онъ ходилъ смотрѣть на уroda, пойманнаго Кіевскими рыболовами.» (ibid., стр. 35.) Отсюда слѣдуетъ, что продолженія Несторовой Лѣтописи начались съ 1065 г., потому что повѣствованіе о дѣтищѣ со срамными удами на лицѣ относится къ этому году. Какимъ же образомъ помирить съ симъ прежній отзывъ Г. Погодина, что Несторъ жилъ и писалъ *при Святополкѣ — Михаилѣ, умершемъ 1113 г.?* ... Послѣ XI вѣка почтенный Профессоръ насчитываетъ шесть продолжателей Временника Несторова: *одинъ* увѣдомляетъ, что онъ посѣщалъ Ладогу; *другой*, что поставленъ въ священнической санъ Епископомъ Нифонтомъ въ Новгородѣ 1144 г.; *третій*, подъ 1146 г., что съ Игоремъ II часто пѣвалъ на крылосѣ во Владимірѣ; *четвертый*, описавъ кончину Боголюбскаго, въ молитвѣ своей къ усопшему даетъ знать о себѣ, что былъ современникомъ его брата Всеволода Георгіевича, въ исходѣ XII столѣтія; *пятый* говоритъ, что въ 1180 г. произошелъ пожаръ въ Кіевѣ, и что въ 1198 г. Рюрикъ — Василій заложилъ стѣну каменную подъ церковь Св. Михаила у Днѣпра; *шестой*, рассказавъ о преставленіи Владиміра Волынскаго въ 1289 г., призваніемъ его благословенія указываетъ на то, что тогдашнія событія извѣстны ему по личнымъ наблюденіямъ. (ibid., стр. 35 — 36.) Почему же Г. Погодинъ не называетъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ сихъ Лѣтописцевъ поименно? Вѣдь, они знакомы намъ по изысканіямъ Татищева, Милле-

ра и Митрополита Евгенія. — При этомъ случаѣ, вмѣняю себѣ въ обязанность сообщить моимъ читателямъ, что Г. Профессоръ Погодинъ prepares новыя изслѣдованія о продолжателяхъ Преподобнаго Нестора. Я видѣлъ уже матеріалы, собранные имъ для сего труда. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ приведетъ этотъ запутанный вопросъ въ надлежащую ясность. — Не напрасно изложилъ я здѣсь съ такою подробностью всѣ мнѣнія о рассматриваемомъ мною предметѣ. Мнѣ хотѣлось убѣдить занимающихся отечественною Исторіею, какъ многое еще остается загадочнымъ. Вотъ причина, по коей мы должны быть признательны Г. Буткову за то, что онъ не уклонился отъ рѣшенія сей задачи. Не лзя не пожалѣть, что онъ слишкомъ стѣснилъ кругъ своего воззрѣнія, ограничившись только отвѣтомъ Скептикамъ на ихъ произвольные толки. Слѣдуя моему правилу — выставлать подлинныя слова писателей, я и на этотъ разъ приведу собственное сужденіе Г. Буткова. Въ дѣлѣ критической тяжбы каждый стоитъ за себя. Припомнимъ, что Скептики объявили, будто мы имѣемъ равное право почитать сочинителемъ первоначальной Лѣтописи какъ Нестора, такъ Василія и Сильвестра, и будто *азъ, ми, мнѣ*, встрѣчающіяся въ древнѣйшемъ Временникѣ, принадлежатъ всѣмъ имъ одинаково. Выслушавъ споръ *объ аминяхъ*, послушаемъ размовку *объ азахъ*. «Разсказъ Василія о его переговорахъ съ Василькомъ Ростиславичемъ и о происшествіяхъ на Волини въ 1098, 1099 и 1100 г., составляетъ отдѣльную статью, дѣйствительно не Преподобнымъ Несторомъ писанную, какъ уже и Карамзинъ замѣтилъ... Она есть чужое

произведеніе, которое, очевидно, самъ Несторъ внесъ въ свою *Лѣтопись*, станется — съ предварительною, въ спискахъ нынѣ ненаходимою, оговоркою: сказа ми *Василій*. . . . Вводность этой повѣсти сама собою выказывается тѣмъ во *первыхъ*, что, противъ принятаго Несторомъ хронологическаго порядка, въ ней неозначены годичныя числа; во *вторыхъ*, что за окончаніемъ ея событіями, случившимися въ 1100 г., Несторъ возвратился къ 1098 г. и написалъ: въ *лѣто* 1098 *прииде Володиміръ* (Всеволодовичъ) и *Давидъ* и *Олегъ Святославичи* на (В. К.) *Святополка*, и *сташа* у *Городца*, и *сотвориша миръ*, *якоже* въ *прежнее лѣто* *сказахъ*, т. е. вкратцѣ упомянуто происшествіе, подробно изложенное подъ 1097 г., до начала *Василіевой* повѣсти; въ *третьихъ*, что непосредственно за глаголомъ *сказахъ* Преподобный Несторъ говоритъ: въ *лѣто* 1099 *иде Святополкъ* на *Давида* ко *Владиміру* (городу), и *прогна* его въ *Ляхи*. Въ се же *лѣто* *побѣни Угры* у *Перемышля*. . . Въ се же *лѣто* *убіенъ Мстиславъ*, *сынъ Святополчъ*, *мѣсяца Іюля* 12 *дня*. Далѣе повѣствуется у Нестора, что въ 1100 г. В. К. Святополкъ, Владимиръ Мономахъ, Давидъ и Олегъ Святославичи, постановили миръ у *Вятичева* 10 *Августа*, что 30 числа *пріѣхалъ* туда изъ *Владиміра* *Давидъ Игоревичъ*, и что союзники отняли у него *Владиміръ*. . . . Слѣдовательно, подъ 1099 и 1100 г. слегка повторены дѣйствія, случившіяся на *Волини*, заключающіяся уже въ повѣсти *Василіевой*, и подробнѣе представлено все неизвѣстное *Василію*, происходившее въ то же время въ предѣлахъ *Кіевского Княжества*. *Василіева* *повѣсть* *можетъ* *быть признаваема* *только подтвержденіемъ*

давняго основательнаго мнѣнія, что **И ТОГДА, И ПРЕЖДЕ** находились въ разныхъ областяхъ Россіи люди, занимавшіеся веденіемъ **ЗАПИСОКЪ** о современныхъ событіяхъ, наипаче о такихъ, въ коихъ они сами принимали какое либо участіе; были другіе, которые, зная больше подробностей о нѣкоторыхъ происшествіяхъ, не жели сколько то вѣдомо было Нестору, записывали разсказъ его собственнымъ, въ принадлежащихъ себѣ экземплярахъ *Временника* (таковы: Новгородскій списокъ пономаря Тимофеева, списки Псковскій и Архангелогородскій); были такіе, кои помѣщали у себя различныя сказанія объ одномъ и томъ же предметѣ (въ *Воскресенской Лѣтописи* содержатся два повѣствованія о Рюрикѣ, одно Несторово, другое безыменнаго автора, о происхожденіи этого Князя отъ Августа Кесаря); были, наконецъ, и такіе, которые ограничивали трудъ свой событіями особаго какого либо Княжества, или особой области, и которые дѣлали изъ *Лѣтописи* одни извлеченія, или сокращенія, пропуская случившееся въ другихъ областяхъ. Эта разнovidность дала поводъ Скептикамъ сказать, будто каждый древній переписчикъ былъ вмѣстѣ и сочинитель, и будто каждая рукопись тѣхъ вѣковъ есть особенная книга, единственная въ своемъ родѣ.» (Оборона Несторовой *Лѣтописи*, стр. 209 — 213.) Не забудемъ, что повѣсть Василія относится къ 1097 г., а Г. Бутковъ увѣряетъ, что уже **ПРЕЖДЕ** сей поры, по разнымъ областямъ Русскимъ, жили люди, трудившіеся надъ составленіемъ **ЗАПИСОКЪ** о происшествіяхъ, современныхъ имъ. Это показаніе весьма важно, и Г. Буткову надлежало бы подкрѣпить его доводами. Если

мы согласимся съ нимъ, то необходимо допустить, что дѣяніе не было тогда удѣломъ одного Нестора. Г. Бутковъ не опредѣлилъ также, что онъ разумѣетъ подъ названіемъ *записокъ*, которое довольно обширно. Изъ его словъ: «въ разныхъ областяхъ Россіи находились люди, занимавшіеся веденіемъ записокъ о современныхъ событіяхъ, *наипаче о такихъ, въ коихъ они сами принимали какое либо участіе*, можно заключать, что у насъ, въ исходѣ XI вѣка, существовали *мемуары*. Не рано ли? Сіи записки велись не въ одномъ мѣстѣ, но *въ разныхъ областяхъ*; слѣдовательно, имѣлся значительный запасъ ихъ. Куда же онъ дѣвался? Вспомнимъ, съ какимъ удивленіемъ Г. Бутковъ отозвался о томъ, что отъ монастырскихъ записокъ не уцѣлѣло ни одного листа, словно онѣ составляли тягостное бремя архивовъ, или всѣ истреблены огнемъ, по распоряженію Правительства. (*ibid.*, стр. 178 — 179.) При томъ, кто велъ эти записки? Уже Миллеръ замѣтилъ, что «въ старинныя времена въ Россіи также, какъ и въ другихъ Европейскихъ Государствахъ, знаніе и науки, по большей части, не выступали изъ предѣловъ монастырскихъ.» (Ежемесячныя сочиненія, 1755, Апрѣль, стр. 292.) Отсюда явствуется, что *записки*, о коихъ здѣсь идетъ рѣчь, *были ведены иноками, въ монастыряхъ*. Зачѣмъ же Г. Бутковъ столь настойчиво утверждалъ, что не только въ X, XI, но и въ XII столѣтіи на Руси даже по слуху не вѣдали о монастырскихъ запискахъ? (*ibid.*, стр. 180.) Слѣдовательно, возражая ему, мы имѣли достаточное основаніе. — Выше сказано нами, что Татищевъ прибавилъ отъ себя, будто Василій посѣтилъ, въ

1097 г., Владиміръ Волынскій, для осмотра училищъ и наставленія учителей. Скептики не безъ причины шутили надъ сею визитаціею. Г. Бутковъ почти готовъ вѣрить, что это не противорѣчитъ понятіямъ того вѣка. По предположенію нѣкоторыхъ писателей, Василій проживалъ во Владимірѣ временно, и потомъ, возвратясь въ Кіевъ, находился тамъ въ годину разоренія Печерской Обители свирѣпымъ Бонякомъ; другіе думали, что онъ попалъ во Владиміръ *послѣ* сего нашествія, спасаясь отъ злодѣйствъ Половцевъ. Г. Бутковъ оспариваетъ оба эти мнѣнія. «Первые», говоритъ онъ, «забыли, что Василій являлся во Владимірѣ *гodomъ позже* Бонякова набѣга; вторымъ не доставляютъ никакой поддержки Несторовы слова: *намъ же бѣжающимъ за домъ монастыря, а другимъ взбѣгшимъ на палаты.*» (ibid., стр. 423, прим. 470.) Иные, ссылаясь на аминь, помѣщенный въ концѣ разсказа о смерти Θεодосіевой и о подвигахъ Исаакія, догадывались, что Несторъ прекратилъ свою Лѣтопись въ 1074 г. и что при открытіи мощей Преподобнаго Θεодосія (1090) и нападеніи Боняка былъ очевидцемъ не онъ, а Василій. Г. Бутковъ отвѣчаетъ на это: «если по однимъ аминямъ искать Несторовыхъ продолжателей, когда аминемъ не рѣдко оканчиваются въ Лѣтописяхъ нашихъ либо молитвы, либо вводныя повѣсти, то такимъ аминемъ заключена и молитва Борисова предъ кончиною его еще въ 1015 г.. Другой аминь есть въ 1072 г., послѣ сказанія о перенесеніи мощей Бориса и Глѣба. Третій поставленъ 1093 г., въ извѣстіи о бѣдственной участи города Торческа, истребленнаго Половцами. Четвертый встрѣчается подъ 1177

г., по окончаніи молитвы.» (ibid., стр. 424.) Правда, что аминь — примѣта не вполне надежная; однакожь, въ настоящемъ случаѣ, Г. Бутковъ несправедливо ополчился на него. Дѣло вотъ въ чемъ: Г. Перовицковъ, въ сочиненіи — *о Русскихъ Лѣтописяхъ и Лѣтописателяхъ по 1240 г.*, свидѣтельствуеть, что *подъ 1075 г.*, въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Кѣнигсбергскомъ, Ипатьевскомъ, въ Никоновской Лѣтописи, въ Софійскомъ Временникѣ, въ Лѣтописи Россійской по Софійскому списку и въ Воскресенской, найденъ имъ аминь, который онъ почитаетъ заключеніемъ Несторова труда, т. е. первоначальной нашей Лѣтописи. Я согласенъ, что этотъ аминь, самъ по себѣ, ничего не значилъ бы; но, сообразивъ, что, вслѣдъ за нимъ, начинаются важныя различія въ поименованныхъ мною источникахъ, не усматриваю твердаго основанія пренебрегать и симъ доказательствомъ. — Далѣе Г. Бутковъ опровергаетъ тѣхъ, кои Сильвестра принимаютъ не переписчикомъ, подобно мниху Лаврентію, а продолжателемъ Нестора. «Скептики и некоторые не-Скептики причисляютъ Сильвестра къ бытописателямъ нашимъ, по слѣдующей его припискѣ: *азъ Игуменъ Св. Михаила Силивестръ написахъ книги си Лѣтописецъ*, и проч. . . .» Надобно знать, что этой приписи нѣтъ ни въ Ипатьевскомъ или Волынскомъ, ни въ обоихъ Новгородскихъ, ни въ Воскресенскомъ спискѣ, что она въ Лаврентьевскомъ и Радзивиловскомъ содержится *подъ 1110 г.*, издателями же Кѣнигсбергскаго списка перенесена *подъ 1116 г.*, дабы прислонить ее къ Великокняженію Мономаху, слѣдуя въ томъ Никоновскому списку, въ коемъ даю

ей произвольное распространение, даже въ такомъ смыслѣ, будто въ самомъ дѣлѣ Сильвестръ былъ Лѣтописатель. Еслибы подлинно онъ имѣлъ право на это титло, то, писавъ въ 1116 г. и помѣстивъ подъ 1110 г. приписку свою, сдѣланную уже тогда, какъ находился Епископомъ Переяславльскимъ (съ 1 Января 1119 до 23 Апрѣля 1124 г.), почему же не внесъ Владиміра Мономаха въ роспись Князей Россійскихъ? Почему на заглавіи Лѣтописи выставилъ слова: *черноризца Теодосіева монастыря*? Почему такъ мало обращалъ вниманія на свою Михайловскую Обитель, о времени сооруженія которой мы все еще остаемся въ невѣденіи?.... Сильвестру несправедливо будетъ приписывать и внесенныя въ Лѣтопись происшествія 1114, 1115 и 1116 г., потому что онъ, какъ участвовавшій 2 Мая 1115 г., въ санѣ Игумена Михайловскаго монастыря, съ знатнымъ Россійскимъ духовенствомъ, въ торжественномъ перенесеніи мощей Бориса и Глѣба въ новопостроенную въ Вышгородѣ во имя ихъ церковь, не упустилъ бы упомянуть о себѣ, по Несторову примѣру, по крайней мѣрѣ словами: *азъ грѣшный*. (NB. Татищевъ, вѣроятно, на основаніи Никоновской Лѣтописи, присовокупилъ здѣсь: *и азъ Сильвестръ Михайловскій!*) Онъ не оставилъ бы сдѣлать того же и подъ 1119 г., по поводу посвященія своего въ Переяславльскіе Архіереи. По видимому, одинъ изъ Кіевскихъ продолжателей Несторовыхъ, ближайшій ко днямъ сего инокъ, тотъ же самый, который сообщилъ намъ, подъ 1128 г., особую повѣсть о Рогволодѣ Полоцкомъ, не принадлежалъ къ черноризцамъ Печерскимъ; ибо въ Лѣтописи, подъ 1128 г., написалъ: *въ се же лѣто переша*

Печеряне церковь Св. Димитріа, и нарекоша ю Петра со грѣхомъ великимъ и неправо. Такъ не сказалъ бы монахъ Обители Печерской, въ собственную себѣ и собратіямъ своимъ укоризну.» (ibid., стр. 212 — 214.) Оспаривая Скенниковъ, Г. Бутковъ предлагаетъ и другія соображенія касательно того, что ни Василій, ни Сильвестръ, не сочиняли Временника, изстари сльвущаго подъ именемъ Несторова. Они суть: 1) на заглавіяхъ древнѣйшихъ списковъ: Раскольниковъ, Голицынскаго, Юсифовскаго, равно и на позднѣйшихъ — Хлѣбниковскомъ и Сафоновичевомъ (1672), составителемъ Лѣтописи опредѣлительно названъ Несторъ. (Стр. 214 — 215.) 2) Въ списокѣ Московскаго Главнаго Архива, поступившемъ туда, по указанію Малиновскаго, изъ кабинета Императрицы Екатерины II, противъ словъ: *и азъ придохъ 17-ти лѣтъ*, рукою того же переписчика означено: *Нестеръ*. (Стр. 422; ср. Труды Общества Исторіи и Древностей, VIII, 243 и 251.) 3) Въ Воскресенскомъ списокѣ, принадлежащемъ Царствованію Іоанна Грознаго, къ выраженію Нестора въ разсказѣ объ открытіи Θεодосіевыхъ мощей: *азъ грѣшный*, прибавлено: *уже и Лѣтописаніе се въ то время писахъ*. «А какъ этотъ азъ относится до того самаго инока, который, въ отдѣльной Повѣсти о семъ, зоветъ себя Несторомъ, то слѣдуетъ, что и собиратель Воскресенской Лѣтописи зналъ о сочиненіи Временника этимъ Кіевопечерскимъ монахомъ.» (Стр. 422.) 4) Въ заглавіяхъ списковъ Кёнигсбергскаго и Ипатьевскаго сказано: *Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Θεодосіева монастыря Печерскаго*. «Такое надписаніе представляетъ намъ новое доказательство,

что дѣписатель былъ точно инокъ Печерскій. Если же на Временникахъ Лаврентьевскомъ, Воскресенскомъ, Софійскомъ, Никоновскомъ и прочихъ, нѣтъ имени ни Нестора, ни Печерскаго монастыря, это конечно отъ того, что издатели сихъ книгъ не разсудили приписывать одному Нестору, или иноку Θεодосіева монастыря, труды и другихъ продолжателей, къ сей Обители не принадлежащихъ.» (Стр. 215.) Г. Бутковъ замѣчаетъ при этомъ, что изъ всѣхъ Лѣтописей, дошедшихъ до насъ, ни на одной непоименованы Василій и Сильвестръ; Симонъ и Поликarpъ также не включаютъ ихъ въ разрядъ Лѣтописателей. (*) 5) Въ Повѣстяхъ о зачатіи Лавры Печерской, о житіи Θεодосія и о перенесеніи

(*) Г. Бутковъ говоритъ, что Василій неизвестенъ и по своему сану. Сомнительно, чтобъ онъ былъ изъ духовенства, ибо къ именамъ такихъ лицъ обыкновенно присоединялось почтительное *отче*, котораго, однакожъ, не давали ему ни Давидъ, ни Василько. Что касается до Сильвестра, то Г. Бутковъ не признаетъ его постриженникомъ Печерской Обители, соглашаясь въ семъ случаѣ съ Миллеромъ. Онъ приводитъ слѣдующее доказательство этому: Симонъ, означая имена 15 Печерскихъ иноковъ (изъ коихъ нѣкоторые современники Сильвестровы), посвященныхъ въ Епископы, не упоминаетъ никакого Сильвестра. — Между монахами Печерскими названъ Преподобный Василій, но онъ †1095 г.. Въ пещерахъ Антоніевыхъ почиваютъ и мощи нѣкоего Сильвестра; однако, по мнѣнію Г. Буткова, сего Праведника не надобно смѣшивать съ Сильвестромъ Переяславльскимъ, даже предположивъ, что послѣдній, до своего игуменства, могъ состоять въ числѣ иноковъ Печерскаго Монастыря, потому что память перваго Сильвестра празднуется 2 Января, а Епископъ Сильвестръ †25 Апрѣля. Прибавлю, что Церковь наша не присоединила его къ лику Святыхъ. См. Словарь историческій о Святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви. Спб. 1856.

его мощей, Несторъ самъ означилъ свое имя. (*) Во Временикѣ же читаемъ: 1) подъ 1051 г.: *къ нему (Ееодосію) азъ пріидохъ худый, и пріятъ мя, лѣтъ ми сущу 17 отъ рожденія моего, и 2) подъ 1091 г.: повелъ Игуменъ рушити, гдѣ лежатъ мощи отца нашего Ееодосія, его же (Игумена) повелѣнію быхъ азъ первое самовидѣцъ, еже и скажу, не слухомъ бо слышавъ, но самъ о семъ начальникъ. «Слѣдовательно», отзывается Г. Бутковъ, «личныхъ мѣстоименій азъ, мя, ми, находимыхъ въ спискахъ Радзивиловскомъ, Лаврентьевскомъ, Воскресенскомъ, Никоновскомъ и во многихъ другихъ, никто не имѣетъ права отдѣлять отъ Несторова лица, ни для Василія, вовсе намъ незнакомаго, ни для Сильвестра, коему эти мѣстоименія еще меньше могутъ принадлежать, какъ Игумену Обители Выдубицкой.» Стр. 218. (**)*

(*) Въ Повѣсти о зачатіи Печерской Обители говорится: *пріидохъ азъ... худый и недостойный рабъ Нестеръ... Въ повѣсти о жизни Ееодосіевой: мѣсяца Мая въ 5 день житіе Преподобнаго Отца нашего Ееодосія..., списано Несторомъ, мнихомъ того же Печерскаго монастыря. Азъ грѣшный Нестеръ... начатокъ слову списанія положихъ... Азъ грѣшный Нестеръ, мній вѣсѣхъ въ монастырь Ееодосія..... Въ Повѣсти о перенесеніи Ееодосіевыхъ мощей: Нестера, мниха монастыря Печерскаго, о томъ-то.... Его же (Игумена) благому изволенію и азъ грѣшный Нестеръ сподобленъ быхъ.... Азъ же грѣшный и недостойный рабъ его (Ееодосія) и ученикъ Несторъ.... Ееодосіе Богомудре, молися за мя, раба твоего Нестора.*

(**) Г. Бутковъ выставляетъ и другіе примѣры, въ которыхъ встрѣчаются слова: *азъ, наши, ми, намъ*; такъ подъ 1095 г.: *якоже и*

вопроса: съ какого времени Несторъ слыветъ Лѣтописцемъ? Не забудемъ, что Скептики объ этомъ дѣлѣ разсуждали такимъ образомъ: еслибы сочинитель Лѣтописи, доведенной до половины XI столѣтія, назывался Несторомъ, то имя его, какъ *перваго бытописателя*, помѣстили бы между

азъ грѣшный много и часто Бога прогнѣваю; подѣ 1094: яже видѣста очи наши; подѣ 1096: сказа ми Гуря Тогоровичь; подѣ тѣмъ же годомъ: намъ сущимъ почивающимъ по бѣлымъ; подѣ 1106: азъ многа словеса слышахъ отъ Яна.... „И сіи личныя мѣстоименія не лзя отдѣлять отъ Несторова лица, пбо онъ жмѣлъ и писалъ до 1115 г.“ (Стр. 219.) — Чтобы поддержать свое мнѣніе, Скептики указываютъ на то, что въ нашей Лѣтописи, подѣ нѣкоторыми годами, вносятся сочиненія, писанныя разными авторами, безъ означенія ихъ именъ, но съ мѣстоименіями *азъ, жи, мнѣ*. Наприм. подѣ 1241 г. о В. К. Александрѣ Ярославичѣ; подѣ 1243 о убіеніи Михаила Черниговскаго; подѣ 1319 г. о умерщвленіи Михаила Тверскаго; подѣ 1347 о раѣ, Посланіе Новгородскаго Архіепископа Василія къ Тверскому Епископу Осодору; подѣ 1380 о побойцѣ Мамаевомъ; подѣ 1381 о взятіи Москвы Тохтамышемъ; подѣ 1389 о житіи и преставленіи Донскаго; подѣ 1393 о Темиръ-Акеакѣ; подѣ 1453 о Флорентійскомъ Соборѣ; подѣ 1460 сказаніе Дьяка Родіона Кожуха; подѣ 1462 сказаніе Митрополита Осодосія; подѣ 1473 путешествіе Тверитянина Афанасія въ Индію; подѣ 1480 Посланіе Архіепископа Вассіана къ В. К. Іоанну Васильевичу. Къ этому можно еще приевокупить: подѣ 1224 г. о первомъ нашествіи Монголовъ; потомъ — Повѣсть умильную о нападѣніи Батыя. „Но кто изъ читателей“, замѣчаетъ Г. Бутковъ, „будетъ столько простъ, чтобы подѣ мѣстоименіемъ *азъ 1075 г.*, и *азъ 1393*, сталъ признавать одного и того же человека, хотя бы и не вѣдалъ, что изъ показанныхъ безыменныхъ статей нная принадлежитъ иноку Михаилу, нная Священнику Софронію, нная монаху Симеону?“ (Стр. 220.) —

духовными особами, присутствовавшими, въ 1091 г., при перенесеніи Θεодосіевыхъ мощей, въ слѣдствіе особеннаго уваженія, которое въ ту пору питали къ Лѣтописцамъ. Но Несторъ, въ качествѣ составителя Временника, сдѣлался извѣстенъ не ранѣе половины XVІІ в., потому что Герберштейнъ, Ирвинъ ф. Букхау, Петрей, Олсарій, не знаютъ его, да и Стенная Книга молчитъ о его имени. Доказывать же подлинность произведенія XI ст. свидѣтельствомъ XVІ. или XVІІ в., — есть смѣлость, невиданная въ историческомъ мірѣ. На это Г. Бутковъ возражаетъ: 1) иноческому смиренію Преподобнаго Нестора было неприлично въ Лѣтописи, имъ сложенной, упоминать о себѣ при такомъ священнодѣіствіи, на которое собрались высшіе сановники нашей Іерархіи. У него выставлены лишь имена Епископовъ, ни слова объ Игуменахъ, даже нѣтъ имени Печерскаго Настоятеля Іоанна; какъ же онъ могъ означить свое имя, находясь еще въ званіи діакона? Равно и при освященіи, въ 1089 г., церкви Печерской поименованы только одни Епископы. 2) Уваженіе къ Лѣтописателямъ, о комъ здѣсь говорятъ Скептики, противорѣчитъ прежнему ихъ заявленію, что предки наши, въ XI столѣтіи, коснѣли въ грубости и полудикости. 3) *Дѣйствительно ли Несторъ первый Русскій Лѣтописецъ, на сіе не имѣетъ ни одного опредѣлительнаго довода. Симонъ и Поликарпъ, ближайшіе къ Несторову времени, не даютъ ему такого эпитета. Симонъ, въ Посланіи къ Поликарпу, ссылается на старую Ростовскую Лѣтопись. Въ ней названы болѣе 30 Печерскихъ иноковъ, получившихъ Архіерейскіи санъ и вовсе неизвѣстныхъ Преподобному*

Нестору. Въ Новгородскомъ Временникѣ попадаются также сказанія (*), записанныя, *безъ сомнѣнія*, не *Несторомъ*, а кѣмъ нибудь другимъ. 4) Напрасно Скептики усиливаются заподозрить отзывъ Симона и Поликарпа о Несторѣ, какъ о бытописателѣ, и несправедливо утверждаютъ, будто Патерикъ составленъ изъ трудовъ Нестора, Симона и Поликарпа не раньше того вѣка, когда впервые напечатанъ, т. е. въ 1661 г.. (**)

(*) Таковы: подъ 989 г. о пришествіи въ Новгородъ Архієпископа Іоакима Корсунянина; 1017 — о походѣ Ярослава къ Берестю; 1019 — о награжденіи Новгородцевъ симъ Княземъ и о дарованіи имъ Правды; 1052 — о вторичномъ предпріятіи Глѣба на Желѣзные Врата; 1049 — о пожарѣ деревянной Іоакимовой церкви Св. Софій въ Новгородѣ; 1050 — о сооруженіи тамъ другаго каменнаго Собора того же имени; 1064 — о Порѣ Вышатѣ, сынѣ Остромира; 1070 — о петребленіи волхвовъ Яномъ Вышатичемъ въ области Белоозерской, и проч.. „Всѣ сіи извѣстія могли быть внесены въ Новгородскую Лѣтопись какъ тѣмъ человекомъ, который, говоря подъ 1050 г. о Ефремѣ, ученикѣ Новгородскаго Архієрея Іоакима, присовокупилъ: *иже ны учаше*, такъ и тѣмъ, который подъ 1144 г. написалъ о себѣ: *постави мя Попомъ Архієпископъ Св. Нифонтъ*.“ (Стр. 250.) — Митрополитъ Евгеній увѣряетъ, что Ефремъ обучалъ дѣтей Христіанскому Закону и Греческому языку въ школѣ, устроенной въ Новгородѣ Іоакимомъ, и что безымянный Попъ былъ потомъ Новгородскимъ Архієпископомъ Ілією. (Словарь, I, 220, 237.)

(**) Г. Бутковъ замѣчаетъ, что Патерикъ Печерскій упоминается въ Степенной Книгѣ, и что донынѣ сохранились экземпляры его, принадлежащіе XIV и XV столѣтіямъ. „Всѣ они, очанчиваясь извѣстіемъ о избраніи, въ 1182 г., на мѣсто умершаго Печерскаго Архимандрита Поликарпа, Священника Василія съ Щеквицы, содержатъ также

добномъ Несторѣ и молчаніе о немъ Степенной Книги, не содержатъ въ себѣ никакого доказательства относительно того, что онъ не писалъ Лѣтописи. (*) Ни Симонъ и Поликарпъ, ни продолжатели и переписчики Несторова Временника, ни сочинители Прологовъ и Миней, не нуждались въ вымыслѣ, въ подлогѣ, и, между тѣмъ, они почитаютъ Нестора Лѣтописцемъ. (Стр. 228 — 236.) — Упорствуя въ своихъ ложныхъ умствованіяхъ, Скептики, наконецъ, объ-

въ себѣ Посланія съ именемъ Несторовымъ, Симоново къ иноку Поликарпу и Поликарпово къ Архимандриту Печерскому Акидину.“ (Стр. 231.) Далѣе Г. Бутковъ говоритъ, что въ харатейныхъ Прологахъ и Минеяхъ, относящихся къ XV в., между прочимъ сказано: „о всемъ же житіи Владиміровомъ, бывшемъ въ невѣденіи Бога и въ печестіи, о храбрости и многихъ браняхъ его, пишется пространно въ *Лѣтописци Св. Нестора Печерскаго*.“ (ibid..)

- (*) „Иностранцы“, прибавляетъ Г. Бутковъ, „повѣствуютъ о событіяхъ Государства Россійскаго, а не о Лѣтописцахъ его. Еслибъ они признали имя Несторова замѣчательнымъ для себя, то имъ надлежало бы отъискивать имена и продолжателей Преподобнаго Нестора.... Сочинитель Степенной Книги и Герберштейнъ... дѣлали извлеченія свои изъ такой рукописи, на заглавіи которой имени Несторова не стояло, да и стоять не могло, потому что эта рукопись содержала въ себѣ произведенія многихъ писателей.“ (Стр. 252.) За сими Г. Бутковъ указываетъ на ошибки Герберштейна. „Впрочемъ“, заключаетъ онъ, „диковина ли, что иностранцы XVI и XVII ст. ничего не знали о Несторѣ? Наши домашніе собиратели Временниковъ Воскресскаго, Никоновскаго, и составитель Степенной Книги, пользовавшіеся Несторовымъ жизнеописаніемъ Θεодосія, хотя видѣли тамъ имя Нестора, однако и они обратили къ лицу его только иѣстоименія азъ, ми, мы, какъ Самъ Преподобный Несторъ поступилъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ.“ (Стр. 253—254.)

явили: Лѣтопись, приписываемая Нестору, могла быть сложена Митрополитами Кирилломъ (1250—1281) и Кипріаномъ (1376—1406). Оба они заботились о распространѣніи Греческихъ и Славянскихъ книгъ. Вѣроятно, что Кириллъ положилъ начало, такъ называемому, Временнику Несторову, а Кипріянъ продолжалъ его, привелъ сказанія Византійскія и свои собственныя свѣденія въ систематическій порядокъ. Это мнѣніе подкрѣпляется тѣмъ, что древнѣйшіе списки Несторовой Лѣтописи относятся къ XIII ст., изъ списковъ Сѣверныхъ Лаврентьевскій старше всѣхъ; *СЛѢДОВАТЕЛЬНО (?)*, до сей поры Сѣверъ не имѣлъ Лѣтописей.... Удивительная Логика!... Почему же неупомянуто, что въ Лаврентьевскомъ спискѣ помѣщена Сильвестрова отмѣтка, неопровержимо свидѣтельствующая о томъ, какъ надлежитъ понимать заслугу мниха Лаврентія? Зачѣмъ умолчано, что самъ Лаврентій, заключившій свой трудъ въ 1377 г., извиняетъ его недостатки *ветшаными книгами*, съ коихъ онъ списывалъ? Ужели рукопись Кипріянова съ 1376 по 1377 г. пришла въ такое состояніе? Когда успѣлъ онъ окончить Временникъ, начатый Кирилломъ, не осмотрѣвшись еще въ своей паствѣ? (Ср. стр. 238 — 239.)

Здѣсь прекращаю я обзоръ главнѣйшихъ изысканій касательно развитія отечественнаго дѣписанія. Прочіе изслѣдователи нашей старины, случайно говоря объ этомъ предметѣ, повторяли, бѣльшею частію, сужденія, высказанныя предшественниками. (*) Надѣюсь, что читатели, знако-

(*) Такъ Г. Домбровскій, въ статьѣ: *о вліяніи Греціи на развитіе гражданскаго образованія древней Руси*, отзывается: „читая Хро-

мые съ настоящимъ положеніемъ сего дѣла, не упрекнутъ меня въ излишней подробности, и согласятся со мною, по

ники Грековъ, инопки Русскіе извлекали любопытнѣйшія сказанія о единовѣрной Греціи и другихъ странахъ, и передавали ихъ Русскому міру. *Подражая этимъ же Хроникамъ, они отмѣчали сами важнѣйшія событія отечественныя, и въ разсказъ престома, но часто назидательномъ, передавали ихъ потомству. Такимъ образомъ сложилась драгоценная Лѣтопись Преподобнаго Нестора.*" (Ж. М. Н. Н., 1841, Генварь, стр. 16.) — Мы весьма сожалѣемъ, что высоко уважаемый нами А. Х. Востоковъ, въ своемъ классическомъ трудѣ: *описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго музея*, не объявилъ намъ, въ какомъ отношеніи состоятъ Хронографы къ нашимъ Временникамъ. Безъ сомнѣнія, проницательный и опытный его взглядъ открылъ бы въ семъ вопросѣ такія стороны, о коихъ понынѣ имѣемъ только сбивчивыя понятія. Почитаемъ нужнымъ упомянуть здѣсь, что въ книгѣ А. Х. Востокова показанъ, подъ N. CCCCLVIII, скорописный *Грапографъ*, XVII в.. Въ немъ, съ XII л., начинается предисловіе, въ которомъ слово *Грапографъ* произведено отъ *граны* — начальство и *графъ* — описаніе: *заче вся началася, царства же и государства сней кратко описуемъ.* Въ этому Г. Востоковъ првеовокупляетъ: „сіе предисловіе сестъ сочиненіе позднѣйшаго дополнителя. Онъ не разумѣлъ по Гречески и не зналъ настоящаго названія книги сей — *Хронографъ*, которое, вѣроятно, во всѣхъ дошедшихъ до него спискахъ обращено уже было въ *Грапографъ*." (Стр. 772.) — Не лишне также намекнуть, что въ *Хронографъ*, пріобрѣтенномъ отъ Іоанн, Архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря, Графъ Мушинъ-Пушкинъ нашелъ, вмѣстѣ съ семью историческими и духовными статьями, *Письмо о Полку Игоревомъ*, писанную въ листъ, на лощеной бумагѣ, довольно чистымъ почеркомъ. Вскорѣ погибъ этотъ списокъ. (Труды Общества любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, 1818, ч. XI, стр. 29. Тутъ, въ примѣчаніи, означены заглавія и прочихъ статей.)

крайней мѣрѣ, въ томъ, что нынѣ, при быстро возрастающей любви къ занятіямъ Русскою Исторіею, подобный сводъ разногласныхъ толковъ, слышащихся со всѣхъ сторонъ, весьма необходимъ. Кажется, уже мы достигли предѣла нашимъ блужданіямъ по произволу слѣпой судьбы! А чтобъ болѣе не идти впередъ наудачу, не увлекаться порывами прихотливой фантазіи и не упускать существенной цѣли изъ виду, потребно знать, на чемъ остановились прежніе дѣятели и что предстоитъ намъ совершить. Отчетливый и безпристрастный взглядъ на усилія людей, предварившихъ насъ своимъ труженичествомъ, всегда приноситъ несомнѣнную пользу. Онъ расширяетъ кругъ нашихъ понятій, ограждаетъ ихъ отъ стѣснительнаго преобладанія, отъ вредной исключительности мнѣній, неумытно обличаетъ ничтожность мечтательныхъ теорій, раскрываетъ намъ опыты вѣковъ, укрѣпляетъ насъ надежными ихъ пособіями, даетъ стойкость нашимъ помысламъ, вѣрно назначаетъ мѣты нашему стремленію, измѣряетъ и прокладываетъ пути къ нимъ, находитъ ручательства въ успѣхѣ. Обобщеніе идей, проявившихся въ какое бы то ни было время, посреди каждаго народа, въ любой отрасли вѣденія, составляетъ самое важное условіе дальнѣйшаго совершенствованія чловѣческаго духа. «*Entwicklung überhaupt*», скажемъ съ І. Э. Эрдманомъ, «*und so auch die Entwicklung des Geistes, ist ein Fortgehen zum Höhern, oder vielmehr ein Entfalten des im Niedern schon liegenden Höhern; sein Leben besteht in dem Setzen und Zurücknehmen seiner Momente, und dem Hinübergehn aus den niederen in die höhern.*» (Versuch einer

wissenschaftlichen Darstellung der Geschichte der neuern Philosophie, 1-sten Bdes 1-ste Abth., S. 8.)

Приведемъ теперь къ итогу всѣ частныя справки, сдѣланныя нами. 1) Напрасно домогаются оправдать направление, которому Байеръ слѣдовалъ въ своихъ трудахъ касательно отечественной нашей Исторіи; несправедливо увѣряютъ насъ, что онъ удачно началъ занятія ею, и что его преемникамъ надлежало лишь не уклоняться отъ стези, показанной имъ. Пора уже признаться, что мы слишкомъ неосмотрительно положились на непогрѣшительность этого направленія, неумѣстно поторопились отречься отъ самостоятельнаго возрѣнія на Русскую старину, чрезвычайно рѣзко обнаружили нашу склонность къ безотчетному подражанію, и что намъ очень дорого обошлось нынѣшнее выздоровленіе отъ сего тяжкаго недуга. 2) Укоризненно наше равнодушіе къ заслугамъ почтеннаго соотечественника — Татищева; необдуманны, мелочны отзывы, доселѣ повторяющіеся подъ диктовку пристрастнаго Шлёцера, будто этотъ неутомимый труженикъ, непричастный самохвалству, *ревностно прильзавшій только объ умноженіи чести народной*, былъ невѣжда, полуграмотный писарь, сказочникъ. Настало время, когда мы, не краснѣя за его незнаніе Латыни, можемъ явно исповѣдать: въ ту пору, какъ Байеръ, величайшій Литераторъ и Историкъ своего вѣка, усердно изучавшій Китайскій языкъ, знакомый съ источниками Византійскими и Западными, навѣки украсившій Академическія Комментаріи своими неимовѣрно учеными

разысканіями о Скифахъ и Сарматахъ, писанными прекраснымъ Латинскимъ слогомъ, бродилъ ощупью по Русскимъ Лѣтописямъ, зависѣлъ отъ безтолковыхъ переводчиковъ и непрестанно впадалъ въ грубыя ошибки, на Руси нашелся просвѣщенный мужъ, не сильный, правда, Латышникъ, но одушевленный пламенною любовію къ отечественному дѣланію, много лѣтъ и неусыпныя старанія посвятившій обработыванію нашихъ Временниковъ, устремившій свои посильныя изслѣдованія на основныя, коренныя задачи, — и сей, по приговору Болтина, остроумный, исполненный глубокихъ познаній мужъ — есть тотъ самый Татищевъ, коего плоды не рѣдко пожиналъ Гёттингенскій критикъ, расточительно надѣлая его упреками. Онъ первый возвѣстилъ о достоинствѣ Преподобнаго Нестора, назвалъ его древнѣйшимъ между Русскими Историками (потому единственно, что его Лѣтописи полный списокъ, съ подписаніемъ имени, прежде Иоакимовой открытъ свѣту), объяснилъ, что Несторъ, конечно, не съ словъ писалъ свой Временникъ, а съ разныхъ Лѣтописей, хотя на нихъ и не ссылается, заявилъ, что этотъ Временникъ дошелъ до насъ уже не въ томъ видѣ, какой данъ ему самимъ Несторомъ, ибо неразумные дерзнули прибавлять и сокращать извѣстія, опредѣлилъ годъ окончанія Несторова труда (1093), занялся разсмотрѣніемъ жизни и литературной дѣятельности сего Лѣтописателя, сообщилъ свѣденія о продолжателяхъ его, и въ этомъ отношеніи служилъ полезнымъ руководителемъ Миллеру и Шлёцеру. Забудемъ ли, что въ то время, когда великодушныя попеченія безсмертнаго Преобразителя Россіи о сохраненіи

памятниковъ нашей старинной исторической письменности, Его благотворныя внушенія подданнымъ, какъ они важны для уразумѣнія минувшихъ судебъ отечества, Его возвышенное желаніе видѣть ихъ въ рукахъ народа, оставались тщетными, Татищевъ, увлекаемый благороднымъ рвеніемъ *принести должное благодареніе Петру Великому*, почитая Русскую Исторію своимъ *любезнѣйшимъ упражненіемъ*, съ рѣдкою безкорыстностью, съ изумительнымъ самоотверженіемъ, тридцать лѣтъ употребилъ на собраніе различныхъ матеріаловъ ея, не устранился ни зависти, ни клеветы, ни гоненій, и совершилъ подвигъ, на который не отважился никто изъ его сверстниковъ? Онъ пріобрѣлъ нѣсколько (по Миллеру восемь, по Зиновьеву десять) списковъ Несторова Временника, сличилъ ихъ, заимствовалъ изъ каждаго то, что казалось ему *обстоятельнѣйшимъ и точнѣйшимъ*, осторожно удержалъ почти все, что въ подлинникахъ представлялось темнымъ, присовокупилъ истолковательныя примѣчанія и, такимъ образомъ, приготовилъ *сводную Лѣтопись*. Татищевъ не мечталъ о своей безгрѣшности и не таилъ своихъ недостатковъ. Располагая ограниченными пособіями, онъ чувствовалъ, что иногда переписчики, иногда же и собственная догадка, легко могли обмануть его, подвергнуть заблужденіямъ, а потому и просилъ всѣхъ, кого случай наведетъ на открытіе какого нибудь новаго факта, увѣдомлять о томъ чрезъ Академію Наукъ. Чѣмъ же споспѣшествовали ему и это первенствующее ученое заведеніе, и соотечественники? Около 30 лѣтъ рукопись Татищева ходила по Руси неизданная, искаженная безобразными ошибками,

ускользая отъ вниманія многихъ цѣнителей Исторіи. Но она стоила лучшей участи, потому что содержала въ себѣ довольно вѣрныя извлеченія изъ нашихъ Временниковъ, простиравшіяся до 1462 г.. Не думайте однакожъ, что этимъ и кончилось пренебреженіе къ похвальнымъ занятіямъ почтеннаго труженика. Будучи продолжительно какъ бы потерянными для большинства читателей, добросовѣстные усилія Татищева встрѣчены равнодушно даже и тогда, когда уже Императрица Екатерина II поручила Исторіографу Миллеру познакомить съ ними просвѣщенную публику. Не говорю о нападкахъ Шлёцера, достойныхъ строгаго порицанія; умалчиваю о рьяныхъ выходкахъ Скептиковъ; не упоминаю, что умы смѣлые, съ высокимъ полетомъ, съ горными взглядами, по сію пору повторяютъ затверженную тему о бездарности сочинителя *Россійской Исторіи*, о тѣсномъ кругозорѣ его понятій; не умѣю лишь воздержаться отъ удивленія, что одинъ изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ отечественнаго дѣписанія недавно еще, одобряя, впрочемъ, трудъ Татищева и признавая его заслуживающимъ подробнаго изслѣдованія, приглашалъ къ этому *молодыхъ любителей науки*. А старые, опытные знатоки развѣ не найдутъ въ немъ ничего замѣчательнаго? Не ужели они убѣждены, что непрерывныя толки о Варягахъ, утомительное разглагольствіе о ихъ происхожденіи, до нестерпимой скуки избитая догматика Байера и Шлёцера, жалкое щегольство механическимъ изученіемъ ея, и привлекательнѣе, и плодотворнѣе? Татищевъ имѣлъ драгоцѣнные источники, погибшіе безвозвратно. Миллеръ, Болтинъ, Лербергъ, Шёг-

репъ и Бутковъ уважительно отзываются о благоразумной его осторожности, воздаютъ ему справедливость за обширныя и отчетливыя свѣденія. Стало быть, они пригодны и для тѣхъ, чьи силы окрѣпли въ критическихъ разысканіяхъ. Намъ внушаютъ, что направленіе, указанное Байеромъ, породило споры, вызвало противорѣчащія мнѣнія, и въ слѣдъ за этимъ появилась критика. Пора уже согласиться, что еслибъ мы не уклонились отъ цѣли, избранной Татищевымъ, то результаты нашихъ столѣтнихъ трудовъ были бы несравненно значительнѣе; пора сознаться, что, рабски подчинившись вліянію Байера, мы понынѣ не совсѣмъ еще излечились отъ Скандинавоманіи, доселѣ нѣкоторые изъ насъ вполне увѣрены, что вопросу о Норманнахъ принадлежитъ неотъемлемое преимущество предъ прочими задачами отечественной Исторіи. Сколько свѣжихъ силъ, сколько времени и усердія, сколько постоянства и ревности истрачено нами!... А гдѣ плоды, коихъ цѣнность равнялась бы нашимъ пожертвованіямъ?... Мы не можемъ, намъ непростительно жаловаться на недостатокъ способовъ. Петра Великій, преобразовывая Россію, могучею рукою прорубая окно въ Европу, возвращая на нашей почвѣ сѣмена чужеземнаго просвѣщенія, прилагалъ неослабное стараніе и о томъ, чтобъ мы знали свое отечество, заботился, чтобы памятники минувшей жизни нашихъ предковъ сохранились отъ перадѣнія и порчи. Ссылаюсь на незабвенный указъ, изданный Имъ 16 Февраля 1722 года. Екатерина II, въ часы царственного досуга, занималась Русскою Исторіею; Барсовъ и Чеботаревъ, Профессоры Московскаго Университета, при-

готовляли Ей извлеченія изъ Лѣтописей, и Она сочинила *Записки*, свидѣтельствующія о Ея возвышенной любви къ родному, о глубокомъ Ея взглядѣ на прошедшія судьбы нашего отечества. При Ней исчезъ предрасудокъ почитать Временники государственною тайною. Въ 1780 г., Она возобновила указъ Петра Великаго Святѣйшему Синоду, чтобы съ рукописей, находящихся въ Московскихъ Синодальной и Типографской Библіотекахъ, были сняты, подъ присмотромъ свѣдущихъ людей, точныя коніи, повелѣла обзрѣть книгохранилища Троицкой Лавры и другихъ знаменитыхъ монастырей, собрать уцѣлѣвшія въ нихъ произведенія старинной нашей исторической Литературы, и немедленно приступить къ обнародованію ихъ. По Ея распоряженію, предназначалось напечатать сперва наиболѣе важныя Лѣтописи, а потомъ и остальные, соблюдая даже изображенія, которыми онѣ украшены. Удивительно ли, что, при Ея покровительствѣ и поощреніи, въ непродолжительный срокъ изданы: *Царственная Книга* (1534 — 1553), *Царственный Лѣтописецъ* (1114 — 1472), *Древній Лѣтописецъ* (1254 — 1424), *Лѣтописецъ Новгородскій* (1017 — 1352), *Л. Архангелогородскій* (832 — 1598), *Л. Типографскій* (1206 — 1534), *Россійская Лѣтопись по списку Софійскому*, *Лѣтопись Никоновская*, *Л. Воскресенская*, *Л. Кёнигсбергская* или *Радзивилловская*, *Лѣтописецъ Русскій*, *Подробная Лѣтопись* и проч.? Сверхъ этого, сія мудрая Монархиня ободряла труды обществъ и частныхъ лицъ, подвизавшихся для преуспѣянія отечественнаго дѣписанія. Вольное Россійское Собраніе, учрежденное, въ 1771 г., при Московскомъ Университетѣ,

въ числѣ главнѣйшихъ своихъ упражненій имѣло Русскую Исторію, и напечатало *Двинскій Лѣтописецъ*. Просвѣщенный патріотъ, неутомимый ревнитель о распространеніи основательныхъ историческихъ познаній объ отечествѣ, Новиковъ, будучи дѣятельнѣйшимъ членомъ этого Собранія, издалъ *Древнюю Россійскую Вивліюенку*, замѣчательную обиліемъ рѣдкихъ матеріаловъ. Князю Щербатову доставили свободный входъ во всѣ государственныя библіотеки и архивы. Исторіографу Миллеру, извѣстному Императрицѣ еще съ той поры, когда она носила титулъ Великой Княгини, и пользовавшемуся Ея щедротами, неоднократно поручалось обработаніе разныхъ статей по части отечественной Исторіи, для собственнаго употребленія Государыни. Въ 1766 г. онъ опредѣленъ въ Московскій Архивъ, и тогда же дозволено ему осмотрѣть Разрядный Архивъ при Сенатѣ и дѣла прежняго Сибирскаго Приказа. Кромѣ сего, Императрица приказала купить его библіотеку. Ею же оказаны милости Шлёцеру, дарованы средства Стриттеру. (*) Умолчу ли, наконецъ, о томъ, что Она первая постигла существенныя вы-

(*) Екатерина II собственноручно написала замѣчанія на Исторію, сочиненную Стриттеромъ. Они помѣщены въ Ж. М. Н. П., 1855, Генварь, стр. 140 и слѣд.. Изъ нихъ видно, что Выщеносная Покровительница Русской Исторіи внимательно выкала во всѣ требованія критики, и съ любовію изучала Лѣтописи. Приведу здѣсь нѣкоторыя Ея указанія. «Вообще, справедливость должно отдать автору, что всячески старается дополнить Исторію Россійскую, и что полнѣе сей ни единой нѣтъ».... «Соблазнительно покажется всей Россіи, аще пріимете толкованіе Г. Стриттера о происхожденіи Россійскаго народа отъ Финновъ»..... ИМПЕРАТРИЦА

годы, могущія произойти отъ изданія государственныхъ грамотъ и договоровъ, какъ для изученія Русской Исторіи, такъ и для образованія Русскихъ дипломатовъ? Въ указѣ, данномъ 1779 г. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, изъявлено, чтобъ это вѣдомство возложило на Миллера составленіе сборника всѣхъ древнихъ и новыхъ трактатовъ, конвенцій, и прочихъ дипломатическихъ актовъ, по образцу Дюмонова свода. Въ 1783 г., Екатерина II подтвердила Свою волю, повелѣвъ завести при Московскомъ *Коллежскомъ* Архивѣ (нынѣ называется *Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*) типографію. Черезъ 9 мѣсяцевъ Миллеръ умеръ, и намѣреніе Монархини не исполнилось. Въ Ея царствованіе началась также у насъ ученая историческая критика, которой первый и блистательный примѣръ представилъ Болтинъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на Деклерка и Щербатова. Напрасно толкуютъ, будто краеугольный камень для критическихъ изысканій относительно отечественной Исторіи положилъ Байеръ, и будто его приемы сдѣлались непремѣннымъ закономъ для послѣдующихъ писателей.

размышляла и о необходимости объективнаго воззрѣнія на Исторію. «Г. Стриттеръ откуда уроженецъ? Конечно, онъ какую ни есть національную систему имѣетъ, къ которой натягиваетъ. **ОСТЕРЕГИТЕСЬ СЕГО**»... Къ сожалѣнію, мы понынѣ не воспользовались этимъ благимъ совѣтомъ, и безусловно вѣримъ тому, что намъ толковали намъ заграничные руководители. Посему-то такъ упорна наша Скандинавоманія!... — Упомяну еще, что Екатерина II усердно заботилась объ учебной книгѣ отечественной Исторіи. Коммиссія Народныхъ Училищъ представила Ей планъ къ сочиненію такой книги, напечатанный тамъ же, стр. 142 — 146.

Комментаріи славнаго Академика, недоступныя большинству ихъ, покоились въ забвеніи до Шлёцера, громко провозгласившаго о высокомъ достоинствѣ, коего въ нихъ весьма многіе дотолѣ и не подозрѣвали. Не говоря уже объ остроумномъ, глубоко - свѣдущемъ и благородномъ Болтинѣ, можно смѣло сказать, что публика Русская пріобрѣла гораздо болѣе пользы отъ критики Голикова на Стралецберга, чѣмъ отъ критическаго разсужденія Байера о Скиѣахъ. Восшествіе Александра Благословеннаго на престолъ сообщило новую жизнь занятіямъ Русскою Исторіею, окрило усердіе къ нимъ. Дѣятельность Шлёцера оцѣнена и вознаграждена по заслугѣ. При Московскомъ Университетѣ организовано Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Карамзинъ призванъ изобразить величіе Русскаго имени, ознакомить насъ съ отечественными преданіями, съ родными правами, и воскресить хартии, истлѣвавшія въ неизвѣстности. Кто не знаетъ о важныхъ пожертвованіяхъ, принесенныхъ Русской Исторіи Графомъ Н. П. Румянцовымъ, великодушнымъ покровителемъ каждаго таланта, посвящавшаго свои силы на служеніе ей? Не онъ ли показалъ поприще Малиновскому, Калайдовичу, Строеву, Григоровичу и другимъ почтеннымъ воздѣлывателямъ отечественнаго дѣписанія? Не его ходатайству мы обязаны учрежденіемъ Коммиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ? Не его ли просвѣщенной ревности наша Исторія и Литература одолжены изданіемъ древнихъ Русскихъ стихотвореній, памятниковъ Россійской Словесности XII вѣка, Іоанна Экзарха Болгарскаго, законовъ Великаго Князя Іоанна Васильевича и Судебника

Юанна Грознаго, Исторіи Льва Діакона Калойскаго, Софійскаго Временника, собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, Бѣлорусскаго Архива, — источниковъ, обозначившихъ эпоху въ исторической критикѣ? Не имъ ли даны пособія Г. Академику Френу, чтобы напечатать Исторію Абулгази Багадуръ - Хана? () Графы А. И. Мусинъ - Пушкинъ и Ѳ. А. Толстой не мало также содѣйствовали успѣхамъ Русской Исторіи. Но никогда не открывалось, столько обстоятельствъ, благопріятствующихъ ей, какъ въ нынѣшнее достославное царствованіе. Не мѣсто здѣсь исчислять ихъ; не лзя, однакожъ, прейти молчаніемъ, что намъ надлежитъ благословлять свой жребій, ибо мы живемъ въ такую пору, когда въ нашемъ отечествѣ быстро возрастаетъ радушное уваженіе ко всему родному, когда предпочтительно имъ объаты лучшіе наши помыслы. Кто же устремилъ ихъ на историческое изученіе Россіи? Кто виновникъ духовнаго нашего обновленія? Самъ Августѣйшій Благотворитель шестидесяти милліоновъ счастливыхъ подданныхъ. Онъ принялъ отечественную Исторію подъ Свою державную руку, въ справедливомъ убѣжденіи, какъ значительно участіе, кото-*

(*) Графъ Н. П. Румянцовъ неоднократно посылалъ Г. Строева для осмотра монастырскихъ библіотекъ. Это была начальная школа нашего почтеннаго Археографа. Тогда онъ описалъ, въ разныхъ книгохранилищахъ, болѣе двухъ тысячъ манускриптовъ. См. Труды М. О. И. и Д. Р., ч. IV, кн. I, стр. 500. — Замѣчательнъ отзывъ П. М. Строева: «патріотъ и покровитель всего отечественнаго, Графъ Румянцовъ издалъ, на свое изживеніе, не менѣе рукописей, сколько было выдано ихъ съ 1767 г., первой эпохи обнародованія древнихъ нашихъ хартій». *ibid.*, стр. 282.

рое она беретъ въ великомъ дѣлѣ возрожденія умственной самостоятельности народа. Онъ постигъ, что только Русская Исторія, богатая сокровищница разнообразныхъ опытовъ прошедшаго, можетъ начертать намъ дивную картину нашего минувшаго быта, въ состояніи объяснить, въ чемъ заключаются коренныя начала нашей національности, изъ коихъ, въ теченіе столѣтій, подъ вліяніемъ происшествій, то бѣдственныхъ, то отрадныхъ, развивалась наша жизнь общественная и семейная, и указать на обильную надеждами, утѣшительную нашу будущность. Онъ внушилъ намъ, что сія возвышенная наука есть полнѣйшее выраженіе гражданскаго существованія нашего, мы сами, наша плоть и кровь, зародышъ нашихъ идей и чувствъ, кои, постепенно совершенствуясь, наконецъ получили въ насъ настоящую степень своей зрѣлости, — что, познавая ее, мы глубже вникаемъ въ самихъ себя, понимаемъ наше назначеніе въ ряду согражданъ, нашъ долгъ къ престолу и тому обществу, среди котораго суждено намъ протечь земное поприще, становимся мыслящими дѣйствителями въ немъ, научаемся цѣнить честь народную превыше всякихъ личныхъ выгодъ, не думать о нихъ, а подвизаться во славу Святой Руси, — что каждый изъ насъ, къ какому бы сословію ни принадлежалъ, гдѣ бы ни былъ поставленъ судьбою, обязанъ всегда имѣть въ виду, что и онъ звено огромной цѣпи, объемлющей въ своемъ составѣ цѣлый народъ, по этому, чтобъ не остаться праздными членами въ сей многочисленной семьѣ, намъ надобно помнить, что мы наслѣдники достоянія нашихъ предковъ, ихъ умственныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ

воззрѣній, ихъ добродѣтелей и недостатковъ, ихъ Исторіи,— что, изучая ее, мы примиряемся съ нашимъ удѣльнымъ счастіемъ, вразумляемся, что въ явленіяхъ народной дѣятельности нѣтъ ничего случайнаго и произвольнаго, что въ ней все движется сообразно своимъ законамъ, и что дальнѣйшее наше преуспѣяніе тогда лишь вѣрно и надежно, когда мы основательно знакомы съ прошедшимъ, по сему отечественная Исторія, рассматриваемая въ этомъ отношеніи, не безъ достаточной причины носитъ названіе охранительницы и блюстительницы государственнаго спокойствія: она поселяетъ въ насъ новыя и сильнѣйшія побужденія болѣе любить свою Вѣру, своего Монарха, свою родину. Вступивъ на престолъ, Государь Императоръ, какъ истинный представитель Своего народа (выраженіе В. А. Жуковского, Ж. М. Н. П., 1835, Генварь, стр. 2.), осыпалъ милостями Карамзина. Въ Высочайшемъ Рескриптѣ, данномъ на имя Исторіографа, за девять дней до его кончины (22 Мая 1826 г.), изъяснено: «и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ вашу благородную, безкорыстную къ Нему привязанность, и за Себя самаго, и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнію какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель. Императоръ Александръ сказалъ вамъ: Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію. *Исторія, вами написанная, достойна Русскаго народа.* Исполняю то, что желалъ, чего не успѣлъ исполнить Братъ Мой.» (ibid., стр. 3.) Въ 1829 г., Академія Наукъ, по соизволенію Правительства, отправила Археографическую Экспедицію, подъ начальствомъ П. М. Строева. (Уже въ

1823 г. сей Ученый говорилъ, въ засѣданіи Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, рѣчь о средствахъ, удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ отечественной Исторіи, и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обрабатывать оныя. — См. Труды и Лѣтописи О. И. и Д. Р., ч. IV, кн. I, стр. 277 — 301. (*) — Планъ экспедиціи, тогда имъ

(*) Любопытны слѣдующія мѣста этой рѣчи: «при нынѣшнемъ познаніи Русскихъ Лѣтописей и небольшомъ числѣ ихъ, доселѣ извѣстныхъ, заниматься критическимъ обработываніемъ значитъ начинать съ конца, а не съ начала, или заботиться объ украшеніи зданія, не имѣя матеріаловъ къ его основѣ.... Кругъ нашихъ дѣйствій будетъ слишкомъ тѣсенъ, если мы, по прежнему, ограничимъ ихъ Синодальною Библіотекою, или хотя всеми Московскими книгохранилищами, и станемъ издавать только то, что найдется случайно, или отчасти уже знакомо.... Не довольно Москвы для поприща нашей дѣятельности; пусть цѣлая Россія превратится въ одну библіотеку, намъ доступную. Не сотнями извѣстныхъ рукописей мы должны ограничить свои занятія, но безчисленнымъ множествомъ ихъ въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ, нигдѣ нехранимыхъ и нигдѣ неописанныхъ, въ архивахъ, кои нещадно опустошаетъ время и нерадивое невѣжество, въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда груды древнихъ книгъ и свитковъ, кажется, спесены для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истреблять ихъ удобнѣе и скорѣе. Общество Исторіи должно извлечь, привести въ извѣстность и, если не само обработать, то доставить другимъ средства обрабатывать письменные памятники нашей Исторіи и древней Словесности, разсыянные на обширномъ пространствѣ отъ Бѣлаго моря до степей Украинскихъ, отъ границъ Литвы до хребта Уральскаго.... Для сего необходимо образовать экспедицію, которая бы обозрѣла, разобрала и съ возможною точностію описала все монастырскія, соборныя, духовно училищныя и проч. собранія рукописей.... И частныя книгохранилища

предложенный, по большей части оконченъ.) — Последствія этого предпріятія чрезвычайно важны. Чтобъ

могутъ войти въ составъ разысканій, если владѣльцы пожелаютъ отворить оныя. Но какъ невозможно совершить все вдругъ и однимъ пріемомъ, пусть экспедиція будетъ раздѣлена на три части, или поѣздки. По окончаніи каждой, подробные отчеты путешествующаго покажутъ важность и плоды предпріятія. *Первымъ*, такъ сказать, *пробнымъ* предметомъ экспедиціи можетъ быть *библіотека Софійскаго Собора*, въ Новгородѣ, которая, какъ мнѣ извѣстно, заключаетъ въ себѣ *болѣе тысячи рукописей и богата памятниками древности всякаго рода*, (Карамзинъ не ссылался ни на одну тамошнюю рукопись.) По обработаніи сего книгохранилища, экспедиція объѣдетъ губерніи: Новгородскую, С. Пестербургскую, Олонецкую, Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, часть Пермской, и, чрезъ Костромскую, Ярославскую и Тверскую, возвратится въ Москву. Сія первая, или *Сѣверная поѣздка* будетъ важнѣйшая и самая любопытная, ибо древнія рукописи нигдѣ не уцѣлѣли въ такомъ множествѣ, какъ въ сей части Россіи, богатой обителями и книгохранилищами, гдѣ мечь, пожары и опустошеніяноплеменниковъ являлись рѣже, нежели въ южныхъ областяхъ, кои, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, представляли взору пустыни безлюдныя. Съ другой стороны, и старообрядцы, сии попочетели древности, занесли съ собою въ дальній Сѣверъ великое число всякихъ рукописей, и частымъ переписываніемъ упрочили ихъ тѣмъ странамъ. Поприщемъ второй, или *средней поѣздки* будутъ губерніи: Московская, Владимирская, Нижегородская, часть Казанской и Симбирской, сѣверные уѣзды Пензенской и Тамбовской, Рязанская, Тульская, Калужская, Смоленская и Псковская. Третья, или *Западная* обниметъ губерніи: Витебскую, Могилевскую, Мѣнскую, Волынскую, три Малороссійскія, Курскую и Орловскую. На первую поѣздку необходимо болѣе двухъ лѣтъ, вторая совершится въ годъ, и на третью достаточно года. Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ, или пяти лѣтъ, всѣ книгохранилища **ДУХОВНАГО ВѢДОМСТВА** (только!), въ Евро-

убѣдиться въ семь (*), достаточно даже перелистовать хронологическое указаніе матеріаловъ *Русской Исторіи, Литера-*

пейской Россіи, будутъ разобраны и описаны; древности, въ нихъ содержащіяся, сдѣлаются извѣстными, и многія сотни, а, можетъ быть, тысячи рукописей избѣгутъ неминуемой и, вѣроятно, близкой гибели. (Путешествующій, составивъ обстоятельную опись монастырскаго, или инаго книгохранилища, оставитъ тамъ извлеченіе изъ нея. Сямъ краткимъ каталогомъ ризничіе, или библіотекари могутъ руководствоваться при сдачѣ рукописей одинъ другому.).... Издержки не превзойдутъ семи тысячъ рублей ежегодно..... Г. Строевъ присовокупилъ къ этому, что, по окончаніи экспедиціи, имѣя въ виду значительное число списковъ *Временниковъ*, можно будетъ приступить къ обнародованію *Собранія Лѣтописцевъ и Писателей Русской Исторіи*, обработаннаго критически. «Безъ исторической же экспедиціи, безъ разбора библіотекъ, безъ снесенія воедино многихъ списковъ, не лзя помышлять объ изданіяхъ критическихъ, а печатаніе *каждаго епископа порознь ЕСТЬ ДѢЛО ПОЧТИ БЕЗПОЛЕЗНОЕ.*» Последняя фраза несправедлива. Уже Миллеръ, М. П. Погодинъ и Князь М. А. Оболенскій доказали противное. Не почитаю нужнымъ повторять здѣсь то, о чемъ говорено мною выше. Упомяну лишь, что трудолюбивый Я. И. Березниковъ раздѣляетъ мнѣніе П. М. Строева. Желательно было бы знать основанія, на коихъ они утверждаютъ его. — Впрочемъ, не надобно думать, будто Миллеръ, Погодинъ и Оболенскій, защищая необходимость печатанія отдѣльныхъ *Лѣтописей*, разумѣютъ каждую, которая попадется подъ руки. Мнѣ представится еще случай коснуться сего предмета.

(*) Въ 1835 г., Г. Строевъ представилъ отчетъ за *Археографическую Экспедицію*. Изъ него усматриваемъ, что Академія Наукъ, приступая къ этому предпріятію, имѣла цѣлю — обстоятельное познаніе всѣхъ, если возможно, письменныхъ памятниковъ отечественной Исторіи, Дипломатики, Законовѣденія и проч., скрывающихся въ старинныхъ

туры и Правовѣденія, до начала XVIII столѣтія, извлеченное Г. Строевымъ изъ портфелей Археографической Экспедиціи. (Ж. М. Н. П., 1834, Февраль, стр. 152 — 188.) Въ 1834 г., Высочайше учреждена Коммиссія для изданія въ свѣтъ любопытѣйшихъ актовъ, собранныхъ сею экспедиціею и заключающихся въ 10 т. in-folio, кои содержали въ себѣ около 3000 документовъ. (*) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому предмету, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія повергнулъ на благоусмотрѣніе Государя Императора иной, обширѣйшій проектъ: «учрежденіе сей небольшой, нѣкоторымъ образомъ — временной, Коммиссіи вмѣщаетъ другую мысль: по окончаніи возложенной на оную обяза-

библіотекахъ и архивахъ. На сіе дѣло назначали 10 лѣтъ. «Сѣверо-востокъ и часть Средней Россіи», говоритъ П. М. Строевъ, «осмотрѣны совершенно. Въ Москвѣ еще довольно архивовъ, съ коихъ работать недоставало времени. По этой причинѣ и С. Петербургскія хранилища старины мнѣ почти неизвѣстны. Въ степныхъ губерніяхъ **НѢТЪ ЖАТВЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ**, по недавнему ихъ заселенію. Остаются Малороссія, Волынь, Литва и Бѣлоруссія.» Далѣе, онъ жалуется на писцовъ, имѣло неспособныхъ правильно копировать рукописи. Главнѣйшія изъ пересмотрѣнныхъ книгохранилищъ: Патриаршее въ Москвѣ, Софійское въ Новгородѣ, Троицко-Сергіевой Лавры, Соловецкаго, Кирилловскаго — Бѣлоозерскаго, Іосифова и другихъ монастырей. Число прочихъ библіотекъ и архивовъ, обозрѣнныхъ Г. Строевымъ, составляло болѣе 200. Настоящее положеніе ихъ неутрадно. Ж. М. Н. П., 1853, Генварь, стр. 93 — 99.

(*) На издержки Коммиссіи опредѣлено до 40.000 рублей. Эта сумма пожертвована прежде Графомъ Румянцовымъ и хранилась при Академіи Наукъ. (ibid., стр. IX.)

ности, полагаю я, расширивъ и преобразовавъ ее, предназначить къ печатанію недостающаго у насъ систематическаго и полнаго собранія источниковъ отечественной Исторіи. Подобныя собранія существуютъ для Исторіи почти всѣхъ Европейскихъ народовъ; мы же не имѣемъ досель и правильнаго изданія *Лѣтописи Нестора*. Такое собраніе, начиная съ Нестора, отца Русской Исторіи, должно обнимать: 1) *Лѣтописи*; 2) *Степенную и Родословныя Книги*; 3) *Хронографы, Разряды и Біографіи*; 4) *Граматы, Посланія, Путешествія, и т. д.*... Смѣю думать, что такой государственный памятникъ, воздвигнутый подъ Высокимъ покровительствомъ Вашимъ, будетъ вмѣстѣ и хранилищемъ отечественныхъ преданій, и свидѣтелемъ успѣховъ просвѣщенія истинно народнаго.» (Ж. М. Н. П., 1835, Генварь, стр. VII — VIII.) —

Сверхъ вышепоказанной цѣли, Коммиссія должнаствовала исполнять всѣ порученія Г. Министра относительно Русской Исторіи и Древностей. — По распоряженію ея, Я. И. Берениковъ осмотрѣлъ библіотеки Императорскую Публичную, Эрмитажную, Академіи Наукъ и Румянцовскаго Музея, и доставилъ многіе списки съ грамотъ и прочихъ актовъ, по большей части важныхъ и интересныхъ по своему содержанію. (Отчетъ Г. Предсѣдателя Коммиссіи Князя П. А. Ширинскаго - Шихматова, Ж. М. Н. П., 1836, Декабрь, стр. 487. — Г. Берениковъ опредѣленъ Библіотекаремъ Академіи Наукъ. См. его донесеніе Г. Министру Народнаго Просвѣщенія о нѣкоторыхъ тамошнихъ рукописяхъ, *ibid.*, 1835, Іюль, стр. 116 — 122. Результаты обзора манускриптовъ Эрмитажныхъ изложены имъ въ другомъ представленіи,

ibid., 1836, Февраль, стр. 332 — 335. Въ Академіи Наукъ найдены: соборное постановленіе на Старца Вассіана 1531 г.; счетъ дворовъ въ Великомъ Новгородѣ и пригородахъ Новгородскихъ 1545; Новгородская писцовая Книга 1582; челобитная Инока Варлаама, спутника Отрепьева, Царю Василю Іоанновичу; сказаніе о Стрѣлецкомъ бунтѣ (начала XVIII в.); жалованныя грамоты Шведскихъ Королей Карла X и Карла XI Ругодивскимъ и Иванъгородскимъ людямъ 1654, 62 и 64 г. — Г. Бередниковъ занимается подробнымъ описаніемъ рукописей и старопечатныхъ книгъ Академической Библіотеки. — Въ Эрмитажѣ хранятся: до 50 *Лѣтописцевъ*, изъ коихъ нѣсколько въ древнихъ хорошихъ спискахъ; Родословныя Книги; двѣ Степенныя; шесть Разрядныхъ; *Книга Случайная* (дѣла по мѣстничеству); множество *Статейныхъ списковъ* (посольскихъ журналовъ); бумаги изъ архива Князя Щербатова (ныня доставлены ему изъ Сибири, неизвѣстны Миллеру и весьма значительны касательно эпохи Междоусобствъ); письма Царя Алексѣя Михайловича къ Стольнику Афанасію Матюшкину (примѣчательны изображеніемъ характера мудраго родителя Петра Великаго и тогдашней дворской жизни); отличные экземпляры *Судебника* и *Стоглава*; записки Алларта, фанъ-Гюйсена, большое количество *матеріаловъ для Исторіи Преобразователя Россіи*; *дневники Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ*, *Сенатскія меморіи*, *письма и ноты пословъ и разныхъ государственныхъ мужей*, проекты и проч., въ огромныхъ десяткахъ *фоліантовъ*, относящіеся къ царствованію *Екатерины II*; письмо Мекленбургской Герцогини Екатерины Іоанновны къ Царицѣ Парасковѣ

Оеодоровиѣ о ея бракосочетаніи. (*). . .) Нѣкоторые докумен-
ты вытребованы изъ Московскаго Главнаго Архива (**).
Кромѣ этого, Коммиссія получила 101 актъ юридическаго
содержанія отъ Почетнаго Гражданина И. Н. Царскаго,
снискавшаго себѣ неотъемлемое право на общую признатель-
ность своею любовію къ отечественной старинѣ. — Въ 1836
г. напечатаны: *Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ
Россійской Имперіи Археографическою Экспедиціею Импе-
раторской Академіи Наукъ. Дополнены и изданы Высо-
чайше учрежденною Коммиссіею. Въ 4 томахъ: первый
отъ 1294 по 1598 г., подъ редакціею Г. Бередникова;
второй 1598—1613, редакторъ Г. Устряловъ; третій 1613—
1645, подъ завѣдываніемъ Г. Сербиновича; четвертый 1645—
1699, подъ смотрѣніемъ Г. Краевскаго. Въ предисловіи къ
первому тому обстоятельно изъяснено, какъ возникла Архео-
графическая Экспедиція, какія пособія были ей дарованы*

(*) По отзыву Я. И. Бередникова, *Эрмитажная Библіотека количест-
вомъ и драгоцѣнностію заключающихся въ ней сокровищъ не усту-
питъ никакой библіотекѣ въ Имперіи. Харатейныхъ книгъ древ-
нихъ, кромѣ одного Сборника, несправедливо приписываемаго XI в.,
тамъ не находится; по Богословію рукописей мало, потому что
характеръ коллекцій есть свѣтскій и чисто историческій, исключал
манускрипты новѣйшіе, въ которыхъ есть многое, некасающееся
Исторіи. Но огромные матеріалы XVIII столѣтія чрезвычайно
важны. Ж. М. Н. П., 1856, Февраль, стр. 554 — 555.*

(**) Наприм. дѣло Максима Грека; найденный Академикомъ Гамелемъ
въ Московскомъ Сенатскомъ Архивѣ отрывокъ изъ розыскаго дѣла
о казни Боярина Михаила Щенна. Ж. М. Н. П., 1856, Декабрь,
стр. 488.

(по 10.000 р. ежегодно, въ теченіе семи лѣтъ, изъ Академическихъ суммъ; отъ Святѣйшаго Синода и Гг. Министровъ Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи предписано по ихъ вѣдомствамъ о допущеніи Г. Строева во всѣ книгохранилища), что совершенно ею, съ какими послѣдствіями окончила она свои изысканія, и какъ дѣйствовала Коммиссія, предназначенная для напечатанія важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ матеріаловъ, пріобрѣтенныхъ Экспедиціею. (*) Въ то же время, Археографическая Коммиссія возложила на Г. Матвѣева разборъ Архива Астраханскаго Губернскаго Правленія, обильнаго источниками по Исторіи восточнаго края Россіи въ XVIII столѣтіи. (**). Г. Менцовъ

(*) Къ этому изданію присовокуплены: I) двѣ таблицы: а) библіотекъ и архивовъ, изъ коихъ извлечены акты, и б) грамотъ прежде напечатанныхъ, но помѣщенныхъ въ вышедшемъ теперь собраніи потому, что онѣ списаны съ подлинниковъ, или съ современныхъ достовѣрнѣйшихъ списковъ; II) примѣчанія, и III) алфавитный указатель. Все собраніе составило 1420 актовъ. — Сверхъ историко-юридическихъ документовъ, Экспедиція приготовила каталоги рукописей и старопечатныхъ книгъ, съ выписками и рецензіями, подъ названіемъ: *матеріалы для Исторіи Славяно-Русской Литературы*, пріобрѣла много пособій для Церковныхъ Древностей, Дипломатики, Палеографіи. Изъ сихъ послѣднихъ обрабатываются: 1) *сборникъ юридическихъ формъ*, объясняющихъ старинное дѣлопроизводство, и 2) *росписи Велико-Русскихъ Епархій и монастырей*, съ именами владыкъ и настоятелей, съ XIV по XVIII в., дополняющія Исторію Русской Иерархіи и служащія для поправки хронологіи Лѣтописей.

(**) Признавая, что приведеніе въ извѣстность архивовъ Юго-восточной Россіи несомнѣнно принесетъ великую пользу отечественной Исторіи,

былъ отправленъ въ Лондонъ, чтобы познакомиться съ новымъ способомъ гравированія, который изобрѣтенъ Колласомъ и улучшенъ Бетомъ. Коммиссія нашла его весьма полезнымъ для предположеннаго ею изданія полнаго собранія Русскихъ монетъ и медалей. Она сообщила также нужныя наставленія Г. Тихомирову, производившему археологическія изслѣдованія въ селѣ Старой Рязани. По Высочайшему повелѣнію, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ предписалъ Губернаторамъ распорядиться относительно осмотра архивовъ Присутственныхъ Мѣстъ и передачи Археографической Коммиссіи древнихъ актовъ, содержащихся въ нихъ. Коммиссія представила свое мнѣніе на счетъ предосторожностей при перевозкѣ документовъ въ С. Петербургъ. 18 Февраля 1837 г. она преобразована и расширена, кругъ ея дѣятельности опредѣ-

Коммиссія ходатайствовала о назначеніи Г. Матвѣева въ археографическое путешествіе для осмотра архивовъ и библіотекъ, кромѣ Астрахани, въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ и въ землѣ Войска Донскаго. При этомъ, Сибирь, обозрѣнная Миллеромъ въ половинѣ прошедшаго вѣка, и Кавказская Область, не входили въ планъ предпріятія. На сей конецъ, по распоряженію Коммиссіи, составленъ Г. Березниковымъ и рассмотрѣнъ ею проектъ инструкцій, удостоенный одобренія Г. Министра. Испрошеніе же Высочайшаго соизволенія на это путешествіе было отложено до преобразованія самой Коммиссіи. Въ послѣдствіи, она почла сію мѣру излишнею, потому что Губернскимъ Начальствамъ вмѣнено въ обязанность сообщать прямо ей все старинныя документы, хранящіеся въ мѣстныхъ архивахъ. Перечитывая протоколы засѣданій Археографической Коммиссіи, можно убѣдиться, что ею пріобрѣтенъ такимъ образомъ весьма значительный запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ.

ленъ особыми правилами. (*) Удостоенная Монаршаго благоволенія, Археографическая Коммиссія немедленно приступила къ самымъ обширнымъ трудамъ. Въ непродолжительный срокъ изданы ею юридическіе акты, собранные Археографическою Экспедиціею, и алфавитный указатель къ прежнему изданію историческихъ матеріаловъ сей экспедиціи; разсмотрѣно большое число Временниковъ и старинныхъ документовъ; обзрѣны Архивы Московскіе и С. Петербургскіе, Путивльскаго Уѣзднаго Суда, Софронтьевской и Глинской Пустынь, Молчанскаго монастыря; исходатайствовано Гг. Невѣрову и Строеву младшему разрѣшеніе Любскаго Правительства на доступъ въ тамошній Ганзейскій Архивъ; напечатаны медаліоны, придуманные Графомъ Ѳ. П. Толстымъ на военныя событія 1812, 1813 и 1814 годовъ. (Отчетъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія за 1837 г., въ Ж. М. Н. П., 1838, Апрѣль, стр. СXXXIX — СXL.) Но преимущественное вниманіе Коммиссіи сосредоточивалось на приготовленіи систематическаго и полнаго изданія Лѣтописей. Къ этому предпріятію призывала ее мудрая воля Государя Императора, Которому благоугодно осуществить нынѣ то, что было предметомъ возвышенныхъ попеченій Петра Великаго и Екатерины II. Правилами, Высочайше утвержденными 18 Февраля 1837 г., постановлено: всѣ рукописные Временники, Хронографы, Степенныя Книги

(*) На основаніи этихъ правилъ, главнѣйшая цѣль Археографической Коммиссіи состоитъ въ полномъ и систематическомъ изданіи Лѣтописей и другихъ источниковъ отечественной Исторіи.

и проч., истребовать изъ духовныхъ и гражданскихъ казенныхъ библіотекъ и предоставить распоряженію Археографической Коммиссіи. (*) Между тѣмъ, по опыту извѣстно, что многія Лѣтописи и другіе историческіе манускрипты принадлежатъ частнымъ людямъ. Такъ какъ въ этомъ числѣ могутъ встрѣтиться и такія рукописи, въ коихъ заключаются важныя разнословія со списками, которыми обладаетъ Коммиссія, то она пригласила Гг. владѣльцевъ доставить ей на время подобные матеріалы, или даже продать ихъ. (Ж. М. Н. П., 1837, Августъ, стр. 392 — 393.) Въ ту же пору, высокопочтенный Предсѣдатель Археографической Коммиссіи Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ начерталъ планъ касательно печатанія изображеній Русскихъ медалей съ отчетливымъ описаніемъ каждой изъ нихъ. (**)

(*) Равнымъ образомъ, по силѣ сихъ же правилъ она можетъ имѣть Корреспондентовъ внутри и внѣ Россіи, изъ лицъ, извѣстныхъ познаніями въ отечественной Исторіи и Славянскихъ Древностяхъ, съ разрѣшенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. (Ж. М. Н. П., 1837, Іюнь, стр. ССХХІІІ — ІV.)

(**) Предлагаю здѣсь извлеченіе изъ сего плана, содержащаго въ себѣ весьма поучительныя указанія. «Изданіе *Русскихъ монетъ* требуетъ предварительнаго приведенія въ извѣстность существующихъ по этой части при разныхъ заведеніяхъ и у частныхъ лицъ собраній. *Надлежитъ разобрать, расположить и описать монеты не только въ порядкѣ времени, или, лучше сказать, княженій, но, до эпохи единовѣдствія, также въ порядкѣ Великихъ и Удѣльныхъ Княжествъ, не упуская изъ виду отдѣльных монетныхъ системъ въ Новгородѣ и Исковѣ, въ пору самостоятельности ихъ. Многія изъ нашихъ древнихъ монетъ, относящихся къ періоду владычества*

пользовавшись предложеніемъ своего Президента, рѣшилась заняться симъ дѣломъ. Богатый Нумизматическій Кабинетъ

Монголовъ, имѣютъ Татарскія и Арабскія надписи; а потому, прежде изданія тѣхъ монетъ, слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, изъяснить содержаніе едѣланныхъ на нихъ надписей. Сверхъ того, у насъ не мало, такъ называемыхъ, *незнасмыхъ*, или еще неопредѣленныхъ монетъ, которыя ожидаютъ, можетъ быть, только приговора некуснаго Археолога, чтобы занять почетныя мѣста въ Русской Нумизматикѣ.... Мысль объ изданіи Русскихъ монетъ, объемлющая все извѣстныя въ семъ родѣ собранія; требуетъ, по самой обширности своей, зрѣлаго соображенія, постояннаго плана, также заблаговременнаго отклоненія представляющихся къ тому препятствій. Напротивъ, къ изданію *Русскихъ медалей*, болѣе ограниченныхъ числомъ и достаточно извѣстныхъ, можно приступить безъ отлагательства и съ такимъ при томъ преимуществомъ, что способы Колласа и Бета могутъ быть употреблены здѣсь съ особенною удобностью и выгодною. (Превосходство этихъ способовъ гравированія состоитъ въ геометрической точности, въ непогрѣшительной соразмѣрности всехъ частей изображаемаго предмета, и въ самомъ вѣрномъ очеркѣ существующихъ на немъ выпуклостей и впадинъ, съ малѣйшими ихъ отбѣнками.).... Изъ всехъ извѣстныхъ собраній отечественныхъ медалей наибѣйшее принадлежитъ Г. Рейхелю, заключаая въ себѣ до 300 нумеровъ. Онъ изъявилъ Археографической Коммиссіи готовность служить имъ. Пользуясь симъ богатымъ собраніемъ, Коммиссія можетъ немногія, недостающія къ оному, медали получить на время изъ кабинетовъ, принадлежащихъ ученымъ заведеніямъ и нѣкоторымъ частнымъ людямъ, кои, конечно, для пользы наукъ, не откажутся оказать ей такого содѣйствія. Часть медалей временъ Петра Великаго и послѣдующихъ, до 1759 г. включительно, числомъ 35, была выгравирована и издана въ Москвѣ, въ 1785 г., подъ заглавіемъ: *Слава Россіи*. Кроме того, съ 1829 г. Ученый Комитетъ Главнаго Морскаго Штаба помещалъ въ *Запискахъ* своихъ изображенія и описаніе медалей, выбитыхъ въ память знаменитыхъ дѣйствій флота

Г. Рейхеля и коллекціи Эрмитажа, Академіи Наукъ, Университетовъ и нѣкоторыхъ любителей старины послужили

и происшествій, къ нему относящихся. *Слва Россіи* не соотвѣтствуетъ въ исполненіи своему пышному названію, какъ по неполнотѣ и несовершенству оттисковъ, такъ и потому, что не заключаетъ въ себѣ описанія изображеній. Медали, касающіяся до морскаго дѣла, хотя и изданы отчетливо, ограничиваются событіями одного только рода и не превосходятъ 26. Въ полномъ собраніи изображеній Русскихъ медалей должны, по всей справедливости, найти мѣсто всѣ извѣстныя у насъ медали, и въ томъ числѣ выбитыя въ чужихъ краяхъ; такова, наприм., медаль, подписанная Императору Петру I 1717 г., въ Парижѣ, при посѣщеніи симъ Монархомъ тамошняго монетнаго двора. Говоря о Русскихъ медаляхъ, не лзя прейти молчаніемъ счастливой мысли Императрицы Екатерины II — выбрать изъ нашей Исторіи всѣ достопамятныя событія и вытиснуть ихъ на металлѣ. На этотъ конецъ учреждены, въ 1772 г., два комитета: одинъ для избранія историческихъ происшествій, а другой для начертанія проектовъ медалей. Такимъ образомъ составлены и Высочайше одобрены 94 рисунка, которые, начинаясь съ 860 г. и заключая въ себѣ событія княженій Рюрика, Игоря, Святослава и Ярополка, оканчиваются смертію послѣдняго, въ 980 г.. По симъ рисункамъ выртзаны были, въ разное время, на монетномъ дворѣ, штемпели, и каждымъ изъ нихъ оттиснуто по три бронзовыя медали, для представленія Государынѣ. Хотя не предвидится затрудненія въ изготовленіи для Археографической Коммиссіи тѣми же штемпелями по одному экземпляру медалей; но изданіе ихъ въ свѣтъ едвали бы соотвѣтствовало настоящимъ намѣреніямъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ потому, что предврітіе изобразить на медаляхъ всѣ важнѣйшія происшествія Русской Исторіи не приведено къ окончанію, такъ и потому, что при выборѣ этихъ происшествій, въ исполненной уже части труда, не могла участвовать историческая критика, тогда еще мало извѣстная въ отечествѣ нашемъ. Впрочемъ, намѣреніе Великой Екатерины, хотя и не вполне совершенное, пре-

ей пособіемъ. (*) Относительно государственныхъ актовъ, Археографическая Коммиссія, мѣрами Правительства, приведена была въ возможность пріобрѣсти чрезвычайно многочисленныя и значительныя по своему содержанію древнія бумаги изъ архивовъ Великороссійскихъ, Сибирскихъ и Западныхъ губерній. Кромѣ этого, она обратилась къ частнымъ лицамъ съ вызовомъ о сообщеніи ей на разсмотрѣніе фамиліальныхъ и прочихъ документовъ. Получивъ, такимъ образомъ, драгоценныя источники для Исторіи отечествен-

будетъ навсегда свидѣтельствомъ попечительности Ея о славѣ и пользѣ Россіи». При семъ случаѣ, Князь Платонъ Александровичъ обратилъ вниманіе Коммиссіи на 20 медаліоновъ, изобрѣтенныхъ Графомъ Ф. П. Толстымъ, въ воспоминаніе событій 1812, 1813 и 1814 годовъ. «Не взирая на то, что они уже изданы (1818), я бы полагалъ издать ихъ вновь, по способамъ Колласа и Бета.»..... Далѣе, Его Сіятельство замѣтилъ, что текстъ, присовокупленный къ рисункамъ, долженъ содержать въ себѣ означеніе обстоятельствъ, на кои вытиснены медали, описаніе ихъ изображеній и показаніе вѣса и металла. «Этимъ, по мнѣнію моему, надлежитъ ограничиться, имѣя въ виду не *ученое твореніе*, а *только изданіе матеріаловъ для науки*.» (Ж. М. П. П., 1857, Іюль, стр. 127 — 135.) Сей планъ былъ принятъ Археографическою Коммиссіею въ руководство.

- (*) Археографическая Коммиссія собрала до 330 медалей и постановила издать ихъ въ 3 выпускахъ. Въ первый вошли медали, бывшія до Петра Великаго, относящіяся къ Его царствованію и ко времени Екатерины I; во второй — Петра II, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны; въ третій — Екатерины II и Павла I; въ четвертый — Александра I и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора; въ пятый — медали, выбитыя въ честь достопамятныхъ Русскихъ мужей.

ныхъ событій и законовѣденія, Коммиссія раздѣлила ихъ на два разряда: на *историческіе* и *юридическіе*. Первый разрядъ, замѣчательный количествомъ и важностію подлинниковъ, Археографическая Коммиссія напечатала подъ названіемъ *актовъ историческихъ*, съ 1334 по 1700 г. включительно, въ 5 томахъ. Сіе собраніе въ высшей степени интересно. Въ немъ, сверхъ посланій и грамотъ духовенства, касающихся разныхъ обстоятельствъ Церкви, не говоря уже объ изобиліи матеріаловъ, объясняющихъ гражданское состояніе Россіи, помѣщенъ Судебникъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго (1550), сличенный по 22 спискамъ и печатнымъ изданіямъ. (*) Во второмъ разрядѣ наличное число документовъ оказалось незначительнымъ, а потому и при-

(*) Известно, что Судебникъ не сохранился въ подлинникѣ. Онъ нѣсколько разъ былъ изданъ по несправнымъ рукописямъ, искаженнымъ ошибками, пропусками и произвольными прибавленіями перепечниковъ. Въ первомъ томѣ историческихъ актовъ находятся также дополнительные статьи къ Судебнику. Кромѣ сего, важны еще: жалованныя грамоты Князей, посланія Восточныхъ Патріарховъ (XIV — XVI в.), грамоты и поученія Русскаго духовенства, документы относительно Исторіи Новгорода предъ покореніемъ его Іоанномъ III, посланіе Іоанна Грознаго Кирилло-Бѣлозерскому Игумену Козмѣ (1578), посланіе Патріарха Іова Грузинскому Царю Александру, наказы и памяти воеводамъ и приставамъ. Во второмъ томѣ: о пораженіи Сибирскаго Царя Кучюма, о ссылкѣ Романовыхъ, грамоты Царя Василія Іоанновича Шуйскаго, грамоты Лжедмитрія II Самѣтъ, матеріалы для Исторіи осады Троицкой Сергіевой Лавры, о сдачѣ Смоленска Сигизмунду, объ избраніи на Россійскій Престолъ Владислава, переписка приверженцевъ Сигизмунда и Самозванцевъ съ Самѣгами, письма Ксении Борисовны, Романовыхъ, Щенна,

готовленіе ихъ къ печатанію , въ видѣ продолженія юридическихъ актовъ , приостановлено впредь до пополненія вновь поступающими пособіями. (*) Въ 1837 г. , Профессоръ Александровскаго Университета Соловьевъ совершилъ путешествіе по Швеціи и сдѣлалъ важныя археографическія приобрѣтенія. (Ж. М. Н. П. , 1837 , Ноябрь , стр. 417.) Избранный тогда же въ Корреспонденты Коммисіи , онъ

Мстиславскаго и Голіцына, дополнителныя статьи къ Судебнику (доселѣ нигдѣ не напечатанныя), граматы объ устройствѣ Сибири. *Въ третьемъ томѣ:* о мѣрахъ противъ дѣйствій Заруцкаго и Марины въ Астрахани (1614), о Лисовскомъ, о заключеніи Столбовскаго мира, дополнителныя статьи къ Судебнику, выписки изъ Уставной Книги Разбойнаго Приказа (1651), дѣло о болѣзни и леченіи Царя Михаила Ѳеодоровича (1645), о медицинской части въ Россіи (1650 — 1645). *Въ четвертомъ томѣ:* два чиноволоженія о Епископской хиротоніи и вступленіи Владыкъ на паству, Патріаршія и Владычнія граматы о духовномъ судѣ, жалованныя граматы Малороссійскимъ сословіямъ, граматы о возвращеніи Бѣлоруссіи (1634—35), о походѣ Хабарова въ Даурію (1649—51), нѣкоторые матеріалы для Исторіи ратнаго дѣла въ Россіи о внутреннемъ положеніи Сибири, отрывокъ слѣдствія о бунтѣ Стеньки Разина, розыскъ о мученической кончинѣ Астраханскаго Митрополита Іосифа, о казни лже-царевича Симеона, объ осадѣ Соловецкаго монастыря (1674). *Въ пятomъ томѣ:* документы касательно стрѣлецкаго бунта и раскола, о Симеонѣ Медвѣдевѣ, о Макарьевской ярмаркѣ, о приискахъ рудъ въ Сибири и о торговлѣ съ Китаемъ, объ управленіи Сибирскаго края.

(*) Въ предисловіи къ юридическимъ актамъ, изданнымъ въ 1858 г., достаточно раскрыто высокое значеніе этого примѣчательнаго собранія. Ср. рецензію покойнаго С. М. Строева въ Ж. М. Н. П., 1859, Генварь, стр. 55. и слѣд..

представилъ ей проектъ новой поѣздки въ эту землю. Археографическая Коммиссія, принявъ въ уваженіе, что Г. Соловьевъ нѣсколько лѣтъ занимаяся изученіемъ источниковъ Скандинавской Исторіи въ связи съ Русскою, владѣетъ Шведскимъ языкомъ и знаетъ другія нарѣчія Скандинавіи, одобрила его намѣреніе — уяснить нашу Исторію неизвѣстными источниками, скрывающимися въ Шведскихъ архивахъ. Не напрасны были ожиданія Г. Соловьева: въ прежнее четырехмѣсячное путешествіе онъ успѣлъ осмотрѣть три бібліотеки и два архива, и на самомъ опытѣ увѣрился во множествѣ подобныхъ матеріаловъ. Теперь Г. Соловьевъ предполагалъ для достиженія своей цѣли предпринять, въ теченіе трехъ лѣтъ, еще три четырехмѣсячныя поѣздки, и просилъ объ исходатайствованіи ему въ пособіе по 3000 р. на каждую, обѣщаясь усердно отыскивать въ Швеціи рукописи и акты, писанные на Русскомъ языкѣ, и сообщать ихъ въ Коммиссію, вмѣстѣ съ отчетами о своихъ трудахъ. (*)

(*) Я. И. Березниковъ представилъ Коммиссіи слѣдующій отзывъ о предположеніяхъ Г. Соловьева: «я нахожу ихъ весьма основательными и признаю осмотръ Шведскихъ бібліотекъ и архивовъ полезнымъ, потому что въ нихъ скрывается множество историческихъ матеріаловъ объ управленіи, военномъ дѣлѣ, событіяхъ и гражданскомъ состояніи Россіи, и что археографическіе памятники Швеціи, въ отношеніи къ Россіи, остаются доселѣ почти въ неизвѣстности. Между тѣмъ, *Шведы*, старинные наши союзники и враги, временные завоеватели Русскаго Сѣвера и плѣнники Полтавскіе, могли знать *Россію* и писать о ней гораздо отчетливѣе, нежели другіе иностранцы. (Съ этимъ не лзя согласиться безусловно. Никто не разглашалъ о нашемъ отечествѣ столько нелѣпостей, какъ *Шведы*.

Что же касается до манускриптовъ на Шведскомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ, то онъ изъявилъ желаніе, чтобы переводъ и изданіе ихъ были предоставлены собственнымъ его способамъ. Археографическая Коммиссія опредѣлила: на первое путешествіе, въ 1838 г., выдать Г. Соловьеву 3000 р.; отпускъ же остальныхъ 6000 разрѣшить въ такомъ лишь случаѣ, когда его поиски окажутся удовлетворительными. На сіе послѣдовало соизволеніе Государя Императора. (ibid., 1837, Декабрь, стр. 648 — 661.) Уже въ поѣздку 1837 года Г. Соловьевъ собралъ весьма любопытные документы. (*) Въ 1838 г., онъ обозрѣлъ

Національныя предубѣжденія, порожденныя и укорененныя давними распрями, ослабляли ихъ. Не забудемъ, что самъ Карлъ XII негнушался распространять ложныя вѣсти о Россіи. А Страленбергъ? Стоитъ только сравнить его съ Герберштейномъ, чтобъ усомниться въ справедливости заявленія Г. Беренникова.) Делагарди около 6 лѣтъ занималъ Новгородъ и управлялъ частию Сѣверовосточной Россіи. Плодомъ сей эпохи было замѣчательное твореніе Виткинда. Изъ Шведскихъ офицеровъ, взятыхъ въ плѣнъ во время Сѣверной Войны, нѣкоторые услаждали скуку своего уединенія Литературою. Изъ нихъ Мальмъ (1710 — 1715) оставилъ записки о современномъ состояніи Россіи.» Г. Соловьевъ отыскалъ ихъ въ Швеціи. Манускриптъ Мальма in-fol., на 396 стран..

- (*) Наприм. описаніе нѣкоторыхъ Русскихъ обрядовъ, сочиненное около 1667 г. бѣжавшимъ въ Швецію подъячимъ Александромъ Селицкимъ (Григорьемъ Карповымъ Котошихинымъ), переведенное на Шведскій языкъ Олофомъ Баркгузеномъ; Исторія о дѣліяхъ Іоанна Грознаго, писанная современникомъ; реляція о казни Паткуля и духовное его завѣщаніе; свѣденія о пребываніи Карла XII въ Бендерахъ; о нападеніи Русскаго отряда на Шведскій берегъ въ

Шведскій государственный архивъ, Ску - Клестрскую Библиотеку Графа Браге, Спарфенфельдскую коллекцію печатныхъ книгъ и рукописей въ Упсалѣ (здѣсь нашелъ подлинный манускриптъ Котошихина: *о состояніи Россіи при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ*), книгохранилища Роламбское въ Стрѣ, Делагардіево съ архивомъ въ Лёберёдѣ, Лундскаго Университета и Королевское въ Копенгагенѣ (ibid., 1838, Октябрь, стр. 167), и прислалъ въ Коммиссію около 300 актовъ, относящихся, по большей части, къ періоду Междоцарствія (ibid., 1838, Ноябрь, стр. 378). Изъ отчета, представленнаго имъ за этотъ годъ, видно, что въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ содержится значительное собраніе дипломатическихъ бумагъ, а въ состоящей при немъ библіотекѣ древностей заключаются важныя историческія сочиненія; въ Ску - Клестерѣ онъ открылъ нѣсколько слѣдственныхныхъ дѣлъ, производившихся въ Смоленскѣ при Бояринѣ Михаилѣ Шениѣ; въ Упсалѣ, кромѣ рукописи Котошихина, разсмотрѣны: чертежъ Московскаго Государства и Сборникъ, въ коемъ сказаніе о взятіи Сибирской земли и *Исторія Хинскаго Царства*; въ Лёберёдѣ найдена приходорасходная книга, принадлежащая ко времени Делагардіева управленія Новгородомъ; въ Лундѣ пріобрѣтены покупкою у частнаго лица многіе подлинники Русскихъ и Польскихъ документовъ; въ Копенгагенѣ Г. Соловьевъ посѣщалъ Королевскую Библиотеку, богатую рѣдкими манускриптами, касающимися до

1721 г.; письма Шведскаго посланника Цедеркрейна 1722—1727 г.; 150 дипломатическихъ актовъ и 178 Русскихъ столбцевъ.

Исторіи Скандинавскаго Сѣвера, и тайный Королевскій архивъ, обильный дипломатическими актами на Русскомъ, Латинскомъ, Датскомъ и Французскомъ языкахъ, уясняющими политическія связи Россіи съ Даніею. (ibid., 1839, Мартъ, стр. 127 — 129; тутъ же реестръ оригинальнымъ столбцамъ, купленнымъ Г. Соловьевымъ, сдѣланный Я. И. Бередниковымъ, стр. 106 — 126.) Въ 1839 г., онъ осмотрѣлъ библіотеки Гимназій въ Линчѣпингѣ, Векшѣ и Кальмарѣ; отсюда переѣхавъ, чрезъ Сканію и Зундъ, въ Копенгагенъ, продолжалъ заниматься разысканіями въ Королевскомъ тайномъ архивѣ; потомъ, переправясь опять на Шведскій берегъ, обозрѣлъ въ Вестеросѣ библіотеку Гимназій, а въ Тидѣ, имѣніи Барона Риддерстольпе, архивъ, бывшій некогда собственностію знаменитаго Канцлера Оксенширны; въ Стокгольмскомъ государственномъ архивѣ отыскалъ большое собраніе Русскихъ столбцевъ и официальныхъ дѣловыхъ книгъ и тетрадей, вывезенныхъ Делагарди изъ Новгорода, въ началѣ XVII в.. (ibid., 1839, Октябрь, стр. 17.) Въ семъ же году, Г. Соловьевъ посѣтилъ Готенбургскія Библіотеки Соборную и Городовой Ратуши. (ibid., 1840, Февраль, стр. 53; тамъ и постановленіе Коммиссіи о напечатаніи Котошихина, ошибочно названнаго у Г. Соловьева Кошихинымъ, стр. 50 — 53.) Въ 1840 г., Археографическая Коммиссія поручила ему тщательно пересмотрѣть архивы: государственный Стокгольмскій и Ску-Клѣстерскій Графа Браге (въ послѣднемъ превосходные матеріалы для Исторіи Смутаго Времени. ibid., 1840, Іюль, стр. 6.). По отзыву Профессора Соловьева, Русскіе докумен-

ты, хранящіеся въ первомъ изъ этихъ архивовъ, образуютъ четыре коллекціи: Делагардіевскую, Брагегюзскую, дипломатическую (XV — XVII столѣтій) и Царскихъ грамотъ. (ibid., 1841, Мартъ, стр. 71; тутъ же донесеніе Я. И. Бередникова о пріобрѣтеніяхъ, совершенныхъ Г. Соловьевымъ въ 1840 г., стр. 56 — 66) Излишне было бы говорить о важности его находокъ. Рукопись Котошихина, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, проливаетъ новый свѣтъ на древнюю Русь, облегчаетъ изученіе ея не только въ XVII, но и въ предшествовавшихъ вѣкахъ, поясняетъ Временники, восполняетъ односторонность государственныхъ актовъ, составляетъ ключъ къ правильному ихъ разумѣнію, и открываетъ многое, понынѣ таившееся во мракѣ. «Можно утвердительно сказать, что, кромѣ иностранныхъ извѣстій о Россіи, по большей части наполненныхъ ошибками, или недосмотрами, въ нашей Литературѣ, до XVIII ст. преимущественно состоявшей изъ духовныхъ твореній, Лѣтописей и грамотъ, не имѣлось сочиненія, которое въ такой степени соединяло бы въ себѣ *достоинство истины* съ *живостію повѣствованія*» (Предисловіе Я. И. Бередникова къ Котошихину, стр. VII. Ср. донесеніе П. М. Строева Г. Предсѣдателю Коммиссіи: «будучи знакомъ съ этимъ періодомъ времени, т. е. съ царствованіемъ Алексѣя Михайловича, по оставшимся дѣламъ Московскихъ Приказовъ, особенно Посольскаго, я могу положительно заявить, что сія книга, т. е. записки Котошихина, сколько любопытна, столько же *вѣрна* и даже *очень вѣрна*, въ томъ, что касается государственнаго управленія. *Есть мѣста истинно классиче-*

скія. Котошихинъ, какъ видно, былъ человекъ умный и писатель добросовѣстный. *Лжи умышленной я нигдѣ не замѣтилъ. . . .* Теперь будущимъ Историкамъ остается пользоваться этою книгою; но они должны напередъ запастись свѣденіями изъ дѣлъ Московскихъ Архивовъ, безъ чего многія мѣста останутся для нихъ невразумительны.» — Ж. М. Н. П., 1841, Іюнь, стр. 53. — Иное оказалось по справкамъ Князя М. А. Оболенскаго. Въ бумагахъ Польской Метрики, находящейся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ пріискалъ письмо Котошихина къ Королю Іоанну Казимиру. Изъ сего письма открывается: 1) что сочинитель книги: *о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича* назывался не Кошихинъ, а Котошихинъ. — Да и въ переводѣ этой рукописи на Шведскій языкъ означено: *Gregori Carposon Catossichin*. — 2) Котошихинъ былъ худой нравственности, и предлагалъ свои услуги Польскому Королю переносомъ вѣстей и приготовленіемъ военныхъ орудій. «Можно ли, послѣ сего, вѣрить невыгоднымъ его отзывамъ о Россіи»? — *ibid.*, 1843, Іюнь, стр. 73 — 77.) Надлежитъ также замѣтить, что въ Швеціи старинныхъ документовъ, относящихся къ эпохѣ Междоцарствія, гораздо болѣе, чѣмъ у насъ. (*ibid.*, 1840, Августъ, стр. 17. Чтобы дополнить недостатокъ матеріаловъ для Исторіи смутнаго періода, необходимо списать всѣ акты, хранящіеся въ Шведскихъ библіотекахъ и архивахъ, или, по крайней мѣрѣ, тѣ, кои на Русскомъ языкѣ. Мы пріобрѣли бы чрезъ это столь же драгоцѣнный сборникъ новыхъ историческихъ памятниковъ, какой получило Остзейское дворянство для

Ливонской Исторіи, въ выпискахъ изъ Кёнигсбергскаго архива.) Сколько фактовъ доселѣ неизвѣстно намъ, и какъ много открытій можемъ мы еще сдѣлать! (*) — Обогащаясь таковыми пособіями, Археографическая Коммиссія неутомимо

(*) Вотъ образчикъ: въ 1840 г., Г. Соловьевъ нашелъ въ государственномъ Стокгольмскомъ архивѣ коллекцію понынѣ никѣмъ невидѣнныхъ документовъ. По нимъ оказывается, что въ Іюнь, или въ началѣ Іюля 1611 г., въ Московскихъ полкахъ возникла мысль предложить Русскую корону Шведскому Принцу. Даже состоялся приговоръ о томъ. Тогда же и Новгородцы заключили подобный договоръ съ Делагарди, предъ вступленіемъ Шведовъ въ Новгородъ. Въ концѣ сего года, Новгородское посольство отправилось въ Стокгольмъ. Въ Апрѣль 1612 г., въ Новгородъ получено извѣстіе о смерти Карла IX и о согласіи Густава Адольфа дозволить *брату своему Филиппу* отправиться въ Россію. Между тѣмъ Новгородцы, въ Іюль 1612 г., приглашали Ярославскую Думу участвовать съ ними въ избраніи Шведскаго Королевича, на что она хотя и согласилась, но посылку уполномоченныхъ отложила до пріѣзда его въ Новгородъ. По изгнаніи Поляковъ изъ Москвы, Пожарскій и Трубецкой писали Новгородцамъ, въ Іюль 1612 г., что они также готовы на то, однако предварительно требовали, чтобы постановленъ былъ трактатъ объ охраненіи Московскихъ жителей отъ Шведскихъ отрядовъ, появившихся въ Бѣжецкомъ и другихъ уѣздахъ. Не знали только, когда Филиппъ прибудетъ въ Россію; изъ Швеціи не послѣдовало никакого увѣдомленія; это породило замѣшательства. Въ Февраль 1615 г., избранъ на престолъ Михаилъ Осодоровичъ; Филиппъ поспѣшилъ въ Выборгъ, куда и пріѣхалъ 9 Іюля. Вскорѣ явился къ нему Новгородскіе послы. Филиппъ, недовольный подданствомъ однихъ Новгородцевъ, отвѣчалъ имъ, что онъ приметъ Русскую корону не иначе, какъ по желанію всего народа. Пока сіе происходило, правительство Михаила начало уже дѣйствовать. Походъ Князя Трубецкаго къ Бронницамъ, движенія Московской рати на Мстѣ и Ловоти, возстанія въ Гдовѣ и Тихвинѣ, народная непріязнь

разрабатывала источники отечественнаго дѣписанія, уцѣлѣвшіе въ подвѣдомственныхъ Правительству хранилищахъ древней письменности. Главное ея вниманіе было обращено на Москву, гдѣ находятся значительные запасы столбцевъ въ архивахъ: Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Вотчинномъ и Разрядномъ при Сенатѣ, Государственномъ старыхъ дѣлъ, Оружейной Палаты и Артиллерійскаго Депо (прежняго Пушкарскаго Приказа). *Архивъ Министерства Ино-*

къ Шведамъ, обнаружившаяся въ самомъ Новгородѣ, пзмѣнили Шведскую политику. Въ началѣ 1614 г., Делагарди доносилъ Густаву Адольфу о сильныхъ опасностяхъ, угрожающихъ Швеціи. Принцъ Филиппъ покинулъ Выборгъ и возвратился въ Стокгольмъ. Эвертъ Горнъ, смѣнившій Делагарди въ 1614 г., объявилъ Новгородцамъ, что Густавъ Адольфъ, по случаю отреченія брата своего отъ Русскаго престола, намѣренъ соединить Новгородъ съ Швеціею, въ видѣ особаго Княжества, подъ управленіемъ одного изъ Принцевъ Королевскаго Дома, и настаивалъ, чтобы Новгородцы присягнули ему въ вѣрности. Ссылаясь на присягу, данную Филиппу, Новгородскія сословія отвергли требованіе Горна, и, чтобы выиграть время, испросили у него дозволеніе отправить въ Москву нарочное посольство, для убѣжденія Бояръ признать Царемъ Королевича. Это было въ 1615 г.. Само собою разумѣется, что въ Москвѣ съ негодованіемъ отринули столь неумѣстное предложеніе. Горнъ возобновилъ свои настоянія, и Новгородцы цѣловали крестъ Густаву Адольфу. Изъ челобитенъ, отысканныхъ Г. Соловьевымъ, видно, что въ 1611—14 годахъ онъ подавался въ Новгородскій Приказъ на имя Филиппа, а въ 1615 — 1616 — на имя Густава Адольфа. Столбовскій миръ прекратилъ сіи смуты (1617). Нѣтъ нужды говорить, что все эти факты новы и важны для Новгородской Исторіи. Они, какъ справедливо замѣтилъ Я. И. Берениковъ, дополняютъ Карамзина и исправляютъ Шведскаго Историка Гейера. (Ж. М. Н. П., 1841, Мартъ, стр. 57 — 63.)

странныхъ Дѣлъ содержать въ себѣ трактаты, статейные списки и прочіе посольскіе документы. Въ *Вотчинномъ Архивѣ* находятся дѣла объ отчинномъ и помѣстномъ управленіи, весьма важномъ въ системѣ стариннаго государственнаго быта. Тутъ матеріялы Русскаго Землеописанія (въ Писцовыхъ Книгахъ) и родословія дворянскихъ фамилій. (*) Актовъ въ семъ архивѣ слишкомъ 30.000. Древнѣйшіе изъ нихъ утратились въ годину Самозванцевъ, особенно въ 1611 — 1612 годахъ; позднѣйшіе же (съ XVII в.) много потерпѣли въ пожары 1626, 1741 и 1812 г.. Не смотря на это, наличное ихъ количество еще такъ велико, что одними грамотами, примѣчательными въ историческомъ отношеніи, можно, по словамъ Г. Бередникова, наполнить до 10 томовъ in - 4-to. (ibid., 1842, Ноябрь, стр. 7.) Въ *Разрядномъ Архивѣ* хранятся списки военныхъ и гражданскихъ чиновъ, также бумаги о составѣ и порядкѣ государственной службы, занимающія 7499 столбцевъ и болѣе 2500 книгъ и тетрадей. (П. Иванова, описаніе Государственнаго Разряднаго Архива. Москва. 1842.) Здѣсь любопытны акты *Московского стола* о избраніи Царя Михаила Ѳеодоровича и обильный запасъ грамотъ, касающихся царствованія Алексѣя Михайловича. *Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ* (учрежденный въ новое время) заключаетъ въ себѣ,

(*) Г. Ивановъ, Членъ Московскаго Историческаго Общества и Корреспондентъ Археографической Коммиссіи, пользовался пособіями этого архива, въ своемъ сочиненіи: *систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ*. Москва, 1856.

по бóльшей части, документы, поступившіе туда изъ Коллегіи Экономіи, завѣдывавшей монастырскими имѣніями. Въ семъ архивѣ есть множество жалованныхъ грамотъ монастырямъ, въ подлинникахъ, восходящихъ къ XV столѣтію. Въ *Оружейной Палатѣ* имѣются акты, относящіеся къ дворцовому управленію, равно и къ мануфактурамъ, фабрикамъ и ремесламъ, состоявшимъ прежде въ придворномъ вѣденіи. Остатокъ *архива Пушкарскаго Приказа*, замѣнявшаго нынѣшніе Инженерный и Артиллерійскіе Департаменты, также вѣдомство Генераль - Фельдцейгмейстера, помѣщенъ при Московскомъ Артиллерійскомъ Депо. Въ послѣднихъ двухъ архивахъ дѣла преимущественно XVII вѣка. (*) Обзоръ

(*) По изысканіямъ почтеннаго Я. И. Береникова, которыми я теперь руководствуюсь, о судьбѣ Московскихъ Архивовъ извѣстно слѣдующее: они отчасти растрачены и истреблены, а отчасти сгорѣли во время пребыванія въ Москвѣ Поляковъ 1611 — 1612 и въ Московскій пожаръ 1626 года. Французы, въ 1812 г. довершили ихъ уничтоженіе, такъ что нынѣ остается менѣе половины бумагъ, составлявшихъ архивы Московскихъ Приказовъ въ прежнюю пору, и тѣ не старѣе XVIII столѣтія. Хартіи XV и XVI вѣковъ уцѣлѣли только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, кои, будучи ограждены каменными стѣнами и образуя родъ почти военныхъ укрѣпленій, удачнѣе городовъ спаслись отъ непріятеля въ смутный періодъ. Этимъ, говоритъ Г. Берениковъ, объясняется, почему въ гражданскихъ архивахъ въ наше время нѣтъ подлинныхъ документовъ, предшествующихъ эпохѣ Междоусобицы, и почему они сохранились въ монастыряхъ. По преобразованіи Петромъ Великимъ государственной администраціи, старинные акты, лежавшіе въ архивахъ безъ употребленія, болѣе и болѣе пачезали отъ пожаровъ, невѣжества и нерадѣнія, не рѣдко неблагонамѣреннаго. Я. И. Берениковъ замѣчаетъ также, что Главный Архивъ Министертва Иностранныхъ Дѣлъ

этихъ архивовъ и снятіе списковъ съ находящихся въ нихъ документовъ Археографическая Коммиссія возложила на члена

полите прочихъ, хорошо приведенъ въ порядокъ и сбереженъ. (Въ семъ отношеніи заслуживаютъ признательность Миллеръ, Бантышъ-Каменскій, Малиновскій и Князь М. А. Оболенскій. Можно утвердительно сказать, что ни одинъ изъ Русскихъ архивовъ не былъ столько счастливъ своими хранителями, какъ этотъ. Отрадно по-смотреть на его устройство! Упомянуть ли уже о томъ, что въ числѣ чиновниковъ сего архива были и есть люди, оказавшіе существенную пользу отечественной Исторіи? Вмѣняю себѣ въ обязанность засвидѣтельствовать здѣсь, что нынѣ, при просвѣщенномъ стараніи Князя М. А. Оболенскаго, Главный Архивъ находится въ образцовомъ положеніи. Доведши вѣншее его состояніе до изыщества, Князь Оболенскій, ревностѣйшій дѣятель на поприщѣ Русскаго бытописанія, обратилъ особенное вниманіе на соблюденіе документовъ. Любители древности весьма много одолжены ему приготовленіемъ вѣрныхъ снимковъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ коснулась порча времени. — Когда-то увидимъ въ печати прекрасные труды Миллера, Стриттера, Бантыша-Каменскаго и Малиновскаго, совершенно оконченные и хранящіеся въ Главномъ Архивѣ? Съ изданіемъ ихъ какой шагъ впередъ сдѣлала бы Исторія дипломатическихъ сношеній Россіи!...) Въ архивахъ Вотчинномъ, Разрядномъ и другихъ вѣдомствъ при Правительствующемъ Сенатѣ помѣщены остатки бумагъ Московскихъ Приказовъ. Сюда же сложены акты нѣкоторыхъ мѣстъ, учрежденныхъ и уничтоженныхъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія. Дѣла Приказовъ подверглись уtratѣ въ 1611, 1612 и 1626 годахъ. Въ XVII в. тамъ вовсе не имѣлось документовъ прежнихъ царствованій. Въ 1812 г., Французы выкидали въ Кремлевскій ровъ столбцы XVII ст., гдѣ они частію потерялись, частію же повредились отъ сырости. Меньшее количество связокъ спасено и передано въ Сенатъ. Бумаги Пушкарскаго Приказа, находящіяся въ Московскомъ Артиллерійскомъ Депо, отчасти сгнили. — Въ 1840 г., Г. Ивановъ представилъ Археографической

своего П. М. Строева, который съ примѣрною ревностью исполнилъ сдѣланное ему порученіе. Важнѣйшія открытія

Коммисіи записку о *Московскихъ Сенатскихъ Архивахъ* и нѣсколь-
ко юридическихъ актовъ, между коими примѣчательна для насъ
Писцовая Казанская Книга (1566 — 1568). Она важна потому, что
содержитъ въ себѣ *первую* опись Казани, составленную чрезъ 16
лѣтъ по завоеваніи ея. (Ж. М. Н. П., 1840, Апрель, стр. 9—11.)—
О Государственномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ сообщили свѣденія П.
М. Строевъ, обозрѣвавшій его въ теченіе 7 мѣсяцевъ. По словамъ
ученаго Археографа, въ этомъ архивѣ до 70.000 актовъ, поступив-
шихъ изъ упраздненной Коллегіи Экономіи. Имъ обезпечивалось
обладаніе огромныхъ имѣній архіерейскихъ домовъ, монастырей,
соборовъ и церквей. Наибольшая часть ихъ принадлежитъ XVII в.,
особенно концу, довольно изъ XVI, сотни три-четыре изъ XV,
древнѣе нѣтъ. Много подлинниковъ, несравненно болѣе списковъ.
Подобно архивамъ, уцѣлѣвшимъ въ монастыряхъ, сіе собраніе за-
ключаетъ въ себѣ три главные разряда документовъ: 1) *граматы*
жалованныя и тарханныя на недвижимую собственность духов-
ныхъ, которые (до XVIII ст.) вымаливали ихъ у Государей почти
на каждый лоскутъ земли и на всѣ льготы отъ повинностей зем-
скихъ. До разгрома въ Междоусобицу, этихъ граматъ были многія
десятки тысячъ. Въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича ихъ
возобновили новыми, прописывая въ одной содержаніе нѣсколькихъ
(иногда десятковъ до пяти) погибшихъ. И теперь тѣхъ и другихъ
еще довольно въ архивахъ. 2) *Выписки писцовыя* (преимущественно
исхода XVII в.), то же, что нынѣшнія межевыя книги. 3) *Записи*
купчія, мѣновыя, вкладныя, списки судныя (приговоры), *кабалы*
и проч.. Иерархическое и церковное стяжаніе увеличивалось и укрѣ-
лялось ими, не смотря на указы Царя Іоанна Васильевича Грознаго
и его преемниковъ, до Петра Великаго. Бумаги Государственного
Архива старыхъ дѣлъ значительно дополнили каталоги Владыкъ и
Настоятелей монастырскихъ, приготовляемые къ изданію Г. Строс-
вымъ, потому что въ семъ же архивѣ хранятся документы Мона-

совершены имъ въ Государственномъ Архивѣ старыхъ дѣлъ и въ Архивѣ Оружейной Палаты. Акты, хранящіеся въ первомъ, проливаютъ яркій свѣтъ на Патріаршее управленіе; во второмъ найдены Г. Строевымъ *Выходныя Книги*. («Патріархи Московскіе», говоритъ онъ, «кромя обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ главъ духовенства и блюстителей Православія, имѣли въ непосредственномъ завѣдываніи, такъ называемую, *Патріаршую Область* (собственную ихъ Епархію), доставлявшую финансовыя средства къ приличному содержанию Патріаршаго Дома и Двора, довольно многочисленнаго, особенно при послѣднихъ Патріархахъ. Сію область образовали: городъ Москва (исключая Кремля), Московскій уѣздъ, обнимавшій нѣсколько уѣздовъ, приписанные къ Патріаршему Дому монастыри, съ ихъ имѣніями, и множество приходовъ въ разныхъ Епархіяхъ, надъ коими мѣстные Архіереи лишались власти. Все именовавшееся Патріаршимъ судилось въ Москвѣ, въ Домѣ Патріарха, и, за изъятіемъ вѣщъ уголовныхъ, не подчинялось никакой мѣстной расправѣ. Это происходило отъ *тарханства* или *тарханнаго права*, общаго въ прежней Россіи и, разумѣется, вреднаго для государственнаго управленія. Тарханы были: Патріархъ, Архіереи, монастыри, Князья, Бояре, однимъ словомъ всѣ, кому удавалось получить Царскую *тарханную* или *несудимую грамоту*. Нѣкоторые были полные тарханы, другіе зависѣли только отъ одного изъ Московскихъ Прика-

стырскаго и Патріаршаго Приказовъ. (ibid., 1858, Май, стр. 282—284.)

зовъ , означеннаго въ ихъ граматѣ. Сію несудимость на мѣстѣ видимъ по актамъ еще въ XV в. ; въ XVI она умножилась , а въ XVII кто и что не было *отарханено*? Воеводамъ и расправѣ мѣстной оставались лишь вины уголовныя и *черносошныя* (Государевы) крестьяне. Даже и многія волости этихъ послѣднихъ пользовались правомъ тарханнымъ. Слишкомъ легко представляются намъ все неудобства въ судѣ , въ правѣжѣ долговъ , въ торговлѣ , промыслахъ и проч. , когда вообразимъ пространство Московскаго Государства въ XVII ст. и на немъ безчисленныхъ тархановъ , кои , по ихъ жалованнымъ грамотамъ , обязывались являться въ Москву только на одинъ , или два (очень рѣдко три) срока въ году , и *искать и отвѣчать* по дѣламъ и тяжбамъ многихъ мѣсяцевъ. Сіи сроки обыкновенно были *зимніе* , предъ большими праздниками , конечно по удобству дорогъ и времени. Тогда Московскіе Приказы едва успѣвали въ разбирательствѣ исковъ. А сколько тархановъ не являлось въ сроки , за которыми должно было посылать *зазывныя* , *ослушныя* и т. п. грамоты! Въ XVII в. не разъ пытались ограничить тарханное право ; но оно продолжалось и послѣ Уложенія , кажется до 1676 г. , когда указомъ Царскимъ уничтожены все тарханныя грамоты.» Это уничтоженіе , будучи чрезвычайно важнымъ , незамѣчено Историками. Между тѣмъ , оно , какъ справедливо утверждаетъ П. М. Строевъ , *благоустройству Россіи содѣйствовало если не болѣе , то ни сколько не меньше упраздненія мѣстничества*. При обширныхъ занятіяхъ , Патріарху надлежало имѣть при себѣ помощниковъ. Сіе обстоятельство послужило поводомъ къ учрежденію *Патріар-*

шихъ *Приказовъ*, постепенно увеличившихся въ исходѣ XVII столѣтія. То была самая блистательная пора Патріаршества и вмѣстѣ съ этимъ очень хлопотливая, ибо преслѣдовались расколы, обнаружившіеся въ разныхъ видахъ. «Сими Приказами завѣдывали *Патріаршіе Болре*, или *крестовые Іеромонахи*. Приказы раздѣлялись на *стола*, имѣли *Дьяковъ*, *Подьячихъ съ приписью* (столоначальниковъ) и *Подьячихъ старыхъ и молодыхъ*. Дѣла вершились также, какъ и въ Царскихъ Приказахъ. Патріархъ билъ челомъ Государю, посылалъ *памяти* въ Приказы Царскіе, указывалъ мѣстамъ и лицамъ, ему подвѣдомственнымъ, давалъ *жалованныя грамоты* дворянамъ и крестьянамъ своего Дома. Патріаршихъ Приказовъ было четыре. Первый — *Духовный*, гдѣ судились преступленія противъ Православія, разбирались дѣла совѣсти, степени родства при бракахъ. Вѣдалъ имъ одинъ изъ крестовыхъ Іеромонаховъ. Второй — *Казенный*, въ вѣденіи Казначей. Сюда поступали всѣ дани съ церквей, священнослужителей и причетниковъ, оброки съ крестьянъ и земель, съ соляныхъ и рыбныхъ промысловъ; печатныя пошлины съ грамотъ. Расходы производились по указамъ Патріарха. Остатки обращались изъ *домовой казны* въ *келейную*, которою распоряжался самъ Патріархъ. По кончинѣ его, она издерживалась на постройки церквей, вклады и милостины. Третій — *Дворцовый*, въ завѣдываніи Дворецкаго, на попеченіи коего лежали постройки и продовольствіе Патріаршаго Дома и Двора, надзоръ за исправнымъ доставленіемъ припасовъ изъ домовыхъ селъ и заведеній, за служителями и рабочими. Четвертый — *Розрядъ*, въ вѣдом-

ствѣ Патріаршаго Боярина. Въ военное время *Дворяне* и *Дѣти Боярскіе* Патріаршаго Дома несли обязанности службы наравнѣ съ Царскими. Патріархъ надѣлялъ ихъ помѣстьями и отчинами. Имѣнія домовыя и приписныхъ монастырей ставили извѣстное число *людей даточныхъ*. Слѣдовательно, дѣйствія Патріаршаго Розряда были одинаковы съ Царскимъ. Дѣла тяжёбныя входили также въ эти четыре Приказа.» Г. Строевъ нигдѣ не отыскалъ слѣдовъ особаго Приказа *Суднаго*. Иначе и быть не могло: все рѣшалось *словомъ* Патріарха, безъ апелляціи; только вины уголовныя отдавались Царскимъ Приказамъ. Самые иски постороннихъ лицъ на Патріаршихъ людяхъ предоставлены были, по тарханымъ грамотамъ, разбирательству Патріарха, или его Приказовъ. «По кончинѣ Адріана (1700), Петръ Великій повелѣлъ Боярину Мусину-Пушкину вѣдать Приказы Патріаршіе (кромѣ *Духовнаго*) и Монастырскій. Духовный Приказъ находился въ вѣденіи Блюстителя Патріаршаго Престола Стефана Яворскаго. Составъ Патріаршаго Дома и Двора подвергся тогда измѣненію; однакожъ порядокъ дѣлъ въ Приказахъ и экономическій остался старый, даже къ бумагамъ прикладывали печать послѣдняго Патріарха, *почти до 1721 года*. Доходы были тѣ же; расходовали ихъ иначе: въ Шведскую войну большая часть ихъ поступила на государственныя издержки. Въ 1721 г. учреждёнъ *Духовный Коллегіумъ*, вскорѣ переименованный въ *Святѣйшій Правительствующій Синодъ*. Область Патріаршая названа *Синодалною*. Экономическое управленіе удержалось безъ перемѣны. Приказы Казенный и Дворцовый продолжали существо-

вать до 1739 г., на прежнемъ основаніи, только подчинялись *Экономическому Управленію Синодальной Области* въ Москвѣ, составленному изъ однихъ свѣтскихъ членовъ. Но Патріаршаго Розряда не видимъ уже въ началѣ XVIII в.; конечно, онъ уничтожился при преобразованіи военной части Петромъ Великимъ. Патріаршіе Дворяне и Дѣти Боярскіе пріобрѣли, въ послѣдствіи, дворянское званіе. При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, съ учрежденіемъ новыхъ Епархій, церкви Синодальной Области перешли въ вѣдомство мѣстныхъ Архіереевъ. Для управленія же всѣми вообще монастырскими и церковными имуществами, заведена (около 1740 г.) *Коллегія Экономіи*, которую неоднократно измѣняли въ ея организаціи. Потомъ и ее упразднили. Такимъ образомъ, дѣла двухъ Патріаршихъ Приказовъ, *Казеннаго* и *Дворцоваго*, равно и Приказа Монастырскаго, сперва были переданы въ *Управленіе Синодальной Области*, послѣ въ *Коллегію Экономіи*, наконецъ, 1787 г., въ *Государственный Архивъ старыхъ дѣлъ* при Московскомъ Сенатѣ. Бумаги Патріаршаго *Духовнаго* Приказа должны находиться въ архивѣ Московской Консисторіи. Документовъ Патріаршаго *Розряда* не видно нигдѣ въ Московскихъ Архивахъ; вѣроятно, они погибли въ пожаръ 1737 г.. Въ ту пору утратились и многіе акты Приказовъ *Казеннаго* и *Дворцоваго*. Уцѣлѣвшіе снова подверглись гибели въ 1812 г.. (Французы, чтобъ очистить полки для своихъ поклажъ, выкидали десятки тысячъ связокъ въ Кремлевскій ровъ, нынѣ заваленный.) Всѣ сіи бумаги (т. е. Патріаршихъ Приказовъ *Казеннаго* и *Дворцоваго*, Приказа Монастырскаго, Управленія Синодаль-

ной Области и Коллегіи Экономіи) образуютъ въ Государственномъ Архивѣ одно Отдѣленіе, подъ названіемъ: *для Коллегіи Экономіи*. Въ немъ число нумеровъ, т. е. книгъ, тетрадей, столбцевъ, доходитъ до 100.000. Изъ нихъ древнѣе и важнѣе — собраніе (до 17.000) подлинниковъ и старинныхъ списковъ жалованныхъ и тарханныхъ грамотъ, писцовыхъ выписей и разнаго рода актовъ, обезпечивавшихъ недвижимую собственность духовенства и Церкви. Не менѣе примѣчательны прихода-расходныя книги (до 500) Патріаршаго и потомъ Синодальнаго Казеннаго Приказа, съ 1624 по 1739 г.. Старыя *для* Патріаршихъ Приказовъ, до 1701 г., почти всѣ утрачены. Съ того времени по 1739 г. осталось: Казеннаго Приказа до 6000, Дворцоваго болѣе 15.000, Управленія Синодальной Области слишкомъ 20.000, Монастырскаго Приказа до 6000. По открытіи въ Москвѣ *Синодальной Канцеляріи* (около 1731 г.), переименованной послѣ въ *Контору*, изъ Патріаршихъ Приказовъ отдѣлились туда нѣкоторые предметы ихъ занятій.» — Ж. М. Н. П., 1841, Февраль, стр. 48 — 55. — Въ Оружейной Палатѣ Г. Строевъ нашелъ 1318 рукописныхъ книгъ. «До 1812 г. ихъ было гораздо болѣе. Всѣ онѣ принадлежали собственно Царскому Казначейству и Мастерскимъ Дворцовымъ Палатамъ. Самыя любопытныя изъ этихъ книгъ суть, такъ называемыя, *Выходныя*. Главное содержаніе ихъ: ежедневная записка платья, какое надѣвалъ Царь. Онѣ чрезвычайно важны въ отношеніи хронологическомъ, представляя вѣрныя числа событій государственныхъ, церковныхъ, дворцовыхъ, Московскихъ. Изъ нихъ видѣны также этикетъ и обычаи

Двора при приѣмѣ пословъ, въ церковныхъ и другихъ празднествахъ, и особенно частная жизнь Царей, чего не показываютъ намъ Лѣтописи, грамоты и другіе источники сего рода. Для топографіи Москвы онѣ равно необходимы. Въ числѣ церковныхъ торжествъ XVII ст. является по Выходнымъ Книгамъ *дѣйствіе страшнаго суда*, совершавшееся всенародно, на площади, противъ нынѣшней Ивановской гауптвахты. Предъ поставленіемъ въ Архіереи, Царю подносили богатые дары, несообразные съ доходами ихъ Епархій, еще менѣе съ собственными; но эти дары, дня за два до хиротоніи, отпускались имъ изъ казны Царской. Сей секретъ открываютъ Расходныя Книги Двора. У Царицы было особое отдѣленіе во Дворцѣ, своя Золотая Палата. На другой, или на третій день родинъ, Царь принималъ въ ея передней Патріарха, Владыкъ, Бояръ, чиновниковъ, даже торговыхъ мужиковъ, приходившихъ съ поздравленіемъ и дарами. У Царицы бывали частныя собранія, на масленицѣ и въ иные праздники, изъ Боярынь, куда никто, кромѣ Царя, не имѣлъ доступа. Изъ разныхъ мѣстъ Выходныхъ и Расходныхъ Дворцовыхъ Книгъ, усматриваемъ увеселенія при Дворѣ, свадебныя потѣхи, травлю звѣрей, и проч.. Царю Алексѣю Михайловичу пускали кровь изъ руки не ланцетомъ, а пробивалъ жилу соколъ, къ тому приученный... До нашествія Французовъ въ 1812 г., существовали всѣ Выходныя Книги Царей: Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, Ѳеодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей. Теперь ихъ пятнадцать; слѣдующихъ годовъ отрывки 7141, 42 и 43; полныя 7146 — 62, 7168 — 80, 7182—

89; остальные пропали безъ вѣсти. Расходныхъ Книгъ Дома Романовыхъ въ Оружейной Палатѣ множество». П. М. Строевъ предположилъ издать Выходныя Книги вполне, изъ Расходныхъ же нѣкоторыя выписки. Это изданіе будетъ состоять изъ 4 томовъ. Издержки печатанія принялъ на себя Московскій Почетный Гражданинъ И. Н. Царскій. — *ibid.*, стр. 45 — 47.) — При такомъ обиліи матеріаловъ, постоянно увеличивающемся присылками документовъ изъ Губернскихъ и Уѣздныхъ Архивовъ, Коммиссія опредѣлила приготовить дополненія къ Историческимъ и Юридическимъ Актамъ. (*ibid.*, 1839, Май, стр. 69; 1842, Май, стр. 36.) Частныя лица не преставали также споспѣшествовать ей видамъ. (Здѣсь надлежитъ упомянуть о просвѣщенномъ содѣйствіи Г-жи Карамзиной и Графа Мусина - Пушкина.) — Въмѣстѣ съ этимъ, Археографическая Коммиссія признала нужнымъ напечатать собраніе подобныхъ актовъ на *Западно-Русскомъ нарѣчій*, съ присовокупленіемъ выписокъ изъ Литовской Метрики. (*) Источниковъ сего разряда имѣется

(*) Г. Мухановъ сообщаетъ о ней слѣдующее извѣстіе: «Литовскою Метрикою называется собраніе нѣсколькихъ десятковъ рукописныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ государственныя акты Великаго Княжества Литовскаго, съ 1568 г. до той эпохи, когда сіе Княжество совершенно слилось съ Королевствомъ Польскимъ. Метрика Литовская писана, какъ и самыя акты (за исключеніемъ весьма немногихъ Латинскихъ), *по-Русски*. Польскій Король Станиславъ, увидѣвъ, что Метрика (особенно нѣкоторыя части ея, 400-лѣтнія) пришла въ ветхость отъ большаго употребленія и частыхъ перевозокъ, нашелъ необходимымъ, для сохраненія важныхъ актовъ, снять съ нихъ точную копію, что и исполнено нарочно для этого составленною

достаточное количество. Они, по большей части, одинаковых формъ съ Русскими и объемлютъ то же пространство времени, съ XV по XVIII в. . (ibid , 1839, Май, стр. 69 ; 1840, Февраль, стр. 32 ; 1842, Ноябрь, стр. 5 — 6. — Сверхъ пользы въ историко-юридическомъ смыслѣ, этотъ сборникъ объяснить единство происхожденія древняго Русскаго права,

Коммиссіею, подъ главнымъ распоряженіемъ Секретаря Непрестаннаго Совѣта по экспедиціи Русскихъ дѣлъ, Антонія Корвина-Коссаковского. Оригинальная Метрика, какъ я уже сказалъ, написана по-Русски, Русскими буквами; въ копіи же вѣрно: Русскія буквы замѣнить Латинскими, съ сохраненіемъ, впрочемъ, Русскаго выговора. Занятія Коммисіи, начавшіе въ 1777 г., продолжались нѣсколько лѣтъ; но акты не все были списаны, если не ошибаюсь; жаль также, что нѣкоторые самые древніе списаны не вполне, а сокращенно; иные только упомянуты, съ приложеніемъ вкратцѣ содержанія ихъ. Въ 1795 г., оригинальная Метрика перевезена въ С. Петербургъ; копія же, взятая Прусскимъ Правительствомъ, находилась, до 1807 г., въ Берлинѣ, откуда, послѣ Тильзитскаго мира, возвращена въ Варшаву, сохраняется до сего времени въ, такъ называемомъ, Коронномъ Архивѣ, и состоитъ изъ 29 огромныхъ томовъ in-folio. Каждый томъ раздѣленъ на нѣсколько книгъ.» Сборникъ, стр. XXVI. Г. Мухановъ заимствовалъ изъ нея небольшое число документовъ. — Въ 1858 г., Археографическая Коммиссія получила дозволеніе пользоваться оригинальною Метрикою, находящеюся при Правительствующемъ Сенатѣ. (Ж. М. Н. П., 1858, Сентябрь, стр. 640 — 641.) Замѣчательнъ отзывъ о ней О. Протоіеря Григоровича. «Матеріалы Литовской Метрики, въ отношеніи къ Литвѣ и сопредѣльнымъ съ нею областямъ», говоритъ онъ, «представляютъ обширную и живую картину народнаго быта и потребностей, силы и ослабленія этихъ странъ, также внѣшнихъ ихъ дѣлъ съ Польшею, Россіею и Татарскими Ордами.» (ibid., 1858, Ноябрь, стр. 579 — 581.)

и доставить возможность сравнить основныя начала его съ законодательствомъ другихъ Славянскихъ народовъ.) Сей обширный трудъ порученъ Коммиссіею глубокому знатоку предмета О. Протоіерею Григоровичу, извѣстному издателю *Бѣлорусскаго* Архива. Еще въ 1838 г., по ходатайству Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Виленскій Капитулъ дозволилъ Канонику Гербурту обзрѣть Епархіальный и Капитульный Архивы, и снять для Археографической Коммиссіи списки съ хранящихся тамъ документовъ. (ibid., 1838, Сентябрь, стр. 640. Ср. донесеніе О. Протоіеря Григоровича, ibid, 1838, Ноябрь, стр. 378 — 379.) Въ 1842 г., Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) учредить при Виленскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ Временную Коммиссію, для разбора Архива Литовскаго Трибунала, и 2) вмѣнить ей въ обязанность, по разсмотрѣніи дѣлъ и актовъ Трибунальнаго Архива, выписать изъ нихъ всѣ документы, заслуживающіе, въ историческомъ отношеніи, вниманіе и любопытство. Эта Коммиссія долженствовала передавать ихъ въ Археографическую, отъ которой, въ послѣдствіи, будетъ зависѣть изданіе тѣхъ матеріаловъ, кои она почтетъ важнѣйшими. (*) Уже въ

(*) Срокъ существованія Виленской Временной Коммиссіи былъ определенъ на одинъ годъ. Членами ея назначены: Гг. Марциновскій, Нарбутъ и Корсакевичъ. Археографическая Коммиссія предложила имъ: 1) извлекать изъ Архива Литовскаго Трибунала, для печатанія, всѣ тѣ акты, кои касаются законодательства, управленія и замѣчательнѣйшихъ событій Литовскаго Княжества; 2) при списываніи подлинниковъ преимущественно обращать вниманіе на документы

1840 г., Г. Министръ Статсъ-Секретарь Царства Польскаго сообщилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія опись стариннымъ дипломамъ и актамъ Главнаго Архива Царства. (ibid., 1840, Апрель, стр. 18.) Тогда же П. М. Строевъ представилъ Коммиссіи весьма интересные документы касательно Исторіи Литовской Іерархіи, извлеченные имъ изъ Сборника XVI в., принадлежащаго Московскому Почетному Гражданину И. Н. Царскому. (Ср. отзывъ о нихъ Я. И. Бередникова, ibid., стр. 19.) Въ 1839 г., Г. Профессоръ Даниловичъ изъявилъ ей готовность заняться изданіемъ Литовскаго Статута, 1529 г.. (ibid., 1839, Мартъ, стр. 104 — 105; Май, стр. 67.) — Не ограничиваясь сими многосложными предпріятіями. Археографическая Коммиссія обратила свою дѣятельность на собраніе и печатаніе актовъ, относящихся къ Россіи, на иностранныхъ языкахъ. Главнымъ Редакторомъ по этой части назначенъ А. Х. Востоковъ, котораго разносторонняя и основательная ученость служить вѣрнымъ ручательствомъ въ успѣхѣ сего необходимаго начинанія. (*) Въ концѣ 1839 г., по Высочайшему

XV и XVI столѣтій, какъ ближайшіе къ той порѣ, когда въ Западномъ краѣ наиболѣе проявлялась Русская самобытность, независимо отъ позднѣйшаго вліянія Польши; 5) въ снятіи списковъ руководствоваться, для образца, Актами Археографической Экспедиціи, изданными въ 1856 г.; 4) по мѣрѣ накопленія копій, пересылать ихъ въ Археографическую Коммиссію. (ibid., 1842, Ноябрь, стр. 9 — 11.)

(*) Труды, подъятыя Коммиссіею при отыскиваніи матеріаловъ этого рода, заслуживаютъ полную признательность просвѣщенныхъ любя-

новелѣнію, переданы Коммиссіи представленныя Г. Тургевымъ: а) 4 тома извлеченныхъ изъ Ватиканской Библіоте-

телей отечественной Исторіи. Попытаемся здѣсь, хотя вкратцѣ, перечислить ихъ. Въ 1857 г., она поручила Г. Невѣрову осмотрѣть библіотеки и архивы въ Любекѣ, Гамбургѣ, Берлинѣ и Дрезденѣ. (ibid., 1857, Апрель, стр. 108 — 110. Ср. его допесеніе ibid., Сентябрь, стр. 359 — 362. «Доступъ въ государственныя Ганзейскія архивы (въ Любекѣ) весьма затруднителенъ, да и самый архивъ находится въ запутанномъ состояніи... Все любопытное въ немъ исчерпано уже Ганзейскими Историками. При томъ, Г. Адеркасъ, по желанію покойнаго Канцлера Графа Румянцева, получилъ многіе документы, касающіеся Россіи.... Гамбургскій архивъ небогатъ любопытными для насъ источниками. Большая часть грамотъ, хранящихся тамъ, суть опасныя, данныя проезжавшимъ чрезъ Ганзейскіе города нашимъ Посламъ къ Западно-Европейскимъ Государямъ. Особенно важною показала мнѣ инструкція Ганзейскихъ городовъ Посланнику ихъ въ Москвѣ, относительно торговли съ Россією и постановленія Ганзейско-Новгородской Конторы въ Новгородѣ, 1605 г.... Въ Вольфенбюттельской Библіотекѣ, имѣющей около 10.000 рукописей, нѣтъ ни одной, которая содержала бы въ себѣ что нибудь о Россіи, или была бы писана на какомъ либо изъ Славянскихъ нарѣчій».... Въ Берлинскомъ государственномъ архивѣ Г. Невѣровъ снялъ копию съ грамоты В. К. Василія Іоанновича.) Тогда же Г. Строевъ младшій обозрѣлъ Королевское книгохранилище въ Парижѣ. (ibid., 1857, Ноябрь, стр. 411 — 416. «Все Славянское богатство Королевской Библіотеки состоитъ изъ двухъ рукописей: Славянской Грамматики, писанной на Латинскомъ языкѣ, и Чешскаго манускрипта Богословскаго содержанія.... Что же касается до актовъ, относящихся къ Русской Исторіи, на Французскомъ и Латинскомъ языкахъ, кои хранятся въ сей библіотекѣ, то всѣ оны напечатаны Г. Пари въ его: *La Chronique de Nestor, traduite en français*».... Потомъ Г. Строевъ ѣздилъ въ Реймсъ, чтобы взглянуть на знаменитое Славянское Евангеліе, на которомъ

ки актовъ, относящихся къ Россіи, начиная съ 1074 г.. Въ этихъ томахъ, состоящихъ болѣе нежели изъ 400

присягали, при коронованіи своемъ, Короли Французскіе. Эта рукопись известна во Франціи подъ названіемъ: *Texte du Sacre*. См. описаніе ея *ibid.*, стр. 415 — 418.) Въ 1858 г., Г. Строевъ осмотрѣлъ Королевскую Библіотеку въ Берлинѣ (*ibid.*, 1858, Іюнь, стр. 339 — 367. Тамъ онъ нашелъ: Исторію о Царствѣ Казанскомъ, о походахъ Князей Московскихъ на Казань и о взятіи ея (начала, или половины XVII в.); Исторію завоеванія Сибирскаго Царства и описаніе его (конца XVII ст.; приложено подробное и точное повѣствованіе о Китаѣ); описаніе Китая (исхода XVII в.); нѣсколько Богословскихъ и Богослужебныхъ рукописныхъ книгъ; 20 Польскихъ манускриптовъ (въ числѣ ихъ Литовскій Статутъ Сигизмунда III, 1595 г.). «Берлинская Библіотека имѣетъ порядочное собраніе старопечатныхъ книгъ нашихъ». Въ семъ же году, Г. Строевъ посетилъ Дрезденъ, Прагу, Вѣну, Инсбрукъ, Мюнхенъ, Кёнигсбергъ и Ригу. (*ibid.*, 1858, Ноябрь, стр. 371 — 373, 391 — 398; 1859, Мартъ, стр. 455 — 457. Въ Дрезденѣ онъ видѣлъ Казанскій Лѣтописецъ (второй половины XVII ст.). Въ Вѣнѣ Г. Аделунгъ, Секретарь Русскаго Посольства, сказывалъ ему, что оно, по просьбѣ отца его, издѣлано у Князя Меттерниха — дозволеніе списать хранящіеся въ тамошнемъ государственномъ архивѣ историческіе документы, касающіеся сношеній съ Россіею. Кёнигсбергскій тайный архивъ принадлежалъ некогда Нѣмецкому Ордену. Г. Строевъ справедливо утверждаетъ, что его можно назвать однимъ изъ главныхъ хранилищъ актовъ, относящихся къ Исторіи Сѣверо-Европейскихъ Государствъ. По этому, сей архивъ былъ почти всегдашнимъ поприщемъ изслѣдованій Нѣмецкихъ и Польскихъ Ученыхъ. Дворянство Остзейскихъ Губерній составило здѣсь для своей Исторіи многотомное собраніе драгоцѣнныхъ документовъ. Эта работа, подъ высокимъ покровительствомъ Императора Александра, продолжалась съ 1809 по 1816 г.. Выписанные акты находятся нынѣ въ домѣ Рижскаго Дворянскаго Общества. Поляки, около 1822 г., пытались извлечь

списковъ, заключаются матеріалы для Исторіи Православной Церкви въ Западной Руси, свѣденія о дѣйствіяхъ Римскаго

изъ Кёнигсбергскаго архива подобное же собраніе документовъ, касающихся Польской Исторіи. Окончательное исполненіе сего предпріятія пріостановлено мятежемъ 1851 г.; приготовленные списки актовъ отчасти поступили, вмѣстѣ съ Пулавскими бумагами, въ С. Петербургскую Публичную Библіотеку, отчасти утратились, иные вывезены въ Австрійскую Галицію. Въ 1858 г., Г. Тургеневъ представилъ каталогъ матеріаловъ Кёнигсбергскаго тайнаго архива, важныхъ для Русской Исторіи. По Высочайшему повелѣнію, онъ рассмотрѣнъ Г. Академикомъ Кругомъ. *ibid.*, 1858, Май, стр. 281. Г. Строевъ, въ проѣздъ свой чрезъ Кёнигсбергъ, обратилъ особенное вниманіе на документы, означенные въ каталогъ Г. Тургенева. Нѣкоторые изъ нихъ списаны имъ. Но какъ печатаніе государственныхъ грамотъ, приняла на себя бывшая Россійская Академія, то копій, сообщенныхъ Г. Строевымъ, и переданы въ ея распоряженіе.) Въ 1858 же году, Г. Бурмейстеръ открылъ въ Висмарскомъ архивѣ два акта 1422 г., объясняющіе связь Русскихъ съ Ганзою. *ibid.*, 1828, Ноябрь, стр. 585. Тогда же Г. Шлёцеръ, Русскій Генеральный Консулъ въ Любекѣ, доставилъ Коммиссіи записку о матеріалахъ тамошняго архива, касательно торговли Новгорода съ Любекомъ. (*ibid.*. Ср. 1838, Май, стр. 285.) Въ ту же пору, Баронъ Мейендорфъ, Русскій Посланникъ въ Штуттгартѣ, прислалъ Ливонскому дворянству опись документовъ, относящихся къ Ливонской Исторіи и хранящихся въ Штуттгартскомъ архивѣ. Оно препроводило ее Г. Напьерскому, который копію съ нея изготавилъ для Археографической Коммиссіи. (*ibid.*, 1838, Ноябрь, стр. 575; 1839, Мартъ, стр. 105, особенно 141, гдѣ помѣщено донесеніе Г. Устрялова: «каталогъ Штуттгартскаго архива состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Первые два содержатъ въ себѣ акты о дѣлахъ Ливонскаго Ордена; въ третьемъ заключаются Посольскіе указы, письма, отписки, по случаю ходатайства Германскаго Императора и Тевтонскаго Ордена объ освобожденіи Ливонскаго Гермейстера Фюрстен-

Двора ко введенію Христіанства въ Ливонію, къ распростра-
ненію Латинской Вѣры въ Литвѣ и къ водворенію ея въ

берга изъ Московскаго плѣна. Число всѣхъ документовъ простирается до 150. Они должны пояснить положеніе Московскаго Двора въ достопамятную эпоху опалы Сильвестра и Адашева.» Комиссія опредѣлила пріобрѣсти сію коллекцію вполнѣ.) Въ 1837 г., Г. Мацѣвскій, извѣстный сочинитель *Исторіи законодательства Славянскихъ*, совершилъ поѣздку въ Галицію, обильную многими еще неразработанными историческими источниками. Онъ обозрѣлъ, какъ въ самомъ Львовѣ, такъ и по всей Галиціи, знатнѣйшія библіотеки и архивы. (*ibid.*, 1837, Октябрь, стр. 246 — 250. Около Санока, въ горахъ, лежитъ монастырь Спасителя, основанный въ первыя времена Христіанства. Тутъ находились весьма любопытныя матеріалы относительно Русской Исторіи. Въ Львовѣ примѣчательна библіотека Оссолинскихъ. Кромѣ ея, важны: архивъ Валахской Церкви и библіотека Греко-Унитскаго монастыря. Смотритель перваго, Г. Зубрицкій, печаталъ тогда *Исторію Червенной Руси до XVI в.* Во второй — значительныя пособія для Русской Исторіи.) Археографическая Комиссія, принявъ въ уваженіе донесеніе Я. И. Берединкова, что въ библіотекахъ и архивахъ Галицкихъ большой запасъ офиціальныхъ актовъ касательно Юго-Западной Руси, и что познанія Г. Мацѣвскаго могутъ принести ей пользу въ этомъ отношеніи, избрала его, въ 1838 г., своимъ Корреспондентомъ. (*ibid.*, 1838, Сентябрь, стр. 645 — 645.) Въ то же время, она предложила Г. Мацѣвскому уведомить ее о числѣ и мѣстахъ хранящихся древнихъ рукописей въ Галиціи, къ какой эпохѣ онѣ принадлежатъ, и лзя ли ожидать выгодныхъ результатовъ для Исторіи Россіи отъ приведенія ихъ въ гласность. На сіи вопросы Г. Мацѣвскій отвѣчалъ: «въ Австрійской Галиціи живутъ очень богатые собранія манускриптовъ у многихъ частныхъ лицъ, въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ публичныхъ библіотекахъ и въ архивахъ присутственныхъ мѣстъ. Частные владѣльцы такихъ коллекцій суть: Графъ Янъ Тарновскій въ Диковѣ близъ Тарнова, Графъ Павликовскій въ

самой Россіи, и проч. . Всего важнѣе изъ нихъ документы, поясняющіе эпоху Самозванцевъ. в) Выписки изъ той же

Медицѣ около Перемышля, и Графъ Дзѣдушицкій въ Сокалѣ недалеко отъ Львова. Архивы духовныхъ учебныхъ заведеній: въ Перемышлѣ при Епископскихъ кафедрахъ Грекоунитской и Римско-католической; въ Львовѣ при Базиліанскомъ монастырѣ, при Епископскихъ кафедрахъ Грекоунитской, Римскокатолической и Армянской, при Львовскомъ Ставропигіальномъ монастырѣ и при Еврейской Синагогѣ. Замѣчательнѣйшія библіотеки: учебнаго заведенія Графовъ Оссолинскихъ и Львовскаго Университета. Изъ архивовъ присутственныхъ мѣстъ достойны особеннаго вниманія: Львовскаго Магистрата и главный архивъ Галиціи и Лодомирінъ въ Бернардинскомъ монастырѣ. У Графа Павликовскаго находятся письменные памятники XI и послѣдующихъ столѣтій. Въ духовныхъ училищахъ, также въ Львовскихъ и Перемышльскихъ библіотекахъ, я успѣлъ отыскать нѣсколько документовъ XIII и XIV в., касающихся Исторіи Руси и Польши, и нынѣ (въ 1858 г.) занимаюсь приготовленіемъ ихъ къ изданію. Но есть ли въ этихъ библіотекахъ рукописи древнѣйшія, я не могъ освѣдомиться, какъ по краткому пребыванію моему въ Львовѣ, такъ и по недостатку нужныхъ для того способовъ. Относительно же позднѣйшихъ грамотъ надлежитъ сказать, что ихъ (наиболѣе XV, XVI и XVII в.) значительное число въ учебномъ заведеніи Графовъ Оссолинскихъ и въ Львовскомъ Ставропигіальномъ монастырѣ. Мнѣ также не удалось сдѣлать изслѣдованій въ главномъ архивѣ Галиціи и Лодомирінъ: для входа туда потребно дозволеніе Вѣнской Придворной Канцеляріи. Въ предисловіи къ сочиненію, которое печатается мною, упомянуто будетъ, сколь полезны для Исторіи древней Руси матеріалы, хранящіеся въ архивахъ Галиціи. Будучи близкою къ Кіеву, она обладаетъ письменными источниками, могущими уяснить происшествія Западной Руси, безъ предварительнаго изученія коихъ трудно узнать и Исторію Руси Восточной. А какъ все Славянское, не смотря на различныя препятствія, издревле соединялось тѣснымъ союзомъ между собою, то

библіотеки, сдѣланная Аббатомъ Альбертранди, по приказанію Польскаго Короля Станислава Понятовскаго, для

разсмотрѣніе означенныхъ источниковъ было бы важно не только для Русской и Польской, но и для всей Славянской Исторіи.» (ibid., 1858, Ноябрь, стр. 588—590.) Въ 1859 г., Г. Шевыревъ сообщилъ Археографической Коммиссіи очень любопытныя свѣденія о Славянскихъ манускриптахъ Ватиканскаго книгохранилища. (ibid., 1859, Май, стр. 105 — 120. «Ватиканская Библіотека заключаетъ въ себѣ около 50.000 печатныхъ книгъ и около 24.000 рукописей. Въ числѣ сихъ послѣднихъ считается Славянскихъ 19. Описаніе ихъ первоначально составилъ, въ прошедшемъ вѣкѣ, Библіотекаръ Ватикана Ассемани; но самое позднѣйшее и исправлѣннѣе сдѣлалъ, въ 1820 г., по просьбѣ Библіотекаря, теперь Кардинала, Анджело Маіо, извѣстный Профессоръ Виленскій Михаилъ Бобровскій.» Укажу на примѣчательнѣйшіе Славянскіе манускрипты. Подъ N 1 Лѣтописъ Царей Далмаціи и Кроаціи, начиная съ 558 до 1079 г., безъименнаго автора, на древнѣйшемъ Далматскомъ нарѣчій Г. Шевыревъ предполагаетъ, что сочинитель жилъ въ XI столѣтіи и можетъ быть признанъ современникомъ нашего Нестора. Подъ N 2 — Славянскій переводъ Греческой Лѣтописи Константина Манассіи. По мнѣнію Г. Шевырева, эта рукопись относится къ 1569 г.. «Хроника Манассіи написана Греческими стихами, въ стилѣ витіеватомъ Византійскомъ; простирается отъ созданія міра до царствованія Никифора Ботоніата... Переводъ сдѣланъ на Словено-церковномъ языкѣ. Витійство и пышность формъ подлинника въ немъ ярко отразились... Миниатюры, коими украшенъ манускриптъ, не отличаются изяществомъ, но сохранили свѣжесть красокъ и особенно занимательны тѣмъ, что даютъ понятіе о костюмѣ Болгарскомъ и Греческомъ XIV вѣка... Переводчикъ прибавилъ отъ себя къ тексту Лѣтописи нѣкоторыя замѣчанія о происшествіяхъ изъ Болгарской Исторіи, современныхъ событіямъ, рассказываемымъ Константиномъ Манассіей. Сюда вошли также и нныя происшествія изъ Исторіи Русской по столько, по сколько она связана съ Болгарскою. Это еще болѣе утверждаетъ

Историка Нарушевича. с) Списокъ рукописи, находящейся въ Туринской Королевской Библіотекѣ, о путешествіи въ

насъ въ томъ убѣжденіи, что Лѣтописи наши согласны съ Лѣтописями всехъ тѣхъ народовъ, съ коими Русь находилась въ сношеніяхъ.» Г. Шевыревъ выписалъ прибавленія переводчика. Въ заключеніе, онъ присовокупляетъ: «говорятъ, что вся сія рукопись была переписана для Графа Н. П. Румянцева и къ нему отправлена еще при жизни его.» Ср. письмо Г. Профессора Погодина къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, *ibid.*, 1859, Сентябрь, стр. 55—57. — Г. Погодинъ разсматривалъ переводъ Манассіи. По его словамъ, Русскихъ вставокъ весьма мало. Важенъ слѣдующій отзывъ, произнесенный имъ. «Константинь Манассія, не упоминая о Руси, представляетъ ленивый примѣръ, какъ Византійцы пропускали событія. Болгарскій переводчикъ поступаетъ также, повѣствуя о Святославѣ и умалчивая объ Игорѣ, о которомъ, судя по Пестору и Лѣтописи Георгія Гамартола, рассказывали его соотечественники. Итакъ, должно ли намъ удивляться, что понынѣ не открыто Греческаго извѣстія объ Олегѣ?» — Въ 1842 г., Г. Чертковъ напечаталъ свои разысканія: *о переводѣ Манассіиной Лѣтописи на Славянскій языкъ, по двумъ спискамъ — Ватиканскому и Патріаршей библіотеки, съ очеркомъ Исторіи Болгаръ.* — Подъ N 12 одна изъ драгоцѣннѣйшихъ Славянскихъ рукописей Ватикана касательно Русской Исторіи: это — Сборникъ, писанный въ XVI ст., какъ видно по языку, въ Западной Россіи. Между прочими статьями, въ немъ помѣщены: 1) *о соборѣ Флорентинскомъ и что се дѣло по немъ. И о Исидоре Митрополите. Взято с кроникъ Московскихъ.* 2) *Исторія о листрикійскомъ, т. е. о разбойническомъ Феррарьскомъ або Флорентскомъ Синоде, вкортце правдиве списанная.* «Сіе прелюбопытное сочиненіе написано защитниками нашего Вѣроисповѣданія чрезвычайно сильно и убѣдительно. По языку, пзобилующему полонисмами и латинисмами, замѣтно, что оно писано въ Западныхъ областяхъ Россіи, надобно думать въ Острогѣ, какъ Юго-Западномъ центрѣ Русскаго Православія. Оно содержитъ подробное описаніе

Москву Патріарха Іереміи, который поставилъ въ ней перваго Всероссійскаго Патріарха. d) Выписки изъ коллекціи

Флорентійскаго Собора, особенно всѣхъ преній, на немъ происходившихъ, и въ немъ приведены всѣ возможные тексты изъ Ветхаго и Новаго Завета и Св. Отцевъ, въ пользу главныхъ догматовъ нашей Церкви. Кроме того, находимъ много новыхъ историческихъ подробностей, которыя неизвѣстны были Карамзину. Наприм., здѣсь говорится, что Иендоръ былъ родомъ Словакъ; что онъ посланъ былъ къ Патріарху Константинопольскому Іосифу съ письмомъ отъ Папы Евгенія IV съ тѣмъ, чтобы онъ посадилъ его на Митрополию Русскую; что Иендоръ, въ послѣдствіи, умеръ въ Римѣ отъ отравы. Объ Русскихъ, кои стояли твердо на Флорентійскомъ Соборѣ, сказано, что они не подписали условій и должны были бѣжать; что за ними послана была погоня; нѣкоторые изъ нихъ пойманы и побиты.» Г. Шевыревъ уведомляетъ также, что въ каталогъ Бобровскаго не значится еще манускриптъ, имѣющій заглавіе: *обѣрона Собору Флорентинскому осмого противъ фальшивому недавно одъ противниковъ згоды быданному сочиненію, въ Вильнѣ, року 1604.* Онъ писанъ отступникомъ Греко-Россійской Церкви. Къ нему приложены два Латинскія посланія къ Папамъ Пію IV и Сиксту V, сочиненныя ими же.) Въ 1858 г., Г. Ващенко доставилъ Комиссіи описъ 152 списковъ Сербскихъ грамотъ, кои найдены имъ въ Бѣлградѣ и коихъ подлинники хранятся въ Рагузѣ. (ibid., 1858, Октябрь, стр. 143 — 144.) Въ 1842 г., Г. Менцовъ обозрѣлъ библіотеки Мюнхена, Рима и Неаполя. Въ Неаполитанскомъ Бурбонскомъ книгохранилищѣ онъ открылъ грамоту Петра Великаго къ Папѣ Клименту XI, 1707 г., съ отвѣтомъ на нее послѣдняго. (ibid., 1842, Августъ, стр. 53.) Въ тамошней Бранкаціанской Библіотекѣ Аббатъ Паоло Гарцилли указалъ ему на одну рѣдкую рукопись XV, или начала XVI ст., на Италіянскомъ языкѣ, касающуюся Россіи. (ibid., стр. 56.) Въ 1845 г., Корреспондентъ Археографической Комиссіи Шифарикъ сообщилъ ей выписку изъ кодекса, XVI в., принадлежащаго библіотекѣ Графа Твардовскаго въ Галиціи. Эта

Дюпюи (въ Парижской Королевской Библіотекѣ), содержащія въ себѣ акты съ 1568 по 1650 г., касательно Исторіи Россіи, Украйны и войнъ Польши съ Турціею. е) Выписки изъ Англійскихъ архивовъ. Государь Императоръ соизволилъ повелѣть, чтобы Археографическая Коммиссія немедленно занялась разборомъ всѣхъ сихъ актовъ и приступила къ изданію ихъ въ свѣтъ. (Донесеніе Его Императорскому Величеству Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о трудахъ Коммиссія въ 1839 г., Ж. М. Н. П., 1840, Февраль, стр. 35 — 36.) Въ 1841 г., Коммиссія напечатала: *Акты историческіе, относящіеся къ Россіи, извлеченные изъ иностранныхъ архивовъ и библіотекъ Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневымъ. Томъ I. Выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива и изъ другихъ Римскихъ библіотекъ и архивовъ, съ 1075 по 1584 годъ.* Собранные здѣсь документы являютъ непрерывный рядъ свидѣтельствъ, доказывающихъ стремленіе Папъ къ укорененію своей власти на Востокѣ и Сѣверѣ Европы. Они заключаютъ въ себѣ сношенія Рима съ Южною Русью, Ливоніею, Литвою, Великими Князьями Владимірскими и Московскими. Особенно примѣчательны письма Иннокентія IV къ Князю Даніилу Галицкому и брату его Васильку Владимірскому, которыхъ онъ называетъ Королями и почитаетъ исповѣдующими Вѣру Латинскую. Связи съ Ливоніею касаются не только обращенія тамошнихъ язычниковъ

выписка признана замѣчательною по отношенію къ Новгородской Исторіи. Коммиссія положила напечатать ее въ дополненіяхъ къ историческимъ актамъ. (ibid., 1845, Май, стр. 56 — 57.)

въ Христіанство, но и распространенія Латинства въ Сѣверо-Западной Руси. Въ отношеніи къ Литвѣ достойны замѣчанія письма къ Гедимину, именуеому въ нихъ Королемъ Русскимъ, къ Королю Владиславу Ягайлѣ и къ Великому Князю Витовту, намекающія на тогдашнее сближеніе ихъ съ Новгородомъ и Псковомъ. Наконецъ, въ сношеніяхъ собственно съ Восточною Русью замѣчательны письма къ Великому Князю Георгію Всеволодовичу, съ приглашеніемъ принять Латинскіе обычаи и обряды вмѣсто Греческихъ и Русскихъ; къ Св. Александру Невскому; къ Митрополиту Исидору о назначеніи его Легатомъ въ Россію; къ Великому Князю Василю Іоанновичу, съ убѣжденіемъ подчиниться Римской Церкви и съ предложеніемъ прислать пословъ на соборъ Тріентскій. Къ числу не менѣе любопытныхъ актовъ принадлежатъ также: наставленіе, данное Римскимъ дворомъ Герберштейну; инструкція Іезуиту Поссевину; документъ касательно Шлиттена, коему, въ XIV в., поручено было пріискивать въ Германіи ученыхъ и ремесленниковъ, для водворенія въ Россіи. (Предисловіе, стр. V — IX. Ср. Ж. М. Н. П., 1841, Августъ, стр. 50 — 51.) Въ 1842 г., вышелъ второй томъ этого чрезвычайно важнаго Сборника, объемлющій время съ 1584 по 1719 годъ. Въ немъ заключаются: а) выписки изъ Ватиканскаго тайнаго архива и изъ прочихъ Римскихъ библіотекъ и архивовъ; б) прибавленіе, содержащее въ себѣ документы, относящіеся до другихъ Славянскихъ земель (1231 — 1308), и с) акты, заимствованные изъ архивовъ и библіотекъ Англіи и Франціи (1557 — 1679). Примѣчательнѣйшіе матеріалы, помѣщенные

въ семь томѣ, суть: извѣстіе Цесарскаго Посла Николая Варкоча о проживаніи его при дворѣ Царя Θεодора Іоанновича; сношенія съ Римомъ перваго Лжедимитрія; дневникъ Польскихъ Посланниковъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго о путешествіи и пребываніи въ Москвѣ, о смерти Лжедимитрія и содержаніи ихъ въ заключеніи; дневникъ о событіяхъ при Лжедимитріи и Шуйскомъ, писанный безыменнымъ очевидцемъ. Изъ позднѣйшихъ памятниковъ любопытны 23 письма Урбана VIII, 1645 г., къ знатнѣйшимъ особамъ въ Польшѣ, съ цѣлію утвердить Унію въ Западной Руси. Переписка Римскаго Двора, слѣдуетъ ли Московскаго Государя титуловать Царемъ, разсужденіе Аббата Гради о народахъ Славянскаго племени и описаніе Московіи, посвященное Кардиналамъ Распони и Альтіери, доказывають, съ какимъ вниманіемъ Римскіе дипломаты смотрѣли на Славянъ и Русскихъ въ концѣ XVII вѣка. Въ началѣ XVIII столѣтія, Парижская Нунциатура дѣятельно переписывалась съ Ватиканомъ, по поводу пріѣзда Петра Великаго во Францію, почитая преобразование Россіи благопріятнымъ случаемъ къ укорененію въ ней Католицизма. Въ прибавленіи, кромѣ Папскихъ граматъ, находятся документы о связяхъ Россіи съ Англіею, при Царяхъ Іоаннѣ Грозномъ, Θεодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ. (Предисловіе, стр. V — VII.) Въ 1838 г., Г. Тургеневъ снялъ копію съ каталога манускриптовъ Кёнигсбергскаго архива. По Высочайшему повелѣнію, Академія Наукъ разсмотрѣніе ея возложила на Г. Академика Круга. (Ж. М. Н. Ц., 1838, Май, стр. 281.) Еще въ 1839 г., Археографическая Коммиссія постановила, по напеча-

ній актовъ, собранныхъ Г. Тургеневымъ, издать другіе матеріялы на иностранныхъ языкахъ, имѣющіеся въ ея распоряженіи. Г. Востоковъ намѣревался тогда же приступить къ этому дѣлу, начавши его съ документовъ, доставленныхъ изъ конфискованнаго помѣстья Князя Санѣги и пожертвованныхъ Г. Миткевичемъ. Коммиссія отсрочила исполненіе сего плана до той поры, когда всѣ коллекціи этого разряда будутъ приведены въ извѣстность. (ibid., 1840, Февраль, стр. 49 — 50.) По закрытіи Виленскаго Университета, рукописи, принадлежавшія тамошней библіотекѣ, переданы въ Археографическую Коммиссію. Въ числѣ ихъ состоятъ десять томовъ Догелева *Codex diplomaticus regni Poloniae*. Изъ нихъ четыре касаются Россіи, именно — во второмъ *Mosca*, въ третьемъ *Gens Cosacorum*, въ шестомъ *Lithuania*, *Russia*, въ восьмомъ *Livonia*, *Esthonia*. Уже прежде предполагалось напечатать сей Сборникъ вполнѣ, въ 8 томахъ; между тѣмъ, доселѣ изданы только первый, четвертый и пятый, кои, однакожъ, весьма рѣдки. Въ 1842 г., Г. Востоковъ испрашивалъ разрѣшенія Коммиссіи, готовить ли къ печатанію всѣ томы этого собранія историческихъ актовъ, или ограничиться тѣми, которые исключительно относятся къ Россіи. Археографическая Коммиссія поручила ему предварительно сообщить мнѣніе о семъ изданіи. Г. Востоковъ, по подробнѣйшемъ разсмотрѣніи этого предмета, отзывался, что, оставляя покаместъ напечатанные томы, надобно приняться за второй, содержащій въ себѣ сношенія Польши съ Россіею, Запорожьемъ, Крымомъ, Турціею, Швеціею и проч., а потомъ за третій, въ коемъ

помѣщены Литва, Молдавія, Русь, Подолія и проч. По окончаніи сихъ томовъ, можно будетъ издать другіе. При этомъ, Г. Востоковъ замѣтилъ, что документы, касающіеся Россіи, въ Догелевомъ Сборникѣ начинаются 1470, прекращаются 1745 годомъ. Далѣе находятся акты, относящіеся до войска Запорожскаго 1649 — 1671, до Татаръ 1340 — 1667, до Турокъ 1402 — 1742, до Польни и Швеціи 1526 — 1741. Статьи писаны бѣльшею частію на Латинскомъ, многія на Польскомъ, нѣкоторыя на Русскомъ языкѣ Латинскими буквами; есть также на Нѣмецкомъ и Французскомъ. Коммиссія, не имѣя суммы, потребной на печатаніе сего Сборника, опредѣлила, въ 1843 г., отложить это до времени, и поручила Г. Востокову заняться приготовленіемъ къ изданію тѣхъ матеріаловъ на иностранныхъ языкахъ, кои поступили въ нее изъ архивовъ Западныхъ Губерній. (ibid., 1842, Ноябрь, стр. 4 — 5, 16 — 18; 1843, Май, стр. 37.) — Но преимущественное вниманіе Археогрфической Коммиссіи было обращено на *Лѣтописи*. Всѣхъ ихъ пріобрѣтено ею 155; въ семь числъ *Временникъ Нестора* въ 53 спискахъ. Правилами, Высочайше утвержденными 18 Февраля 1837 г., Коммиссіи назначено, чтобъ она, по собраніи рукописныхъ *Лѣтописей*, раздѣлила ихъ на отдѣльные *Временники* и *Лѣтописные Сборники*, разложила послѣдніе на разряды, изготовила къ напечатанію тексты по лучшимъ спискамъ, а изъ побочныхъ заимствовала варианты; *Временникъ* же Преподобнаго Нестора положено отдѣлить отъ всѣхъ списковъ и обработать къ изданію въ видѣ особой *Лѣтописи*. Въ 1838 г., Главнымъ Редакторомъ *Временниковъ*

опредѣлеть Я. И. Бередниковъ. Надѣюсь, что читателямъ интересно будетъ знать, какой планъ онъ начерталъ для своей обширной дѣятельности. «Когда всѣ Лѣтописи собраны были въ Коммиссію», говоритъ Г. Бередниковъ, въ донесеніи Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, «я приступилъ къ осмотру множества списковъ, разнообразныхъ по содержанію и которыхъ не имѣлось въ рукахъ ни у одного издателя. Этотъ трудъ предпринять мною съ двойною цѣлію: приготовить къ печатанію — а) отдѣльный Временникъ Нестора и б) полное собраніе Лѣтописей. Что касается до изданія Несторова Временника, то, по обзорѣнн всѣхъ Лѣтописей, находящихся въ вѣденіи Археографической Коммиссіи, я отдѣлилъ его отъ нихъ и сличилъ слово въ слово по 53 спискамъ. Онъ разложился на 4 текста: *древній, средній, новыи и сокращенный*. Отличительные признаки трехъ первыхъ текстовъ суть: а) разность изложенія и б) вставки. Сокращенный текстъ состоитъ изъ болѣе, или менѣе краткихъ выписокъ, сдѣланныхъ позднѣйшими компиляторами. *Основной списокъ перваго текста есть Лаврентіевскій, съ нѣсколькими побочными, сверхъ того — утраченный Троицкій, извѣстный не вполне изъ примѣчаній Карамзина, и два списка, упоминаемые Шлёцеромъ въ его Несторѣ, кои, однакожъ, новыи и принадлежатъ ко второму тексту, по крайней мѣрѣ, отчасти. Второи текстъ имѣетъ главнымъ спискомъ, такъ называемый, .Софійскій, и двадцать одинъ побочный. Къ третьему тексту (главный списокъ Патриаршій) относятся шесть, къ четвертому — осьмнадцать списковъ. . .* Разрѣшеніе вопроса: какъ въ наше время долженъ быть из-

данъ Временникъ Нестора , требуетъ нѣкоторыхъ соображеній? Существуютъ два способа такого изданія: *сводный* и *отдѣльный*. Первый состоитъ въ сводѣ всѣхъ 53 понынѣ извѣстныхъ списковъ. Онъ представляетъ слѣдующія неудобства: 1) необыкновенное множество вариантовъ ; 2) недостатокъ приличнаго мѣста для вставокъ , собственно не принадлежащихъ Нестору, и 3) сбивчивое смѣшеніе древняго текста съ переиначеннымъ изложеніемъ позднѣйшихъ компиляторовъ , такъ что , при существенной разности трехъ объясненныхъ текстовъ , сводное изданіе будетъ заключать въ себѣ не одну , а три , имѣющія одинаковую основу , но различныя по времени и разсказу , Лѣтописи — въ печатномъ текстѣ и вариантахъ. По второму способу , надобно разложить всѣ 53 списка по тремъ текстамъ , и печатать отдѣльно , съ вариантами изъ соотвѣтственныхъ каждому побочныхъ списковъ. Сей способъ устраняетъ невыгоды своднаго изданія. Кромѣ того , разложивъ Временникъ на 3 состава , относящіеся къ тремъ эпохамъ его переиначенія (древнѣйшій текстъ XII—XIII ст. , среднѣйшій исхода XIV, или начала XV, новый половины XVI; сокращенный же текстъ не составляетъ особенной редакціи и служитъ только къ объясненію вариантами другихъ текстовъ), во первыхъ — можно будетъ указать , что собственно въ немъ принадлежитъ Нестору , или первымъ составителямъ Временника , и что позднѣйшимъ компиляторамъ ; во вторыхъ , открыть путь къ опредѣленію истины событій , по степени достовѣрности того источника , въ коемъ они описаны , и въ третьихъ , облегчить изученіе древняго Русскаго языка , на которомъ въ различные періо-

ды Временникъ Преподобнаго Нестора излагался. . . . Независимо отъ этого труда, я разсмотрѣлъ 155 списковъ Лѣтописей, разложилъ ихъ на отдѣльные Временники и Лѣтописные Сборники, съ раздѣленіемъ послѣднихъ на ряды, и сдѣлалъ очеркъ изданія первыхъ 10 томовъ полного собранія Лѣтописей. 71 списокъ предназначенъ мною для текста и вариантовъ; изъ прочихъ 84 составитя еще болѣе 10 томовъ. Такимъ образомъ, всего будетъ 20, если не слишкомъ.» Г. Министръ предложилъ сіе дѣло на разсужденіе Коммисіи. Археографическая Коммиссія постановила: при напечатаніи Несторова Временника слѣдовать второму способу, т. е. разложить всѣ 53 списка по тремъ текстамъ и издать каждый изъ нихъ отдѣльно, съ вариантами изъ побочныхъ списковъ. (ibid., 1839, Сентябрь, стр. 36—40.) Немаловажное затрудненіе представлялось Г. Бередникову, какъ онъ самъ объявляетъ, вотъ еще въ какомъ обстоятельствѣ: «извѣстно, что даже въ исправнѣйшемъ списокѣ, принятомъ въ основаніе текста какой либо Лѣтописи, могутъ встрѣтиться погрѣшности, пропуски и цѣлыя мѣста, испорченныя переписчиками. Въ такомъ случаѣ, настоящаго чтенія должно уже отыскивать въ побочныхъ спискахъ. Приведу примѣръ. Въ Лаврентіевскомъ списокѣ сказано, что народы, принадлежащіе къ колѣну Іафетову, населяющему Полночныя и Западные страны, *присѣдѣютъ къ полуночью и ссѣдѣются съ племенемъ Хамовымъ*. Здѣсь слово *къ полуночью* явная описка, потому что земли, входящія въ удѣлъ Хамовъ, лежатъ отъ Іафетова колѣна къ Югу. Въ Ипатіевскомъ и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, *вмѣсто къ полуночью*, стоитъ

къ полуденю. Чтеніе вѣрное! Какой же способъ употребить при изданіи Русскихъ Лѣтописей? Принявъ за основаніе текста какой нибудь исправный списокъ, надобно ли передавать его безъ малѣйшей отмѣны, со всѣми его описками и погрѣшностями, какъ бы онѣ ни были явны, или испорченныя слова и выраженія основнаго списка замѣнять соответственными имъ изъ побочныхъ, если они окажутся болѣе правильными? Въ первомъ случаѣ, главный списокъ передается съ дипломатическою точностью, а всѣ разнословія, заключающіяся въ спискахъ побочныхъ, покажутся въ подстрочныхъ выноскахъ; во второмъ, наоборотъ, соответственные искаженнымъ въ главномъ списокѣ слова и выраженія внесутся въ текстъ изъ побочныхъ списковъ, а погрѣшности главнаго означатся въ вариантахъ. Если издатель полнаго собранія Русскихъ Лѣтописей, при множествѣ списковъ, станетъ рабски придерживать одного изъ нихъ, т. е. излагать текстъ какой либо Лѣтописи только по одному списку, то такое изданіе будетъ ли по преимуществу правильно? Да и удобно ли оно для чтенія? Не затруднится ли на каждой строкѣ читатель пріискиваніемъ истиннаго чтенія среди значительной массы вариантовъ? Всѣ сіи неудобства устранятся, если, при печатаніи Лѣтописей, принять способъ, коимъ руководствовались знаменитѣйшіе изъ Европейскихъ комментаторовъ, и который Гг. Тимковскій и Строевъ употребили при изданіи Лаврентіевскаго списка и Софійскаго Временника, т. е. печатать текстъ cadaго основнаго списка, гдѣ онъ окажется правильнымъ, безъ всякаго отступленія отъ подлинника, но искаженные мѣста исправлять по одно-

роднымъ, или побочнымъ спискамъ, съ показаніемъ ихъ въ вариантахъ.» Коммиссія одобрила это мнѣніе Г. Берединова. (ibid., 1838, Февраль, стр. 441 — 443.) Выше мы видѣли, что онъ разложилъ всѣ списки Лѣтописей на отдѣльные Временники и Лѣтописные Сборники. Въ первыхъ содержится предпочтительно описаніе происшествій нѣкоторыхъ Княжествъ, или Областей, какъ то: Кіева, Новгорода, Пскова и проч. . Вторые суть своды Лѣтописей, составленные неизвѣстными лицами въ XV, XVI и XVII в.; по справедливости можно назвать ихъ энциклопедіею Русскаго бытописанія. Приготовленіе сихъ Сборниковъ къ напечатанію сопряжено съ большими трудностями. Конечно, сказанія, взятые изъ отдѣльных Лѣтописей, размѣнены въ нихъ по годамъ; однакожъ, помощію этого, они не получаютъ еще надлежащей связи. При томъ, Сборники представляютъ болѣе, или менѣе примѣтное сходство въ содержаніи и изложеніи событій. Посему, надлежало распредѣлить ихъ по родовымъ разрядамъ, назначить основные и побочные списки каждого и готовить къ изданію въ такомъ видѣ, чтобы множество экземпляровъ, безъ вреда цѣлости, безъ пропусковъ и исключеній, значительно сократилось въ печати. Археографическая Коммиссія, совершивъ эту предварительную работу, облегчила тѣмъ свои будущія занятія. (ibid., 1840, Февраль, стр. 30 — 31.) Въ 1841 г., она издала третій томъ полнаго собранія Русскихъ Лѣтописей, заключающій въ себѣ *Лѣтописи Новгородскія*, коихъ числомъ три. Для печатанія первой служили слѣдующіе списки: а) Синодальный хрѣтѣйный, писанный на пергаментѣ, раз-

ными почерками, въ первой половинѣ XIV столѣтія. Оканчивается 1352 годомъ. Сей списокъ есть древнѣйшій изъ извѣстныхъ. б) Академическій, полууставомъ, въ исходѣ XV, или въ началѣ XVI в.; въ немъ недостаетъ начала и конца, да и въ срединѣ нѣтъ многихъ листовъ. с) Графа Толстаго, изъ Архангельской Библіотеки Князя Д. М. Голицына, дополняющій послѣдній и продолжающій его до 1444 года. Изданная по этимъ спискамъ Новгородская первая Лѣтопись принадлежитъ къ важнѣйшимъ памятникамъ дѣписанія нашего Сѣвера. Она изображаетъ старинное политическое и гражданское устройство Новгорода, дѣла тамошней Церкви, тѣсно связанной съ Кіевскимъ и Московскимъ Православіемъ, союзы и раздоры Новгородцевъ съ Русскими Князьями, войны съ сосѣдями, раннюю торговлю съ Европою, внутренніе мятежи, народныя бѣдствія. Сія Лѣтопись проливаетъ свѣтъ и на Исторію Русскихъ Удѣльныхъ Княжествъ, по короткимъ сношеніямъ Новгорода съ Южною Русью. Достоувѣрность ея содержація проистекаетъ изъ самаго свойства матеріаловъ, состоящихъ или изъ сказаній, основанныхъ на свѣжемъ преданіи, или изъ правительственныхъ актовъ, или изъ замѣтокъ людей, бывшихъ очевидцами описанныхъ въ ней происшествій. Сверхъ того, Новгородская первая Лѣтопись есть единственный источникъ для Исторіи древняго Новгорода; по этому текстъ ея преимущественно повторяется въ позднѣйшихъ Лѣтописяхъ, или точными словами, или въ подповленіяхъ и переименованіяхъ. Прибавочныя же повѣствованія сихъ Лѣтописей о дѣлахъ Новгородцевъ, прежде половины XV столѣтія, неважны и отчасти

невѣроятны. *Вторая* Новгородская Лѣтопись, сохранившаяся только въ одномъ спискѣ Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, писана полууставомъ, четырьмя почерками, въ исходѣ XVI, или въ началѣ XVII в., и составлена изъ нѣсколькихъ, частью извѣстныхъ, частью утраченныхъ, списковъ Новгородскихъ Временниковъ. Съ перерывомъ нѣкоторыхъ годовъ, она продолжается отъ 911 по 1587. До конца XV столѣтія мѣстами сходна съ Новгородскою первою и другими тамошними Лѣтописями; но съ XVI в. совершенно отъ нихъ разнится. Кромѣ множества современныхъ событій, она поясняетъ древнее географическое положеніе Новгорода и указываетъ на обстоятельства, дополняющія Исторію Царя Іоанна Грознаго, въ смутную эпоху опричины, коихъ нѣтъ ни въ одномъ спискѣ прочихъ Временниковъ. *Третья* Новгородская Лѣтопись напечатана по 9 спискамъ, сходствуетъ съ первою и отчасти съ Софійскимъ Временникомъ, достигаетъ исхода XVII в., а по списку Толстовскому до 1716 года. Вмѣщая въ себѣ преимущественно извѣстія о построеніи церквей, она представляетъ также нѣсколько отдѣльныхъ сказаній, изъ которыхъ наиболѣе любопытны: о казни Новгородцевъ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, о взятіи Новгорода Делагардіемъ, объ осадѣ Тихвинскаго монастыря Шведами, въ началѣ XVII столѣтія. Вошедшіе въ составъ этого изданія 13 списковъ Новгородскихъ Лѣтописей тщательно сличены между собою, съ показаніемъ разпорѣчій; ошибки писцовъ, по возможности, объяснены подобными мѣстами другихъ Лѣтописей; хронологическія невѣрности исправлены чрезъ повѣрку содержа-

щихся въ нихъ числѣ съ Пасхаліею; присовокуплены историческія примѣчанія. (Предисловіе I, стр. V — IX; предисловіе II, стр. 117 — 119; предисловіе III, стр. 205 — 206. Ср. Ж. М. Н. П., 1841, Августъ, стр. 48 — 49.) Въ 1843 г., напечатанъ второй томъ полнаго собранія Русскихъ Лѣтописей, заключающій въ себѣ *Ипатіевскую Лѣтопись*. Списокъ ея относится къ исходу XIV, или началу XV в., писанъ на бѣломъ пергаментѣ, въ двѣ колонны, разными почерками. Для поясненія варіантами употреблены: 1) Хлѣбниковская рукопись, уставная, на лощеной бумагѣ, XVI ст. . Она переименовывается и частью дополняетъ Ипатіевскій списокъ. 2) Рукопись Ермолаевская, близкая копія Хлѣбниковской, начала XV в., писанная уставомъ. Ипатіевская Лѣтопись, въ составѣ своемъ, раздѣляется на двѣ части. Первая содержитъ въ себѣ Временникъ Нестора съ продолженіемъ, подъ коимъ разумѣется Лѣтопись о Кіевскомъ и другихъ Юго-Восточныхъ Русскихъ Княжествахъ, до 1200 года; въ началѣ она сходна съ Лаврентіевскою, но съ половины XII ст. разнится отъ нея изложеніемъ. Во второй части заключается Лѣтопись о Западно-Русскихъ Княжествахъ, извѣстная подъ именемъ Волынской, или Галицкой, доходящая до 1292 г. . Археографическая Коммиссія, при изданіи Ипатіевской Лѣтописи, руководствовалась слѣдующими правилами: 1) текстъ напечатанъ по Ипатіевскому списку, съ удержаніемъ основныхъ формъ древняго правописанія; 2) Хлѣбниковскій и Ермолаевскій списки служили пособіемъ отчасти къ исправленію текста, а отчасти къ обозначенію отмѣнъ позднѣйшаго слововыраженія, сравнитель-

но съ Ипатіевскимъ спискомъ; 3) въ выноскахъ и вариантахъ присоединены замѣчанія. (Предисловіе, стр. V — IX.) Я уже говорилъ выше, что, по отзыву Я. И. Берединова, Лаврентіевскій списокъ, кромѣ Временника Преподобнаго Нестора, вполнѣ помѣщеннаго въ первыхъ его тетрадахъ, и окончанія, содержащаго въ себѣ сказаніе о Суздальскомъ и прочихъ Сѣверныхъ Княжествахъ, есть та же сокращенная Ипатіевская Лѣтопись. Отсюда явствуется, какъ велика ея важность для періода самобытности Руси, — до завоеваній Монголовъ и Литвы. Кромѣ сего, Г. Шевыревъ превосходно раскрылъ, какія драгоцѣнныя средства предлагаетъ она къ уясненію знаменитаго *Слова о Пожы Игоревомъ*. — При многосложныхъ собственныхъ трудахъ, Коммиссія брала дѣятельное участіе въ занятіяхъ постороннихъ обществъ и лицъ. Въ 1835 г., учрежденъ въ *Кіевѣ Временный Комитетъ для изысканія древностей*. (О ходѣ открытій, сдѣланныхъ тамъ до 1836 г., см. въ *Ж. М. Н. П.*, 1836, Ноябрь.) Въ 1837 г., онъ завелъ особый музей, помѣщенный въ Университетѣ Св. Владиміра, укрѣпилъ Златыя Врата, производилъ изслѣдованія на Андреевской горѣ, въ оградѣ Трехсвятительской церкви и на мѣстѣ прежде бывшаго монастыря Св. Великомученика Димитрія. Въ 1838 г., совершенно окончательное разрытіе остатковъ старинной церкви Св. Ирины, и учинены поиски въ недалекомъ разстояніи отъ нея. (У Нестора сказано: *а Дирова могила за Св. Ориною*.) Тогда же происходили разысканія въ саду Г. Королева, гдѣ находятся слѣды каменной церкви и монастыря Св. Θεодора. (*ibid.*, 1838, Апрель, стр. 77 — 89.) Въ этомъ

году рылись также въ оградѣ Михайловскаго монастыря и въ горѣ ниже его. (ibid., 1839, Мартъ, стр. 67 — 84.) Но какъ усилія Комитета не обогатили Русской Исторіи никакими новыми данными, то Г. Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа представлялъ на благоусмотрѣніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія; образовать изъ Комитета отдѣленіе Археографической Коммиссіи, распространивъ его дѣйствія обязанностію собирать въ Западныхъ Губерніяхъ письменные историческіе матеріалы и сообщать ей о томъ свѣденія, равно и объ открытіяхъ на почвѣ города Кіева. Г. Министръ поручилъ Коммиссіи разсмотрѣть это предположеніе. Археографическая Коммиссія нашла: 1) что сумма (1500 р. асс.), ежегодно отпускаемая Комитету древностей, недостаточна для подробнаго обзора архивовъ и библіотекъ Западной Россіи; 2) что въ Присутственныхъ Мѣстахъ Западныхъ Губерній не предвидится особенно важныхъ источниковъ въ историческомъ отношеніи; 3) что Великорусскіе архивы, наполненные множествомъ неизвѣстныхъ еще пособій, касающихся собственно до Исторіи Русской, заслуживаютъ предпочтительное съ ея стороны вниманіе, и 4) что она не въ состояніи умножить средства Комитета. Въ заключеніе, Коммиссія объяснила, что если не окажется возможности увеличить ихъ, то лучше закрыть Комитетъ, а сумму, предоставленную ему, обратить на издержки одному изъ Корреспондентовъ, коего она изберетъ и на коего возложить осмотръ памятниковъ старины въ Западномъ краѣ. (ibid., 1840, Апрѣль, стр. 12 — 14.) Въ 1841 и 1842 годахъ, Г. Старчевскій, Студентъ С. Петербургскаго Университета,

издаѣ: *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI, vol. I et II*. Въ первомъ томѣ: 1) Sigismundi Herbersteinii rerum Moscoviticarum Commentarii; 2) Pauli Iovii Novocomensis de legatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII Pontificem Maximum liber; 3) Ioannis Fabri Moscovitarum religio; 4) Claudii Guisani XII quaestiones et Graecorum ad eas responsiones; 5) Ioannis Levenclavii de Moscovitarum bellis Commentarius; 6) Anglorum navigatio ad Moscovitas; 7) Alexandri Guagnini Veronensis omnium regionum Moscoviae descriptio; 8) Mathias a Michovia de Moscovia; 9) Tilemanni Bredenbachii et Philippi Olmeni belli Livonici historia; 10) Iacobi Ulfeldii legatio Moscovitica s. hodoeporicon Ruthenicum. Во второмъ: 1) Moroni Cardinalis ad Magnum Moscoviae Ducem et ad Rudolphum Clenchen epistolae; 2) Ioannis Cobencelii de legatione ad Moscovitas epistola; 3) Danielis Buchavi Magni Moscoviae Ducis genealogia; 4) De jure Magni Moscoviae Ducis in Livoniam epistola; 5) Pauli Oderbornii de Russorum religione et ritibus narratio; 6) Acta in conventu legatorum Stephani, Regis Poloniae, et Ioannis Basilii, Magni Moscoviae Ducis, 1581; 7) Reinholdi Heidensteinii de bello Moscovitico Commentariorum libri VI; 8) Pauli Oderbornii, Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis vita; 9) Antonius Possevinus de Moscovia; 10) Arsenii Ellassonis Archiepiscopi iter in Moscoviam. Приготовивъ къ напечатанію подробную рецензію сего изданія, на этотъ разъ ограничиваюсь сообщеніемъ извѣстія, что Археографическая Коммиссія, основываясь на отзывѣ Я. И. Бередникова, признала его удовлетворительнымъ и избрала Г. Старчевскаго своимъ Корреспондентомъ, а Г. Министръ Народнаго Про-

свѣщенія исходатайствовалъ ему пособіе во 100 червонныхъ. Въ слѣдующихъ томахъ, которыхъ число опредѣлится количествомъ матеріаловъ, Г. Старчевскій намѣренъ помѣстить авторовъ XVII столѣтія. (ibid., 1842, Февраль, стр. 50—52; Ноябрь, стр. 2—3.) — Весьма обширною является также дѣятельность *Московского Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, преимущественно съ 1836 г., когда званіе Предсѣдателя принялъ на себя Графъ С. Г. Строгоновъ. Тогда же Вице-Президентомъ сего Общества назначенъ А. Д. Чертковъ, снискавшій себѣ заслуженную славу своими учеными трудами по Русской Исторіи, особенно по части Нумисматики. Вскорѣ послѣ того, возникъ при Обществѣ Комитетъ, долженствующій соображать его занятія съ епособами, коими оно можетъ распорядиться. Этотъ Комитетъ не замедлилъ представить Обществу мнѣніе о средствахъ распространить кругъ его дѣйствій на пользу отечественнаго бытописанія. Такимъ образомъ, приступлено къ изданію: Супрасльской рукописи Княземъ М. А. Оболенскимъ и Псковской Лѣтописи М. П. Погодинымъ. Печатаніе Данилова Паломника, возложенное прежде на Г. Коркунова, Обществомъ передано Археографической Коммиссіи. Г. Кубаревъ взялся издать Патерикъ; Г. Вещелинъ напечаталъ второй томъ своего сочиненія: *Древніе и нынѣшніе Болгаре*; Г. Бодянский перевелъ классическое твореніе Шафарика: *Славянскія Древности*; Г. Снегиревъ издалъ прекрасныя изслѣдованія о Русскихъ народныхъ праздникахъ; Г. Сахаровъ — сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собраніе Русскихъ пѣсенъ и записки Русскихъ

людей (о событіяхъ времени Петра Великаго); Г. Мухановъ — историческій Сборникъ и Филаретовскую рукопись; Г. Чертковъ — описаніе старинныхъ Русскихъ монетъ, съ нѣсколькими дополненіями; Г. Погодинъ — историко-критическое разсужденіе о началѣ Русскихъ Лѣтописей. Въ 1837 г., по ходатайству Графа С. Г. Строгонова, Высочайше повелѣно производить Обществу, на печатаніе его трудовъ, ежегодно по 5000 р. асс. . Пользуясь симъ вспоможеніемъ, оно издало сводъ Лѣтописей, составленный покойнымъ Н. С. Арцыбышевымъ, подъ заглавіемъ: *Повѣствованіе о Россіи*, и отправило Г. Пассека для обзрѣнія кургановъ въ Харьковской и Полтавской Губерніяхъ. Въ 1839 г., Общество поручило Князю Оболенскому и Гг. Погодину и Даниловичу изданіе дипломатическихъ сношеній между Царемъ Іоанномъ Грознымъ и Польщею. Съ 1837 г. по настоящую пору, Секретаремъ Московскаго Историческаго Общества М. П. Погодинъ. По вступленіи его въ эту должность, Общество опредѣлило: вмѣсто прежнихъ *Трудовъ и Лѣтописей*, напечатанныхъ въ 8 частяхъ, начать новый журналъ, подъ названіемъ *Русскаго Историческаго Сборника*. Излишне было бы говорить о важности сего изданія, выходящаго подъ наблюденіемъ Г. Погодина. Надлежитъ лишь указать на статьи: *Ходаковского* — пути сообщенія въ древней Россіи, отвѣтъ Калайдовичу на его сужденія о городищахъ, отрывокъ изъ путешествія по Россіи (сообщены М. П. Погодинымъ, который, кромѣ этихъ сочиненій, пріобрѣлъ еще, въ 1836 г., 3 тома географическаго словаря городищъ съ принадлежащими къ нимъ урочищами, словарь растеній и

замѣтки касательно Русской и Литовской Географіи и Минералогіи); *Кубарева* — Несторъ, первый писатель Россійской Исторіи, церковной и гражданской; *П. И. Иванова* — дѣла о мѣстничествѣ; *Калайдовича* — о поединкахъ въ Россіи вообще, и въ особенности о судебныхъ; *О. Глинки* — о признакахъ древняго быта и камняхъ, найденныхъ въ Тверской Кареліи, въ Бѣжецкомъ уѣздѣ; *Шфарика* — Славянскія племена въ нынѣшней Россіи; *Снегирева* — повѣданіе и сказаніе о побойцѣ В. К. Дмитрія Донскаго, Слово о житіи и преставленіи его, Слово о плѣку Игоревѣ; *Протоіеря Сабинина* — извлеченіе изъ Саги Олава; *Даниловича* — историческій взглядъ на древнее образованіе Славянскихъ и преимущественно Польскихъ городовъ до XIII ст.; *Погодина* — о договорахъ Олега, Игоря и Святослава съ Греками, послѣдніе историческіе толки, о мѣстничествѣ; *Пассека* — курганы и городища Харьковскаго, Валковскаго и Полтавскаго уѣздовъ; *Дубенскаго* — Правда Русская. Въ 1838 г., при участіи Общества, получило начало весьма примѣчательное предпріятіе. Давно уже обнаруживалось желаніе видѣть издачнымъ обстоятельное описаніе памятниковъ Московской древности. Указъ 1826 г., коимъ повелѣвалось сохранять существующіе во всѣхъ концахъ Россіи слѣды старины, поселилъ надежду, что сіе желаніе будетъ, наконецъ, исполнено. Въ 1838 г., Министерство Внутреннихъ Дѣлъ предложило Князю Д. В. Голицыну озаботиться составленіемъ такого описанія. Князь Голицынъ, по званію Почетнаго Члена Общества, обратился къ нему съ приглашеніемъ содѣйствовать въ этомъ полезномъ дѣлѣ. Описаніе

должно включать въ себѣ: монастыри, церкви, замки, дома, водопроводы, мосты, развалины стѣнъ, остатки древнихъ дорогъ и прочіе предметы, достойные вниманія или по своей давности, или по особенно важнымъ происшествіямъ. Общество изъявило готовность споспѣшествовать намѣренію Правительства, тѣмъ болѣе, что драгоценныя памятники старины Русской жизни непрестанно разрушаются временемъ, невѣжествомъ и неосмотрительнымъ усердіемъ, которое часто, главнѣйше въ церквахъ и монастыряхъ, своими передѣлками и поправками изглаждаетъ древность. Въ засѣданіи 15 Апрѣля 1838 г., Общество поручило Г. Снегиреву, нѣсколько лѣтъ занимающемуся изысканіями сего рода, начертать планъ описанія Москвы. Г. Снегиревъ совершилъ этотъ трудъ отчетливо и основательно. Князь Голицынъ доставилъ Обществу сумму, необходимую на издержки изданія. Въ 1841 г. вышли въ свѣтъ: *Памятники Московской Древности*, ч. I, тетради 1 и 2. Въ первой помѣщенъ обзоръ Исторіи Москвы, въ отношеніи къ имѣющимся въ ней остаткамъ старины; вторая посвящена описанію Успенскаго Собора. Къ сему сочиненію приложены превосходные рисунки. Въ 1842 г. напечатаны 3 и 4 тетради. Въ нихъ содержатся: окончаніе описанія Успенскаго Собора, потомъ описаніе Соборовъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго. Къ четвертой тетради присоединено объясненіе древнихъ чертежейъ Москвы Герберштейна, Блевія, Готофреда, Олсарія, Майерберга и другихъ; приобщены также рисунки отличной работы. Въ 1843 г. изданы тетради 5 и 6, въ коихъ: Иванъ Великій, Спасъ на бору, Чудовъ монастырь, церковь Рождества Предтечи,

церковь Ризъ Положенія, Синодальный (прежній Патріаршій) домъ (при этомъ описаны: Патріаршая ризница и Патріаршая бібліотека, въ которой находятся замѣчательныя Лѣтописи, Хронографы, Житейники, каталоги Святителей, ихъ посланія, и проч.). Подобно предъидущимъ, и сіи тетради украшены великолѣпными рисунками. (Описывая Патріаршую, нынѣ Синодальную Библіотеку, Г. Снегиревъ сначала предлагаетъ историческія свѣденія, какъ она возникла, послѣ говоритъ, какъ приводили въ извѣстность драгоценныя ея сокровища — Кондоиди, Аѳанасій Скіада, Епископъ Самуилъ Миславскій, Профессоръ Маттеи —, наконецъ исчисляетъ замѣчательнѣйшія творенія по классической Словесности, Богословію, Каноническому Праву, церковной и гражданской отечественной Исторіи. Изъ Русскихъ рукописей Г. Снегиревымъ поименованы: 1) Псковская Лѣтопись, XV, или XVI ст.; 2) Московская Лѣтопись; 3) Кирилловская сокращенная Лѣтопись, XV в.; 4) Лѣтописецъ малый вкратцѣ; 5) древній списокъ Хроники Манассіи; 6) Лѣтопись Симеона Логовета; 7) Царственная Книга, XVI ст.; 8) Лѣтовникъ съкращенъ отъ различныхъ Лѣтописецъ Георгія инока (Гамартола?); 9) Лѣтопись Дмитрія Ростовскаго; 10) собраніе Патериковъ; 11) Каталоги Кіевскихъ Митрополитовъ, соч. Дмитрія Ростовскаго; 12) Посланія Россійскихъ Митрополитовъ и другихъ лицъ, съ XIV по XVI в. — Въ заключеніе, Г. Снегиревъ отзывается: «Синодальная Библіотека до сихъ поръ еще ожидаетъ отчетливаго каталога, какой, по порученію Графа Н. П. Румянцева, началъ было составлять Калайдовичъ.» При этомъ

случаѣ, почитаю нужнымъ сказать, что О. Ризничій Евстафій давно уже приготовляетъ такое описаніе всѣхъ богатствъ сего превосходнаго книгохранилища.) — Въ 1834 г., учреждено, въ Ригѣ, *Общество Исторіи и Древностей Остзейскаго Края*. Его цѣль: «*Die Erhaltung und Verbreitung alles dessen zu befördern, was auf Geschichte und Alterthumskunde der Ostsee - Provinzen Russlands Bezug hat.*» Для выполненія этого намѣренія постановлено: 1) устроить библіотеку и музей, 2) издавать лучшія историческія произведенія. Общество имѣетъ ежемѣсячныя засѣданія и печатаетъ: *Mittheilungen aus der livländischen Geschichte*, которыхъ понынѣ вышло 6 тетрадей. — Въ 1839 г., открыто *Ученое Эстонское Общество*, предназначившее себѣ задачею — изслѣдовать Исторію и языкъ Эстовъ. Оно обнародываетъ: *Verhandlungen der gelehrten esthnischen Gesellschaft zu Dorpat*. — Въ семъ же году, воспріяло бытіе *Одесское Общество Любителей Исторіи и Древностей*, удостоившееся, при самомъ учрежденіи своемъ, высокихъ милостей Государя Императора. Его Императорскому Величеству благоугодно было: 1) дозволить Обществу производить археографическія разысканія во всей Южной Россіи; 2) опредѣлить ему ежегодно по 5000 р. асс., и 3) возложить званіе Покровителя Общества на Государя Цесаревича Наслѣдника Великаго Князя Александра Николаевича. (Планъ занятій Одесскаго Общества превосходно показанъ въ рѣчи его Президента Д. М. Княжевича: о способахъ къ достиженію цѣли, предположенной уставомъ О. О. Л. И. и Д..) Весьма поучительно также слово, произнесенное въ торжест-

венномъ собраніи Общества, Дѣйствительнымъ его Членомъ Г. Надеждинымъ: *о важности историческихъ и археологическихъ изслѣдованій Новороссійскаго Края, преимущественно въ отношеніи къ Исторіи и Древностямъ Русскимъ.* — См. Торжественное собраніе Одесскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей, 4 Февраля, 1840 г.) — Въ 1838 г., по Высочайшему повѣленію, Профессоръ Дерптскаго Университета Крузе обозрѣвалъ остатки старины, вымытыя р. Двиною при Ашераденѣ. Въ 1839 г., этотъ же Ученый, вспомоцествуемый Правительствомъ, объѣхалъ Остзейскія Губерніи. Плодомъ сего археологическаго путешествія было извѣстное сочиненіе: *Necrolivonica oder Alterthümer Liv —, Esth — und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion etc..* Dorpat, 1842. — Въ 1841 г., начато, по соизволенію Государя Императора, изданіе многолѣтняго труда: *историческое описаніе одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, составленное Капитаномъ Висковатовымъ.* Оно должно обнять пространство времени отъ первыхъ историческихъ памятниковъ (съ XI в.) до настоящаго положенія Русской арміи. Къ нему присовокуплены прекрасной отдѣлки рисунки, заимствованные изъ уцѣлѣвшихъ пошынѣ, въ небольшомъ количествѣ, древнихъ картинъ, портретовъ и изображеній, приложенныхъ къ книгамъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. Повторимъ здѣсь дѣльное замѣчаніе Г. Устрялова: «пополняя собою весьма важный недостатокъ, существовавшій у насъ по части вѣрнаго описанія Русской одежды и оружія, до Петра Великаго, сочиненіе Г. Висковатова служить необходимымъ пособіемъ для художниковъ,

посвящающихъ свои дарованія Русской Исторіи и до сей поры крайне нуждавшихся въ подобномъ изданіи. Отечественной Исторіи трудомъ этимъ оказана услуга въ томъ отношеніи, что онъ дѣлаетъ понятнымъ названія, встрѣчающіяся въ Лѣтописяхъ и другихъ источникахъ, и доселѣ остававшіяся темными и недоступными. Наконецъ, сіе сочиненіе возвращаетъ отечественному языку множество словъ, которыя или вовсе для него были утрачены, или понимались въ превратномъ смыслѣ.» (Общій отчетъ о двѣнадцатомъ присужденіи Демидовскихъ наградъ, въ Ж. М. Н. П., 1843, Іюль, стр. 13.) — Въ 1843 г., Временная Коммиссія, учрежденная при Вилепскомъ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ, напечатала: *собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Вильны, Ковно, Троку, Православныхъ Монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ.* Въ этомъ любопытномъ собраніи помѣщены документы, объясняющіе законы и постановленія бывшаго Великаго Княжества Литовскаго, народныя обычаи, Исторію Христіанства въ Литвѣ, состояніе Греко-Россійской Церкви, устройство ремесленныхъ цѣховъ, и проч.. Въ началѣ книги сдѣланъ взглядъ на географическое положеніе древней, коренной Литвы, на происхожденіе Литовскаго народа, на составъ его языка; предложено мнѣніе о династіяхъ, первоначально княжившихъ въ Литвѣ; рассмотрѣны ея отношенія къ Россіи, вліяніе Ярослава на нѣкоторыя Литовскія области, распространеніе Русскихъ обитателей на лѣвомъ берегу Вилии, образованіе удѣловъ Минскаго, Новогродскаго, Туровскаго, Брестскаго и Гродненскаго, при потомкахъ Св. Владиміра, введеніе

языка, вѣры, законовъ и обываевъ Русскихъ; показано сходство въ порядкѣ управленія и наслѣдованія верховной власти въ Россіи и Литвѣ; обозрѣны политическія связи Литовцевъ съ Русью; подробно раскрыты родственныя сближенія между Русскими и Литовскими Князьями, особенно же — Православное Исповѣданіе послѣднихъ, борьба Русскаго элемента въ Литвѣ съ Польскимъ, желаніе Литовцевъ отдѣлиться отъ Поляковъ, имѣть у себя Князей Русскихъ, преобладаніе въ Литовскихъ владѣніяхъ Русскаго языка. Собраніе самыхъ грамотъ и актовъ раздѣлено на двѣ части: въ первой — 86 грамотъ, данныхъ городу Вильнѣ съ 1387 по 1618 г., и 11 грамотъ контуберніямъ и цѣхамъ Виленскимъ съ 1552 по 1713 г.; во второй — а) 39 грамотъ Королей, выписей изъ трубинальных и городскихъ книгъ, завѣщаній и т. п.; б) 8 грамотъ Православнымъ Монастырямъ; в) 15 актовъ о Православныхъ Церквахъ города Троку; д) 20 актовъ, относящихся къ городамъ Ковно и Трокамъ, и е) 13 грамотъ и актовъ на имѣнія и по разнымъ предметамъ. Присовокуплены 8 приложений: 1) о родословіи Литовскихъ Князей; 2) о сынѣ Ольгерда Ягайлѣ, родоначальникѣ Королевскаго Ягеллонова Дома въ Польшѣ (Ягайло, рожденный отъ Русской Княжны, съ малолѣтства утвержденъ былъ въ Православной Вѣрѣ и только изъ политическихъ видовъ принялъ Католическое исповѣданіе); 3) о водвореніи Православнаго Исповѣданія въ Литвѣ до Ягайлы, и о Православныхъ Церквахъ въ Вильнѣ, Трокахъ и Гродно (Греко - Россійская Вѣра виѣдрилась между Литовцами прежде Римско - Католической); 4) о свѣтскихъ братствахъ въ

Вильнѣ и о Магдебургскомъ правѣ (цѣлю братствъ было: отправленіе богослуженія въ праздники и по нѣкоторымъ днямъ въ недѣлю, пособіе обѣдѣвшимъ, погребеніе умершихъ, поддержаніе Православія; по Магдебургскому праву, обывателямъ Греко-Россійскаго вѣроисповѣданія предоставлялись особый судъ и городовое управленіе); 5) о распространеніи Римско-Католическаго исповѣданія и Уніи въ Литвѣ (знатнѣйшіе Литовскіе дворянскіе роды насиліемъ отторгнуты отъ Православной Церкви); 6) объ избраніи Короля Польскаго по пресѣченіи Ягеллонова Дома; 7) какія страны въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ назывались Русью, и какой народъ именовался Русскимъ? (области, нынѣ составляющія Западныя Губерніи, заключаая въ себѣ коренное населеніе Русское, употребляющее языкъ Русскій, всегда сохраняли, и подѣ властію Литовскаго Княжества, и подѣ правленіемъ Польши, названіе Руси и Русскаго народа), и 8) о древней Православной Церкви въ Вильнѣ, называемой Пятницкою. Въ числѣ приложеній замѣчательнъ также планъ города Вильны 1679 г. — Въ 1843 г., Г. Вельтманъ, Помощникъ Директора Оружейной Палаты, по Высочайшему повелѣнію издалъ: *достопамятности Московскаго Кремля*, съ рисунками. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ легкій очеркъ Кремлевскихъ достопримѣчательностей, приспособленный къ потребностямъ посѣтителей, довольствующихся бѣглымъ обзоромъ. Рисунки превосходны. — Съ сего же года, Г. Тромошинъ, при покровительствѣ Князя Д. В. Голицына, началъ издавать: *достопамятности Москвы*, въ рисункахъ, очеркахъ и снимкахъ, съ краткимъ объясненьемъ

нымъ описаніемъ. Это изданіе выходитъ тетрадями, въ неопредѣленное время. Донынѣ появилась лишь первая тетрадь; въ ней: 1) Сіонъ или ладанница, Византійскаго издѣлія XI ст., въ ризницѣ Успенскаго Собора; 2) изображеніе Святослава II Ярославича, +1076 г.; 3) надпись и три картины на троюбъ Мономаховомъ; 4) пушки Оцаръ и Царь; 5) крестъ въ часовнѣ у Крестовской заставы; 6) надпись и украшенія на пушкѣ Единорогъ; 7) письмо Царя Θεодора Алексѣевича къ Іоакиму, Патріарху Всероссійскому. — Въ 1843 же году, основанъ при Дерптскомъ Университетѣ *центральный Музей отечественныхъ древностей*. Г. Профессоръ Крузе, пріобрѣтшій обширную извѣстность своими археологическими познаніями, недавно сообщилъ свѣденія, какъ возникло сіе полезное учрежденіе, при просвѣщенномъ содѣйствіи Г. Попечителя Дерптскаго Учебнаго Округа Е. Б. Крафстрема. (См. Erster Bericht über die Hauptresultate der im J. 1843 gestifteten Centralsammlung vaterländischer Alterthümer an der Universität zu Dorpat. 1844, Dorpat und Leipzig. — Весьма поразителенъ фактъ, что въ Остзейскомъ Краѣ считается **ПЯТЬ** музеевъ: 1) въ Митавѣ, при Курляндскомъ Обществѣ, подъ завѣдываніемъ Г. Рекке; 2) въ Ригѣ, при тамошнемъ Историческомъ Обществѣ, подъ смотрѣніемъ Г. Бейзе; 3) въ Дерптѣ, при Университетѣ, подъ вѣденіемъ Г. Крузе; 4) тамъ же, при Ученомъ Эстонскомъ Обществѣ, подъ надзоромъ Г. Саксендаля, и 5) въ Ревелѣ, при Литературномъ Обществѣ.) — Вотъ что совершено у насъ на пользу Русской Исторіи или непосредственно самимъ Правительствомъ, или при великодушномъ его участіи! Но воспользовались ли мы

обильными средствами, которыя оно постоянно предоставляло и всегда готово предоставить намъ? Разработали ли мы драгоценныя матеріалы, собранныя его попечительною и доступные теперь каждому? Коснулись ли наши усилія, доискивалась ли пытливость наша тѣхъ основныхъ, коренныхъ задачъ, коихъ отчетливое рѣшеніе уяснило бы намъ минувшую жизнь предковъ, въ ея постепенномъ развитіи? Если бы кто нибудь, владѣя основательнымъ знаніемъ предмета и руководствуясь неумытнымъ безпристрастіемъ, принялъ на себя трудъ изобразить намъ ходъ Русской Исторіографіи, то мы получили бы книгу, исполненную самыхъ поучительныхъ уроковъ. На каждой ея страницѣ мы нашли бы убѣдительныя доказательства, какъ безпланны были наши занятія отечественнымъ дѣписаніемъ, какъ много они зависѣли отъ случая, какъ необдуманно подчинялись постороннему вліянію, а потому и неудивительно, что успѣхъ ихъ такъ мало удовлетворителенъ. Не положивши прочныхъ началъ, мы опрометчиво брались за вопросы, или вовсе непринадлежащіе къ нашему кругу, или второстепенные, и безплодно тратили на нихъ время. Что извѣстно намъ о гражданскомъ устройствѣ древней Руси? Далеки ли наши свѣденія о тѣхъ стихіяхъ, изъ коихъ сложился старинный семейный бытъ Русскій? Соответствуетъ ли современнымъ потребностямъ то, что доселѣ сдѣлано нами относительно Русскихъ Древностей и Исторіи Русскаго законодательства? Каковы наши познанія о племенахъ, съ которыми мы нѣкогда состояли въ тѣсныхъ связяхъ? Имѣемъ ли мы такія спеціальныя историческія сочиненія объ отдѣльныхъ Кня-

жествахъ и городахъ, кои служили бы намъ вѣрною, одушевленной картиной частнаго движенія жизни Русскаго народа? Какими изслѣдованіями обогатили мы Генеалогію, Геральдику, Епиграфику, Сфрагистику, Палеографію, Дипломатику, Нумизматику? (По *Генеалогіи* только въ недавнюю пору появились замѣчательныя разысканія Князя Долгорукаго — о собственномъ его родѣ, также *Россійскій родословный Сборникъ* — и К. М. Бороздина — объ Анраксинныхъ, Скавронскихъ, Ефимовскихъ, Бенкендорфахъ, Матюшкиныхъ, Измайловыхъ, Нащокиныхъ. Сюда же должно причислить труды Бантыша-Каменскаго: *Словарь и Біографіи Россійскихъ Генералиссимусовъ и Генералъ-Фельдмаршаловъ*. Касательно *Палеографіи* уважительны попытки Гг. Строева и Погодина — образцы *Славяно-Русскаго древлеписанія*. Въ 1838 г., Г. Бередниковъ, донося Археографической Комиссіи, что печатаніе юридическихъ актовъ приводится къ окончанію, присовокупилъ: «не угодно ли будетъ приложить къ тексту палеографическія таблицы почерковъ съ XIV по XVIII в.»? Онъ думалъ, что эта коллекція почерковъ окажется довольно полною, если ограничится и одними юридическими подлинниками. При семъ случаѣ, Г. Бередниковъ отозвался: «считая излишнимъ распространяться о пользѣ подобнаго изданія, не могу не упомянуть, что снимки почерковъ, напечатанные въ IV томѣ *Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ* и изданные особою книжкою при обстоятельномъ описаніи *Славяно-Россійскихъ рукописей Графа Толстаго*, бѣдны скорописными почерками и сняты не съ лучшихъ оригиналовъ, почему и не надобно призна-

вать ихъ образцами Русской графики во всемъ ея объемѣ и измѣненіяхъ.» Въ отвращеніе этого недостатка, Г. Беренниковъ предложилъ: «скорописныя формы XV, XVI и XVII столѣтій распределить въ хронологическомъ порядкѣ, и представить по нѣскольку экземпляровъ современныхъ почерковъ.» Коммиссія поручила ему составить такія палеографическія таблицы и приготовить ихъ къ печатанію, но не въ видѣ прибавленія къ юридическимъ актамъ, а особо, и при томъ не по подлинникамъ лишь документовъ сего разряда. Ж. М. Н. П., 1838, Августъ, стр. 363 — 364. Въ 1844 г., напечатанъ: *Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма, разныхъ періодовъ времени, изданный для воспитанниковъ Межеваго Вѣдомства.* Почтенный издатель, П. И. Ивановъ, объясняетъ, во вступленіи, цѣль этого Сборника. «Министерство Юстиціи», говоритъ онъ, «желая преподать особенные способы къ свободному чтенію древнихъ актовъ какъ воспитанникамъ Межеваго Корпуса, будущимъ дѣйствителямъ на обширномъ поприщѣ спеціальнаго размежеванія земель въ Россіи, такъ и производителямъ дѣлъ крѣпостнаго судопроизводства, предположило напечатать палеографическіе снимки съ старинныхъ документовъ разныхъ періодовъ времени.» За симъ слѣдуетъ: *историческій взглядъ на развитіе Славяно - Русской письменности и Словесности.* Здѣсь разсмотрѣны, существенныя особенности древняго Славянскаго языка. Къ актамъ присоединены истолковательныя примѣчанія. По *Дипломатикѣ* нѣтъ ни одного опыта, сколько нибудь заслуживающаго вниманіе. Въ 1838 г., Г. Строевъ писалъ въ Археографиче-

скую Коммиссію: «подлинники жалованныхъ грамотъ и иныхъ актовъ, съ ихъ скрѣпами, утвержденіями, печатами, поучительныя самою наружностію, весьма важны въ отношеніяхъ дипломатическомъ, палеографическомъ, и проч.. У насъ не достаетъ полныхъ собраній подобныхъ дипломовъ, расположенныхъ въ системѣ, доступныхъ для ученыхъ изслѣдователей. Пока эти акты не будутъ на виду, Дипломатики и другихъ отдѣловъ науки нашихъ древностей быть не можетъ. Если бы Правительству угодно было образовать коллекцію старинныхъ документовъ для помѣщенія въ одной изъ государственныхъ библіотекъ, я охотно принялъ бы на себя трудъ отобрать и привести ихъ въ порядокъ.» Коммиссія опредѣлила: возобновить разсужденіе о семъ тогда, когда будетъ приступлено къ составленію проекта объ учрежденіи спеціального училища для чтенія древнихъ хартій. Ж. М. Н. Ш., 1838, Май, стр. 283 — 284.) Отъ чего же зависитъ наша бѣдность во всѣхъ этихъ необходимыхъ приготовительныхъ свѣдѣніяхъ? Почему самыя попытки наши пріобрѣсти ихъ слабы, невыдержаны, носятъ на себѣ слишкомъ явные признаки поверхности? Не надобно далеко ходить за причиною: ее угадали даже жаркіе приверженцы Норманщины. «Всѣ изслѣдователи Русской Исторіи», говоритъ Г. Погодинъ, *«НАЧИНАЯ СЪ БАЙЕРА, въ продолженіе болѣе ста лѣтъ, занимались преимущественно происхожденіемъ Варяговъ — Руси, и НАПИСАЛИ ОБЪ НИХЪ ЦѢЛУЮ БИБЛІОТЕКУ, а до прочихъ предметовъ почти не касались. Другіе брались писать полную Русскую Исторію, и потому не могли изслѣдовать въ равной степени всѣхъ ея событій, всѣхъ*

учрежденій отечественныхъ.» Историческій Сборникъ, 1838, т. III, стр. 268 — 269. (Почетное исключеніе представляютъ Гг. Чертковъ и Шодуаръ своими прекрасными трудами по Нумисматикѣ, Князь М. А. Оболенскій своимъ Сборникомъ. Обращаю вниманіе читателей на одиннадцатую книжку сего драгоценнаго собранія памятниковъ Русской Исторіи, гдѣ издатель помѣстилъ тѣ страницы Кёнигсбергскаго списка Несторова Временника, которыя Миллеромъ свѣрены съ спискомъ Троицкимъ. Извѣстно, что пергаменный, XV в., Троицкій списокъ Лѣтописи Преподобнаго Нестора сгорѣлъ въ 1812 г. Къ счастью, съ начальныхъ его листовъ уцѣлѣлъ вѣрнѣйшій противень. Въ Библіотекѣ Главнаго Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ хранится печатный экземпляръ Временника Нестора, изданнаго, въ 1767 г., по Кёнигсбергскому списку, въ *Библіотекѣ Россійской исторической*. Этотъ экземпляръ примѣчателенъ во первыхъ тѣмъ, что находился у Н. М. Карамзина, собственноручно сдѣлавшаго на немъ отмѣтки, во вторыхъ — тѣмъ, что Миллеръ, сличая его съ пергаменнымъ Троицкимъ спискомъ Несторовой Лѣтописи, выставлялъ на поляхъ не только всѣ варианты и разнословія, имѣющіяся въ немъ противъ списка Троицкаго, но поправлялъ и орфографію печатнаго экземпляра, держась въ точности правописанія Троицкаго Лѣтописца. Жаль, что Миллеръ не продолжалъ своихъ замѣчаній до конца списка. Что остановило начатую имъ повѣрку? Многіе догадываются, что побужденіемъ къ сему было сходство прочихъ листовъ Троицкаго списка, по однимъ — съ Лаврентіевскимъ, по другимъ — даже съ самымъ Кёнигс-

бергскимъ. Едва ли это такъ! Ближе къ истинѣ предположеніе Г. Менцова, что разнорѣчія, открытыя Миллеромъ въ началѣ списковъ Троицкаго и Кёнигсбергскаго, должны были встрѣчаться и въ продолженіи остальнаго ихъ текста, а что иные работы отвлекли Миллера отъ сличенія. Ж. М. Н. П., 1841, Мартъ, стр. 128.) Согласимся же, что мы необдуманно пренебрегли направленіе, указанное намъ Татищевымъ. Оно важнѣе Байеровскаго и, нѣтъ сомнѣнія, принесло бы несравненно бѣльшую пользу, еслибъ мы пребыли ему вѣрными. Татищевъ вовсе не невѣжда; напротивъ, онъ сознавалъ уже необходимость сравнительнаго разсматриванія Исторіи, чувствовалъ потребность критики, пытался оцѣнить достоинство Лѣтописей, сближалъ извѣстія, содержащіяся въ нихъ, и изъ этого сближенія выводилъ слѣдствія. Въ заключеніе, скажу, что Татищевъ первый, по выраженію Миллера *объявилъ о Преподобномъ Несторѣ и о тѣхъ, кои Лѣтопись его продолжали*. (Ежемесячныя сочиненія Академіи Наукъ, 1755, Апрѣль, стр. 278.) Очень не много новаго присоединилъ къ сему *объявленію* Миллеръ, а Шлёцеръ, по собственному признанію, только списалъ его. (Nestor, I, 17.) 3) Столь же несправедливы мы и къ незабвенному Миллеру. Какъ мы почтили память этого неутомимо трудолюбиваго мужа, который привелъ въ извѣстность главнѣйшіе отечественные источники Русской Исторіи, разобралъ огромный запасъ матеріаловъ, спасъ сотни рукописей отъ угрожавшей имъ гибели, непрестанно убѣждалъ приступить къ печатанію Лѣтописей и основательно постигалъ, какими правилами надлежитъ руководствоваться въ

семъ дѣлъ? *Вѣрующіе* утверждали, что въ Миллерѣ замѣтенъ недостатокъ способности критика, что онъ не прагматикъ, не умѣлъ распорядиться событіями, значительное смѣшивалъ съ мелочнымъ и скуднымъ мыслями. (Федотовъ, о главнѣйшихъ трудахъ по части критической Русской Исторіи, стр. 27.) *Скептики* обвиняли Миллера: 1) въ слѣпомъ довѣріи къ Нестору; 2) въ энтузіасмѣ къ Русскимъ Временникамъ; 3) въ ложныхъ толкахъ о продолжателяхъ Преподобнаго Нестора; 4) въ пристрастіи къ Сагамъ; 5) въ запутанности изысканій о происхожденіи Руси; 6) въ одностороннемъ направленіи, препятствовавшемъ ему изучать Русскую Исторію въ связи съ всеобщею; 7) въ недалековидномъ употребленіи разнохарактерныхъ пособій, и 8) въ отсутствіи высшихъ взглядовъ. (Сазоновъ, объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера, въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1835, Іюль и Августъ.) Имѣвши случай пересмотрѣть портфёли Миллера въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, я составилъ подробное обзорѣніе историческихъ его занятій, и не замедлю сообщить моимъ читателямъ критическій разборъ ихъ.

4) Наступила уже пора, когда раболѣпное изумленіе къ благовѣстителю о нашемъ отечествѣ въ ученомъ свѣтѣ, къ преобразителю первыхъ главъ нашей Исторіи, къ наставнику всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей, словомъ — къ великому Шлёцеру, какъ-то странно, неумѣстно, не въ духъ времени. Я увѣренъ, что спокойная, безпристрастная и отчетливая оцѣнка услугъ, оказанныхъ Русской Исторіи Гёттингенскимъ Профессоромъ, равно и ошибокъ, въ кото-

рыя онъ самъ впалъ и увлекъ другихъ, будетъ сопровождаться весьма значительнымъ результатомъ, обозначитъ нашъ шагъ впередъ, послѣ продолжительнаго застоя. Миѣ представится еще случай высказать мое мнѣніе объ этомъ предметѣ, теперь же ограничусь лишь замѣчаніемъ, что Шлёцеръ неудовлетворительно рѣшилъ вопросъ о развитіи отечественнаго бытописанія. Перечитывая введеніе къ знаменитому его творенію, недоумѣваешь, что подумать. Такъ ли критика, современная ему, рассматривала писателей классической древности? 5) Преемники Шлёцера, признавая дѣло о ходѣ Русской Исторіографіи завершеннымъ, говорили о немъ мимоходомъ, въ полномъ убѣжденіи, что розыски о Варягахъ гораздо важнѣе и полезнѣе. 6) Какъ ни тщетны были усилія пресловутой Скептической школы, чтобы поколебать вѣру въ Русскія Лѣтописи, но мы обязаны ей появленіемъ примѣчательныхъ сочиненій Гг. Погодина и Буткова о Несторѣ, неоспоримо доказавшихъ подлинность нашихъ Временниковъ, и послужившихъ истиннымъ обогащеніемъ нашей новой исторической Литературы. 7) Несмотря, однакожъ, на достоинства сихъ произведеній, и послѣ ихъ еще многое остается загадочнымъ въ развитіи Русскаго дѣписанія. Пока Археографическая Коммиссія не разсѣяла всѣхъ нашихъ сомнѣній, да будетъ миѣ позволено предложить собственное понятіе о началѣ отечественныхъ Лѣтописей.

Внимательный взглядъ на Временникъ Преподобнаго Нестора открываетъ намъ:

1) что ему неотъемлемо принадлежит честь *перваго Русскаго Лѣтописателя*;

2) что мнѣніе, будто онъ, подобно Василю, Сильвестру и другимъ дополнителямъ его творенія, только вставилъ свои сказанія въ повѣсти предшествовавшихъ ему Лѣтописцевъ, не имѣетъ никакого основанія, какъ убѣдительно доказалъ Г. Кубаревъ, въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи: *Несторъ, первый писатель Россійской Исторіи, церковной и гражданской*, (Историческій Сборникъ, т. 4, стр. 390 — 392);

3) что мысль — попытать свои силы въ бытописаніи возникла въ его умѣ *отъ чтенія Византійскихъ Хронографовъ*;

4) что онъ не переводилъ ни одного изъ нихъ, какъ думаетъ Князь М. А. Оболенскій (Сборникъ № 11), но пользовался готовыми переводами, сдѣланными въ Болгаріи (объ этой землѣ см. *Востокова*, Разсужденіе о Славянскомъ языкѣ, въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, 1820, ч. XVII, стр. 5, 35 — 36, 52; *Калайдовича*, Іоаниъ, Ексархъ Болгарскій, 1824, стр. 7 — 16, особенно примѣчанія; *Добровскаго*, Mährische Legende von Cyrill und Method, 1826; *его же*, въ Wiener Jahrbücher, 1835, XXII Bd.; *Каченовскаго* въ Вѣстникъ Европы, 1826, XVIII; *Преосвященнаго Иннокентія*, историческое обзорѣніе Богослужебныхъ книгъ Греко-Россійской Церкви, 1836, стр.

4 — 5; *Новицкаго*, о первоначальномъ переводѣ Священнаго Писанія на Славянскій языкъ, 1837, стр. 28 и слѣд.; *Шфарика*, Славянскія Древности, въ статьяхъ о Моравахъ и Словакахъ, о Булгарахъ; *Венелина*, о зародышѣ Ново-Болгарской Литературы, въ Московскомъ Наблюдателѣ, 1838; *его же*, о древности Болгарскаго языка, въ Отечественныхъ Запискахъ, 1839; *Мурзакевича*, въ Ж. М. Н. II., 1838, Апрѣль; *Бодянскаго*, *ibid.*, 1838, Май; *его же*, о древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть Славяно-Болгарскій, *ibid.*, 1843, Июнь; *Априлова*, Болгарскитѣ книжницы, 1841; *его же*, Денница Ново-Болгарскаго образованія, 1841; *Черткова*, о переводѣ Манассіиной Лѣтописи, 1842; *Руднева*, о ересьхъ и расколахъ, 1838, примѣч. 24);

5) что Несторъ не зналъ по Гречески, ибо всѣ его указанія на Греческихъ Лѣтописателей относятся къ Болгарскимъ переводамъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые дошли до насъ (Г. Кубаревъ *ibid.*, стр. 392—393; Гамартола мы имѣемъ два перевода: Болгарскій и Сербскій; оба отличаются вставками и сокращеніями; въ Болгарскомъ переводѣ есть еще продолженіе неизвѣстнаго писателя; всѣхъ списковъ Гамартолова Временника въ нашихъ книгохранилищахъ 12; самый лучший привезенъ изъ Аѳонскаго Павлова монастыря, въ 1655 г., Арсеніемъ Сухановымъ, и находится въ Синодальной Библіотекѣ, подъ № 148; замѣчательны также: Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря № 637, Костромскаго Богоявленскаго № 817, Чудова № 3 — П. М. Строевъ, въ

Ж. М. Н. П., 1838, Октябрь, стр. 154 — 155; въ Румянцовскомъ Музеумѣ я видѣлъ Хронографъ, въ коемъ помѣщена Лѣтопись Гамартола въ Сербскомъ переводѣ, XV в.; такой же экземпляръ у Г. Сахарова, Маякъ, 1844, Мартъ, стр. 34 — 35; въ 1840 г. Г. Прейсъ получилъ отъ Шафарика Временникъ Георгія Гамартола по Сербскому списку 1389 г.; «кажется», говоритъ онъ, «что переводъ сдѣланъ Болгариномъ и потомъ съ Болгарскаго списка преложенъ по Сербски;... изъ сличенія его съ мѣстами Гамартола, перешедшими въ наши Лѣтописи, открывається, что въ Русскій переводъ внесены нѣкоторыя подробности, не находящіяся въ Сербскомъ спискѣ 1389 г.; такъ наприм., въ немъ нѣтъ именъ Аскольда и Дира при нападеніи Руссовъ на Царьградъ въ 866 г., и т. п.» — Ж. М. Н. П., 1841, Февраль, стр. 51 — 52, тутъ же весьма дѣльные замѣтки о Болгарскомъ языкѣ; въ 1837 г., покойный С. М. Строевъ, послѣ свиданія въ Парижѣ, съ Г. Газе, писалъ: «предпринятое имъ изданіе Пселма и Георгія Гамартола явится въ свѣтъ не ранѣе будущаго года», *ibid.*, 1837, Декабрь, стр. 644; однакожъ, и доселѣ ничего не слышно о томъ);

6) что Преподобный Несторъ *не исключительно* руководствовался Гамартоломъ, но имѣлъ подъ рукою и *другихъ* Византійцевъ, въ *Болгарскихъ же переводахъ* (Г. Прейсъ, *ibid.*; кромѣ Патріарха Никифора и Манассіи, у насъ есть: а) Лѣтопись Зонары, въ Сербскомъ переводѣ; одинъ списокъ въ Волоколамской Библіотекѣ, другой — отыскалъ Шафарикъ за границею; б) Лѣтопись Симеона Логоѣта; два

списка въ Синодальной Библіотекѣ; с) хроника Ипполита, въ Кирилло - Бѣлозерской; d) переводъ Георгія Кедрина, въ Синодальной; e) Синкеллъ, Кедринъ и авторъ Пасхальной Хроники, во многихъ Хронографахъ, и f) переводы Константина Порфирогенета, — Г. Сахаровъ l. l.);

7) что онъ, переписавъ сказанія Византійскаго Лѣтописателя о сотвореніи міра, о потопѣ, о разсѣленіи народовъ, о Греческихъ происшествіяхъ, присовокупилъ къ нимъ собственное повѣствованіе о Руси, частію по устнымъ народнымъ и монастырскимъ преданіямъ, частію по монастырскимъ запискамъ, частію же и по Византійскому своему руководителю (ср. Сборникъ Князя М. А. Оболенскаго, № 11);

8) что Несторъ принялся за составленіе Лѣтописи послѣ 1113 г., въ Княженіе Владиміра Мономаха, и окончилъ ее подъ 1110 г. (Г. Кубаревъ, l. l. стр. 388 — 390);

9) что Сильвестръ только переписалъ Временникъ Преподобнаго Нестора, а Василій дополнилъ его уже послѣ Сильвестра (о способѣ, по которому дѣйствовалъ Василій см. у Г. Кубарева, l. l., стр. 385 и слѣд.);

10) что съ XIII столѣтія повѣствованія о всемірныхъ и Византійскихъ событіяхъ мало по малу начали быть опускаемы переписчиками, которые исходнымъ пунктомъ для себя брали уже тотъ достопамятный случай, откуда есть пошла Русская земля. (Ср. Сборникъ Князя М. А. Оболенскаго, № 11.)

2007055499